

УКРОШАЮЩАЯ ШТОРМ



АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES
САМАНТА ТОУЛ

Ли́ла Саммерс ненавидит мужчин. Хорошо, может, «ненавидит» — слишком громкое слово... Ли́ла очень сильно не любит мужчин.

Отец оставил её. Брат предал худшим из возможных способов. А прошлый опыт в отношениях с мужчиной был не самым удачным.

Ли́ла фокусирует всю свою энергию на группе «Винтаж» и, получив предложение от УШ «„Рекордс“» о записи, девушке кажется, что удача, наконец, на её стороне. Последнее, чего хочет Ли́ла, чтобы на её пути появился мужчина.

Том Картер любит женщин. Хорошо, может, эта любовь толкает его лишь на... Том любит спать со многими женщинами.

Когда его лучшего друга постигает трагедия, Том даёт обещание большому парню сверху, что изменит свою жизнь, если тот спасёт женщину, которую любит его лучший друг.

На молитву Тома отвечают. И теперь он должен измениться. Что означает не спать со всеми, кто попадает на его пути.

После того, как менеджер «Винтажа» ломает ногу, неудачно покатавшись на лыжах, его место занимает Том, а Ли́ла оказывается на гастролях с рок-донжуаном.

Возьмите постоянно упёртого Тома, добавьте сексуально устойчивую Лилу — и вы получите рецепт катастрофы. Или, как можно подумать...

Однако никто не ожидал завязавшейся дружбы. От них ждали близости. Соедините один пояс целомудрия и одну лампу, отчаянно нуждающуюся в протирании, и проверьте.

Развернется ли секс-шторм, в котором Тома Картера, наконец, приручит роковая цыпочка с закалённым сердцем, или он вернется к своей распутной жизни?..

-
- [Саманта Тоул](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)

- [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
-

Саманта Тоул

УКРОЩАЯ ШТОРМ

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Оригинальное название: *Taming the Storm by Samantha Towle*

Саманта Тоул — «Укрощая шторм»

Автор перевода: *Наташа П.*

Редактор: *Наташа К.*

Вычитка: *Алёна Д.*

Оформление: *Алёна Д.*

Обложка: *Elizabeth Bennet*

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Лиля

Десять месяцев назад — За кулисами, Мэдисон Сквер Гарден, Нью-Йорк

— Декс! Чад! Кейл! Сонни! Где вы все, чёрт возьми? — кричу я, бродя по пустому коридору, мой голос эхом возвращается ко мне.

Я блуждаю вокруг — *на самом деле, где я, в аду?* Где-то за кулисами. Это место похоже на лабиринт. Думаю, я немного потерялась.

Пожав про себя плечами, я поднимаю к своим губам полупустую бутылку шампанского, которую захватила чуть ранее, и отпиваю из неё.

И, кажется, я немного пьяна.

Но я праздную.

Моя группа — «Винтаж» — только что открыла «Ужасный Шторм» на Мэдисон Сквер Гарден! Вот где я потерялась. Моя группа выиграла конкурс на радио, а приз — быть на разогреве у «Ужасного Шторма». Это важное достижение для нас! И мне не стыдно признаться, что я чуть не написала в штаны, когда узнала, что мы выиграла конкурс.

Итак, теперь я праздную в одиночестве. Я не могу найти ни кого-либо из членов своей группы, ни своего парня. Во всей этой взволнованности и толпе людей я умудрилась потерять их на выходе за кулисы. Я имею в виду, серьёзно, по меньшей мере, мой парень или брат мог бы меня подождать.

Держу пари, Чад напился в дерьмо и остался с Сонни и Кейлом, а Декс, вероятно, кого-то подцепил и получает удовольствие, как я говорю.

Я подношу руки ко рту:

— Декс, я знаю, что ты, вероятно, уже на третьей базе с горячим куском задницы, но иди сюда! Мы только что открыли шоу «Ужасного Шторма!» Ужасного. Зверского. Шторма! — я подчёркиваю каждое слово. До сих пор не могу в это поверить.

Я делю ещё один глоток шампанского, спотыкаясь о свои собственные каблуки. Я прислоняюсь к стене, чтобы восстановить равновесие, прежде чем пойти дальше.

— Декс, я хочу отпраздновать это со своим старшим братом! Ты не можешь просто оставить секс-вечеринку на потом... пожалуйста?

Декс — ведущий гитарист в нашей группе и, в общей сложности, шлюха. Когда я говорю шлюха, то имею в виду, что он любит шлюх вокруг мужчин.

Я люблю своего брата больше, чем кого-либо в своей жизни. Мне повезло, что он у меня есть. Он заботится обо мне, а я делаю то же самое для него. Мы — команда, лучшая команда.

Завернув за угол, я замечаю справа от себя дверь. Наверное, это кладовка уборщиков.

У Декса какой-то пунктик на сексе в различных чуланах. Стенной шкаф в холле, шкаф с пальто, уборная обслуживающего персонала — он действительно сделает это в любом из этих мест. Он не привередлив.

— Бьюсь об заклад, что ты здесь! — пою я. — Ну, застёгивай штаны, братан, потому что я иду! Бутылка шампанского звенит, когда я хватаю дверную ручку.

— Ой, — хихикаю.

Я дёргаю, чтобы открыть дверь, но шкаф пуст. Просто швабры и вёдра. Никакого Декса. Вздохнув, я закрываю дверь.

Таковыми темпами мне никого не найти. Давненько я не видела здесь кого-либо. Мне уже становится жутко, как в плохом-фильме-ужасов жутко. Это всё очень напоминает возвращение

Фредди Крюгера. Просто бесконечные коридоры.

Смирившись со своей потенциальной смертью от вымышленного серийного убийцы, я продолжаю идти вниз по коридору и, в конце концов, поворачиваю налево, надеясь на какой-нибудь признак человеческой жизни. Я зажимаю рот ладонью, сдерживая смех, когда замечаю чуть поодаль нескольких людей. Освещение плохое, так что мне не всё видно — не то чтобы я хотела — но от звуков, исходящих от них, кажется, что они очень хорошо проводят друг с другом время.

Счастливые ублюдки.

Я о том, чтобы развернуться и оставить сексуально проводящую время пару, когда один из них говорит:

— Вот так, детка. Возьми всё. Ты знаешь, что любишь мой большой чёртов член.

Моё сердце вырывается из грудной клетки. Земля уходит из-под ног.

Чад.

Нет. Этого не может быть.

Я подхожу к ним прежде, чем сама это понимаю. А потом он поворачивает голову и...

Чад.

Боже, нет.

Меня сейчас вырвет.

Меня приковывает к месту, когда его глаза встречаются с моими. Я в абстрактном ужасе смотрю, как на его лице отражается шок от моего присутствия. Мы смотрим друг на друга, а время приостанавливается, пока никто из нас не в состоянии что-нибудь сделать или сказать.

Затем это перерывается и Чад приходит в движение. Он отталкивает человека, которого трахал, дёргает его штаны и пытается застегнуть их, прежде чем он продвигается ко мне.

И вот тогда я вижу, кого именно мой парень трахал. Человек поворачивается, и наши взгляды встречаются.

Меня как будто ударили кулаком в лицо. Сильно.

Я не могу дышать.

Я беспомощно стою, пока мир вокруг меня разбивается на осколки во второй раз в моей жизни. Я беспомощна, не в силах сделать хоть что-нибудь, глядя в кающиеся глаза собственного брата.

Том

Две недели назад — Больничный зал ожидания, Медицинский центр Седарс-Сенал, ЛА

Не думал, что стану свидетелем того, как плачет Джейк, не говоря уже о том, что стану тем, кто в это время будет его держать.

Он никогда не разваливался передо мной, даже когда умер Джонни, а я, в свою очередь, не делал с ним того же, что сейчас. Никто из нас не делал.

Я знаю, почему это сломило его. Тру — женщина, которую он любил всю свою жизнь. То, насколько сильно это сломило его, пугает и абсолютно выбивает из меня всё дерьмо.

Джейк не так силён, как любит показывать. Я понимаю. В прошлом он был зависим от кокса и принимал его в плохие времена. Я никогда не ругал его за это, потому что все мы находим свои способы справляться. У меня были свои, а у него собственные.

Но теперь он чист. Тру — его всё. И я волнуюсь за то, что может случиться, если она уйдёт...

— Что, если она умрёт?

Я слышу голос разбитого Джейка и поворачиваюсь к нему.

Я смотрю ему в глаза, прежде чем попытаться сказать что-нибудь. И вот тогда я вижу это — то, как он выглядит.

*Бл*дь, нет.*

Я видел такой взгляд только один раз: перед тем, как потерял всё, что имело для меня значение.

И это там, в глазах Джейка. Во взгляде, полном страха, боли, отчаяния и растерянности — всё это соединяется воедино, создавая темноту настолько пагубную, что человек чувствует себя так, будто не может видеть ничего, кроме неё. Боль настолько сильна, что человек отдаётся ей без остатка и может сделать то, на что обычно не способен.

Неразумные, отчаянные, страшные и изменяющие жизнь вещи.

Именно такой взгляд сейчас у Джейка.

Страх бьёт меня под дых. Я не ощущал подобного чувства с *той самой* ночи.

Но я не отворачиваюсь от него. Я продолжаю смотреть ему в глаза, потому что мне нужно, чтобы он чётко услышал меня.

— Тру — боец, Джейк. Она ежедневно пинает мою задницу. И она никуда не собирается.

— Но что, если...

Нет, Джейк. Слушай. Услышь меня.

Я качаю головой, ни на секунду не нарушая зрительного контакта. Я не могу сейчас потерять его.

— Нет, никакого «что если». Не делай этого с собой.

Его глаза наполняются слезами, просачиваясь из темноты, что прямо сейчас завладевает им.

— Я не знаю, что делать, — его голос надламывается. — Что думать, что сказать, — он закрывает лицо руками.

Я смотрю, как его тело сотрясает от горя, и хочу забрать у него это, чтобы всё исправить.

День, когда мы потеряли Джонни, был плохим... ужасающим. Ничто не может подготовить человека к потере того, в ком он нуждается больше, чем в ком бы то ни было. Для Джейка Тру является именно таким человеком.

Некоторые люди находят в себе силы держаться, потеряв человека, которого они любили больше всего на свете. Я сделал это. Я нашел свой путь, чтобы продолжать жить.

Но некоторые не могут этого сделать. И взгляд у них такой же, как у Джейка прямо сейчас — отчаянный и мрачный.

Я потерял в темноте того, кого любил. Но не допущу такого с Джейком.

Я делаю глубокий вдох и говорю:

— Не думай о плохом, Джейк. Подумай о хорошем. Подумай о моменте, когда ты будешь держать своего мальчика на руках. Подумай о моменте, когда ты наденешь кольцо на палец Тру и она наконец выйдет замуж за твою жалкую задницу. Подумай обо всех тех удивительных чёртовых вещах, которые вы трое собираетесь делать вместе. И пока ты будешь думать об этом, я буду молиться большому парню наверху. Я обещаю полностью изменить свой образ жизни в обмен на то, чтобы ты имел всё, чего всегда хотел.

* * *

Я не могу вспомнить последний раз, когда приходил в церковь, хотя больничная часовня — не совсем церковь. Я занимаю место на скамье. Тут пусто. *Спасибо, бл*дь.* Мне не нужна сейчас аудитория.

Я наклоняюсь вперёд, упираясь предплечьями в бёдра, и сжимаю свои руки.

— Хорошо, — начинаю. — Я молюсь не так, как те, кого ты знаешь. Меня не назовёшь религиозным, ты это знаешь, но я дал обещание, через которое, следовательно, я здесь и говорю с тобой, — я делаю глубокий вдох. — Девушка в этой больнице — Тру Беннетт. Ты должен спасти её. Помимо того, что она удивительна, сохранив её, ты спасёшь кое-кого другого. Если Тру умрёт, Джейк не выживет. Я вижу это в его глазах... точь-в-точь, как и в моих...

Я не чувствовал эмоций годами. Я тру руками лицо.

— Слушай, я знаю, как это работает. Я прошу что-нибудь и отдаю что-то взамен, правильно? Ты понимаешь, что я ублюдок. Я не важен. Я чертовски ужасен, если честно. Я отношусь к людям — к женщинам, в основном, — как к дерьму. Использую их как неодушевлённые предметы, сделанные для меня, чтобы совать член. Я никого не убивал... но я бы не ставил на то, что не сделаю это в будущем. У меня дерьмовый характер. Я чёртов ублюдок. Я не могу даже сдержать проклятья, пока говорю с тобой.

— На этой планете станет на одну сволочь меньше, если я начну работать на тебя, не так ли?

Вычеркни ещё одного из твоего дерьмового списка. Итак, если ты сохранишь жизнь Тру, я изменю свою. Полностью. Сразу же. Не будет грёбанных случайных женщин в неподходящих местах, как когда я пьяный трахал медсестру в туалете после посещения больных детей. Больше не будет замужних женщин. Ни втроём, ни вчетвером, ни оргиями. Я даже перестану ходить в стрип-клубы. Я не буду смотреть на женщин в сексуальном смысле. Еб*ть, я буду жить жизнью проклятого монаха, если ты спасёшь Тру. Клянусь, я буду заниматься сексом с женщиной, если она действительно будет что-то значить для меня.

Неужели я на самом деле просто сказал это?

Христос.

Меня бросает в холодный пот при мысли об этом. Я вытираю лоб и делаю глубокий вдох.

— Я пообещал всё это потому, что знаю, что Джейк не переживёт потерю Тру. Я видел это в его глазах. Он выглядел точно так же, как... ну, я уверен, что тебе известно, кого я имею в виду.

Выдыхая, я откидываюсь на спинку скамьи.

— Джейк теряет Тру... мы теряем его... Я не могу потерять его. Джейк и Дэн — всё, что у меня осталось в этом мире. А рядом с тобой хватает хороших людей. Ты забрал достаточное их количество от нас. Ты не нуждаешься в ней. А здесь она ещё нужна... так что я даю тебе это обещание. Ты сохраняешь жизнь Тру, а я полностью изменяю свою, — я поднимаю глаза к потолку. — Что ты на это скажешь?

Лила

Наши дни — Студия, УШ «„Рекордс“», ЛА

— Твой вокал ужасен.

Эм, что?

Голос в моих ушах останавливает моё пение. Я наклоняю голову в сторону, выглядывая из-за огромного микрофона, находящегося прямо перед моим лицом, чтобы посмотреть сквозь стекло.

Я смотрю на лицо Зейна Фокса, вице-президента УШ «„Рекордс“» — лейбла, с которым моя группа подписала контракт.

Тотальный красавчик, если бы я разбиралась в таком роде вещей, но это не так.

Я не люблю мужчин. И, нет, я не лесбиянка.

Я бесполоая. Дала обет безбрачия, которого придерживаюсь последние десять месяцев.

Моя история с мужчинами не изобилует хорошими вещами.

За исключением единиц, почти все представители мужского пола предавали меня — сильно. Когда дело доходит до отношений, чёрт, давайте просто скажем: я — колоссальный неудачник.

Парень номер Один изменял мне с единственной близкой подругой, которая когда-либо у меня была.

Парень номер Два украл у меня деньги.

Парень номер Три — начинающий певец, который начал встречаться со мной только потому, что знал, кто мой отец. Я слышала, как он рассказывал это своим друзьям. И он был сосунком, потому что я ненавижу своего отца.

Парень номер Четыре бросил меня, когда я отказалась трахаться втроём — с ним и его лучшим другом. Я не шучу.

Парень номер Пять «позаимствовал» мой автомобиль. И я не видела ни его, ни свой автомобиль по сей день.

С парнем номер Шесть отношения продлились больше остальных, и я тупо думала, что могла бы полюбить его, а он трахнул моего брата в самую важную ночь в моей жизни. Уже после того, как они попались, я узнала, что на самом деле он трахал его последний из восьми месяцев, что мы были вместе.

Он был убийцей, забившим последний гвоздь в гроб моей сексуальной жизни.

После этого я поняла, что меня, кажется, привлекают мужчины только с проблемами. Уверена, любой хороший психолог сказал бы, что меня тянет к этому виду парней из-за моего отца и наших с ним проблем, заключавшихся в том, что он совершенно дерьмовый родитель.

В принципе, он был донором спермы, который помог создать меня.

Таким образом, я решила держаться от мужчин подальше. Серьёзно, приближаюсь я к ним, только разделяя выпивку с моим лучшим другом, Кейлом.

В прошлом я всегда являлась девушкой, которая состояла в отношениях, хоть и неудачных. А пойти на случайный секс я бы никогда не смогла. Слишком много эмоций у меня с этим связано, чтобы переспать с парнем и не увидеть его снова.

Сравнивая отношения с меню, из моего убрали страницу с десертами, что означает больше никакого секса для Лилы.

Я совершенно спокойно к этому отношусь — ну, примерно девяносто пять процентов времени.

Хорошо, если быть полностью честной, больше похоже на семьдесят пять и восхождение к вершине с помощью БПДНБ.

БПДНБ — бесполой друг на батарейках. Безошибочно определяющий местонахождение точки Джи, доставляющий умопомрачительный О (*прим. ред.: оргазм*), могущий-сделать-всё-что-смог-бы-мужчина, кроме объятий и разбитого сердца, вибратор.

БПДНБ — мой электронный путь к столь необходимому оргазму.

Я использую термин «бесполой» для моего вибратора, потому что не думаю о нём в мужском смысле. Я не хочу думать о каком-либо мужчине в сексуальном смысле вообще, ну, за исключением тех случаев, когда я пытаюсь достичь О с БПДНБ. Конечно, мне нужно некоторое моральное возбуждение, так что, да, в некоторых случаях я представляю себе безликого мужчину или горячего парня, который обслужил бы мой заказ в «Старбакс». Но я быстро выбрасываю его из головы, как только я и О заканчиваем.

Как бы то ни было, возвращаемся к настоящему моменту... и факту, что я смешное количество времени смотрю на Зейна так, будто у него внезапно выросло три головы.

— Прости. Что ты сказал? — я надеюсь, что просто не расслышала его.

Зейн наклоняется вперёд и снова говорит в микрофон, выговаривая каждое слово:

— Я сказал: «Твой вокал ужасен».

Похоже, он раздражён тем, что ему пришлось повторять.

И, нет, я не ослышалась.

Мой голос не был отстойным. *Никаким долбанным способом.* Ему так повезло, что он находится по другую сторону не-отстойного моста.

Я знаю свою музыку. Я знаю *эту* песню вдоль и поперёк. Просто быть того не может, чтобы я не справлялась с её пением.

Лицо начинает покалывать, я опускаю взгляд на свои кеды, пытаюсь не потерять контроль над своим гневом.

Я плохо переношу критику. Только если это не мой друг. А слышать подобную критику со стороны Зейна больно, потому что я уважаю его мнение.

Я страстно предана своей работе. Я люблю её. Люблю петь. В этом смысл моей жизни. Моя группа, этот альбом — всё для меня. Весь мой мир.

Много лет я пела в дерьмовых барах и клубах в погоне за мечтой. Наконец, я начала воплощать эту мечту, после чего последовали месяцы и месяцы работы над альбомом — семь дней в неделю, днём и ночью, едва находя время на сон. Я была настолько одержимой его усовершенствованием, что думала, что могла бы заработать нервный срыв.

И всё для того, чтобы сейчас из всех возможных людей именно Зейн сказал, что я всё завалила. Это совершенно ужасно. У него не возникало проблем с моим вокалом в любой из других песен. И именно сегодня я могла бы прекрасно обойтись и без этого.

У меня такое чувство, будто я только что получила двойку по своей письменной работе от своего любимого учителя, и мне, как ребёнку, хочется закатить по этому поводу колоссальную истерику.

Не по-взрослому, но мне всё равно.

Глубокий вдох, Лиля.

Это Зейн Фокс. Он не будет доброжелательным к творческой истерике молодого певца, только что подписавшего контракт с лейблом.

Успокаивающее дыша, я заставляю себя добавить в свой голос вежливости.

— Хорошо, может быть, моя подача была недостаточно сильной и крошечную часть у меня спеть не получилось, — *я не имею в виду везде*, — но...

— У тебя не крошечную часть не получилось спеть, — режет он. — Ты так чертовски

далека от отметки «хорошо», что это даже не смешно. Ничего из этого не работает. Серьёзно, ты звучала как уборщица, подпевающая музыке в своих наушниках.

Какого чёрта? Хорошо, что именно, чёрт возьми, заползло в его задницу и умерло сегодня?

Я открываю рот, чтобы заговорить, но он добил меня своими словами.

К счастью, его голос становится чуть менее кислым.

— Твой обалденный вокал сегодня гуляет где угодно, но только не здесь, Лила. Настолько отличительный, настолько уникальный тон твоего голоса, кажется, просто куда-то исчез. И мне интересно, что за чёрт? Итак, ты расскажешь мне прямо сейчас, нужно ли мне что-то знать, прежде чем мы продолжим?

Он придаёт своему взгляду выжидающий характер.

— Э-э... То, что тебе нужно знать, — это...

— Я не знаю, что это, именно поэтому я тебя и спрашиваю.

— Ничего не случилось.

— Ты на грани.

— Я не на грани.

Хорошо, может быть, я на грани.

Я разговаривала по телефону со своей тётей Стеф перед тем, как войти в студию, и сказанное ею сбilo меня с толку. Она позвонила, чтобы сообщить мне, что Декс подписал контракт с новой группой. И эта группа находится в Лос-Анджелесе. Он переехал сюда несколько дней назад.

Чувствую ли я себя на грани? Мягко сказано.

Декс был в Нью-Йорке, а я здесь, в Лос-Анджелесе, где у меня есть просто отличная работа. За тысячи миль от него, без единого шанса на случайное столкновение, — это помогло мне похоронить выворачивающую и душераздирающую боль, которую я пережила, поймав его с Чадом.

Но теперь, когда я узнала, что Декс здесь, в Лос-Анджелесе, всё возвращается с полной силой.

Я рада, что тётя Стеф сказала мне. Я имею в виду, если бы я столкнулась с ним, не подготовившись, это было бы ужасно. Но у меня нет совершенно никакого желания, чтобы он находился здесь.

Я сдержалась, когда тётя Стеф сказала мне. Она не знает причин Декса, а я не спрашивала.

Он не сказал ей, а я не могу заставить себя сделать это. Она уважает наши желания и не давит, но я знаю, что ей причиняет боль наше с ним прекратившееся общение, однако не из-за отсутствия попыток с его стороны.

Знаю, она думает, что если бы она знала суть проблемы, то смогла бы исправить всё между нами. Но она не может.

Между мной и Дексом больше нет ничего общего. Это было сломано в тот момент, когда он начал трахаться с моим парнем.

Я чувствую знакомый огонь в груди. Подняв руку, я тру это место.

— Ты на грани, Лила, — говорит Зейн, убеждаясь. — Если это личное и ты не хочешь делиться, хорошо. Я принимаю это. Но мы впустую тратим драгоценного время в студии, поэтому ты должна оставлять свою личную жизнь за дверью, прежде чем заходить сюда, — он указывает на выход. —

И ты должна найти способ перенаправлять эти сдерживаемые эмоции в песню, а поёшь ты просто великолепно, потому что я знаю, на что ты способна.

Он прав. Вещи делового и личного характера никогда не должны смешиваться.

Я сильнее этого.

Конечно, у меня есть комок в горле размером с Техас и ноющая, колющая боль от осознания такой близости с Дексом.

Но я сильная. Я даже перестала плакать. Уже как десять месяцев.

Думаю, мои слёзные железы высохли, когда я выплакала реку слёз после того случая.

Я пристально смотрю на Зейна и с решительностью в голосе говорю:

— Ты прав. В следующий раз я сделаю всё идеально.

Он смотрит на меня долгим взглядом, а потом в нём что-то смягчается.

— Тебе нужно взять небольшой перерыв, прежде чем мы продолжим?

Его доброта, обращённая ко мне на целую секунду, обезоруживает меня.

Я поднимаю подбородок и сглатываю.

— Нет, теперь всё хорошо.

— Отлично, — он хлопает в ладоши. — Давайте ещё раз этот трек! — Зейн отходит от микрофона и похлопывает Грея, нашего звукорежиссёра, по плечу.

Я быстро смотрю на Кейла, Сонни и Вана, сидящих в студии с Зейном. Они уже наложили свои партии на трек вчера. Зейн хотел, чтобы инструменты и вокал для этой песни были записаны отдельно, следовательно, именно поэтому я пою здесь непосредственно одна.

Кейл — наш бас-гитарист, и я знала его всегда. Кейл, Декс и я росли вместе. Мы втроём соединили Винтаж вместе. Кейл — мой лучший друг и единственный парень, которому я доверяю, и я знаю, что он прикроет спину, так как доказал это больше одного раза.

Сонни — наш барабанщик. Он присоединился к группе, когда мы только начинали. Мы раздавали листовки для прослушиваний, и он оказался единственным, кто пришёл. К счастью для нас, он качался. А на барабанах он просто демон. Я никогда не слышала ничего подобного.

Ван пришёл к нам не так давно. Он присоединился в качестве соло-гитары после ухода Декса. Хорошо, когда я говорю «ухода»...

— Декс остаётся. Я ухожу, — я напрягаю спину, но не поднимаю взгляда на Декса.

Я не могу заставить себя посмотреть прямо на него. Меня грызёт страх, что моя решимость исчезнет. Потеря его в моей жизни станет слишком тяжёлой, и я начну рассыпаться.

Декс — солнце, и я не могу смотреть прямо в его горящие глаза.

Кейл встаёт с места и подходит ко мне. Он встаёт рядом со мной и берёт меня за руку. Я чувствую слёзы и жжение в горле. Через несколько секунд Сонни тоже занимает позицию рядом со мной, опуская руку мне на плечо.

Декс встает на ноги.

— Позаботьтесь о ней, ребята. И, Ли...

Я знаю, что он смотрит на меня. Его взгляд прожигает дыру во мне.

— Я знаю, что означает всё это дерьмо, и я даже не могу начать говорить тебе, как мне жаль.

Его голос ломается, и я прикусываю губы.

— Я люблю тебя, Ли. Всегда любил и всегда буду. И я всегда буду твоим старшим братом, хочешь ты этого или нет.

С тех пор я его не видела.

Мой взгляд встречается со взглядом Кейла, и он одним губами спрашивает: «Ты в порядке?» «Всё хорошо», — тоже отвечаю лишь губами и улыбаюсь лучшей из своих улыбок.

Его глаза сужаются. Он не ведётся. Я перевожу взгляд в сторону.

Кейл знает меня лучше, чем кто бы то ни было, и он понимает, когда я не в порядке. Меня

просто распирает от нетерпения рассказать ему, что Декс вернулся в Лос-Анджелес. Он не очень хорошо это воспримет.

Я просто рада, что мы уезжаем отсюда через неделю, чтобы отправиться в тур.

На этот раз до меня доносится голос Грея:

— Мы начнём, когда ты будешь готова, Лила.

Я поправляю свои наушники, делаю глубокий вдох и встряхиваю руки.

— Я готова.

Я подхожу к микрофону, мои губы парят над тёплой подушкой. Закрыв глаза, я делаю то, что сказал Зейн. Представляю все свои эмоции, всё то дерьмо, что беспокоит меня сегодня, и перенаправляю это в свою песню.

Пение — единственное, что имеет для меня смысл. Это моё безопасное место. Ничто и никто не может причинить мне боль в тот момент, когда моё сердце поёт.

Я слышу музыку, слишком хорошо знакомую мне, приятный звук, вибрирующий через моё тело и мой разум.

Я разделяю свои сухие губы, облизываю их, а затем с лёгкостью пою первую строку. Я пою, пока мой голос не поднимается, достигая высоты, и тогда слова выходят из меня всё мощнее, пока я не выжимаюсь досуха на самой последней строке.

Песня закончена, я открываю глаза.

Зейн не может пожаловаться на что-либо. Это было безупречно.

Я стягиваю наушники и обхожу микрофон, ожидая увидеть полную кабину, однако единственный человек, которого я там нахожу — Грей.

Где все?

Я нажимаю кнопку интеркома.

— Где все?

Грей наклоняется к микрофону.

— В конференц-зале. Зейн сказал, чтобы ты шла туда, когда закончишь.

В мой желудок вторгается колонна танков.

Ненавидит ли он это? Потому что, Иисус, я ненавижу это нервное состояние, когда приходят руководители студии.

— Он не сказал, почему?

— Не-а. Он ответил на звонок и разозлился. После этого он сказал ребятам, чтобы они пошли с ним в конференц-зал, и просил передать тебе то же самое, как закончишь.

Сбитая с толку, я говорю:

— Хорошо.

— На этот раз, кстати, ты сделала намного больше, — говорит Грей. — Отлично. Я могу наложить это на трек, никаких проблем. Вернись позже, я всё сделаю, так что ты сможешь послушать.

— Спасибо, Грей. Увидимся позже, — я выхожу из звуковой будки, пересекаю студию и выхожу за дверь.

Прохожу короткое расстояние вниз по коридору и захожу в конференц-зал. Когда я открываю дверь, в мою сторону поворачивается три головы. У них слишком мрачные лица, поэтому я предполагаю, что, что бы это ни было, они уже знают.

Зейн стоит у окна. Его лицо как всегда лишено эмоций, а руки сложены на груди.

Его напряжённая позиция мгновенно заставляет меня забеспокоиться.

— Всё в порядке? — я стараюсь сдержать нервы в голосе. Вытаскиваю стул и сажусь рядом с Сонни.

— Сегодня утром Дина сломала ногу, когда каталась на лыжах, — Зейн выпрямляется и

шагает к столу, где мы сидим. — Я имею в виду, серьёзно? Кто катается на грёбаных лыжах в наши дни? — бормочет он, дёргая стул и садясь.

Я бы на самом деле посмеялась над его комментарием, если бы у меня из-под ног не ушла земля.

Дина — наш менеджер. Она собиралась поехать с нами на гастроли.

Я мечтала об этом туре с тех пор, как взяла в руки свою первую гитару.

Мне известна политика УШ: нет тур-менеджера — нет тура.

Они не позволят, чтобы такие вещи происходили без их поддержки, это не будет иметь смысла.

Новая группа в пути и без какой-либо поддержки — не самая лучшая идея, учитывая количество акул в этой отрасли.

Я сглатываю комок размером с кирпич. Тупой вопрос, но я должна спросить:

— Значит, Дина не поедет с нами в тур?

Зейн барабанит пальцами по столу.

— Нет. Она разорвала переднюю крестообразную связку. Ближайшие дни она проведёт в хирургии.

— А мы не можем поехать в тур без менеджера, — говорит Кейл, глядя на меня.

Он знает правила внутреннего распорядка так же, как и я. И для него это так же важно, как и для меня. Для всех нас.

Я снова сглатываю.

— Итак, что же теперь произойдёт? — я стараюсь сохранить устойчивость в голосе, но он всё равно слегка дрожит.

Не откладывайте тур. Пожалуйста, не откладывайте поездку.

— Тур всё ещё может состояться. Джейк пытается найти замену для менеджера, чтобы поехать в тур с вами.

Джейк Уэзерс — владелец УШ «„Рекордс“» и вокалист крупнейшей в мире группы — «Ужасного Шторма».

Я с облегчением выдыхаю сдерживаемый воздух.

Но я снова терплю неудачу, когда Ван спрашивает:

— Да, но вы будете в состоянии заполучить кого-нибудь в такой короткий срок?

Дерьмо. Я даже не подумала об этом. Мы должны отправиться на гастроли через неделю.

Одна неделя на то, чтобы найти хорошего тур-менеджера. Мне нехорошо от этих возможностей. Большинство тур-менеджеров, особенно хороших, будет уже забронировано.

Суженные глаза Зейна мечут в Вана стрелы.

— Мы найдём кого-нибудь, — его тон резкий. Он встаёт.

— Я выйду на связь в ближайшее время, — и он выходит из комнаты.

Ли

Несколькими секундами позже — Студия, УШ «„Рекордс“», ЛА.

— Дерьмо! Это не грёбаное хорошо, — говорит Сонни, когда за Зейном захлопывается дверь.

— Всё будет в порядке. Не волнуйся, — я хлопаю Сонни по руке, надеясь, что это прозвучало более убедительно, чем я чувствую на самом деле.

— Но как, чёрт возьми, он собирается найти нам менеджера? Это чертовски невозможно, если ты меня спросишь, — выпаливает Сонни.

— Он найдёт для нас кого-нибудь, — говорит Кейл уверенно.

Сонни качает головой.

— Я не знаю, мужик.

— Кейл и Ли правы, — настаивает Ван. — Он найдёт нам другого менеджера.

Сонни бросает на него растерянный взгляд.

— Какие? Ты сменил пластинку. Буквально несколько минут назад я слышал от тебя тот же самый проклятый вопрос.

Ван пожимает плечами.

— Зейн может и придурак, но он сказал, что найдёт замену, и мы должны ему доверять.

Я смотрю на Ван, а затем на Кейла. Если бы только я могла чувствовать такую же уверенность, как они, но это не так. Меня, как и Сонни, грызёт беспокойство. Просто я не афиширую это. Лишь делаю то, что умею лучше всего: скрываю свои чувства и избегаю проблем.

— Остаётся лишь ждать каких-нибудь новостей. Я собираюсь ударить в какой-нибудь бар, — Ван стучит костяшками пальцев по столу. — Вы идёте, ребята?

— Я иду, — Сонни встаёт на ноги. — После всего этого мне нужно пиво, и я уже несколько дней не наслаждался какой-нибудь киской.

— Дней? — я наклоняюсь вперёд. — Что случилось с той девушкой, с которой я завтракала сегодня утром? Знаешь, та, от которой ты надеялся сбежать прежде, чем она проснётся.

— Ах, да, я забыл о ней.

Серьёзно? У него что, память как у золотой рыбки?

— Извини, Ли, — он улыбается своей лучшей улыбкой со щенячьими глазками, проводя рукой по бритой голове.

Трудно долго злиться на Сонни.

И готовка завтрака для подружек ребят на одну ночь, особенно это касается Сонни, — не такой уж необычный опыт для меня.

Если Сонни возвращается в квартиру не один, у него есть тенденция «сматывать удочки» до того, как «гость» просыпается. Это по его специальности. Но в такие моменты я чувствую себя просто ужасно и в конечном итоге готовлю девушке завтрак.

Для их же — и моего собственного — блага мои мальчики во многих отношениях слишком хороши. Но их внешность обладает удивительной силой заманивать к ним в постель бесчисленное множество фанаток. Женщины просто прыгают на колени парней, а парни им позволяют.

Группа мудаков, но я люблю их, как семью.

О, *Мут* — мой термин для парня-шлюхи.

Сонни является худшим из них. Сплошные мышцы и тёмная кожа. В общей сложности, он

помешан на тренажёрном зале. У женщин нет шансов. Они любят его, и он позволяет им это. Неоднократно.

Кейл обладает тупым типом красоты — в том смысле, что заставляет женщин тупо идти за ним. Он не такой игрок, как Сонни, но Кейл близок. «Дополнительные льготы от работы» — так он это называет.

Много месяцев назад, когда я была моложе и Кейл был лучшим другом Декса — до того, как Кейл стал моим лучшим другом — я была колоссально влюблена в него. Его трудно не любить: красивое лицо и тёмно-каштановые волосы, спадающие на шоколадно-коричневые глаза. И у него самое большое сердце из всех, кого я знаю.

Однако моё увлечение быстро прошло и мы стали лучшими друзьями.

И Ван — великолепная и задумчивая рок-звезда. Женщины слетаются к нему, как птицы на хлеб. Он не слишком распространяется на этот счёт, но на спинке его кровати насечек больше, чем у Сонни. Мне известно это потому, что я делала завтрак каждой из этих женщин. Ван напоминает мне Джейка Уэзерса — весь в татуировках, тёмные волосы, яркие голубые глаза. Я просто надеюсь, что в мире музыки у Вана такое же волшебное касание, что и у Джейка.

— Да, уверена, ты полон сожаления, — я смотрю на Сонни, взглядом говоря, что он меня не убедил.

— Ли, ты же знаешь, что мне очень жаль, — он ухмыляется, сверкая мне своими прекрасными белыми зубами. — Крест на сердце.

— У тебя даже есть один? — шучу я.

Вот так мы всегда делаем. Мы подшучиваем над одним и тем же.

— Ты ранишь меня, — он хлопает рукой по груди. — Я покажу тебе, что у меня большое сердце, когда утром сделаю для тебя удивительные блинчики.

Сонни делает самые потрясающие блины.

Я подпираю подбородок рукой.

— Так, значит ли это, что сегодня вечером ты не приведёшь никого в нашу квартиру?

Он сверкает усмешкой.

— Ну, я не могу ничего обещать, за исключением того, что сделаю для тебя блины, независимо от того, приведу я кого-нибудь или нет.

Я качаю головой, смеясь.

— Итак, вы двое идёте или нет? — спрашивает Ван у меня и Кейла уже на полпути к двери.

— Конечно, — я поднимаю зад со своего места.

Кейл указывает на меня пальцем и говорит:

— Стой на месте.

Я останавливаюсь и приподнимаю одну бровь.

— Э-э... что?

— Нам нужно поговорить, — всё, что он произносит. Затем он переводит взгляд на Вана, которого, похоже, позабавил наш разговор. — Напиши мне, где вы остановитесь, и мы встретимся там.

Через секунду за Сонни и Ван закрывается дверь, и я обращаюсь Кейлу.

— Эм, что, чёрт возьми, это было?

— Мне нужно знать, что случилось с моим лучшим другом. Ты была в порядке до того, как мы отправились в студию. Потом ты ответила на звонок и твоё настроение упало на самое дно. Кто звонил, Ли? Это он? Я знаю, что он до сих пор всё время названивает тебе.

Как он узнал об этом? Я не говорила Кейлу, что он звонит мне каждый день, потому что знаю, что это выведет его.

— Подожди, — я поднимаю руку, останавливая его. — Он звонит не *каждый* день. И, даже

когда он это делает, я не отвечаю.

— Не вешай мне лапшу на уши. Он названивает тебе каждый чёртов день. Я знаю, потому что ты установила на него мелодию.

Джастин Тимберлейк «Наплачь мне реку» — эту песню я поставила на него, потому что, ну, я хочу, чтобы он наплакал мне реку.

— Я знаю тебя, Ли. Ты вылезешь из пещеры и ответишь на его звонки... потому что ты по-прежнему заботишься о нём.

Я в упор смотрю ему в глаза.

— Я не забочусь о нём, больше нет. Я не настолько глупая, слепая и слабая девочка, которой была раньше.

Он двигает два стула ближе, так что теперь мы сидим друг напротив друга. Он берёт мои руки в свои.

— Ты никогда не была глупой, слепой или слабой. Ты одна из самых сильных женщин, которых я знаю, но у тебя хорошее, доброе сердце. Я знаю, что он значит для тебя.

Я стиснула зубы.

— Это не он звонил.

— Кто же тогда?

— Существует ли понятие конфиденциальности в наши дни?

Я веду себя, как сука, и Кейл — последний человек, с которым я должна себя так вести, но весь мой накопившийся гнев и отчаянье выплёскивается против моей воли.

— Не тогда, когда с твоего лица исчезает улыбка и последние десять месяцев я пытаюсь вернуть её обратно.

Это жалит. Я отвожу взгляд.

— Ты должен знать, что это была тётя Стеф. Она звонила сообщить мне, что... Декс присоединился к новой группе. Он находится в Лос-Анджелесе. Переехал сюда несколько дней назад.

Я слышу резкий вдох Кейла.

— Он здесь? В Лос-Анджелесе?

— Да, — я киваю, глядя ему в глаза.

Он сердито сжимает челюсти. Я ненавижу, что он сердится из-за этого, сердится на меня.

Теперь моя очередь брать его за руку. Сжимая её, я говорю:

— Кейл, я в порядке.

— Да, конечно, — он отбирает свою руку от моей и откидывается на спинку стула. Его лицо покраснело от гнева. Он повышает голос: — Ублюдок! Он знает, что ты здесь, Ли. Он знает и должен был оставаться от тебя подальше, как я и предупреждал его.

— Это не так уж важно, — *на самом деле, наоборот.* — И через неделю мы собираемся на гастроли, — *надеюсь.* — Я, вероятно, даже не увижу его. Ни сейчас, ни потом.

— Ему лучше держаться подальше. Клянусь Богом, если он пройдёт хотя бы мимо тебя, я надеру ему задницу, как должен был сделать в тот момент, когда он разбил твоё сердце.

Кейл слишком опекает меня. У него всегда был этот синдром старшего брата. А когда Декс предал меня, он возрос в десять раз. И я знаю, что Кейлу это тоже вредит. Декс был его старым другом, его лучшим другом. Кейл скучает по нему. Он никогда не признает этого из-за меня, но я знаю, что это так.

— Кейл... не сердись, но я думала, что, может быть, ты должен поговорить с Дексом.

— Что? — он отшатывается назад, будто я только что ударила его.

— Просто выслушай меня.

— Конечно, продолжай, — он сердито машет мне рукой. — Просвети меня своей

мудростью.

— Не будь сучкой.

Это вызывает у него небольшую улыбку.

— Кейл, Декс был твоим лучшим другом до того, как всё это произошло, и я знаю, что ты скучаешь по нему. Это не ты его предал, и когда я заставила тебя сделать выбор между ним и мной... вместе с группой... Я никогда не должна была делать этого.

Его карие глаза вспыхивают гневом. Он сидит, наклонившись вперёд, положив локти на колени, его лицо близко к моему.

— Давай прямо сейчас проясним одну вещь. Ты никогда не заставляла меня выбирать между чем-либо. В тот момент, когда Декс предал тебя, он предал и меня, и группу, и всех нас. Он заставил нас выбирать. И ты думаешь, что я должен поговорить с ним... Иисус Христос, — он качает головой. — Я даже больше не знаю Декса. Не уверен, что вообще когда-либо знал, и, назови меня чокнутым, но я не могу назвать ни одного парня, который предал бы свою собственную сестру так, как сделал это Декс, подруга. Итак, мы закончили с этим?

Глотая эмоции, я киваю.

Кейл берёт моё лицо в свои руки.

— Хорошо. Я прикрою твою спину, Ли, всегда. Я никому и никогда не позволю снова причинить тебе боль. И я знаю: ты думаешь, что у тебя больше нет старшего брата. Но он у тебя есть, прямо здесь.

Я кладу руки поверх его.

— Спасибо, Кейл.

— В любое время, Ли, — он целует меня в лоб и отпускает. Поднявшись на ноги, он говорит: — Итак, мы идём в этот бар или как?

Качая головой, я смеюсь над ним.

— Показывай дорогу, старший братец.

Ли́ла

Несколько дней спустя — Квартира группы Винтаж, ЛА

— Том Картер?

— Да. Том Картер.

— То есть, басист «Ужасного Шторма»? Тот самый Том Картер?

— Да, Ли́ла, тот самый Том Картер, — голос Дины звучит немного расстроено.

Я понимаю, кого она имеет в виду. Сейчас я похожа на испорченную пластинку. Моя голова просто-напросто продолжает отвергать её слова, отказываясь их воспринимать.

— Том Картер... но я не понимаю.

— Что тут понимать? Том займёт моё место в качестве тур-менеджера.

Кажется, Зейн решил утаить от нас новости, которые я слышала только что от Дины.

Но Том Картер. Тотальный мудака. Подкатывает ко мне при каждой встрече, стоит только увидеть.

Он является олицетворением мудачества.

— Так, Том Картер — наш менеджер. Он поедет с нами на гастроли?

Дина смеётся, но я слышу нотки раздражения в её голосе:

— В последний раз говорю, Ли́ла, — да! Теперь вашим менеджером станет Том, и он будет гастролировать с вами в течение следующих шести недель.

Дерьмо дерьмовое.

Том Картер.

Боже помоги мне.

Я даже не знала, что Том работает на УШ «Рекордс». Да, он один из «Ужасного Шторма», но я думала, что на этом их связь заканчивается. УШ «Рекордс» — бизнес Джейка. Том просто играет на бас-гитаре. Мудака, который пихает свой член во всё, что имеет пульс и влагилице. На самом деле, я даже не думаю, что его заботит наличие пульса.

Мяу. Такое необходимое на столе Лилы блюдо молока.

— Ты можешь назвать меня тупой, но я не понимаю, почему Том собирается быть нашим менеджером. Он не менеджер. Он музыкант.

Дина вздыхает в трубку.

— А Джейк Уэзерс — певец в группе. Также он является владельцем охрененного лейбла, на который я работаю, а ваша группа подписала с ним контракт, — её тон становится деловым. — Я знаю, о чём ты думаешь, Ли́ла, но это решение Джейка, а он редко в этом ошибается. Он доверяет Тому, так что мы тоже будем ему доверять. Я не стану спрашивать Джейка об его решении. У него и так полно текущих дел. И Зейн поддерживает его в этом.

Она права. Теперь я чувствую себя полной сукой, ноя по этому поводу.

Невеста Джейка, Тру, вместе со своим телохранителем и лучшей подругой попала в серьёзную автомобильную аварию несколько недель назад. Что ещё хуже, Тру была беременна во время аварии. Их ребёнок, мальчик, хоть и рано, но родился благодаря кесареву сечению. К счастью, с ним всё хорошо. Но Тру целую неделю находилась в коме.

Она пошла на поправку, и их ребёнок, которого они назвали Джей Джей, развивается действительно хорошо. Однако Джейк пережил ужасные события, и я не собираюсь идти и беспокоить его своими опасениями по поводу того, что Том станет нашим менеджером.

Я просто должна смириться с этим.

— Извини меня, — произношу я. — Я не хочу показаться неблагодарной и плаксивой.

— Ты не такая, Лила. Я понимаю твои опасения. Это правда. Они и мне в голову пришли, когда Зейн сообщил об этом, но Джейк не принял бы решение, угрожающее этому туру. Он действительно высоко вас ценит, ребята. И он желает вам только лучшего, как и я.

Это меня согревает.

— Ты права. Шесть недель с Томом в качестве нашего менеджера будут... неплохими. Как кусок пирога, — я пытаюсь говорить уверенно, хотя совершенно не чувствую себя так.

— Вы сделаете это, Лила. И я не думаю, что Том будет... ну, гм, Томом. Не во время работы с вами, ребята. В этом туре нужно многое проконтролировать. Том сделал много разных вещей, но он не позволит Джейку скатиться вниз.

— Да, он не позволит, — соглашаюсь я.

Ну, на самом деле я не совсем уверена в том, что согласна с этим. Мне не *слишком* хорошо знаком Том, но в каждую нашу встречу он нападал на меня. И каждый раз я ему отказывала. Похоже, ему не сильно это понравилось. Такое впечатление, что женщины никогда ему не отказывали.

Ну, эта женщина сделала.

Я могла бы признать, что Том сексуальный, очень, но я не собираюсь изменять своим принципам из-за по-настоящему горячего парня.

Особенно ради Тома — самого большого мудака, которого видел мир.

Моя вирджиния закрыта для бизнеса. «Вирджиния» — кодовое название для моей вагины.

— Так, ты согласна с этим решением? — спрашивает Дина.

— Я согласна с этим решением, — я улыбаюсь, потому что это никому, кроме меня, не выгодно. — Я дам мальчикам знать. Сонни сойдёт с ума. Он боготворит Тома.

— Да? Что ж, будем надеяться, что Сонни никогда не приблизится статистике Тома.

Это смешит меня.

— Даже не знаю, Дина. Сонни уже довольно хорош в этом смысле.

Дверь в квартиру открывается, и мальчики толпой заходят с пиццей и пивом в руках.

— Ребята только что вернулись. До скорого?

— Абсолютно. Я свяжусь с тобой, чтобы узнать, как идут дела.

Повесив трубку, я ложу телефон в карман.

Я жду, пока все ребята рассядутся по дивану рядом со мной, и говорю:

— Дина звонила, — все тут же поднимают глаза на меня.

Я беру бутылку пива, протянутую Сонни.

— Итак, что происходит? — спрашивает Кейл.

От меня не ускользает тревога в его голосе. Эти дни были напряжёнными.

Я щёлкаю крышечкой на пиве, открывая его.

— Джейк нашёл замену нашему менеджеру.

— И... кто это? — подталкивает Сонни.

Я делаю быстрый глоток, а затем опускаю бутылку на колени.

— Том Картер.

Глаза Сонни расширяются.

— Том Картер... Том Картер из «Ужасного Шторма»? Тот самый Том Картер?

Это очень напоминает мой разговор с Диной несколькими минутами ранее, за исключением того, что у меня осознание того, что Том поедет с нами в тур, где будет Сонни, вызвало ужас, ну и чуть-чуть волнения.

— Да, тот самый, — я снова прижимаю бутылку к губам. Отклоняя голову назад, в этот раз я пью побольше.

— Святое дерьмо! — кричит Ван. — Том Картер! На гастролях с нами! Мужик, это будет дико! Цыпочки, вечеринки... цыпочки! Это будет так чертовски дико! Мужик — чёртова легенда!

Сонни выглядит шокированным. Но затем он возвращается к жизни.

— Чёрт, точно, он легенда! Легенда кисок! Мы гастролируем с лучшим! Просто подумайте о вещах, которым он может научить нас, — говорит он с мечтательным взглядом.

Честно говоря, он начинает беспокоить меня.

— Что ты думаешь, Кейл? — Ван хлопает его по спине.

Кейл усмехается.

— Я думаю, что это довольно офигенно.

— Аминь! — Сонни наклоняется вперёд, звеня своей бутылкой по бутылке Вана и в то же время давая пять Кейлу.

Я просто смотрю на них, широко раскрыв глаза и чувствуя боль в животе.

Именно этого я и боялась, хоть и знала, что, когда я скажу им, кто собирается с нами в тур, так и будет. Я не ханжа. Честно говоря, у меня нет проблем с тем, как парни веселятся. Им доступны тонны удовольствий, и они спят с большим количеством женщин.

Но веселье Тома Картера — совершенно другая лига для моих мальчиков.

Он собирается разрушить и их, и наш тур.

Это будет больше о Томе и мальчиках, занимающихся сексом, а не о музыке. И вместо того, чтобы убеждаться, что шоу в туре проходят гладко, Том будет сфокусирован лишь на поклонницах.

Мне известна его репутация. Он игрок, а не работяга.

Нам нужен менеджер, взгляд которого всё время будет направлен на нас, а не на цыпочек, которых он захочет поиметь.

Это будет катастрофой.

Мне придётся взять роль менеджера на себя, чтобы убедиться, что шоу работает бесперебойно, и как-то попытаться сдержать своих мальчиков, пока они будут находиться под влиянием Тома. Если я позволю Тому заправлять шоу, то к концу этого тура Винтаж окажется на дне, а я останусь с тремя клонами Тома Картера.

Это напоминает мне эпизод из сериала «Друзья», когда Чендлер и Джо начали перенимать манеру в одежде и поведении у друга Моника, Ричарда, потому что думали, что он действительно классный, и поэтому хотели стать похожими на него. Даже отрастили себе усы, как у Ричарда.

Ну, именно это я и предвижу прямо сейчас — трёх клонов Тома Картера, официально известных как Кейл, Сонни и Ван. Вместо сигар и усов будут женщины и ещё больше женщин, пока он не исчезнет из моего поля зрения, будучи погребённым под ними. Винтаж умрёт прежде, чем мы начнём, и я вернусь к пению в дерьмовых барах и к прежней жизни.

Я снова берусь за пиво, быстро выпиваю его и хватаюсь за другую бутылку, выслушивая словесный понос, вылетающий из ртов парней о том, какое же сумасшедшее дерьмо они смогут сделать во время тура с богом женщин Томом Картером.

Я открываю крышку на пиве и чувствую, что рядом со мной кто-то садится.

— Ты не кажешься особо радующейся тому, что Том Картер стал нашим новым менеджером, — тихим голосом говорит Кейл.

Я поворачиваюсь к нему лицом и пытаюсь заставить себя улыбнуться.

— Да. Я просто... ах, — потирая рукой своё лицо, я вздыхаю.

— Ты волнуешься о его репутации, не так ли?

— Ага. О его репутация, — и его тенденции пытаться залезть ко мне в трусики — ну, мои и

остальной части населения — всякий раз, когда видит меня.

Кейл кладёт руку на моё плечо и тянет меня на свою сторону.

— Ли, всё будет хорошо. Ничего не изменится. И не беспокойся насчет этих двоих, — он указывает на Сонни и Вана, спорящих, у кого на гастролях будет больше кисок — после Тома, конечно.

— Кто-нибудь из нас двоих сможет направить этих увлѣкшихся поклонницами озабоченных на правильный путь.

— А что насчёт тебя? — я приподнимаю бровь.

Он усмехается.

— Я умею контролировать себя с женщинами, Ли. Прояви ко мне хоть капельку доверия.

— Даже под влиянием Тома?

— Даже под влиянием Тома. Во всяком случае, если уж я не могу себя контролировать, то ты, Лила Саммерс, являешься самой большой обломщицей в округе. Ты обламывала меня со средней школы.

— Эй! — я пихаю его локтем в бок. — Я не обломщица!

— Ты обломщица! — в унисон говорят Сонни и Ван.

— Отвалите! — смеюсь я.

— Рад снова слышать твой смех, — говорит Кейл.

— Какой смех?

— Настоящий.

Я смеялась всё время, но это было притворством. Он прав. Сейчас я в первый раз за долгое время засмеялась по-настоящему. Мой смех прекращается, а взгляд опускается в пол.

— Я тебя расстроил? — Кейл сдавливает моё плечо.

Я смотрю на него тёплым взглядом.

— Нет, — качаю головой. — Я просто не настолько жду тура, насколько должна. Том, вероятно, введёт в распорядок обязательную ночь поклонниц или ещё что-то типа того.

— Звучит не так уж плохо для меня, — усмехается Кейл.

— Что звучит не так уж плохо? — спрашивает Ван.

— Ничего, — быстро отвечаю я, стреляя взглядом в Кейла.

Он начинает смеяться.

Я толкаю его в плечо.

— Ты ужасный, знаешь об этом?

— Не такой, как Сонни.

— Кто не такой, как я? — спрашивает Сонни.

— Ван, — рикошетом отвечает Кейл.

Через мгновение я чувствую под подбородком палец Кейла. Он поворачивает моё лицо к себе.

— Не беспокойся о Томе, Ли. Всё будет хорошо, даже лучше. Это будет удивительно.

— Удивительно. Конечно, — я закатываю глаза.

Серьёзно, что удивительного может быть в турне с рок-мудаком, который заигрывает со мной при каждой встрече?

Ничего — вот что.

Ли

Несколько дней спустя — Тур-автобус, ЛА

— Ты можешь поверить в то, что мы здесь, Ли? — Кейл обнимает меня за плечи.

Я качаю головой, рассматривая окружающую меня обстановку.

Здесь и сейчас я взволнована ещё сильнее, чем в тот момент, когда узнала, кто наш новый менеджер. Но я прошла через это. Всё будет хорошо. Потому что мы здесь!

Сегодня мы отправляемся в тур. А завтра вечером состоится наше первое выступление в Сиэтле, и я просто не могу этого дождаться!

Я стою в конце тур-автобуса, и это место — нечто удивительное. Запредельно удивительное.

Передо мной находится гостиная зона, укомплектованная кожаными креслами и прикреплённым к стене телевизором. Мой взгляд натывается на DVD-плеер и игровую приставку. *Это должно развлечь мальчиков.* К стене крепится стол, а вокруг него стоят кресла. На кухне есть оборудованная стена-блок, в которую встроена плита и духовка, а также небольшой холодильник и микроволновая печь.

Я следую по коридору за Кейлом к Сонни и Вану и справа нахожу ванную. Только душ, ванны нет. Я буду скучать по моей ванне эти шесть недель.

— Здесь четыре койки, — говорит Ван, когда мы к ним подходим. — И спальня, в которой я буду трахаться. Каждую ночь, — усмехается он.

— Эту спальню займёт Ли, — утверждает Кейл.

На него обращаются две пары недовольных глаз.

— Какого чёрта? — скулит Сонни. — Я думал, что эта комната станет нашим дворцом с кисками.

Дворцом с кисками? Как он вообще мог придумать такое дерьмо?

— Слушай, у меня нет проблем с тем, чтобы спать на койке. Я уже привыкла к вони, исходящей от вас, — говорю я.

Честно говоря, мне всё равно, где спать, до тех пор, пока я нахожусь здесь и происходит всё это.

— Я воняю, как *мужчина*, и ты любишь меня за это, — Сонни обнимает меня за шею и притягивает к себе, сдавливая моё лицо в жёстком захвате.

— Это несколько отталкивает любовь, — возражаю я, отодвигаясь от него. — Я, скорее, терплю.

— Ты так сильно любишь меня, — усмехается он.

— Так же сильно, как носки спортсмена, — ухмыляюсь я в ответ.

— Жаль прерывать вас, детишки, но, может, мы уже примем решение насчёт коек? — спрашивает Ван.

— Ли должна иметь спальню, — повторяет Кейл.

— Как я уже сказала, мне действительно всё равно, — я встречаюсь с твёрдым взглядом Кейла. — Но я хотела бы иметь свою спальню, — даю я задний ход.

— Ты должна взять себе кровать, Ли, — говорит Ван у меня за спиной.

Я поворачиваюсь, смотрю на него и улыбаюсь.

Он улыбается в ответ. У Вана действительно приятная улыбка. Когда она появляется, озаряется всё его лицо.

— Мы просто найдём какое-нибудь другое место, чтобы еб*ться, если не на наших койках, — добавляет Ван.

Ну и что это за выбор слов? Я что-то говорила о его приятной улыбке?

— Ну, раз вы так говорите, то и мне придётся, — жалуется Сонни. — Ли, ты должна взять себе чёртову кровать.

— Спасибо, Сонни, — я похлопываю его по твёрдой груди. — Ты настоящее сокровище. А как насчёт такого расклада? Я буду жить в спальне, но, если тебе понадобится, ты сможешь ей воспользоваться, только не забывай менять простыни.

— Вот за это я тебя и люблю, — Сонни целует меня в макушку.

— Договорились, — Ван протягивает мне кулак, и я бью по нему.

— Ты тряпка, — говорит Кейл мне в ухо, пока я смотрю на Сонни и Вана, разглядывающих спальню.

Я пожимаю плечами. В кармане начинает вибрировать сотовый. Я вытаскиваю его. *Неизвестный номер.* Я смущаюсь и волнуюсь. Это может быть тот вызов, на который я не хочу отвечать, но он может быть и от того, кто звонит по поводу тура. Это не Дина и не Зейн, потому что я уже говорила с ними. А вот с Томом я ещё не разговаривала. Всё организовано через Зейна или Дину, поэтому я предполагаю, что это может быть он. Я даже не уверена, когда его увижу, но это не так уж и важно. Однако он, вероятно, беспокоится о завтрашнем дне. Такие люди, как Том, не ездят на автобусах.

— Отвечу на звонок, — я машу телефоном перед Кейлом.

Решившись, я отвечаю на звонок и начинаю уходить в другой конец автобуса.

— Алло?

— Лила, это Джейк.

Это останавливает меня, как вкопанную.

Конечно, я разговаривала и встречалась с Джейком, много раз, но он никогда не звонил мне по телефону.

— Привет, — дерьмо. Мой голос вышел писклявым. Я прочищаю горло. — Всё в порядке?

— Ты мне скажи.

Мой желудок падает.

— Ралли Броштейн — твой отец, — это не вопрос. Джейк знает.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Моя рука, держащая телефон, начинает потеть.

Я поспешно пробираюсь к выходу из автобуса и практически бегу вдоль него к задней части, соблюдая расстояние между собой и людьми, которые его загружают.

Видите ли, есть кое-что, касающееся моего отца, о чём я не предупредила Джейка, Зейна или кого-либо ещё в УШ «Рекордс». Я склонна к тому, чтобы скрывать личность своего отца и матери. Люди начинают относиться ко мне по-другому, когда узнают о них. Особенно об отце. Он вроде большой шишки в музыкальном бизнесе.

Хорошо, он *гигантская* шишка.

И они с Джейком не ладят.

Ралли Броштейн — владелец Ралли «Рекордс». Он открыл несколько действительно больших талантов, когда-либо представленных миру.

«Ужасный Шторм» — один из них.

Да, я говорю о Ралли «Рекордс», лейбле, с которым изначально работал «Ужасный Шторм» — УШ. Это лейбл, от которого УШ и произошёл.

Думаю, вам понятно, куда это всё привело.

И если Джейк знает о моём отце, то Ралли, безусловно, знает, что я подписала контракт с

УШ «Рекордс».

И это нехорошо.

У меня нет с Ралли того, что вы могли бы назвать «отношениями», но это не останавливает его от попыток вмешиваться в мою жизнь, особенно, когда он чувствует, что это ему на руку.

А это? Моя группа подписала контракт с УШ «Рекордс». И он определённо будет чувствовать, что это камень в его огород.

Я прочищаю горло.

— Да, Ралли — мой отец... в биологическом смысле этого слова.

Я стою на открытом пространстве и со всей надеждой, что в скором времени он всё равно сдвинется с места со мной и ребятами внутри, смотрю на автобус.

— И, конечно же, ты хотела поделиться этой информацией со мной, верно? — у него такой голос, что я не могу понять, что происходит.

Я просто молюсь, чтобы ничего не закончилось, ещё не успев начаться.

Сделав глубокий вдох, я говорю:

— Нет... ну, да... нет. Я не знаю, — я потираю лицо рукой.

Я не лживый человек, но то, что происходит сейчас, ужасно похоже на обман.

Я начинаю чувствовать себя немного болезненно.

— Думаю, я бы рассказала когда-нибудь, но мне просто хотелось, чтобы ты увидел нас и то, что мы делаем, чтобы ты имел возможность сделать осознанный выбор до того, как узнаешь. Я знаю, как ты относишься к Ралли. И я чувствую то же самое. Да, он мой отец, но это просто термин. Я не поддерживаю с ним какие-либо отношения. Он тупица.

Джейк смеётся. Я принимаю это за хороший знак.

— Я слышал, как Ралли называли многими словами, но не тупицей. На самом деле, ему это подходит.

Тишина.

Затем он выдыхает.

— Я слишком хорошо знаю Ралли, Лила. Я знаю, как он работает. Также мне известно кое-что о желании скрывать своё прошлое. Всё дело в том, что рано или поздно тайны всплывают на поверхность и кусают тебя за задницу.

Я вспоминаю новость о папе Джейка, получившую огласку в прошлом году. В прессе говорилось, он причинял боль Джейку и его маме и сел за это в тюрьму.

— Я не люблю сюрпризы, Лила, — я съёживаюсь от тона его голоса. — Я не люблю, когда во время завтрака с семьёй мне звонит Ралли Броштейн, особенно, когда я вынужден вести этот разговор вслепую.

Я сглатываю горький привкус.

— Я должна была рассказать тебе.

— Да, ты должна была.

Я знаю Ралли и то, на что он способен. Его репутация в музыкальном бизнесе приобрела печальную известность.

Джейк Уэзерс — один из тех немногих людей, что смогли пойти наперекор моему отцу, и выйти из воды сухими.

Ралли — акула, и он не берёт пленных. Ничто и никто не встаёт на его пути. Вот как он стал самым молодым генеральным директором АМЭ — «Американ Мьюзик Энтертеймент» — которым он управлял пятнадцать лет, а затем ушёл на сомнительных условиях за неразглашённую сумму.

Это произошло сразу перед тем, как он создал Ралли «Рекордс», и сделал он это довольно быстро.

Просто недостаточно быстро для УШ.

УШ был первым контрактом, который он подписал с ними. Я мало что знаю, кроме того, что после этого пресса подробно написала о том, что УШ перерос Ралли «Рекордс». Судя по всему, у Джейка и Ралли были сложные отношения, и я могу это понять, потому что мой отец — непростой человек, тем более для деловых отношений.

Сотрудничество Джейка и Ралли распалось, и группа ушла в середине контракта, выплатив неустойку.

Сразу же после этого Джейк и покойный Джонни Крид — соло-гитарист УШ, умерший несколько лет назад в автомобильной аварии — создали УШ «Рекордс», поставив себя в непосредственную конкуренцию с Ралли «Рекордс».

Ралли это не порадовало.

А теперь я подписала контракт с УШ «Рекордс», и это ему тоже радости не доставляет.

Но меня это не волнует. Меня беспокоит только то, что я могла слишком напортачить, так как не была честна с Джейком с самого начала.

— Я знаю, может показаться, будто своенравная дочь делает это, дабы разозлить своего отца, но поверь мне, он заботит меня недостаточно для беспокойства о нём. Я подписала контракт с УШ «Рекордс», потому что ты заботишься о своих действиях.

— Приятно это знать.

— А скрывала я всё это от тебя, потому что волновалась, что твоё решение будет исходить из этого.

Джейк ничего не говорит.

Я кусаю ногти, умирая от затянувшегося молчания. Наконец, я спрашиваю:

— Каким был Ралли, когда ты говорил с ним? — я пытаюсь оценить, куда это приведёт, потому что до сих пор не имею ни малейшего понятия.

— В общей сложности, он был тупицей.

Я выпускаю смешок, но он быстро отрезается его следующим предложением:

— Ралли хочет, чтобы вы расторгли контракт с моим лейблом, Лила.

Вот оно.

Пока-пока, тур-автобус. Нам с тобой было хорошо.

Я уже говорила, как ненавижу своего отца?

Ребята будут опустошены.

Я знаю, что Джейк упёрт, как осёл, и он ненавидит Ралли, возможно, так же, как и я, но это хлопоты, без которых он мог бы и обойтись. Он ничего мне не должен, и мы не принесём ему и его лейблу ничего, кроме неприятностей. Ралли не оставит его, пока не добьётся желаемого.

— Извини, — говорю я, — за звонок Ралли и за то, что усложнила тебе жизнь.

— Лила, ты не виновата в том, что сидишь в яме с дерьмом из-за своего отца. Ты не рассказала мне о Ралли потому, что хотела показать, на что вы способны, чтобы я смог сделать осознанный выбор. Я увидел, и я его сделал. Я сказал Ралли, что он может идти нахер. Винтаж подписали контракт со мной, и вы останетесь на месте.

Моя рука тянется к груди, и я выдыхаю воздух, который задерживала.

Прямо сейчас я могла бы расцеловать Джейка Уэзерса.

Но он не закончил.

— Мне всё равно, будь он хоть королём чёртовой Англии. Никто не может указывать мне, как руководить моим собственным бизнесом. Теперь, при нормальных обстоятельствах, я бы сказала тебе, что, раз он твой старик, то ты обязана позвонить ему и сказать, чтобы он отвалил, но мы говорим о Ралли Броштейне. Я не поставлю тебя в такое положение. Ты говоришь, что не поддерживаешь с ним какие-либо отношения. Чей это был выбор, его или твой?

— В детстве его. Теперь — мой.

— Хорошо. Я разберусь с любым дерьмом, каким Ралли в нас бросит. А вы просто сосредоточьтесь на туре. Но мне нужно, чтобы ты сказала мне, следует ли мне знать что-либо ещё. В следующий раз я не буду так снисходителен.

Сделав глубокий вдох, я говорю:

— Моя мать — Джони Саммерс.

— Это я знаю, — отвечает Джейк. — Я знаю, что у Ралли и Джони Саммерс есть общий ребёнок. Ты родом из хорошей семьи, Лила, и я имею в виду твою маму, когда говорю это.

Это вызывает улыбку.

— Должно быть, ты пошла по её пути, — добавляет он.

— Спасибо, — искренне говорю я. Моя мама была лучшей.

Я слышу женский голос на заднем плане.

Затем Джейк говорит мне:

— Я должен идти. Удачи с туром. Передай сообщение остальной части группы. Не беспокойтесь о Ралли. Ничто не изменит вашу позицию с УШ «Рекордс», независимо от того, что твой отец говорит или делает.

— Спасибо, Джейк, за понимание и за то, что оставил нас.

— Не благодари меня. Просто сделай этот альбом и тур чертовски большими. Заработайте для меня тысячи долларов, которые я на вас потратил, — говорит он с юмором в голосе.

— Это я точно могу сделать.

Ли

Шестью секундами позже — Тур-автобус, ЛА

Я засовываю свой телефон обратно в карман джинсов, обдумывая наш разговор с Джейком, когда слышу шум, доносящийся из автобуса.

Звуки аплодисментов и громкого смеха.

Я оглядываюсь на автобус, но мне нужно подойти ближе, чтобы что-нибудь увидеть. Хотя даже так я бы всё равно ничего не разглядела из-за тонированных стёкол.

Все мысли о разговоре с Джейком забыты, я стремглав бросаюсь обратно в автобус. Поднявшись вверх по лестнице, направляюсь в конец автобуса и непроизвольно замедляю шаг, теряя дыхание от того, что вижу.

Том Картер.

Ну, задняя его часть, так или иначе. Я знаю, что это он, потому что его невозможно не узнать. Его огромный размер занимает небольшое пространство автобуса. У него мускулистые руки с набитыми татуировками-рукавами. В прошлом его визитной карточкой была бритая голова, теперь же она покрыта шелковистыми коричневыми волосами.

Что он здесь делает?

Кейл наблюдает за мной через плечо Тома, его тёмные глаза светятся.

— Ли, посмотри, кто здесь! — говорит он перевозбуждённым голосом.

У меня появилось внезапное желание подойти к Кейлу и ударить его по голове.

Том оглядывается на меня через плечо. Его интенсивные нефритовые зелёные глаза встречаются с моими, и по моему телу распространяется тепло.

Он поворачивается ко мне лицом.

Его взгляд медленно опускается вниз, будто оценивая меня, а затем поднимается обратно.

Мой желудок сжимается. Вирджиния вернулась к жизни.

О, Боже.

Я ненавижу реакцию своего тела на Тома Картера. Каждый раз, когда я вижу его, моя вирджиния загорается как бензин от спички. Моему разуму он не нравится, но телу совсем наоборот. На самом деле, моё тело любит Тома — даже очень.

К счастью, мой мозг не в отключке. К моему величайшему облегчению, он находится у руля, когда дело доходит до него.

Том — высокомерный, помешанный на сексе мудака, с которым я не хочу иметь абсолютно ничего общего.

Вот только... так случилось, что Том — горячий высокомерный, помешанный на сексе мудака.

Я действительно ненавижу это.

А теперь он ещё и спортивный, с заросшей щетиной, которая скоро превратится в бороду, и это делает его ещё более горячим.

Неопрятный, но горячий.

Добавим к этому горячему неопрятному внешнему виду простую чёрную футболку, обтягивающую бицепсы, низко посаженные джинсы, обнажающие кусочек живота, и, в завершение, чёрные ботинки Док Мартенс — и мы получим чертовски привлекательного Тома Картера.

Господи, помоги мне.

Я встречаюсь с глазами Тома, и он ухмыляется.

Потому что я глазела на него широко раскрытыми глазами.

Потрясающе.

Его глаза мерцают, когда он опускает взгляд ниже, на мою грудь. Я наблюдаю, как его брови приподнимаются, а ухмылка становится больше, заставляя появиться ямку на щеке, которую я никогда раньше не замечала.

Он выглядит мило в горячей и сексуальной манере.

Горячо и сексуально мило?

Какого чёрта, Лила?

Мужчины не милые, особенно такие, как Том Картер. Такие мужчины, как он, опасны для таких женщин, как я.

Он открыто пялится на мою грудь, в то время как я пялюсь на него. *Абсолютный извращенец.*

Да, я отрицаю тот факт, что просто позволяю ему это делать, потому что это грубо — смотреть на сиськи женщины. Конечно, я весьма одарена ими, но это не даёт ему право открыто глазеть на них.

Я скрещиваю руки на своих девочках и поднимаю подбородок.

Его глаза возвращаются к моим, и он всё ещё ухмыляется.

— Лила, — растягивает он глубоким голосом. — Давненько не виделись.

Недостаточно.

— Так и есть, — киваю я. — Спасибо, что согласился стать нашим тур-менеджером.

Вот именно, Ли. Будь милой и деловой.

— Нет проблем, — он пожимает широкими плечами. — Я с нетерпением жду отправления в дорогу.

Отправления в дорогу? Он же сказал это в переносном смысле, да?

Он всё ещё смотрит на меня. Мне становится неудобно, но я не могу оторвать взгляда. Такое чувство, будто мы играем в игру, и тот, кто моргнёт первым, проиграет.

Я ни за что ему не проиграю.

Сонни нарушает тишину.

— Хорошие новости, Ли, — у него такой же возбуждённый тон, что был и у Кейла.

Я наклоняю подбородок в направлении Сонни, но не отрываю глаз от Тома. *Я не проиграю в этой игре.*

— О, да? Что же это?

На губах Тома появляется ухмылка.

— Том будет жить в нашем автобусе в течение всего тура! — голос Сонни взрывается в моих ушах.

Затем устанавливается угрожающая тишина, будто мусор из грязной бомбы медленно рассыпается по полу. Мой мозг отчаянно пытается переварить то, что я только что услышала.

Том останется здесь?

Закрыв глаза, я качаю головой, пытаюсь стереть из памяти его слова.

— Прости. Что?

Сонни хмурится, будто я тупая.

— Я сказал: Том будет в автобусе с нами. Разве, это не удивительно? — улыбается он.

Ван и Кейл улыбаются.

Том всё ещё смотрит на меня. Только на этот раз его взгляд полон любопытства.

Я опускаю руки на бёдра, пытаюсь уложить это в своей голове.

Том будет жить здесь, в нашем автобусе, во время тура?

Нет, это неправильно.

Затем я замечаю негабаритную спортивную сумку, стоящую на кухонном столе.

О, Боже.

Он остаётся здесь.

Нет!

Он не может, потому что... ну, по многим причинам, я даже не знаю с которой начать.

Это станет полной катастрофой.

Это не реально. Просто дурной сон. Я проснусь, и всё это окажется глупым сном. Мне не верится, что этот тур-автобус наш, он слишком хорош для этого. Я ожидала в общей сложности дыру с дерьмом, а не этот удивительный автобус для нашего первого тура.

Я надолго закрываю глаза, а затем оглядываюсь назад.

Думаю, я выгляжу немного ошеломлённой, потому что Кейл прямо-таки сверлит меня взглядом.

— Разве это не хорошая новость, Ли?

Подсознательное сообщение Кейла: скажи что-нибудь, Ли, потому что молчание становится действительно странным. И скажи что-нибудь хорошее.

Я пытаюсь. На самом деле пытаюсь. Я мгновенно придумываю множество хороших вещей для ответа. Ну ладно, в основном слово «да».

Но оно не хочет выходить из моего рта, и моя голова трясётся. Прежде чем я останавливаю себя, из моего рта вылетают следующие слова:

— Честно говоря, не могу придумать ничего хуже.

О, Боже.

Я почти уверена, что где-то в конце автобуса пронеслось перекасти-поле.

— Лила! — Сонни говорит это таким укоризненным голосом, какого я никогда раньше от него не слышала.

Я кривлю лицо, будто меня ужалили. Чувствую себя сухой.

Я — сука.

Не могу заставить себя посмотреть на Тома или кого-либо ещё.

Затем я слышу глубокий голос Тома:

— Лила... ни слова.

Я поднимаю взгляд на него, а он шагает мимо меня, его длинные ноги перемещаются по полу, когда он направляется к выходу из автобуса.

Избегая глаз ребят, я отталкиваюсь на каблуках и следую за разозлённым Томом.

Он не останавливается, когда доходит до гравия. Он просто продолжает идти. Итак, я следую за ним, мой желудок всё время сжимается.

Этот день начался действительно плохо. Во-первых, звонок Джейка, во-вторых, моя неспособность держать рот на замке перед Томом.

Том, может, и мудака, но за последние пять минут он не сделал мне ничего дурного. Я не должна была говорить то, что сказала.

Том останавливается в пятидесяти футах от автобуса и поворачивается ко мне. Я замедляю шаг и перехожу на лёгкую походку.

Его тело напряжено. Он скрещивает руки на груди, глядя на меня сверху вниз. Я стараюсь не смотреть на напряжённые мышцы его бицепсов. Это на удивление трудно.

Я смотрю на его лицо. Сейчас он кажется даже выше.

Решив заговорить первой, быстро произношу:

— Я действительно извиняюсь за то, что сказала там, — я нервно прохожусь рукой по светлым волосам.

Он вздыхает и почёсывает бороду.

— Слушай, Лила, я понимаю. Я знаю, почему ты не хочешь, чтобы я остался с вами автобусе: из-за нашей истории.

— У нас нет истории.

— У нас есть история, — настаивает он с поднятой бровью.

— Э-э... нет, её нет. История — это когда между нами что-то происходит. А происходить было нечему, — говорю я, подчёркивая слова, и ставлю в этом жирную точку.

— Да, ну, могло бы произойти, если бы ты не была так чертовски... — он обрывает себя.

Я складываю руки на груди и прищуриваю глаза.

— Если бы я не была так чертовски что?

Наступает момент горячайшей паузы.

Затем он качает головой.

— Ничего. Мы ставим точку.

Я решаю отпустить это. У меня есть идея о том, что он собирался сказать, и если бы он это сделал, то произошёл бы взрыв эпических масштабов.

Это определённо не то, что нам сейчас нужно.

Я упираю руки в бёдра.

— Прекрасно. Итак, давай перейдём к делу.

— Я пытаюсь сказать, что прошлое остаётся в прошлом, и я не могу изменить его. Я бы попросил прощения за то, что напал на тебя, но я не прошу. Тогда я не знал, что мы будем работать вместе, особенно так близко. Если бы знал, то не поступил бы так. Верить или нет, я не смешиваю бизнес с удовольствием.

— Удовольствие только с поклонницами, не так ли?

Он смотрит на меня укоряющим взглядом.

— Извини, — я прикусываю язык.

Он вздыхает.

— Лила, я не здесь не для того, чтобы затащить тебя в постель. Я здесь для того, чтобы работать. У тебя нет поводов чувствовать себя некомфортно рядом со мной.

— Я не чувствую себя так рядом с тобой, — я выпрямляюсь, чтобы казаться выше в этот момент.

Он ухмыляется, смотря на меня сверху вниз.

— Да, ты чувствуешь.

— Нет, не чувствую.

— Тогда почему поступаешь как сука?

Я поднимаю бровь на его комментарий, но он поймал меня на этом. Я отношусь к нему как сука. И я собираюсь поступить так снова.

— Ты хочешь знать правду?

Он раскрывает руки, его губы сжаты в тонкую линию.

— Конечно. Добей меня этим.

— Ну, в принципе, я не думаю, что ты именно тот человек, который может быть нашим тур-менеджером.

Выражение его лица не меняется.

— Не тот человек, который может быть вашим тур-менеджером, — вторит он.

— Да. Ты недостаточно серьёзен.

— Недостаточно серьёзен.

Почему он продолжает повторять всё, что я говорю? У него умственная отсталость?

Он почёсывает щеку и делает шаг в моё личное пространство одним быстрым движением.

Немного смущённая и очень даже воспламенившаяся от его близости, я смотрю на него снизу вверх.

Он поворачивает голову так, что его рот приближается к моему уху.

— Есть одна вещь, которую тебе нужно узнать обо мне, Лила: я действительно, действительно серьёзно отношусь к вещам, которых хочу.

Дрожь пробегает по телу, направляясь прямо к моей вирджинии. Запах его чистого, свежего лосьона опьяняет мой мозг вместе с моими лифчиком и трусиками.

Затем во мне пробуждаются женские чувства.

Том выпрямляется, и теперь он смотрит на меня сверху вниз, его горящие глаза смотрят в мои. Он всё ещё стоит слишком близко.

Я наклоняю голову назад и снисходительно смеюсь.

— Ты? Серьёзный? Не знала, что Том «мужик-шлюха» Картер может быть серьёзным.

Его лицо застывает.

Упс. Может быть, я зашла слишком далеко?

Как будто я об этом забочусь.

Он делает шаг назад. Я выдыхаю.

— Иисус Христос, женщина. Я ранил тебя давным-давно. Убирайся к чёрту с этим. Я ранил сотни женщин, трахал и бросал каждую из них.

— Боже, ты отвратителен.

— Спасибо, — ухмыляется он. — И раз я *отвратителен*, как ты выражаешься, трахая женщин, это даёт им хороший повод оказывать мне холодный приём, если они когда-либо увидят меня снова. Учítывая, что мы не *трахались* и я не *отвратителен* тебе, я не ожидал от тебя дерьмового отношения. Итак, почему бы тебе не поработать над этим? Просто попытайся подумать обо мне как о новом менеджере, а не как о горячем парне, который зацепил тебя вечность назад. И я буду стараться не думать о тебе как о лесбиянке, вертящей мне яйца.

— Я не лесбиянка! — шиплю я. Конечно, нет не ничего плохого в том, чтобы быть лесбиянкой. Я просто не являюсь ей.

— Ты не лесбиянка? — он на самом деле выглядит конкретно запутавшимся.

О, мой Бог! Он думает, что я лесбиянка, раз отшивала его всё это время. *Этот парень — эгоист!*

— Господи, ты думаешь, что я лесбиянка, потому что не захотела спать с тобой?

— Ну, да. Как ещё это можно объяснить?

Я начинаю громко смеяться. Не могу ничего с собой поделаться. У меня по-настоящему начинает болеть живот от смеха. Я вынуждена наклониться вперёд, чтобы просто дать своим рукам отдых и выровнять дыхание.

Я выпрямляюсь, а менее-чем-забавляющийся Том хмуро смотрит на меня сверху вниз.

Я вытираю слёзы с глаз.

— Боже, ты эгоистичный мудак. Ты когда-нибудь думал, что я не хочу спать с тобой просто из-за того, что ты не мой тип?

— Это невозможно, дорогуша. Я тип каждого.

Как я уже сказала, мудак.

Я упираю руки в бока.

— Извини, но высокомерные муты не для меня. (*прим. ред.: англ. «mut» имеет сленговое значение типа «дурак»*)

Он ошеломлённо смотрит на меня.

— Ты только что назвала меня... *мут*?

— Прозвучало именно это.

— Итак, ты зовёшь меня как собаку? (прим. ред.: также под «mut» может подразумеваться какая-либо нечистокровная собака — дворняга, говоря простым языком)

Я смотрю на него, метая кинжалы.

— Нет, жопоголовый. *Mut* на самом деле означает мужчину-шлюху, — я убеждена, что подчёркиваю слова, чтобы донести свою точку зрения.

Улыбка осветляет лицо Тома. Затем он запрокидывает голову и рокошет от смеха. Это глубокий мужественный звук.

И он проникает во все нужные места.

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться.

Его глаза, наполненные юмором, отвечают моим.

— Ты действительно чертовское нечто, знаешь?

— Я удивительная, — я пожимаю плечами. — Но не лесбиянка.

Почему я доказываю ему эту точку зрения?

Он кивает головой, усмехаясь.

— Да, я принимаю это, — он чешет щеку. — Но, я попытаюсь выяснить, как тебе удавалось сопротивляться мне... и почему, — он наклоняет голову в сторону со сложным выражением в глазах.

— Тебе не нужно понимать это. Ты просто мне не нравишься.

— Как я уже говорил, это невозможно.

— Ты реально так думаешь?

Его губы сморщиваются.

— Настолько реально, что это нереально, детка.

Я снова смеюсь.

— Теперь кто-то другой?

Он одаривает меня мальчишеской улыбкой, пожимая плечами. Это очаровательно и подкупает, немного.

Вот момент между нами. Это своего рода момент, когда всё оседает и воздух становится чище.

— Значит, между нами всё хорошо? — спрашивает Том, жестикулируя между нами.

Расслабляясь, я улыбаюсь.

— Хорошо.

— Круто. Давай заключим сделку. Больше никакой борьбы или хреновых комментариев.

— Или сексуальных комментариев, — добавляю я.

— Или сексуальных комментариев, — соглашается он, хотя и неохотно. — Мы всё время будем профессиональными. Договорились? — он протягивает свою большую руку мне.

— Именно этого я и хочу, — я ухмыляюсь ему снизу вверх, когда скольжу своей рукой в его.

Я чувствую электричество от его прикосновения, которое почти бьёт меня по заднице.

Он тоже чувствует это. Я знаю это из-за того, как он расслабляет челюсти, а в его глазах появляется удивление.

Его хватка усиливается вокруг моей руки. Затем его глаза перемещаются к моему рту.

Вдруг я чувствую, что губы пересыхают, и облизываю их. Я чувствую, что он движется ко мне.

Или это я двигаюсь к нему?

Затем он достигает меня. Я думаю, что он собирается поцеловать меня.

Дерьмо.

Я вырываю свою руку из его.

— Мы должны вернуться, — я делаю шаг назад.

— Да, мы должны, — он смотрит поверх моей головы.

Я поворачиваюсь и иду обратно в автобус.

Что это, чёрт возьми, было?

Я никогда не чувствовала ничего подобного от прикосновения мужчины. Может быть, это из-за того, что у меня не было секса, и это как-то влияет на моё тело. Оно приходит в бешеное исступление при первых же признаках Y-хромосомы.

Я только приближаюсь к автобусу, когда слышу, как Том говорит позади меня:

— Фейерверк, думаю, я чертовски люблю твою футболку.

Мой взгляд опускается на надпись на футболке «Fraggle Rock». Она старая, немного короткая в подоле и аккуратная поперёк моего бюста, но я люблю её. Я люблю мультфильмы. Я собираю футболки, на которых изображены мультфильмы. Я состою в рок-группе, но никогда не говорила, что я крутая. Сегодня моя одежда комфортна. Я не ожидала увидеть Тома, и не так уж важно, как я одеваюсь. Меня не волнует, что он думает обо мне, ни на одну йоту.

Фейерверк? Серьёзно?

Я оборачиваюсь.

— Не называй меня так.

Он улыбается.

— Как? Фейерверк?

— Да. Я только что добавила ещё одно правило в нашу сделку: не называть кличками домашних животных, иначе наша сделка разрывается.

Он щёлкает языком в выговоре.

— Не могу, *Фейерверк*. Потому что на самом деле в сделке нет выключателя. Ты застряла со мной, нравится тебе это или нет, — он подмигивает, а затем пробегает мимо меня и поднимается вверх по лестнице в автобус.

У вас было ощущение, что вы уже играли в нечто похожее?

Да, я полностью чувствую, что играю прямо сейчас, но я понятия не имею, что это за игра.

Сбитая с толку и откровенно немного разозлённая, я топаю вверх по лестнице, когда Генри, один из наших водителей, садится за руль.

— Все на борту? — спрашивает меня Генри.

— Да, — отвечаю я.

Генри заводит двигатель. Автобус приходит к жизни под моими ногами, и двери позади меня шипят.

— Ты настроилась? — спрашивает с улыбкой Генри.

Я смотрю туда, где стоит Том, разговаривая с ребятами.

Мой желудок сжимается и совершенно сбивает с толку.

— Если я когда-нибудь настроюсь, — вздыхаю я.

Лиля

Поздний вечер — Тур-автобус, ЛА

Сейчас поздний вечер, и я успешно избегаю Тома с самого начала поездки. Я называю это великим подвигом, учитывая, что мы находимся в ограниченном пространстве.

Знаю, все мы приняли это решение, но я до сих пор не чувствую себя абсолютно комфортно рядом с ним. Частично из-за реакции моего собственного тела на Тома, но ему это знать необязательно. Его это и без того достаточно велико.

На данный момент мой план состоит в том, чтобы избегать Тома, и я сижу спереди с Генри, беседуя с ним, пока он ведёт автобус. Я узнала, что у него есть двое взрослых близнецов, мальчик и девочка, которые недавно поступили в колледж. Он увлекается рыбалкой. Женат двадцать пять лет, и он рассказывает о своей жене, которая работает воспитателем в детском саду, с очевидной любовью.

Хорошо знать, что здесь есть приличные мужчины.

После разговора с Генри я иду принимать душ. Ребята играют на игровой приставке. Том сидит за кухонным столом и тихо разговаривает по телефону. Он даже не поднимает голову, когда я прохожу мимо. У него, вероятно, секс-чат с одной из своих многочисленных женщин.

Я не хочу использовать всю горячую воду, поэтому не слишком долго стою под душем, однако задерживаюсь в ванной комнате, чтобы убить время.

Затем я иду в спальню и переодеваюсь в любимые рваные джинсы и футболку. Я сижу за столом, без макияжа и с завязанными в небрежный пучок на макушке волосами.

Я слышу стук в дверь, а затем голос Кейла:

— Ты одета?

— Нет, просто сверкаю голой задницей.

Я слышу его смех.

— Лучше бы ты пошутила, потому что я сейчас буду заходить.

— Да, я шучу, — кричу я.

Кейл заходит и закрывает за собой дверь. Он прыгает на кровать и раскидывается плашмя на спине.

Я заканчиваю завязывать свои волосы и поворачиваюсь к нему лицом.

— Удобно? — спрашиваю я.

— Очень, — ухмыляется он, вытягивая руки над головой.

Я погружаю палец в крем для лица, когда Кейл спрашивает:

— Итак, почему ты здесь прячешься?

Я смотрю на него через зеркало.

— Я не прячусь.

— Да, ты прячешься.

— Хорошо, — вздох. — Я прячусь, — кончиками пальцев я беру крем и начинаю размазывать его по лицу.

— Догадываюсь, что ты скрываешься от Тома. Итак, ты собираешься рассказать мне, что случилось? Я знаю, что ты не обрадовалась, что он поедет с нами в тур. И тебе не хватает фильтра, Ли, ты была груба с ним.

— Я не была грубой, — его не убеждают мои слова. — Хорошо, я была грубой.

— И чего же я не знаю? — спрашивает он таким тоном, который означает, что он не

отступит, пока всё не узнает.

Я поворачиваюсь на своём месте, чтобы поставить ноги на край стула. Затем прижимаю колени к груди, положив на них подбородок.

— Давным-давно Том заигрывал со мной, — вздыхаю я. — Он клеился ко мне несколько раз.

— Что? — практически кричит Кейл, мгновенно принимая вертикальное положение. — Когда?

— Тсс... — напоминаю я, смотря на закрытую дверь.

Эти стены толщиной с бумагу, и я не хочу, чтобы Том что-нибудь услышал.

— Говори тише. Не имеет значения, когда он заигрывал со мной. На самом деле он приставал ко мне дважды. В первый раз я отшила его. Но он был хорош в этом, — я дёргаю себя за губу. — И потом я увидела его через несколько месяцев, и он снова начал клеиться ко мне.

Я вижу, как на лице Кейла растёт гнев, что заставляет меня сказать:

— Он никогда не пересекал черту. Никогда не прикасался ко мне или что-нибудь ещё. Просто я не видела Тома с того последнего раза, когда он приставал ко мне, и неизвестно, как всё сложилось бы... попробуй он ещё раз, — гримасничаю я. — Итак, я была настороже — следовательно, включился режим суки.

— Понятно. И он получил сообщение? Потому что, если он не получил... — чрезмерно заботится Кейл.

— Успокойся, не сердись. Мы поговорили, — кричу я. — Он извинился и спросил, можем ли мы оставить всё в прошлом и быть профессионалами. Я сказала «да».

— Хорошо... хорошо, — Кейл немного расслабляется и ложится обратно на локти. — Но если он действительно что-то попытается...

— Не попытается. Но если он это сделает, ты будешь первым, кто узнает.

Нет ни единого шанса, что я расскажу Кейлу, если это повторится. Помимо прочего, я в состоянии позаботиться о себе, а Том намного больше, чем Кейл. Это не значит, что Кейл не мускулистый. Он мускулистый, но бицепсы Тома буквально в два раза больше, чем у Кейла. Том всегда был большим парнем, но сейчас он выглядит ещё больше, как будто провёл некоторое время в гимнастическом зале.

Я вижу, как на лице Кейла расплывается улыбка.

— Ты отшила Тома Картера?

— Да, — ухмыляюсь я.

Он восхищённо смеётся.

— Это моя девочка. Могу поспорить, что это был огромный удар по его эго. Ни один парень не любит, когда его отвергают, и осмелюсь предположить, что с Томом этого никогда не случалось, поэтому его эго наверняка всё помнит.

— Уверена, что я никак не повлияла на его эго. Он был отвергнут за всех предыдущих женщин.

Я толкаю Кейла в бедро своими пальцами. Он хватает меня за ногу и удерживает её, заставляя смеяться.

— Я очень сомневаюсь в этом. Большинство женщин просто ложатся и раздвигают ноги перед ним.

— Слишком много информации, спасибо. И я не большинство женщин, — я смотрю на него снизу вверх с моей лучшей дерзкой усмешкой.

— Я знаю, что ты не такая. Вот, в чём проблема, — он встаёт на ноги, на его лице отражается забота.

— Ты великолепна, талантлива и умна. Ты вызов для такого парня, как Том, и ты

прямолинейна, потому и отказала ему...

— Дважды, — напоминаю ему я. Не знаю, почему я это сделала.

— Видишь? Это то, что я имею в виду. Он уже воспринимает тебя как вызов, потому что ты отшила его в первый раз, и он попробовал ещё раз, — он проводит рукой по волосам, приводя их в беспорядок. — Ему бы не понравился второй нокаут. Этот был, вероятно, ещё хуже, чем первый. Такие ребята, как Том, не привыкли к такому отношению. Это бросает нам вызов, и нет ничего, что парень любит больше.

— Кейл, он больше не гоняется за мной. Он отказался. Сдался. С того последнего раза, когда он приставал ко мне, сто лет прошло, и с тех пор он больше не пытался, — я обхватываю свои ноги. — Это закончилось. Уже. Во всяком случае, у Тома есть много других женщин, бегущих за ним, чтобы утруждать себя старой доброй мной. Но спасибо тебе за беспокойство обо мне.

Я оборачиваю руками его талию, обнимая.

Он нежно целует меня в макушку.

— Это моя работа — беспокоиться о тебе.

— И ты справляешься с этой задачей, не так ли? — я откидываюсь на спинку кресла, чтобы посмотреть на него, выпуская его из своих объятий.

Он ласково похлопывает меня по подбородку.

— С тех пор, как мне исполнилось двенадцать лет.

— О, я забыла сказать тебе. Тот телефонный звонок, на который я тогда побежала отвечать, это был Джейк. Он знает, что Ралли — мой папа. Ралли звонил ему.

Кейл хмурит лоб и прислоняется к стене.

— Как всё прошло?

— Тур-автобус движется, не так ли? — улыбаюсь я.

Он улыбается мне в ответ.

— Это должно было произойти, Ли. И когда мы станем знаменитыми...

— Когда? — ухмыляюсь я.

— Да, чёрт возьми, когда. Как только наша музыка попадёт в радиоэфир, мы станем популярными, детка!

Я смеюсь над его энтузиазмом и верой в нашу группу.

— Ты голодна? — он открывает дверь.

Я следую прямо за ним.

— Это перевод для того, чтобы я приготовила ужин, так как вы все голодны?

Он поворачивается, идя задом наперёд.

— Ты же знаешь, что мы дерьмово готовим, Ли. Поэтому либо это сделаешь ты, либо мы будем голодать, ожидая пока Генри сделает свою первую остановку, — дуется он.

— Тьфу, — я закатываю глаза и игриво толкаю. — Прекрасно. Я приготовлю.

— Хочешь, чтобы я помог? — ухмыляется он.

Он знает, что мне не нужна его помощь. Кейл — это лютый кошмар на кухне. Он устраивает больше беспорядка, чем можно себе представить, притом мешает мне. На этой кухне не хватит места для нас обоих.

— Иди играй в игры, — я машу рукой в сторону Сонни и Вана, играющих в какие-то гоночные игры.

Никаких признаков Тома. Может быть, он спереди, с Генри.

Кейл садится с ребятами. Он говорит им, что я приготовлю обед. В ответ они все кричат, насколько любят меня.

Качая головой и улыбаясь, я слышу, как позади меня открывается дверь, и вижу, как из

ванной выходит Том. На нём нет ничего, кроме полотенца.

Мой рот на самом деле начинает наполняться слюной. Я не шучу. Это отпечатывается в моей памяти, потому что я открыто пялюсь на него. Кожа ещё влажная, капли воды стекают с его татуированной груди. Конечно, я знаю, что у него есть татуировки. Обе его руки забиты рукавами, но также тату есть у него на груди и животе. «УШ» — написано большими буквами на его левой груди.

И это потрясающая грудь. В ней нет ни одной унции жира.

Под ней и чуть выше удивительных шести кубиков большими буквами написано: «Вчера — это память. Завтра может не наступить никогда».

Я чувствую вспышку эмоций от этих слов, ну, пока не дохожу до полотенца. Это привлекает моё внимание. Я вижу слова, которые выглядывают из-под него, но я не могу разобрать, что они означают.

Я возвращаюсь к реальности, когда Том прочищает горло.

Я перевожу взгляд на него. Он ухмыляется.

Я рассматривала его, и он это знает.

Дерьмо дерьмовое.

Я вновь выставляю защиту, игнорируя свои горящие щёки. Я говорю твёрдым тоном:

— Я была бы признательна, если бы ты носил немного больше одежды, когда ходишь здесь.

Выражение его лица остаётся нейтральным.

— Я забыл взять с собой чистую одежду. Виноват. Больше не повторится, — он отворачивается от меня, но я слышу его бормотание: «Мой зад не в её вкусе».

Игнорируй это. Он хотел, чтобы ты услышала его. Вот, почему он это сказал.

Просто игнорируй его.

Чёрт возьми! Я не могу игнорировать его!

— Ты не в моём вкусе! — кричу я.

О, Боже. Почему я не могу просто закрыть рот?

Я не в состоянии посмотреть, слышали ли меня ребята.

Том поворачивается со слабой улыбкой на лице.

— Прости. Что?

Он моргает мне через плечо, говоря мне всё, что мне нужно знать. Ребята услышали меня.

Дерьмо.

Я выпрямляю спину, чтобы казаться жёсткой.

— Я слышала, что ты сказал.

Он наклоняет голову в сторону с невинным взглядом на лице.

— А что я сказал?

Играющий в игры ублюдок.

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю, — он пожимает плечами. — Пожалуйста, просвети меня.

— Ах! — рычу я, раздражённая тем, что он заставляет меня повторять его подлые слова. —

Ты сказал: «Мой зад не в её вкусе».

— Ты уверена, что я это сказал? — он упирается плечом в стену.

Я упираю руки в бёдра.

— На сто процентов.

— Но зачем мне говорить это?

— Потому что я смотрела на твою голую грудь.

Долбанный сраный ублюдок.

Он играет со мной.

Моё лицо горит.

— Ты такой мудака!

Он смеётся.

— Я мудака? Господи, о чём ты? Нам что, двенадцать? И не оскорбляй меня. Это не я та извращенка, которая пялилась на моё горячее тело.

— Я не извращенка! — возмущённо кричу я.

— Значит, ты признаёшь, что я горячий.

— Я что? Нет, я ничего не признаю!

Он смеётся надо мной.

Почему никто из ребят не придёт и не спасёт меня? Кейл?

Я смотрю через плечо, чтобы увидеть ребят, пристально наблюдающих за нами. Ну, Ван и Сонни таковые. Кейл выглядит просто любопытным. Я смотрю на него напряжённо, а затем перевожу взгляд обратно к Тому.

— Во-первых, я не думаю, что ты горячий, — *абсолютная ложь*. — И во-вторых, я просто любовалась твоими татуировками. Я люблю татуировки. Я думала о том, чтобы сделать себе одну, поэтому, когда я вижу кого-то с ними, мне хочется посмотреть, может ли какая-нибудь из них быть той, которую я захотела бы сделать себе.

Худшее оправдание в жизни.

Глаза Тома резко перемещаются к моим, его взгляд горячий и тяжёлый. В этот момент между нами становится душно, кровь пульсирует.

Затем это исчезает.

Его взгляд становится твёрдым. Его рука поднимается к затылку. Он смотрит на потолок и вздыхает.

Я жду его остроумный и тупой комментарий, но удивлена, когда он смотрит на меня и говорит:

— На моём теле нет такой татуировки, которую ты бы захотела себе сделать. Поверь мне.

Я смотрю на его удаляющуюся спину, когда он направляется к своей койке, чтобы одеться. Я рассматриваю татуировку на спине. Это большой деревянный крест на всю спину с лезвием на конце, как будто режущим его кожу. И на нём написаны слова: *«Только сильные выживают»*.

Это красиво, но больно.

Затем мои глаза сосредотачиваются на тексте непосредственно под крестом. *«Томас III»* — подписано ниже, и ещё ниже меньшим текстом: *«Покойся с миром, которого жизнь тебе дать не смогла»*.

Том потерял кого-то важного, так же, как и я.

В конце концов, думаю, у нас есть нечто общее.

Ли́ла

На следующий день — За кулисами клуба, Сиэтл

Томас Ш.

Я придумала так много вариантов того, кем он может быть. Он, должно быть, из его семьи.

Том, Томас Ш — я не настолько глупа, чтобы не понять, что он один из его семьи.

Я подумала, что это может быть его отец, но по какой-то причине мои мысли всё время возвращаются к ребёнку.

Покойся с миром, которого жизнь тебе дать не смогла.

Я никогда ничего не слышала о том, что у Тома Картера был сын, но я знаю, что если у тебя есть достаточное количество денег, то вполне возможно держать это в тайне от журналистов.

Меня научил этому Ралли.

Мне не стыдно признаваться, что после ужина вчера вечером к нам присоединился Том, но он был заметно притихшим, и я провела остальную часть ночи в спальне, загугливая его. Первым моим поисковым запросом стало: «Ребёнок Тома Картера». Ничего не вышло, так что после этого я попробовала: «Том Картер Ш». И в этот раз я не получила ничего, кроме фотографий Тома. Было много фотографий его самого и остальных участников группы, но также выдало много фотографий и с женщинами — с большим количеством женщин.

Мне становилось нехорошо при взгляде на фотографии этого гада, поэтому я просто сдалась и пошла спать.

Сейчас, как и прошлой ночью, я раздумываю о Томе. Хорошо, больше о его татуировках. Его тайны пробуждают во мне чертей. Я не забочусь о нём. Мне просто невероятно любопытно. Это моя болезнь. И я работаю над этим.

— Ли́ла Саммерс?

Я поднимаю взгляд от листка бумаги передо мной, на котором машинально написала слова из татуировки Тома.

Я пришла за кулисы, к нашей гримёрке, чтобы поработать над новыми текстами песен, в то время как парни репетируют на сцене, где мы будем выступать в течение нескольких часов. Честно сказать, я была не очень продуктивной в это время.

Словно мираж, передо мной стоит и широко улыбается худая модель, красивая женщина, одетая в разрисованные джинсы, и блузку с глубоким вырезом, демонстрирующим довольно много бюста. А ещё у неё длинные, безукоризненно прямые тёмно-каштановые волосы, которые обрамляют её сильно накрашенное лицо.

Я далеко не уродина. Мне часто говорили, что я копия своей мамы, и я знаю, что она была красивой. Но женщина передо мной заставляет меня чувствовать себя маленьким ребёнком. Это частично связано с тем, что я одета в надёжные кеды, рваные джинсы и футболку, на которой изображён Гомер Симпсон, одетый в одни трусы с лозунгом «Последний совершенный мужчина». Это негромоздкая, негабаритная футболка. Как и всегда, я одета неподходяще, но это же футболка с Симпсоном.

Боже, я такая неправильная.

— Э-э... да, я. Ли́ла, — отвечаю я с трепетом. Интересно, кто она.

— Ну, ты просто сногсшибательна. Фото, которое дал мне Зейн, совершенно тебя не исчерпывает. Я — Шеннон, твой стилист, — она протягивает мне наманикюренную руку.

Я поднимаю свою, с обгрызенными ногтями и облупленным лаком, и встряхиваю руку

Шеннон. После рукопожатия она садится на сиденье передо мной, опуская со своего стройного плеча на стол большую сумку.

— Я не знала, что у меня есть стилист, — отвечаю я.

Она смеётся и лопаёт пузырь от жвачки, которую жевала.

— Дорогая, конечно же, у тебя есть стилист. У всех певцов он есть. Так как это твой первый тур и мы на бюджете, у тебя будем только я и Эшли. Эшли — моя помощница.

Я чувствую онемение. Мне должны быть известны такие вещи. Я не совсем новичок в этом мире.

— Хорошо, — отвечаю я.

Затем она просто оглядывает меня сверху вниз. Я ёрзаю в кресле, чувствуя себя некомфортно. Меня никогда оценивали так, как сейчас.

— У тебя прекрасная кожа, как у куклы, и твои глаза...

Она наклоняется ближе к моему лицу. Так близко, что я чувствую мятный запах из её рта.

— Они такие... необычные. У тебя предки не азиаты случайно? — её глаза бегают между моими светлыми волосами и бледной кожей.

Я качаю головой.

— Этого я не знаю.

Моя мать была кавказкой, значит, эта черта перешла по линии Ралли. Я не знаю, кто его предки, так что предполагаю, что азиатское наследие тут вполне возможно. Хотя, если не брать в расчёт его глаза, для меня он похож на кавказца.

К сожалению, глаза мне достались от Ралли, вплоть до кристально чистого синего цвета. Я ненавижу свои глаза. Я хотела бы иметь мамины глаза, большие, как у лани. Мои не малы, но они узкие и с наклоном вниз, из-за чего имеют несколько кошачий вид. Комментарии по поводу моих глаз не редкость. Я много раз говорила, что это первое, что люди во мне замечают. По-видимому, мои глаза интригуют.

Лично я думаю, что они выглядят пустыми и холодными.

Как и моё сердце.

— Мы используем мерцающее серебро и чёрный лайнер на твоих веках с твоими как океан голубыми глазами. Дерьмо, дорогая, они будут выглядеть сногшибательно! Не то чтобы они не такие. Ты будешь палкой от парней и девушек отбиваться! — смеётся она.

Этот искренний тёплый смех подкупает меня.

— Я полагаю, у тебя есть проблемы насчёт секса, судя по тому, как ты выглядишь. Ты прямолинейна? Я всегда великолепно читаю человека, а ты смотришь прямо на меня. Я бисексуалка, — она прижимает руку к груди. — Всегда любила разнообразие в жизни, — она подмигивает и снова смеётся.

Хорошо...

Определённо информационная перегрузка.

Не могу поверить, что узнала эту женщину всего около шестидесяти секунд назад, а уже хорошо знакома с её сексуальными предпочтениями. Я могу проводить почти всё своё время с тремя гиперсексуальными мужчинами, но я не буду открыто говорить и слушать о сексе, особенно с незнакомцем, и, более того, я больше им не занимаюсь.

— Что ты думаешь о слоях? — спрашивает Шеннон.

— Э-э... что?

— Слои. В твоих волосах. Чёлка определённо тебе подходит, но я думаю, что некоторые слои на спине и вокруг лица будут выглядеть просто потрясающе.

Она встаёт на ноги и заходит за мою спину, её руки вспушивают мои волосы, вертя ими так и этак.

Боже мой, эта женщина — вихрь. Меня будто поражает хлыстом, когда я просто слушаю её.

— Да, возможно. Раз вы так думаете.

— Это новые песни, над которыми ты работаешь?

— Что? — я смотрю на стол и чуть не умираю, когда вижу всё ещё лежащий на нём листок бумаги с фразой Тома.

— Э-э... нет, это ничего.

По-видимому, я не преуспела в том, чтобы хорошо заполнить бумагу.

Шеннон наклоняется через моё плечо и говорит:

— Боже, это звучит так знакомо. *Покойся с миром, которого...*

Я сминаю листок и засовываю его в карман. Моё лицо горит.

— Лила, ты...

При звуке голоса Тома я оглядываюсь вокруг и вижу, что он стоит в дверях. Затем Шеннон неожиданно начинает вопить, словно чёртова сирена воздушной тревоги, пугая меня до чёртиков.

— О, мой грёбаный Бог! — Шеннон так запуталась в моих волосах, что немного дёргает за них, заставляя меня вздрогнуть. — Том Картер!

Она опускает мои волосы и проходит через всю комнату, прежде чем повесится на него. И когда я говорю «повесилась», я имею в виду, что её длинные ноги обёрнуты вокруг его талии, а руки обхватывают его шею. Затем она размещает свои губы прямо на нём, целуя.

Я смотрю в сторону. Моё лицо горит раздражением.

Почему я так раздражена, что она поцеловала его? И это не выглядит так, будто я хочу поцеловать его.

Хорошо... ну, может быть, мои губы хотели бы поцеловать Тома, но мой мозг говорит «нет».

Я заставляю себя посмотреть на них, чтобы наказать себя за то, что, чёрт возьми, чувствую это, но вид её длинных ног, всё ещё обернутых вокруг талии Тома, и их слившихся губ, царапает мою кожу, как иголки ревности.

Том прерывает поцелуй и обращает свой взгляд мимо неё, встречаясь с моим.

Я отвожу глаза в сторону, снова.

Хмурюсь при виде её мерцающего блеска для губ на его губах. Тру свой лоб, чтобы разгладить образовавшиеся морщины.

— Шеннон Арчер, — говорит он. — Давно не виделись.

Он знает её. Конечно, он знает её, и, судя по всему, очень хорошо.

— Слишком давно! — нараспев говорит она.

Я вижу, как она опускает прекрасные ноги на пол, но от моего внимания не ускользает, что она не отпускает его, а обнимает за талию.

— Джейк сказал, что ты здесь как тур-менеджер, но я думала, что он просто соврал мне. Однако ты здесь и разговариваешь со мной, хотя ты знаешь, что Джейк всегда дразнит меня. Но ты здесь. Том Картер, тур-менеджер. Ну, трахни меня боком. Опять же, ты готов на это на обратном пути, правильно, детка? — подмигивает она.

Меня сейчас вырвет. Меня на самом деле сейчас вырвет.

Он занимался с ней сексом.

Конечно, у него был секс с ней. Половина женского населения занималась с ним сексом.

Том смотрит мимо неё и встречается взглядом со мной, снова.

Почему он смотрит на меня?

Я опускаю взгляд, делая вид, что внезапно заинтересовалась словами в своём блокноте.

— Посмотри на себя, — говорит она, её голос звучит мягче. — Ты отрастил волосы.

Мне любопытно, поэтому я всё же бросаю быстрый взгляд.

Шеннон интимным и привычным способом пробегает пальцами по его волосам. Это заставляет мой желудок сжиматься.

— И ты отрастил бороду, — улыбаясь, она проводит ногтями над его волосами на лице. — Ты выглядишь взрослым.

Он потирает рукой челюсть.

— Я повзрослел очень давно.

— Конечно, повзрослел, но мне это нравится.

Он улыбается ей.

— Ты тоже хорошо выглядишь, Шан.

— Разве я не всегда так выгляжу? — она шевелит бёдрами. — Тебе нравятся новые девочки? — она отстраняется и выпячивает грудь. — Я только подобрала размер чашки. У меня сейчас D. Не хотела делать слишком большой, понимаешь? Терпеть не могу тех, у кого, как ты называешь, поддельные сиськи. Но они чувствуются настоящими. Я бы даже имплантами их не назвала. По ощущениям.

Том смотрит на меня. Я смотрю в сторону, прежде чем он действительно поймает мой взгляд.

Серьёзно, почему он продолжает смотреть на меня?

— Да, они чувствуются так, будто всё в порядке.

Так он лапал её. Потрясающие.

— Я же говорила. Я очень довольна ими. Мой хирург был удивительным. Они были подарком мне самой за попадание на ту сторону — за тридцать. Боже, не могу поверить, что мне тридцать пять! — стонет она. — Куда делось время?

Тридцать пять? Боже, я думала, что она была где-то моего возраста, около двадцати двух. Я бы дала ей двадцать пять, максимум. Чёрт, надеюсь, в её возрасте я буду выглядеть так же хорошо, как она.

— Да, ты старая, — смеётся Том.

— Эй! Ты не намного старше меня. Сколько тебе сейчас? Двадцать девять?

— Ага. Я ребёнок по сравнению с тобой.

— Отвали, — по-доброму насмехается она. — Ты никогда не жаловался на мой возраст, когда пихал свой член в меня. Я думала, что тебе нравятся женщины постарше.

О, Боже. Я закатила глаза, сдерживая смех над абсурдностью того, что я слышу.

Том выпускает грязно звучащий смешок.

— Ты знаешь меня, Шан. Я всегда любил любой вид женщин до тех пор, пока она горячая и играет во что-нибудь.

— Да, это я точно знаю, — хихикает она.

Я перемещаю кресло так, чтобы быть спиной к ним. Я засовываю два пальца в рот, имитируя рвоту.

— Лила?

Я поворачиваю голову на голос Тома. Мои глаза встречаются с его, и я вижу, что он хмуро смотрит на меня. Шеннон стоит рядом с ним, положив руку на его руку, её лицо сохраняет нейтральное выражение.

Возможно, он просто увидел, как я имитирую затычку? Я повернулась к ним спиной, поэтому он не должен был.

Вот дерьмо.

Я вспоминаю, что на стене есть зеркало, и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

Мои глаза встречаются в отражении с глазами Тома, он поднимает брови, и на его губах растягивается понимающая ухмылка.

Он видел, что я сделала.

Чёрт возьми.

Мои щёки горят.

Я поворачиваюсь на своем месте, чтобы посмотреть на него напрямую.

— Чего ты хочешь? — мой голос выходит острее, чем мне хотелось, что делает меня сучкой.

Выражение Тома твёрже, чем моё.

— Ты нужна на сцене для акустической репетиции.

Ой. Хорошо.

Один вопрос: почему он пришёл и сам позвал меня? Почему не послал гонца?

Освобождённая от его ора на моё детское поведение, я говорю:

— Только соберу свои вещи, — я беру свой мобильный, блокнот, ручку и бутылку воды, и кладу всё в сумку.

— Итак, какие планы на вечер после шоу? — Шеннон спрашивает Тома. — Я думаю, что мы должны встретиться. Прошло несколько лет с тех пор, как мы в последний раз трахались.

Моя спина напрягается.

Серьёзно? Чертовски серьёзно?

Я стою прямо здесь!

Шеннон достаточно хороша, и она могла бы понравиться мне, но я не могу поверить, что она пытается устроить секс-свидание с Томом, пока я стою здесь.

Какого чёрта, а как же я?

Я бросаю свою сумку на стол, отчего металлические пряжки громко звенят. Меня не волнует, грубо ли это. Я здесь не для того, чтобы стоять, как чёртов фонарный столб, в то время как эти двое устраивают постельный сеанс.

Я снова поднимаю глаза к этому чёртовому зеркалу, в которое уже смотрит Том, прожигая меня взглядом. В этот момент он пытается прочесть меня.

От его взгляда и от разговора о сексе мне становится некомфортно, и я опускаю глаза в пол. Я забираю свою сумку и вешаю её на плечо. Я более чем готова покинуть эту комнату и этих двух сексуальных маньяков.

— Извини, Шан, не могу, — произносит Том.

Что?

Я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть замешательство на лице Шеннон.

— Хорошо... ну, как насчет завтра?

Том качает головой.

Он просто... отверг её? Том Картер просто отказался от секса с женщиной?

Боже мой, я вижу звёзды?

— О, ты присмотрелся к кому-то, — с уверенностью кивает она.

Присмотрелся?

Такая возможность не даёт мне покоя.

Шеннон не кажется расстроенной или смущённой, чтобы сдуть его. Я бы на её месте огорчилась. Но опять же, я никогда не предлагала мужчине секс, как только что сделала она.

— Ну, чудеса не прекращаются? — смеётся она. — Том Картер успокоился! — она хлопает в ладоши.

Том вообще не реагирует на неё. На самом деле, всё, что он делает, — это смотрит прямо на меня.

Почему он так на меня смотрит?

И почему его глаз дёргается?

Что, чёрт возьми, с ним не так?

Шеннон поворачивается и следует за его взглядом. Её брови поднимаются. Она смотрит на Тома, а потом снова на меня. Она ухмыляется.

Почему она ухмыляется? Я что-то пропустила?

— Ты встречаешься с Лилой! — восклицает она. — Господи, Том! Почему ты раньше мне не сказал?

Ли́ла

Секундой позже — За кулисами клуба, Сиэтл

Я дёргаюсь в шоке, как будто в меня выстрелили.

Что?

Какого чёрта?

— Нет! — кричу я. — Он не встречается со мной! Я имею в виду, что мы видимся, конечно, но мы не пара. Мы не спим вместе. Боже мой! — я провожу рукой по волосам. — Том и я не вместе! Конец! — я тычу пальцем в направлении Тома. — Скажи ей.

Он ничего не говорит. Он выглядит совершенно невинным. Ничего, кроме хитрой улыбки на его самодовольном лице, которую я готова миром стереть.

Во что, чёрт возьми, он играет?

Шеннон снова переключает внимание с одного на другого.

— Хорошо... — протягивает она со смущённым взглядом на лице. — Я поняла, — она подмигивает мне и, понижая голос, говорит: — Не волнуйся, Ли́ла. Я умею хранить секреты.

Секреты! Какие секреты? Это не секрет, чтобы его хранить!

Господи, я чувствую, будто оказалась в параллельной вселенной.

— Э-э... нет нужды хранить никакого секрета, потому что его нет, и между мной и Томом ничего не происходит, — с каждым словом мой голос поднимается на октаву выше.

Я выжидающе смотрю на Тома, отчаянно пытаюсь ему сказать, чтобы он рассказал ей правду. Но он ничего не говорит, просто стоит и ухмыляется, дерьмо. Так что в принципе он не приносит мне никакой пользы, как шоколадный костюм для пожарного.

— Ах! — я поднимаю руки в воздух, злясь ещё больше.

Я понимаю, что если останусь ещё хоть на минуту, то изобью Тома Картера до смерти.

— Понятия не имею, что, чёрт возьми, здесь происходит! Особенно с тобой! — я указываю на Тома. — У меня нет времени на это странное дерьмо, поэтому я оставлю вас с вашим сумасшествием. Я собираюсь пойти на сцену, и сделать свою работу. Приятно познакомиться, Шеннон. Том, надеюсь, что не увижу тебя... никогда!

Я топаю мимо них и мгновенно выхожу за дверь, моё лицо пылает как печь.

Что, чёрт возьми, это было? Почему Том позволяет Шеннон думать, что мы вместе?

Чёртов Том Картер!

Может быть, он сошёл с ума. Он, кажется, отличается от того парня, которого я знала раньше. И он похож на бродягу с волосами и бородой.

Мужчины! Видите? Вот, почему я держусь от них подальше. Все они сумасшедшие ублюдки.

— Мы не вместе? — слышу позади себя опьяняюще глубокий голос Тома.

Волосы на моём затылке становятся дыбом от его баритона.

Я игнорирую свои ощущения, поворачиваюсь и даю волю гневу, выплёскивая всё, как чертов дождь, на него.

— Что, чёрт возьми, ты несёшь? Ты потерял свой чёртов разум? — кричу на него, и он полностью этого заслуживает. — Почему ты позволяешь Шеннон думать, что ты и я вместе?

Он хмурит лоб. Находясь так близко к нему, я замечаю маленькую симпатичную линию, появившуюся из-за того, что он нахмурился.

Симпатичную? Господи, Ли́ла. Думай об игре.

— Я ничего не сделал для того, чтобы Шеннон так думала, — спокойно отвечает он.

— Э-э... да, ты сделал. Она предположила, что ты с кем-то встречаешься, а ты посмотрел прямо на меня! Я имею в виду, что за чёрт, Том? Мы даже не нравимся друг другу.

Он слегка улыбается.

— Ну, это не совсем правда, — он оглядывает моё тело ленивым взглядом.

Я ненавижу, что под его пылким взглядом моё тело горит как грёбаный фейерверк на четвёртое июля (*прим. ред.: 4 июля — День независимости США*).

— Мне *определённо* нравится твоё крепкое маленькое тело, а плоский живот просто умоляет меня облизать его, ну, а твои сиськи, *дерьмо*, Фейерверк, — говорит он грубым голосом, отчего мне становится жарко.

Я практически чувствую его слова своим телом, будто он прикасается ко мне каждым из них.

Он подходит ближе, задерживая дыхание, и я обнаруживаю, что моё тоже перехватило.

— И твоё лицо... прекрасное, действительно прекрасное, — он резко выдыхает, и горячий мятный воздух попадает мне в лицо. — Скажу честно, единственное, что мне в тебе не нравится... это то, что у тебя нет фильтра, и, к тому же, беспощадный рот!

— Ах! — я с силой толкаю его в грудь. — Трахни меня! (*прим. ред.: в оригинале «Screw you», что также означает «Пошёл ты»*)

— О, с удовольствием. Если бы я увидел, как ты едешь на моём члене, это сделало бы мой грёбаный год намного лучше, — говорит он с мужественным стоном, ухмыляясь мне.

— Ах! Ты ужасен! Ты никогда не остановишься?

— Когда дело доходит до тебя, Фейерверк, я никогда не останавливаюсь. *Никогда.*

Взволнованная и возбуждённая, злая и растерянная, я сжимаю бёдра вместе, пытаюсь сохранить вирджинию под контролем, и складываю руки на груди. Всё это время я взглядом метая в Тома кинжалы.

Но он всё равно пялится. Его грудь вздымается вверх и вниз.

Затем мой гнев как ветром сдувает, и я чувствую себя вялой.

Пусть стартует первое шоу тура.

Я потираю нос.

— Это только первый день, Том, а мы уже наорали друг на друга. Это не очень хорошо — всё это. И то, что ты просто отмахнулся там... *Господи*, ты пересёк черту, — с разочарованием говорю я.

Том поднимает глаза и смотрит на меня. В этот момент я реально вижу в них тени, впервые, как мне кажется.

— Хорошо, — выдыхает он. — Ты права. Прости.

Я не могу себе представить Тома Картера, извиняющегося перед кем-либо, но я принимаю тот факт, что он просто извинился передо мной, если он это и имел в виду.

— Я пересёк линию. Не совсем разубеждал Шеннон в её предположении, что ты и я спим вместе. Это не оправдывает меня. Технически, я ничего не сказал.

Я раскрываю руки, протягивая их в его направлении.

— Но это ещё хуже!

— В каком смысле?

— Я не знаю! — говорю я растерянно. — Просто так и есть! — я засовываю руки в волосы. — Я не понимаю тебя, Том. Почему ты хочешь, чтобы Шеннон думала, что мы встречаемся?

Он перемещается и засовывает руки в карманы. Ему на самом деле неудобно.

Интересно.

— Потому что я не хочу заниматься сексом с Шеннон. Если бы ты ушла, она бы не приняла «нет» в качестве ответа, но она хорошая девушка, и я давно знаком с ней. Я не хотел ранить её чувства, а отступит она, только если подумает, что я с кем-то встречаюсь.

Ах...

Я на самом деле смягчаюсь к нему.

Знаю. Я должна хлопнуть и себя тоже.

— Но ты бы мог сказать, что встречаешься с кем-то ещё. Это не обязательно должна была быть я.

Он выглядит запутавшимся.

— Но ты была единственным человеком в комнате.

Я испускаю смешок.

— Том, встречаться с женщиной не означает, что она должна быть в комнате в то же самое время. Если бы ты просто выдумал имя, я уверена, что для Шеннон этого хватило бы.

Он пожимает плечами, его губы сжимаются в улыбке.

— Это не приходило мне в голову.

Я закатываю глаза.

— Да, ну, просто убедись, что придёт в следующий раз, ладно? — я прислоняюсь к стене, глядя на него. — Ты часто это делаешь?

Он прислоняется спиной к противоположной стене, отражая мою позу.

— Что я часто делаю?

— Создаёшь воображаемых подружек, чтобы увернуться от секса с женщинами? Знаешь, ты мог бы просто отказать им.

— Я никогда не уклонялся от секса с женщиной, которая предлагала его мне, до сегодняшнего дня.

Мне не нравится то, что я чувствую, когда он признаётся в этом.

— Итак, почему же ты увернулся на этот раз? Почему бы просто не заняться этим с ней? Я думала, что это как раз *твой случай*.

Он отталкивается от стены и снова приближается ко мне.

— Секс — моя вещь. Это просто... — он проводит рукой по волосам. — Некоторые вещи просто всё изменили.

Я смотрю в его глаза. Во рту пересыхает, и мой мозг затуманивается от свежего аромата его одеколона.

— Я прослежу, чтобы Шеннон узнала, что мы не встречаемся.

Его слова выдёргивают меня из тумана.

— Хорошо, — я выпрямляю спину и отхожу от него. — И убедись, что ты сделаешь это в ближайшее время. Я не хочу, чтобы Шеннон начала рассказывать другим людям, что мы вместе.

Он следует за мной, сокращая расстояние между нами.

— Почему мысль о том, чтобы быть со мной, настолько плоха?

Моя очередь поднимать бровь.

— В самом деле? Я думаю, что это совершенно очевидно. Во-первых, — я поднимаю один палец, — это мой первый тур, а ты мой тур-менеджер. Я не хочу получить такую репутацию в этой отрасли, как будто я пытаюсь прославиться через постель. Во-вторых, ты мой *тур-менеджер*! И, в-третьих, я ненавижу бороды!

Я действительно не знаю, почему сказала последний пункт, потому что на самом деле это не так. Кажется, мне наоборот нравится то, как Том выглядит с ней.

Его лицо принимает раненое выражение, когда он проводит рукой над линией волос, покрывающих его подбородок. Звук, который исходит от того, что он проводит по щетине

грубыми пальцами, пробуждает дрожь в моём теле.

— Да ладно, Фейерверк, ты не можешь ненавидеть бороду. Я выгляжу как роуди. Не кажется ли тебе, что это работает на меня? (*прим. ред.: роуди — технический менеджер тура, человек, ответственный за погрузку и выгрузку аппаратуры во время концертов и гастролей*).

— Нет. Ты выглядишь как бродяга.

Он запрокидывает голову и громко смеётся.

Звук воспламеняет меня, как стремительный огонь. Я чувствую это каждой цензурной горячей точкой.

Я кусаю губы, чтобы остановить, грозившееся вырваться, хихиканье.

— Зато с твоими волосами всё в порядке. Мне больше нравится, когда они длиннее.

— Что это, Фейерверк. Неужели комплимент?

— Нет, — я смотрю в его улыбающиеся глаза.

— Значит, если бы я избавился от бороды, но сохранил волосы, ты бы притворилась моей девушкой, чтобы спасти меня от Шеннон во время тура?

— Э-э... — я тру лоб, размышляя. — Нет.

— Чёрт, — хихикает он.

Я снова начинаю идти, а Том всё так же следует за мной.

Когда мы подходим к двери на сцену, я поворачиваюсь к нему. Я заинтересована в том, чтобы задать этот вопрос ещё раз и получить на этот раз правдивый ответ.

— Почему ты хочешь, чтобы я была твоей девушкой и отталкивала других женщин? Я думала, что женщины — твоё любимое времяпрепровождение.

— Как я уже говорил, всё меняется, — он пожимает плечами, затем отводит взгляд и смотрит на коридор. — Думаю, я был последним совершенным мужчиной.

— Что?

Он поворачивается лицом ко мне и кивает на мою рубашку.

— Ах, да, — я выпускаю смешок, поглаживая рукой изображение Гомера. — Надеюсь, надела её на удачу. Гомер лучше любого мужчины. Он идеальный, — я сверкаю дерзким оскалом.

— Большие живот и задница — твой идеал — отмечено должным образом. Теперь мне понятно, почему ты отказывала мне. Спасибо, бл*дь, что это выяснилось. Теперь моё это полностью восстановлено.

Я закатываю глаза.

— Ты такой парень.

— Я чертовски на это надеюсь, Фейерверк. С размером моего барахла, я бы забеспокоился, если бы это было не так.

— Боже мой! — смеюсь я. — Ты просто не можешь помочь себе.

Он по-мальчишески ухмыляется, посмеивается и пожимает плечами. Я чувствую его хихиканье, будто шёпот по коже.

Господи помоги мне.

— Ты знаешь, Лила, — низким голосом говорит он, — Генри похож на Гомера Симпсона. Могу поспорить, если ты разденешь его до трусов в обтяжку, ты бы нашла своего идеального мужчину прямо там.

Я бормочу, смеясь, и это оборачивается тем, что я давлюсь собственной слюной.

Классно, Лила. Реально классно.

— Полегче, тигр, — Том наклоняется и гладит мою спину, пока я пытаюсь перестать кашлять. — Это первое шоу тура и сегодня вечером нам нужно, чтобы твой вокал был в хорошей форме.

Я потираю грудную клетку, пытаюсь прийти в себя, делая при этом глубокие вдохи.

— Ты в порядке? — он кладёт руку на моё плечо.

Он даже не касается моей кожи напрямую, просто нежно прикасается кончиками пальцев через хлопок моей футболки, однако это место на моей коже горит, клеймя меня.

Моё сердце начинает колотиться в груди.

Его рука на мне, и это чувствуется правильно... слишком правильно.

Воздух вдруг наполняется чем-то.

Нет.

Я вырываю плечо, быстро отстраняясь от его прикосновения.

— Что это с тобой и футболками с изображением мультфильмов? — спрашивает Том, упуская предыдущий момент. — Насколько я вижу, это третья, которую, ты носишь на протяжении двух дней.

Он считает?

При нём я носила ещё и синюю футболку «Мой маленький пони: Дружба — это чудо» в сочетании со своими голубыми пижамными шортами, в которых спала прошлой ночью.

Да, Том видел меня в пижаме. Он шёл к своей койке, когда я выходила из ванной.

— Я люблю мультфильмы, — и пожимаю плечами.

Факт в том, что я собираю футболки с изображением мультфильмов из-за моей мамы.

Это началось, когда она должна была поехать в Париж на шоу. Я не могла поехать с ней, и она чувствовала себя виноватой, поэтому пошла в Диснейлэнд и привезла мне домой ведро игрушек и одежды, чтобы наверстать упущенное. Из всего, что она привезла для меня, я больше всего полюбила футболку с Русалочкой. У меня была серьёзная любовь к Принцу Эрику. Я носила эту футболку всё время, даже спала в ней. По-видимому, я помешалась на этом. Таким образом, для того, чтобы заставить меня носить что-то другое, со следующей поездки она привезла мне новую футболку: с мультфильмом «Красавица и Чудовище». Конечно же, я полюбила и её. Я носила её попеременно с футболкой Русалочки.

Впоследствии это стало нашей традицией. Каждый раз, когда она уезжала, я получала новую футболку с мультфильмом.

Теперь мама навсегда покинула город, так что в её честь я покупаю себе новую футболку всякий раз, когда нахожусь в командировке. И я выкрою себе время, чтобы покупать новую в каждом городе, в который мы приедем с туром. По меньшей мере, по одной на каждый штат.

Я слышу успокаивающий звук гитары через дверь позади меня. Мои товарищи готовятся к вечеру. Затем Сонни начинает играть на барабанах. Я слишком хорошо знакома с барабанными ударами. Тепло распространяется по мне.

Улыбаясь, я говорю:

— Я должна быть на сцене, — я тянусь к дверной ручке.

— Лила?

Я поворачиваюсь.

— Извини... за то, что произошло ранее. Этого больше не повторится.

— Хорошо, — я коротко ему киваю.

Затем открываю дверь и спешу на сцену, чтобы присоединиться к моим мальчикам, оставив Тома там, где он стоит.

Лила

Следующий день — Тур-автобус, по дороге в Бойсе

Я просыпаюсь, испытывая чувства, гудящие в моих жилах ещё со вчерашнего концерта.

Учитывая, что это первый концерт и что у всех нас уровень нервозности зашкаливал, он прошёл удивительно. После него мы выпили несколько напитков за кулисами с другими группами.

Том заметно отсутствовал.

Он был там, когда мы пришли за кулисы, но исчез вскоре после этого. Я даже не получила шанса поговорить с ним, не то чтобы я нуждалась в этом. Просто приятно было бы услышать, что он думает о нашем первом выступлении.

Но, когда мы пришли за кулисы, он разговаривал с потрясающей брюнеткой. И, так как она стояла вплотную к нему, я была уверена насчёт её намерений провести с ним время, и я не видела, чтобы он отталкивал её.

Его взгляд встретился с моим, а затем скользнул вниз по моему телу. Его глаза расширились и вспыхнули, когда он посмотрел на мою грудь, выпячивающуюся из чёрного корсета, в котором, на самом деле, дышать было легче, чем могло показаться на первый взгляд. Я видела, когда его взгляд опустился на мои обтягивающие чёрные джинсы, которые Шеннон порезала ножницами. Она покромсала их от верха бёдер до лодыжек, создавая впечатление рваных. Губы Тома изогнулись в самой сексуальной улыбке, которую я когда-либо видела, когда он увидел серебряные шпильки на моих ногах.

Тепло распространилось по всему моему телу, когда он бесстыдно рассматривал меня.

Мои густые волосы были уложены свободными волнами, ниспадающими по спине, макияж был нанесён в стиле смоки-айс, а на губах переливался блеск.

Я знала, что выглядела горячо, и солгала бы, сказав, что мне не понравилось удивление Тома, когда я смотрела на него.

Затем красотка-брюнетка прижалась к нему ещё плотнее. Она что-то прошептала ему на ухо, когда я отвернулась, чтобы сказать Кейлу, что отлучусь в туалет.

К тому времени, как я вернулась, Том уже ушёл с брюнеткой.

Я знала, почему Том делает... *всё, что угодно* с ней.

И я игнорировала болезненные чувства, которые возникали при мысли об *этом*.

Итак, я пила с моими мальчиками, не желая возвращаться в автобус и, возможно, наткнуться на Тома и брюнетку.

Я весело проводила время, с удовольствием наблюдая, как Шеннон и её помощница, Эшли, флиртовали с моими мальчиками.

Эшли — симпатичная блондинка, которая носит слишком короткие юбки и топы с глубоким вырезом. «Заниженные» — слово, которое Эшли, кажется, не знает.

Я встретила её перед концертом, когда она и Шеннон подготавливали нас. Шеннон была сосредоточена на мне — волосы, макияж и одежда — а Эшли работала с Ван, Сонни и Кейлом. Им не требовалось много помощи.

Все они имеют качество, какое раздражает такого человека, как я. Независимо от того, что они носят, они выглядят горячо, в то время как я, наряду с большинством женщин, должна хорошенько поработать над тем, чтобы выглядеть потрясающе.

Я неплохо одеваюсь. Просто не очень беспокоюсь по этому поводу. Я счастлива в джинсах и

футболке. Конечно, я знаю, как одеваться для концерта. Я одевалась так в течение долгого времени. Но представления Шеннон об одежде отличаются от моих, и я должна сказать, что мне нравится одежда, которую она подбирает для меня. Она как будто просто знает, что именно будет отлично смотреться на мне.

За то время, что я с ней провела, она реально начала мне нравится. Она смешная, когда не пытается украсть у меня ребят, ну, в основном, Тома. К счастью, она не упоминала его или то, что случилось раньше. Я предполагаю, что они выяснили некоторые вещи.

Когда после концерта мы выпивали, Эшли флиртовала с Кейлом. Но я знала, что он не был заинтересован.

Я знаю, какой тип девушек нравится Кейлу, и она не такая. Он предпочитает рыжих или брюнеток. Я никогда не видела его с блондинкой.

Когда Эшли поняла, что он не заинтересован, она переключилась на Вана, который был более, чем счастлив развлечь её.

Я уверена, что он некоторое время развлекал её в уборной.

Шеннон и Сонни долго разговаривали друг с другом. У меня сложилось впечатление, что он понравился ей. И я знаю Сонни. Если горячая женщина проявляет к нему интерес, то он смотрит на неё как белые на рис. Шеннон значительно старше Сонни, ему исполнится только двадцать четыре года, но я знаю, что это его не беспокоит. Я видела, как Шеннон действует с Томом — намекаю на тошнотворный момент — и знаю Сонни, поэтому удивляюсь, почему он и Шеннон не переспали. Я знаю это, потому что Сонни остался со мной и Кейлом. Ван вернулся после того, как закончил с Эшли, и мы вместе вернулись в автобус.

Когда мы прибыли, то автобус был погружён в темноту. Том уже был в своей койке, спал, так как его занавеска была опущена. Он, вероятно, устал от того, что делал с брюнеткой.

Я смыла косметику с лица и переделалась в пижамные шорты, прежде чем лечь в постель. И прежде, чем моя голова коснулась подушки, отключилась.

Я растираю глаза после сна и тянусь к тумбочке за телефоном. Проверяю время — десять часов.

Я голодная, хочу воды, и мне страшно нужно в ванную. Поэтому поднимаюсь с постели и спокойно перемещаюсь по едущему автобусу.

Дверь скрипит, когда я открываю её, и до меня доносится какое-то движение на кухне, так что я проскальзываю прямиком в ванную.

Здесь всё заполнено паром. Кто-то встал пораньше и уже принял душ. Зная своих мальчиков, я не думаю, что они встали бы так рано, так что это, должно быть, Том.

Мой желудок делает маленькое сальто, когда я думаю о том, что он принимал здесь душ.

Я стираю из головы образ мокрого Тома в душе. Я писаю, чищу зубы и завязываю волосы неряшливый узел.

Выходя из ванной, вижу, что занавес возле койки Тома открыт.

Мой желудок оживает из-за знания того, что он здесь, что является сумасшедшим.

Сколько мне? Двенадцать?

Я выбрасываю влечение к Тому из головы, готовясь к встрече с ним.

Это длится около трёх секунд, пока я не вижу, что он сидит за столом, и мои гормоны включают вторую передачу. С ещё влажными волосами, он одет в старую на вид футболку и рваные синие джинсы. Перед ним чашка кофе и пустая миска, а также коробка Несквика и пакет молока в стороне. У него в руках газета.

Но одна вещь исчезла — борода. Он чисто выбрит.

Он сделал это из-за меня? Из-за того, что я сказала, что ненавижу его бороду?

Не будь такой тщеславной, Лила.

Сделав глубокий вдох, я расправляю плечи и иду к нему.

Его глаза поднимаются от бумаги ко мне. Этот взгляд почти прожигает дыру в моих трусиках.

— Доброе утро, Фейерверк, — растягивает он. Его голос глубокий и хриплый.

Сногшибательный.

Я игнорирую прозвище «Фейерверк». Полагаю, нет смысла спорить, потому что ему из-за этого станет только лучше.

Я улыбаюсь и заставляю себя говорить нейтрально.

— Доброе утро.

Решив присоединиться к Тому и съесть кашу для детей, я поворачиваюсь к шкафу. На цыпочках тянусь вверх и достаю миску, а потом беру ложку из ящика. После этого занимаю место напротив Тома, высыпаю Несквик и заливаю его молоком.

Когда я гляжу на Тома, то вижу, что он смотрит на мою грудь, а его зелёные глаза горят. Обычно у него нефритовый цвет глаз, но сейчас они словно горят синим.

Именно тогда я понимаю, что не надела лифчик.

Дерьмо.

И именно в этот момент мои соски напрягаются под внимательным и разгорячённым взглядом Тома.

*Бл*дь, грёбаное дерьмо.*

Хорошо, я могу выбрать один из двух вариантов. Первый: в смущении убежать в комнату и надеть лифчик — но я знаю, что если сделаю так, то это даст ему повод, чтобы дразнить меня. Второй: вести себя спокойно.

Я выбираю второе.

Подняв руки над головой, я притворяюсь, что потягиваюсь, и от этого, конечно, мои девочки выдвигаются в его сторону.

Я должна сдерживать смех от взгляда на его лице. Его глаза так широко раскрыты, что похожи на блюдца.

Затем он проводит языком по нижней губе.

Огонь разгорается между моих бёдер.

Сглатывая, я опускаю руки. После чего говорю сладким голосом:

— Э-э, Том?

Он медленно поднимает свои глаза к моим. Он всё ещё переводит взгляд туда, и я должна перестать извиваться под его похотливым взглядом.

— Если физиология человеческого тела за ночь не изменилась, то глаза здесь, — я указываю двумя пальцами на свои глаза.

Его лицо разрывается от улыбки, и он хрипло смеётся. Он опускает газету на стол.

— Извини. Просто у тебя большая грёбаная грудь. Трудно туда не смотреть, — он кусает зубами нижнюю губу.

Пламя охватывает заднюю часть моей шеи и лицо.

— Ну, попробуй сделать всё возможное. Уважение работает в обоих направлениях.

Он поднимает плечи.

— Ты могла бы носить лифчик. Это могло бы помочь. Хотя на самом деле, нет, это не поможет.

— Боже, ты такая свинья! — восклицаю я. — Серьёзно, ты хотел бы, чтобы я просто сидела и смотрела на огромную выпуклость в твоих штанах весь день?

Неужели я на самом деле просто сказала это? И я действительно называла его выпуклость огромной?

О, Боже.

Широкая ухмылка распространяется по его великолепному лицу.

— Фейерверк, ты спрашиваешь меня, не хотел ли бы я, чтобы ты сидела и смотрела на мой член весь день? — он ухмыляется и вопросительно смотрит на меня. — Ты уверена, что хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос? Потому что ты знаешь, что это будет потрясающе...

Я поднимаю руку вверх, останавливая его.

— Стоп! Серьёзно, я не хочу знать, — я смеюсь, когда произношу это, и Том вознаграждает меня мальчишеским смехом.

Улыбаясь, я окунаю ложку в кашу и поднимаю её.

Том наблюдает за мной, но веселья на его лице уже нет, он стал более серьёзным. Его пальцы начинают стучать по столу.

Я глотаю кашу с молоком.

— Всё в порядке? — спрашиваю я, показывая на него своей ложкой.

— Я разговаривал с Джейком прошлой ночью. Он рассказал мне, что Ралли — твой отец.

Каша, которую я проглотила, превращается в бульжник.

Я опускаю ложку в миску.

— Ох, верно. Хорошо... и у тебя какие-то проблемы с этим?

Он в замешательстве наклоняет голову в сторону.

— Почему у меня должны быть с этим проблемы?

— Потому что мой отец — сволочь, и он доставил тебе и твоим друзьям множество проблем.

— Поверь мне, мы переживали вещи и похуже, чем то, что бросал в нас Ралли.

— Теперь я не нравлюсь тебе из-за связи с ним?

Он шаловливо улыбается.

— Ах, так тебе не всё равно, нравишься ты мне или нет?

Не желая отвечать на *этот* вопрос, я уклоняюсь и пожимаю плечами. Я снова беру ложку и начинаю есть.

Том складывает пальцы вместе и наклоняется ко мне. Я не хочу, но смотрю. Сильные мужские руки. Руки, которые он, без сомнений, знает, как использовать. Они выглядят грубо от многих лет игры на бас-гитаре. Я могу только представить, насколько хорошо они будут чувствоваться на моей коже.

— Джейк объяснил твою ситуацию, — говорит Том, в результате чего моё внимание возвращается к нему, — и как обстоят дела у тебя с Ралли. Но даже если бы ты общалась с ним, это не изменило бы моего мнения о тебе.

— Спасибо, — улыбаюсь я. — И я действительно имею это в виду.

Он кивает и опирается на спинку сиденья.

— Итак, ты знаешь, кто мой отец — сволочь музыкальной индустрии. Предполагаю, что ты знаешь, что моя мать...

— Милочка в этом. Твоя мама красива, Лила. Действительно талантливая. Судя по фотографиям, которые я видел, ты выглядишь так же, как она, и это хорошо. Если ты была бы похожа на Ралли, то это был бы грёбанный отстой, — усмехается он.

Я смеюсь.

— Я сожалею, что ты потеряла её.

И моё настроение падает, прямо вместе с ложкой в миску передо мной.

— Да, я тоже.

— Расскажи мне о ней.

Волна неопределённости движется через меня. Он знает о моей матери. Каждый знает. Она

была бульварным кормом для прессы на протяжении большей части своей короткой жизни. Каждый вдох, который она делала, был задокументирован.

Просьба Тома согревает те уголки моей души, которые очень долго не знали тепла.

— Я уверена, что ты знаешь большинство из этого из газет.

— Да, я знаю, что пресса писала о твоей маме. Но я не знаю, какой она была на самом деле, кем она была для тебя.

Я смотрю на него, потрясённая глубиной в его словах. И это то, что заставляет мои губы двигаться:

— Моя мать была ребёнком-звездой. Сначала телевидение, затем она перешла на пение. Она быстро стала одной из самых знаменитых певиц страны, которую мы когда-либо имели.

— У неё был удивительный голос, Лила. Твоё звучание, когда ты поёшь очень похоже на её.

Его комплимент поражает меня прямо в сердце.

— В общем, ты знаешь, что она была красивой и талантливой... но также она была доброй и милой, и такой умной. Действительно имела здравый смысл, понимаешь? А затем на каком-то сборе средств она встретила Ралли. Он захотел её, а ты знаешь, на кого он похож, когда чего-то хочет. Во всяком случае, моя мама подписала контракт с АМЭ (*прим. ред.: Американ Мьюзик Энтертеймент*), когда ей было девятнадцать. Она находилась в промежутке между стадией выхода из рамок ребёнка-звезды и превращением в женщину, которой она стала. Ралли сыграл важную роль в принятии этого. Они поженились через год после того, как она подписала контракт с АМЭ, а через год после этого родилась я. Мы были счастливы в течение этого времени, — я облегчённо выдыхаю. — И вот тогда Ралли стало скучно, как и всегда. Когда что-то перестаёт быть проблемой, он идёт и находит новую, которой стала Таня Олсен. Ты слышал о ней?

Том качает головой.

— Сейчас она не здесь. Думаю, она выступает на круизных судах в эти дни. Она была ещё одной из списка тех, кого трахал Ралли. Во всяком случае, Тане было девятнадцать лет, на вершине и в ближайшем будущем поп-певица. Он подписал её АМЭ, но, очевидно, интерес Ралли не остановился на музыке, — я закатываю глаза. — Он не был сдержан в этом деле. Каждый человек, в том числе и моя мать, знал об этом, и когда они, наконец, попали в таблоиды, это послужило ему оправданием, чтобы оставить нас.

— Сколько лет тебе было, когда он ушёл?

— Четыре.

— А когда ушла твоя мама?

— Восемь.

— Она умерла от передозировки, правильно?

Я оборонительно смотрю на него и поспешно говорю:

— Она не покончила с собой.

— Эй, — положив руки на стол, он наклоняется вперёд. — Я никогда не говорил, что она так сделала.

— Извини, — я шумно выдыхаю.

Опираюсь локтями на стол и кладу голову на руки. Неожиданно вырывается слеза. Я осторожно вытираю её рукавом.

— Просто это то, что все говорят: она покончила с собой — но я знаю, что она этого не делала, — я поднимаю глаза к нему. — Она бы никогда не оставила меня так, не преднамеренно.

На его лице отображается доброта, однако есть и нечто большее... беспокойство.

— Ты хочешь поговорить об этом? — тихо спрашивает он.

Я качаю головой.

— Я не говорю о том, что произошло... никогда.

Единственным человеком, с которым я когда-либо действительно говорила об этом, был Декс.

— Ну, может быть, пришло время, чтобы сделать это, — настаивает он. — Я сделаю нам кофе, а затем ты сможешь рассказать.

Я вижу, что Том запутался. Он ничего не говорит. Тишина нарушается лишь закипающим чайником и моим колотящимся сердцем.

Том ставит кружку дымящегося кофе передо мной и снова садится, держа свою собственную кружку обеими руками.

Я отталкиваю недоеденную миску каши, мой аппетит исчез. Мои руки оборачиваются вокруг кружки, притягивая её ближе.

— Значит, когда она умерла, тебе было восемь лет.

— Да. Нянька ходила со мной на школьные экскурсии несколько дней. Когда мы вернулись домой, я обнаружила тело матери на её кровати. Она выпила коктейль из таблеток и водки. Смерть наступила за целый день до этого. Она была там совсем одна.

Стекает глупая слеза, но я быстро смахиваю её.

— Ей было всего двадцать девять, — мои слезящиеся глаза встречаются с его. — На семь лет больше, чем мне сейчас.

— Слишком молодая. Но говорят, что великие всегда умирают молодыми.

По его выражению лица я вижу, что он думает о Джонни Криде.

— Ты скучаешь по Джонни.

Его взгляд поражает меня, сильно.

— Каждый чёртов день. Значит, после того, как мама умерла, ты жила с Ралли?

— Нет. С моей тётёй, Стеф, сестрой моей мамы, и её мужем, дядей Полом. У них уже был ребёнок, Декс, мой двоюродный брат, который стал моим братом за ночь, — я делаю глубокий вдох. — Ралли не хотел меня.

Гневный взгляд на лице Тома делает больно от открывшегося факта непринятия Ралли. Я стараюсь пожать плечами так, как будто это не имеет значения.

— Это не было неожиданностью, — говорю я, стараясь казаться непринуждённой. — Я едва видела его после того, как он оставил нас и женился на Тане.

— Он был женат несколько раз, правильно?

— Мы натолкнулись на жену номер семь в прошлом году. Ольга, шведская супермодель, которая на два года моложе меня, — я закатываю глаза.

Том посмеивается глубоким звуком.

Я делаю глоток кофе.

— Это именно то, что делает Ралли. Получает умных, талантливых и красивых женщин — ну, может быть, называть Ольгу умной будет преувеличением.

Я дерзко улыбаюсь, и Том снова смеётся.

— И он разрушает их. Он сделал это с моей матерью. Я знаю, что для всего мира она выглядела так, будто была в порядке, но на самом деле всё было иначе. Конечно, она ездила на гастроли и записи, но она была сломлена, — я смотрю на стол. — Я слышала её плач по ночам, когда она думала, что я сплю.

Том дотягивается и сжимает мою свободную руку.

Его прикосновение — это уже слишком для меня, я освобождаю руку под предлогом необходимости поднести ей свою чашку кофе ко рту.

— Она лечилась лекарствами, благодаря чему проживала день. Я не знала. Я должна была заметить это.

— Как именно? Ты была ребёнком. Поверь мне как взрослой мужской заднице, я наблюдал, как Джейк разваливается прямо перед моим носом, и не понимал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Некоторые люди просто слишком хорошо скрывают некоторые вещи.

Я удивлённо смотрю на Тома. Из-за того, что мы ведём этот разговор. Из-за того, что у Тома есть эта сторона.

Но больше всего я удивлена потому, что я говорю ему эти вещи. Открываюсь ему. И теперь, начав, мне кажется, что я не хочу останавливаться.

— Но сейчас с Джейком всё хорошо, — говорю я.

— Да, но не благодаря мне, — он проводит рукой по волосам.

— Не принижай себя. Ты хороший парень, Том.

— Тебе лучше быть осторожной, Фейерверк. Мне нравятся эти комплименты, и я начну требовать их всё время.

— Ты мут, — ухмыляюсь я.

— Лучше, — подмигивает он.

— Я не хороший парень, ну, раньше не был, но я работаю над тем, чтобы стать им.

Я смотрю на его искреннее лицо, немного шокированная его откровенностью и честностью.

— Ты не плохой парень. Плохой парень — это тот, кто пересылает через четырёхлетнюю дочь документы, предназначенные для её матери.

Черты лица Тома напрягаются, гнев зажигается в его глазах.

— Он сделал что? — вскипает Том.

Я скрываю свою боль, потягивая кофе и задаваясь вопросом: почему, чёрт возьми, я просто сказала ему это. Но теперь я должна рассказать и остальное.

— В первый раз после своего ухода, когда Ралли пришёл забрать меня... ну, моя мама... она была потерянной, когда увидела его. Умоляла его вернуться, — я съёживаюсь, вспоминая и ненавидя то, как Ралли принижал мою мать.

— Конечно, мама расстроилась, так что я начала плакать. Ралли взял меня на руки, унёс оттуда и посадил в свою машину. Я не переставала плакать, так что он повёз меня за мороженым. Целый час мы просидели с этим мороженым, и всё это время он разговаривал по телефону. Затем он сказал, что у него сделка, на которой он должен присутствовать, и отвёз меня домой. Он остановился перед моим домом, но не выходил. Только протянул коричневый конверт и сказал, чтобы я отдала его своей матери. Оказалось, что в конверте были документы на развод, а он использовал меня, чтобы передать их ей.

Я помню, как шла к двери, а моя мать ждала внутри. Ралли уехал прежде, чем я открыла дверь. Я протянула ей конверт, а её рука начала дрожать, когда она взяла его у меня. Я до сих пор слышу опустошённый тон в её голосе, когда она сказала мне, чтобы я пошла в свою комнату. Но вместо того, чтобы послушаться, я спряталась на лестнице, наблюдая за тем, как она вскрывает конверт и достаёт бумаги. Она привалилась к стене, и на мои глаза снова навернулись слёзы.

До сих пор помню разбитое и опустошённое лицо моей матери.

— Чёрт, Лила. Я знаю, что ненавижу этого парня по уважительной причине.

— Да. Это был последний раз, когда Ралли приходил повидаться со мной. С детства мои отношения с Ралли — это разговоры с его личным помощником; подарки, карты — всё это делал его ассистент. Это послужило очень хорошим поводом, чтобы возненавидеть его, — я смотрю на Тома. — Знаешь, он даже не пришёл на похороны моей матери. Не позвонил, чтобы узнать, в порядке ли его восьмилетняя дочь после смерти матери.

— Некоторые люди не заслуживают того, чтобы иметь детей. Я всегда говорю, что семья на первом месте.

Я улыбаюсь.

— Моя тётя Стеф и дядя Пол замечательные, — я намеренно не упоминаю Декса. Это ещё один говнюк в моей жалкой истории жизни, о котором я не готова рассказать Тому. — Мне повезло, что они у меня есть.

— Что они думают о том, что ты занимаешься музыкой?

— Они действительно поддерживают меня.

Затем во мне поднимается беспокойство. *Я рассказала Тому то, что знают лишь немногие люди. Люди, которым я доверяю.*

Волнуясь, я прикусываю губу и говорю ему:

— Том, все эти вещи, что я рассказала тебе о Ралли и маме, знает лишь горстка людей. Только те, кому я доверяю.

Так почему же я рассказала ему?

Он улыбается. Тепло и искренне.

— Остальной мир не узнает об этом разговоре. Но для меня это случилось. Если ты когда-нибудь захочешь снова поговорить, то приходи ко мне.

Он откидывается на спинку сиденья, закидывает одну ногу на бедро другой и помещает руку на спинку сиденья, его сильные мужские пальцы постукивают по древесине.

— Вчера вечером у меня не было шанса сказать, но вы чертовски раскачали это место.

Он меняет тему. Я ценю это.

Я улыбаюсь, оборачивая пальцы вокруг остывшей кружки кофе.

— Спасибо. Это многое значит.

Я вспоминаю, почему он не смог сказать мне это прошлой ночью, и улыбка исчезает с моего лица.

Я поделилась с ним своей жизненной историей, и он был таким милым, что это заставило меня забыть о том, что я только что вспомнила.

Он делает глоток кофе.

— Ты весело провела время после концерта?

Да, но я уверена, что не так интересно, как ты.

Кивнув, я говорю:

— Да, всё в порядке.

— Вы поздно вернулись?

— Ага. Ты спал.

Кивнув, он потирает ладонью гладкий подбородок.

— Я был выжат.

Оттого, что трахал брюнетку.

Прекрати, Лила.

Нежелательная картинка мелькает у меня в голове.

ТЬФУ. Картинки Тома с брюнеткой, пропадите!

— Ты побрился, — говорю я, пытаясь направить свои мысли в другое русло.

Я опускаю взгляд на свой кофе, а когда поднимаю его, он напряжённо смотрит на меня. Я должна остановить дрожь, которую ощущаю.

Он снова потирает рукой подбородок.

— Да, это не работает на меня. Оказывается, когда я с бородой, женщин тянет ко мне ещё больше. Поди разберись, — усмехается он.

— Как прошлой ночью?

Вот оно.

Почему я не могу просто промолчать? Тем более, когда это то, чего я знать не хочу.

Как будто у меня в мозгу есть кнопка пыток.

Том наклоняет голову и вопросительно смотрит на меня.

— Как прошлой ночью?

Я подношу кружку к губам и отпиваю, прежде чем сказать.

— Да, поклонница-брюнетка, с которой ты разговаривал после концерта. Та, с которой ты ушёл.

Он потирает лоб, раздумывая, и смотрит на меня. Я вижу что-то в его глазах, но не могу расшифровать это. У меня нет шансов, потому что, чтобы это ни было, оно исчезает, и его глаза проясняются.

— Ах, — говорит он, кивая. — Ты имеешь в виду ту, с длинными тёмными волосами, бесконечными ногами и самыми большими поддельными сиськами, которые я когда-либо...

— Да, та самая, — я перебиваю его, когда он изображает руками бюст напротив собственной груди.

Он встаёт и отходит от стола.

— Да, но я не уходил с ней.

— Нет? — я с трудом сдерживаю удивление в голосе.

— Нет, я этого не сделал. Я остался один, вернулся сюда и лёг спать. — Он поворачивается ко мне лицом. — Ты пела удивительно.

— Нет. Ну, может быть.

— Более того, ты выглядела... свободной, — он опирается большими руками на стол и наклоняется близко ко мне. — Это так?

Его близость превращает мои мозги в кашу.

— Что?

Он наклоняется немного ближе.

— Ты свободна.

— Конечно, я не свободна, — я делаю равнодушное лицо.

Но он знает, что я свободна, потому что таковой я и являюсь. Это написано на моём несовершенно безразличном лице.

— Тогда, думаю, что это хорошо, — его голос звучит хрипло. — Если бы ты была свободна и не хотела думать о том, чтобы я был с другой женщиной, то это означало бы, что ты беспокоилась... обо мне. А если бы ты беспокоилась, это означало бы, что ты хочешь...

— Мне всё равно, — быстро говорю я. — И, конечно же, я ничего не хочу, — я поднимаю подбородок, пытаюсь показаться ещё равнодушнее, но терплю неудачу.

На самом деле, мне удалось лишь приблизить своё лицо ближе к его. Ну, технически мой рот ближе, на расстоянии поцелуя.

Я чувствую его горячее дыхание и мятный запах, смешанный с кофе. Это как афродизиак.

Мы просто смотрим друг на друга. Том дышит глубоко и быстро. Я ещё быстрее. Мои трусики мокрые, а он даже не прикоснулся ко мне. Я настолько влажная, что мне будет неловко, если я встану.

Его взгляд опускается к моим губам. Я ёрзаю, когда вижу, как он прикусывает губу.

Он собирается поцеловать меня.

И я уверена, что позволю ему.

Дверь ванной с грохотом закрывается.

Мы с Томом отстраняемся подальше друг от друга, как будто в нас выстрелили.

Через несколько секунд на кухню приходит Кейл.

— Проклятый Сонни. Избил меня, чтобы пойти в ванну, а я умереть как хочу ссать.

Мой взгляд всё ещё сфокусирован на Томе. Он стоит рядом со скамейкой, на которой только

что сидел, рукой держась за спинку, и смотрит на Кейла.

— Как обычно, слишком много информации, — говорю я, переводя взгляд с Тома на Кейла. — И, пожалуйста, не писай в раковину, — добавлю я, зная, что это происходило не один раз.

Том кивает своим мужественным подбородком Кейлу.

Кейл возвращается с миской и ложкой в руке.

— Подвинься, — говорит он.

Я передвигаюсь и беру мою опустевшую кружку кофе с собой.

— Ты хорошо спала? — спрашивает меня Кейл, зная, что я всегда прилагаю большие усилия, чтобы хорошо спать в первую ночь в новой кровати.

— Алкоголь, который я пила прошлой ночью, помог, — ухмыляюсь ему.

— Уже ведёшь образ жизни рок-звезды? — дразнит он.

Я показываю ему средний палец.

Усмехнувшись, он обнимает меня за шею и тянет к себе, чтобы поцеловать в макушку. Смеясь, я отталкиваю его.

Я хватаю коробку каши и насыпаю в миску.

— Ешь завтрак и прекрати мне надоедать.

Качая головой и улыбаясь, Кейл протягивает руку, чтобы достать молоко.

Вот тогда мои глаза встречаются с глазами Тома.

Он молча наблюдает за Кейлом и мной. Руки плотно сложены на груди, его лицо совершенно пустое, но в глазах я вижу вспышку гнева.

Он, кажется, понимает, что я смотрю на него, и отпускает руки и взгляд.

— Мы скоро будем останавливаться для дозаправки, так что, если вам нужно что-нибудь, покупайте, потому что мы не будем останавливаться, пока не достигнем Бойсе.

Затем Том уходит.

Я наблюдаю за ним, пока он идёт к водителю и захлопывает дверь, ту дверь, которую мы всегда держим открытой.

Злится ли Том из-за того, что Кейл прервал то, что должно было произойти между нами? Или это из-за того, что Кейл был нежным со мной?

Кейл всегда ласков со мной, так что в этом нет ничего необычного.

Поэтому если он злится на Кейла, то это может значить...

Нет.

Я не буду думать о том, что всё это значит, и я определённо не думаю, что была близка к тому, чтобы поцеловать Тома.

Или то, что я просто рассказала ему свою историю жизни.

До этого момента о моём дерьме знали только Декс и Кейл, но даже Кейл не знает всего.

Но теперь узнал и Том, и я не представляю, что с этим делать. Я не знаю, что между нами происходит.

Одна вещь, которая мне точно известна: я доверяю Тому своё прошлое. А для меня это много значит. Действительно много.

Ли́ла

В тот же день — Клуб, Бойсе

— Ты трахаешься с Кейлом?

Я поворачиваюсь с широко раскрытыми глазами, не обращая внимания на тепло, исходящее от Тома, когда он прижимается к моему боку. У него горячее дыхание, когда он говорит мне в ухо, перекрикивая громкую музыку.

Я в клубе, в Бойсе, и всего пятнадцать минут назад мы закончили играть наш сет. Мы решили остаться и выпить, слушая, как выступают остальные группы, прежде чем отправимся дальше.

Я в баре, ожидаю бармена, чтобы заказать напитки для себя и ребят. Кейл, Ван и Сонни уже на охоте, и Том, видимо, задаёт серьёзный и неприемлемый для меня вопрос.

— Что? — медленно говорю я.

Его нефритово-зелёные глаза горят, когда он смотрит на меня.

Я ожидаю, что он откажется от своих слов, или, возможно, я ошиблась и неправильно его расслышала.

Том удерживает взгляд на мне, когда наклоняется, приближая лицо ближе. Он заправляет мои волосы за ухо, его пальцы задерживаются там.

— Я спросил: ты трахаешься с Кейлом?

Я отталкиваю его.

— Ты серьёзно?

— Смертельно.

Я смотрю на него, полностью ошеломлённая.

Я не видела его весь день, а когда увидела, он был угрюмым ублюдком.

Теперь первые слова, которые он говорит непосредственно мне за всю ночь, содержат в себе вопрос, есть ли у меня секс с Кейлом.

Не обращая на него внимания, я поворачиваюсь обратно к бару, когда приближается бармен.

— Три бутылки пива и водку с тоником, спасибо.

Взгляд бармена перемещается к Тому. Интересно, знает ли он, кто Том.

— Добавь к заказу двойной Джек, — Том вручает в руки бармена свою кредитную карту.

— Мне не нужно, чтобы ты покупал мне выпивку, — я хмурюсь.

— Я подумал, что ты всё-таки ответишь на мой вопрос, если я это сделаю.

— Какая разница, сплю я с Кейлом или нет?

Ничего не говоря, он смотрит на меня.

Я начинаю сгибаться под интенсивностью его взгляда.

— Это не твое дело.

— Мне нужно знать, что делают участники моей группы.

— Даже чем они занимаются в спальне?

Он делает шаг ко мне.

— Даже это. Знание — сила.

— Ну, тогда Сонни должен сделать тебя очень сильным.

Он издаёт смешок, похожий на лай. Затем передвигается ближе и кладёт руку на нижнюю часть моей спины.

— Ответь на вопрос, Ли́ла.

Его пальцы нажимают на мою кожу. Тепло заполняет меня.

Я злюсь на него, зная причину, по которой он задал этот вопрос, хотя это полная фигня. Но я возбудилась от его прикосновения.

Меня серьёзно сбивает с толку желание ударить парня и в то же время попудрить ему мозги.

— А ребятам ты этот вопрос задавал?

Он медленно улыбается.

— Ещё нет.

— Знаешь, я не помню, чтобы Дина спрашивала у нас об этом, когда была нашим менеджером.

— Да, ну, Дина не так щепетильна, как я.

Что-то мне подсказывает, что Том всё делает очень тщательно.

На барной стойке появляются напитки. Схватив свой, я опрокидываю его. Ожог заставляет меня вздрогнуть, мои губы покалывает. Я ставлю стакан на стойку и смотрю на Тома.

— Не то чтобы это твоё дело, но нет, я не трахаюсь с Кейлом. Он мой лучший друг. Конец.

Я обхожу его, собираясь уйти.

Пункт назначения — скрыться в уборной.

— Значит, ты не трахаешься с Кейлом. Ты делаешь это с кем-то другим? — кричит он позади меня.

Омертвевшая, я поворачиваюсь, моё лицо горит, и я смотрю на него в шоке. Я чувствую себя так, будто все в баре смотрят на меня, хотя большинство людей, вероятно, не слышали Тома за громкой музыкой. Но это не останавливает меня от того, чтобы разозлиться ещё больше.

Я смотрю на него смертельным взглядом и снова начинаю уходить.

— Ответ на вопрос, Фейерверк.

Я смотрю на него через плечо.

— Вот ответ для тебя, — я поднимаю кулак вверх и показываю ему средний палец.

Слышу позади себя его урчащий смех.

Козёл!

Я топаю через клуб к Кейлу, сидящему на барном стуле за столом с рыжей, расположенной между его бёдер.

— Ваше пиво в баре, возле Тома, — я бросаю слова в него и гневно топаю.

Кейл ловит мою руку, останавливая меня. Он отодвигает рыжую в сторону, поднимается со стула и встаёт передо мной.

— Что происходит?

— Ничего.

Он всматривается в моё лицо, как делал и всегда.

Я знаю, что выгляжу раздражённой. Я чувствую, что хмурюсь, поэтому расслабляю лицо.

— Серьёзно, ничего не случилось. Я просто хочу в уборную. Возвращайся к своему... — я смотрю через плечо на рыжую, бросающую в меня кинжалы взглядом, — веселью.

Затем перевожу взгляд на него.

— Я что-то пропустил? — спрашивает он.

Да! Том был ослом, и он задавал неуместные вопросы.

И я увлечена и возбуждена им почти двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, потому что вынуждена находиться в одном и том же автобусе, что и он. Для женщины под секс-запретом это сравнимо с тем, как если бы она сидела на диете и оказалась в самой глубине шоколадной фабрики!

Но, конечно же, я говорю, что ничего не произошло, потому что не хочу, чтобы Кейл разозлился на Тома и в конечном итоге надрал ему задницу из-за меня.

Так что я натягиваю на лицо весёлую улыбку.

— Ты ничего не пропустил. Возвращайся к рыжей. Я скоро приду, — я отвожу от него взгляд.

Кейл тянет меня за руку, заставляя посмотреть на него.

— Для меня нет никого важнее, чем ты, Ли. Ты же знаешь это, верно?

— Знаю, — я улыбаюсь, на этот раз настоящей улыбкой. — Как и ты для меня. Но если ты не вернёшься к рыжей, то сегодня останешься один.

— Я не один, не тогда, когда у меня есть моя девушка прямо здесь, — он обхватывает мою щеку рукой и целует меня в лоб. — В уборную, и вернёшься ко мне.

— Да, босс, — я отдаю честь.

Когда я захожу, в кабинках никого нет, и у меня есть возможность выговориться зеркалу.

Не позволю больше Тому Картеру доставать меня. И не буду больше испытывать сексуальные чувства, когда нахожусь рядом с ним.

Я хочу вернуть ту Лилу, которая надирает задницы и не позволяет мужчинам доставать её.

Так что пошёл ты, Том Картер.

Чувствуя, что закончила, я умываюсь и возвращаюсь в клуб.

Оглянувшись, я вижу, что Тома окружает несколько женщин. Сонни стоит рядом с ним, наслаждается вниманием, которое всегда вызывает Том.

У одной из женщин в руках ручка, и она направляется к Тому. Затем она пробирается к нему вплотную, расталкивая других женщин в стороны, и тянет топ вниз, обнажая ему свою грудь. Том усмехается и начинает расписываться на её груди.

Я закатываю глаза.

Автографы на сиськах. Классно.

— Автографы на сиськах, как в прошлом сезоне, — говорит парень позади меня.

Смеясь, я поворачиваюсь, чтобы увидеть Робби Крафта, солиста Турникетов. Мне нравится их музыка, но официально я не встречала никого из группы.

Робби красавчик. Опасный на вид красавчик. Грязно-светлые волосы. Тёмно-голубые глаза. Пирсинг в брови. Татуировки покрывают его руки, и одна есть на шее.

— Да, на днях я слышала всё это и об автографах на задницах, — ухмыляюсь я.

Робби смеётся. У него прекрасный смех. Неглубокий и мужественный, как у Тома. Это счастливый, заразительный звук.

Я вижу, как Робби проходит взглядом по моему телу, прежде чем посмотреть на моё лицо.

— Робби, — он протягивает мне руку.

— Я знаю, кто ты, — я застенчиво улыбаюсь, когда вкладываю свою руку в его. — Лила...

— Саммерс, — заканчивает он за меня. — Я знаю, кто ты.

Покраснев, я убираю свою руку.

— Ты великолепно поёшь, — говорит Робби. — Мне очень нравится ваша музыка.

— Спасибо, — я улыбаюсь, довольная его комплиментом. — Я действительно с нетерпением жду вашего сегодняшнего выступления, ребята. Вы заинтересовали меня с вашего концерта в Вегасе.

Турникеты начинали с записи своих концертов в Лас-Вегасе и загрузки их на Ютуб. Они быстро заполучили много подписчиков. Благодаря чему подписали контракт ни с чем иным, как с Ралли «Рекордс».

Я удивлена, что Ралли не пытался закатить скандал из-за то, что Винтаж выступает здесь в то же время, что и его группа.

Или, быть может, закатил, просто я не знаю об этом.

Робби проводит рукой по светлым волосам, на его лице красуется нахальная улыбка.

— Поклонница.

— Может быть, — я пожимаю плечами, кусая губу.

Бабочки порхают в моём животе. *Что это такое?*

Глаза Робби движутся вниз, к моим пустым рукам.

— У тебя нет выпивки. Я не могу позволить моей прекрасной поклоннице смотреть шоу без выпивки. Позволишь мне купить её для тебя?

Я не получаю шанса ответить.

Парень с длинными жирными волосами хлопает Робби по плечу.

— Ты нужен за кулисами. Сет и Дуги снова это делают.

Сет и Дуги — участники его группы. Хорошо известно, что у участников Турникета довольно неустойчивые взаимоотношения.

Я не могу себе представить, каково это, всё время бороться с участниками группы. Я бы ненавидела это.

Мне повезло с Кейлом, Сонни и Ваном.

Робби вздыхает.

— Иду, — говорит он парню с сальными волосами. Робби смотрит на меня. — Прости. Должен идти соединять группу.

— Всё хорошо, — я улыбаюсь ему. — Надеюсь, что вы выкрутитесь, прежде чем выйти на сцену. Я не хотела бы пропустить ваше выступление вживую.

— Не волнуйся. Я профи в разборках с этими двумя, — он начинает уходить, но затем поворачивается обратно. — Ты так и не ответила на мой вопрос о том, хочешь ли ты выпить?

Протягивая свои руки, я тихо улыбаюсь.

— Думаю, ты никогда не узнаешь.

Он засовывает руку в карман, вытягивает что-то и делает шаг ко мне.

— Когда решишь, что ответить, позвони, — он вкладывает карточку в мою руку. А затем, с очаровательной улыбкой, он уходит, растворяясь в толпе.

А я остаюсь с этими проклятыми бабочками и тёплым чувством покалывания в груди.

Я даже не успеваю сделать шаг, когда слышу голос Тома возле моего уха:

— Так что, ты собираешься звонить ему?

Его запах окутывает меня, и моя зажигательная речь вылетает в окно.

— Серьёзно, — я поворачиваюсь к нему, — что это с тобой сегодня? Допрос на тему того, сплю ли я с Кейлом и остальной частью мужского населения. А теперь Робби?

Том мгновение изучает моё лицо. Я чувствую, как моё тело нагревается под его взглядом.

Он кисло улыбается.

— Я никогда не спрашивал, спала ли ты с Робби. Я спросил, собираешься ли ты ему звонить.

— Всё равно, — огрызаюсь я, ставя руки на бёдра. — С чего такой внезапный интерес к моей личной жизни?

— Может быть, я просто забочусь о твоём благополучии.

Я смеюсь над его намерениями.

Том сужает глаза.

— Я просто присматриваю за тобой. Робби Крафт — игрок.

— Как и ты! — я поднимаю руки вверх.

Он наклоняется к моему лицу. Его тёмный взгляд проникает в меня, и его тепло окутывает меня, обволакивая мою кожу. Он чертовски сбивает меня с толку. И мне это не нравится, ни капельки.

— Может быть, — говорит он, его голос грубый и низкий. — Но я не пытаюсь попасть в твои трусики.

Я делаю шаг назад, качая головой и приводя свои мысли в порядок.

— Больше нет, но не так давно ты пытался.

И внезапно это поражает меня, и мне становится интересно, стало ли это частью проблемы.

Неужели мне действительно нравилось, когда Том клеился ко мне ранее? Беспокоит ли меня то, что он не делает этого сейчас?

Внезапно во мне возникает дикое желание заплакать. Моё горло утолщается, а глаза наполняются слезами. Мои эмоции вышли из-под контроля, и всё из-за него. Я опускаю глаза в пол, пытаюсь восстановить контроль над своими чувствами.

Кажется, с этого нет толку, мои эмоции растут, а Том делает шаг назад, освобождая пространство. Он говорит с добротой в голосе:

— Я просто присматриваю за тобой. Прямо сейчас, в этом туре, ты моя ответственность. И, как твой менеджер, я говорю тебе, что такая девушка, как ты, не захотела бы звонить такому парню, как он.

Я не отвожу от него свой взгляд.

— Такая девушка, как я? Что это, чёрт возьми, должно означать?

Он проводит рукой по волосам, дёргая пряди. Он выглядит так, будто подбирает слова.

— Ты хорошая девушка. А Робби — плохой парень. Ты двигаешься вверх, а он будет тянуть тебя вниз. Я знаю таких девушек, как ты, Фейерверк. А ещё больше я знаю о таких парнях, как Робби. Он не достигнет тех высот, которых захочешь стремиться ты.

— Ты не знаешь меня, — издеваюсь я.

Он знает меня. Больше, чем я хочу признавать. И это потому, что я не могу остановиться изливать ему свою печальную душу.

Его глаза темнеют.

— Знаю.

Я чувствую, как теряю равновесие. Поэтому делаю то, что умею лучше всего. Я реагирую на чувства, которые не могу контролировать.

Я издаю пустой смех.

— Говори себе это почаще, — я сминаю карточку Робби в своей руке и бросаю её в грудь Тома. — Ты ни черта не знаешь обо мне. В противном случае ты бы знал, что я не собиралась звонить Робби. Я избегаю мужчин. Надул уже один, хватит и этого.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но Том притягивает меня спиной к себе. Одной рукой он удерживает мою руку, а другой обхватывает моё лицо.

— Кто надул тебя?

Беспокойство на лице Тома вызывает трепет внутри меня. Это слишком много для того, чтобы принять всё сразу.

Я качаю головой.

— Не важно.

— Конечно же, важно. И мне нужно знать, чьи задницы я должен надрать.

Мои глаза встречаются с его.

— Ты будешь драться с женщиной? Не думаю, что ты опустишься до такого.

Что-то в его глазах меняется.

— Мы друзья. Мне не нравится, когда кто-то причиняет боль моим друзьям. Я бы не рассматривал это как борьбу за женщину... больше похоже на борьбу для неё.

Он думает, что за меня стоит бороться.

Слова, Лила. Это просто слова.

Мужчины действительно хороши на словах. Действия — вот, где они терпят неудачу.

Мне нужна минутка подальше от Тома, подальше от лёгкости, от его прикосновений и слов; я отодвигаюсь и сажусь на только что освободившийся диван.

Том занимает пустое место рядом со мной и придвигается ближе ко мне. Он привлекает внимание проходящей мимо официантки и заказывает нам напитки.

Я не начинаю говорить, пока в моей руке не оказывается водка с тоником.

Я вожу указательным пальцем по стеклу, на котором собрались капельки конденсата, и выдыхаю.

— Мой бывший парень, Чад... он бисексуал. Он не смог сказать мне это, когда мы были вместе.

Том смотрит на меня.

— Хорошо... так ты рассталась с кем-то по имени Чад, любителем членов и кисок... и тебе не понравилось, что он использовал чуваков для траха?

— Нет. Проблема заключалась в том, что он не просто использовал. Он продолжал вколачиваться в чуваков во время наших отношений. Ну, не чуваков. Только одного *конкретного* чувака.

Моего брата.

— Он изменял тебе, — бормочет он в понимании.

Он просто не видит всей картины.

Я киваю в ответ, а потом делаю большой глоток водки, смакуя жжение в горле во время глотка.

— Ну, должен сказать, теперь я понимаю, о чём ты говорила.

Мои глаза поднимаются к нему.

— А что касается Чада, бывшего изменяющего куса дерьма, ну, он самый настоящий идиот. Я имею в виду, у тебя... *эти*, — он жестами имитирует моих девочек, — *лучшие* сиськи, которые я когда-либо видел в своей жизни. А видел я их много. Чад держал лучшие из них в своих руках буквально каждый день и обменял их на член?

— Э-э... спасибо, наверное.

— Пожалуйста, — он невозмутим. — Серьёзно, я не понимаю чувак-трахает-другого-чувака вещь. Конечно, я люблю трахать задницу, но задницу женщины. Эта задница — я имею в виду, женщин в целом, — исправляется он, — просто чистый секс. Мягкая и тёплая, и у вас есть эти, — он снова изображает грудь, — которые, к слову, изумительны. Бог был на верном пути в тот день, когда проектировал женщину. Дайте мне плотную тёплую киску в любой день, и я стану счастливым человеком.

— Э-э... слишком много информации, Том. В самом деле. И разве это не проблема? Ты довольно долго был счастливейшим человеком. А что ты сделаешь, если женщины закончатся? Тебе, возможно, придётся обратиться к парням.

Он с минуту смотрит на меня, в ужасе от этой мысли. Затем, расслабляясь, он оседает обратно на диван, его рука располагается позади меня.

— Этого никогда не произойдёт.

— Ты меняешь женщин со скоростью света. Даже если ты, казалось бы, сделал перерыв, или отдыхаешь, или что-то ещё, ты сделаешь это снова, и вполне возможно, что перетрахаешь всё женское население США к концу этого десятилетия, за исключением меня, конечно.

— Конечно, — ухмыляется он, подносит стакан виски к губам и делает глоток.

Я игнорирую его острый взгляд.

— Итак, что ты будешь делать тогда? Начнёшь утилизацию?

Он со звоном ставит свой стакан на стол.

— Не-а. Я не экологически чистый вид парня. И ты знаешь, сколько женщин я поменял в своё время, но если я трахаю, то долго и медленно... реально чертовски *медленно*.

У меня в голове мелькает образ нас с Томом, занимающихся сексом.

Моё сердце ускоряется. Я могу чувствовать, как моё тело нагревается при мысли о Томе, сексе и мне.

Он и я... трахающиеся.

Я знаю, что моя грудь покраснела. Я не должна смотреть вниз, чтобы убедиться в этом. Я знаю это, потому что Том прямо сейчас смотрит именно на неё.

Глупое, предательское, неиспользуемое и в настоящее время гиперсексуальное тело.

Взгляд Тома поднимается, знаяще встречая мой.

Глядя в сторону, я выравниваю спину и удерживаю стакан возле груди, пытаюсь охладить себя внизу.

— А зачем мне нужно знать, с какой скоростью ты трахаешься?

Он наклоняется ближе, на этот раз даже очень, в результате чего наши рты оказываются в сантиметре друг от друга.

Я жадно глотаю.

Его пахнущее виски горячее дыхание просачивается через мои приоткрытые губы и опускается вниз, подавая сигналы моим давно неиспользованным девчачьим частям, приводя их в бешенство.

Дерьмо.

Сжимая бёдра вместе, я прикусываю нижнюю губу, чтобы восстановить контроль.

Я не потеряю его перед Томом.

Его глаза мерцают, когда он смотрит на мой рот.

— Ты не готова услышать ответ на этот вопрос.

— А что, если я когда-нибудь буду готова?

Какого чёрта я говорю?

Я никогда не буду готова для Тома «Имеющего Всё» Картера. Никогда.

— Я имею в виду какой-то воображаемый момент, а не в реальном будущем.

Я вижу неожиданное мерцание на его лице, но он быстро маскирует его под усмешкой.

— Ну, когда наступит этот *воображаемый* день, сообщишь мне, и тогда я отвечу тебе. Но до тех пор просто используй своё *воображение*.

Он встаёт, проводя рукой по длинным сексуальным волосам.

— И, Лиля, позволь этому выйти из-под контроля, — подмигнув, он уходит, прогуливаясь через бар и оставляя меня и недостаточно используемые девчачьи части в огне.

Лиля

Несколько дней спустя — Тур-автобус; где-то в центре Америки

Моё воображение вышло из-под контроля, оно разыгралось слишком ненормально.

Я провела несколько дней, думая о Томе. Для мыслей о человеке, живущем с тобой под одной крышей, это слишком много.

Я также бессчётное количество раз принимала холодный душ, а бессонными ночами пыталась утолить вызванную им во мне жажду с помощью руки. Я не могла даже использовать БПДНБ, так как боялась, что через эти тонкие как бумага стены ребята смогут услышать его вибрацию. Таким образом, я вынуждена была сказать «Привет» руке.

Но кое-что усложняло всё для меня ещё больше — другие стороны Тома Картера, о которых, как оказалось, я не знала.

Он — неужели я говорю это? — милый. Всё ещё извращенец, но он добрый.

Мне нравится тот Том, который скрывается под внешностью распутного, закалённого, плохого парня.

Как сегодня, когда я смотрю, как он играет в видеоигры с ребятами.

Он весёлый, как и всегда, но также расслаблен. Нет притворства, нет маски, нет Тома Картера. Сейчас он просто Том.

Видя его таким, я смягчаюсь к нему ещё больше.

Этим вечером ребята играли в видеоигры, в то время как я читала на своём Киндл и готовила для них ужин — ничего необычного. Все мы решили лечь пораньше, чтобы получить такой необходимый для нас отдых, раз уж у нас нет выступления сегодня вечером.

Как это происходило и каждую ночь, я не могу заснуть, лёжа в постели, могу лишь смотреть в потолок и думать о Томе и сексе.

И о сексе с Томом.

Так и не уgomонившись, я решаю встать и сделать себе горячий шоколад вместо того, чтобы мастурбировать, пытаюсь унять боль, потому что это явно не работает.

Надеюсь, немного какао поможет мне заснуть.

Если нет, то придётся чуть позже выпить снотворное.

Я тихо открываю дверь, и до меня сразу же доносятся мягкие звуки игры на гитаре.

Кажется, я не единственная, кто не может уснуть.

Я на цыпочках крадусь по коридору и, дойдя до кроватей, вижу, что занавеска Тома открыта. Мой желудок трепещет из-за того, что на гитаре играет Том.

Я останавливаюсь на выгодной позиции в гостиной, как раз перед лестничной площадкой, и наблюдаю. Согнув одну ногу, Том сидит на диване с акустической гитарой Вана в руках. Он наигрывает аккорды и тихо напевает песню Джастина Тимберлейка «Наплачь мне реку» (*прим. ред.: Justin Timberlake «Cry Me a River»*).

Я чувствую себя невеждой, потому что даже не знала, что он играет на чём-то, кроме бас-гитары, не говоря уже о том, что он может петь.

И поёт он... удивительно.

И выглядит при этом... завораживающе.

О, Боже.

То, как он поёт. Глаза плотно сжимаются. Я чувствую текст песни. На каком-то уровне он понимает боль предательства.

Я стою на месте, наблюдая и не желая вторгаться и перерывать эту песню.

Вдруг посреди строчки, которая действительно очень близка мне, Том резко открывает глаза. Его взгляд попадает прямо на меня.

Интересно, знал ли он, что я здесь стою, и как долго.

Он смотрит на меня, продолжая петь, и это ощущается так, будто он поёт для меня. Что-то извивается в моей груди, плотно сжимая моё сердце.

Я ожидаю, что Том перестанет петь, но он не делает этого. Просто смотрит на меня и продолжает. Так что я решаю присоединиться. Я сажусь перед ним и пою слова, которые знаю наизусть.

Я пыталась себя этой песней в течение нескольких месяцев после того, как поймала Декса и Чада вместе.

— Я не знала, что ты можешь петь, — говорю я, когда он берёт последний аккорд. Я кладу ноги на маленький журнальный столик между нами.

Он укладывает гитару рядом с собой на диван.

— Я мужчина со многими талантами.

Уверена, что так и есть. Я думаю о том, как его пальцы двигались по струнам. Кроме всего прочего, он много практиковался руками...

Я вычеркиваю из своего сознания мысль о Томе и других женщинах.

— Я люблю эту песню, — я мучила себя ей, но это красивая мелодия.

— Знаю.

Я смотрю на него, сбитая с толку.

— Откуда?

Он опускает ногу. Вид его босых ног творит странные вещи со мной, воспаляя те части меня, в которых я не чувствовала каких-либо изменений довольно долгое время.

— Ну, для начала, она установлена в качестве мелодии звонка. И ты много её поешь.

— Да?

Он заметил это?

Кивнув, он проводит большим пальцем по нижней губе. Это до смешного сексуальное движение.

— Да.

— Это сводит тебя с ума? — я улыбаюсь, зная, как это сводит с ума Кейла.

Он наклоняет голову в сторону. На его губах появляется дерзкая ухмылка.

— Много вещей, которые ты делаешь, сводят меня с ума, Фейерверк. Но слушать, как ты поёшь, не одна из них.

Я возбуждаюсь, начиная грудной клеткой и заканчивая вирджинией. Я скрещиваю ноги, соединяя их в лодыжках.

— Ты должна спеть её на сцене когда-нибудь, — говорит он.

Что?

— Ты так думаешь? — неубеждённая, я поднимаю бровь.

— Я определённо так думаю.

Я складываю руки.

— Хорошо, я спою её вживую, если ты сыграешь эту мелодию для меня.

Он смеётся.

— Ни за что.

— Ты испытываешь небольшой страх перед аудиторией, Картер?

— Хорошая попытка. Я не боюсь дерьма, и ты это знаешь. Но это только ваше. Ваши выступления, ваш тур. Тебе не нужно, чтобы я появился с вами на сцене. Но эта песня, то, как

ты поешь её... поклонники полюбят это. Я научу Ван мелодии, и он сможет аккомпанировать тебе. Это всё, что ты от меня получишь.

— Обломщик, — я показываю ему язык, и он хватает меня за ногу.

— На твоём месте я бы не показывал язык, если бы не собирался использовать его по назначению.

Оттолкнувшись, я поворачиваюсь к нему спиной.

— Ты омерзителен.

— За это я тебе и нравлюсь, — он стоит, возвышаясь надо мной.

Я чувствую себя *девушкой* в этот момент.

Я упираю руки в бёдра. Его глаза прослеживают движение.

— Я никогда не говорила, что ты мне нравишься.

— Ты никогда не говорила, что не нравлюсь.

— Хрен.

— Хрен? Да, он у меня есть, — он наклоняется ближе. — И он чертовски *огромный*.

Я толкаю рукой в его грудь. Искры воспламеняются при соприкосновении.

— Как я уже говорила... отвратительно, — я ухмыляюсь, чтобы он знал, что я балуюсь с ним.

У Тома вырывается смешок.

— Как и то... насколько отвратительно велик мой член.

Теперь из меня вырывается хихиканье. Я могла бы прихлопнуть себя за это.

Отворачиваясь, я говорю ему через плечо:

— Я никогда его не видела, так что не могу ничего комментировать.

— Это легко исправить.

Я оборачиваюсь в тот момент, когда его руки опускаются к джинсам.

— Прекрати! — я поднимаю руку вверх.

— Прекратить что?

— Вытаскивать... свою вещь.

— Мой член?

Я киваю.

— Скажи это, Фейерверк.

— Сказать что? — я прикусываю губу. — Член?

Его глаза вспыхивают интенсивностью и страстью. Мой желудок сжимается. Ещё одна вспышка тепла воспламеняется между ног.

Он делает шаг ближе.

— Повтори это.

Я должна чувствовать себя неловко, но это не так. Вот какое влияние он оказывает на меня.

— Член, — я удивлена, как хрипло звучит мой голос.

Он прикасается большим пальцем к моей нижней губе. Я задерживаю дыхание.

— Ты знаешь, что твой рот делает идеальное «О», когда ты говоришь «член»? (*прим. ред.: в английском языке это слово «cock», то есть произносится как «кок»*).

Ошарашенная, я качаю головой.

Он смотрит на мои губы.

А я не могу пошевелиться.

Он собирается поцеловать меня. Это на самом деле произойдёт.

Никто не проснётся, чтобы прийти и прервать этот момент.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня?

Да!

Нет.

Если он дёрнется, я его оттолкну.

Наверное.

Он скользит пальцами по моей челюсти, обхватывая её. Его кожа грубая по сравнению с моей.

— Лила... — выдыхает он моё имя.

Я растекаюсь лужей на полу.

А затем тишина нарушается громким храпом: «Ззз-зззз-ззззз-джжжжжж-пвввввв-зззззззззззззззз».

Рука Тома падает с моего лица.

Мы оба смотрим в сторону, а когда поворачиваемся друг к другу, взрываемся от смеха, мгновенно разрушая чары от нашего несостоявшегося поцелуя.

Я хлопаю ладонью по рту.

— Сонни, — говорю я, слова выходят глухими под ладонью.

Том убирает мою руку ото рта, но не отпускает, держа её между нами.

— Без шуток. Койка парня находится напротив моей, и нас разделяют только шторы, помнишь?

Мне сложно сосредоточиться на чём-нибудь, когда моя рука находится в его и он слегка пробегает большим пальцем по мягкой коже верхней части моей руки.

— Конечно. Ты, должно быть, не мог заснуть.

— Мы ездили в тур на автобусе. Мне приходилось мириться с храпом Денни в течение многих лет. Наушники долгое время были моими лучшими друзьями.

Я улыбаюсь, но моё сердце сейчас делает «тук-тук-тук» танец в моей груди.

— Ну, если ты когда-нибудь захочешь отдохнуть от Сонни Храпящего Дракона, ты всегда можешь позаимствовать мою кровать.

— Ты предлагаешь мне часть своей кровати? — он наклоняет голову, улыбаясь.

И моё предательское тело снова полностью возбуждается от силы его пристального внимания.

— Если ты хочешь затащить меня в постель, Фейерверк, тебе нужно просто сказать, — Том оборачивает пальцы вокруг моей руки, мягко сжимая.

Я закатываю глаза.

— Ха! Мечтай. Я предлагаю тебе свою кровать без меня. Я займу твою койку.

— И где в этом веселье? Кажется глупым, чтобы ты спала в моей койке, когда мы оба могли бы хорошо выспаться в одной постели.

Я не могу и на секунду представить, что он лежит рядом со мной.

Зная, как сильно моему телу это понравится, мозг тут же говорит мне, что это будет самая худшая идея.

Я протягиваю руку и легонько пихаю его в твёрдую грудь.

— Хорошая попытка, Картер.

— Что? — он поднимает руки в невинном жесте, но его лицо ничего не выражает.

— Я не буду заниматься с тобой сексом.

Глаза Тома расширяются.

— Кто говорил о сексе? Господи, Лила, я говорю о простом сне. У тебя очень грязные мысли, ты знаешь?

Я открываю рот, чтобы сказать что-то остроумное, но всё, что выходит, — это насмешка. Тепло ползёт вверх по моей шее, и я поворачиваюсь к нему спиной. Я иду на кухню, тянусь на цыпочках и открываю шкаф.

— Я делаю горячий шоколад. Ты хочешь чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Я занимаюсь кружкой и горячим шоколадом. Наполняю чайник водой, втыкаю в розетку и включаю его.

Здесь так тихо, что я начинаю думать, что Том пошёл спать, но, обернувшись, обнаруживаю, что он всё ещё здесь. Прислонившись плечом к стене арки, он наблюдает за мной.

Наполовину улыбаясь, я прислоняюсь спиной к столу, оборачивая пальцы вокруг края.

— Ты посидишь немного?

Он медленно кивает, а затем его взгляд цепляется за мой.

— Ты покончила с ним?

Моё тело застывает.

— С кем?

— С бывшим, *Чадом*, — с удивительным количеством яда в голосе говорит Том.

И имя Чада напоминает мне о той ночи. О предательстве.

Я убираю руки от стола и складываю их на груди, заглушая боль.

— Да, мы расстались. Я сделала это давно.

Выражение лица Тома остаётся стоическим.

— Но именно из-за него ты всегда поёшь «Наплачь мне реку», верно?

Потрясённая до глубины души, я понимаю, что он думал об этом, думал обо мне. Я слегка трясусь головой.

— Почему ты думаешь, что я пою эту песню из-за него?

Он смотрит на меня смешанным взглядом.

— Потому что мы музыканты, Ли. Музыка проникает во всё, что мы делаем. Мы вкладываем все чувства: боль, счастье, гнев, печаль — в музыку... тексты песен. Я знаю, он обидел тебя... сильно. И эта песня совсем не свет и розы, а ты поешь её все время.

— У меня есть песня для каждого человека, которого я потерял.

Я хочу спросить у него про татуировку на спине, но я трушу.

Вместо этого я тихо говорю имя одного потерянного им человека, которого знаю:

— Джонни Крид.

Лицо Тома ужесточается, его глаза излучают боль. Он кивает и говорит тихим голосом:

— «Услышьте меня».

— «Джимми ест мир?» (*прим. ред.: группа «Jimmy Eat World» и их песня «Hear You Me»*)

— Эти ребята играли на его похоронах. Я слушаю её каждый день.

В этот момент я ненавижу, что он чувствовал и всё ещё чувствует боль. От этого мне хочется подойти к нему и крепко обнять.

Но, конечно же, я ничего не делаю.

— Это песня не Чада, — признаюсь я.

Том наклоняет голову в любопытстве.

— Я никогда не говорила тебе, с кем Чад мне изменил, — я делаю глубокий вдох, боль в груди распирает. — С моим братом.

В этих зелёных глазах вспыхивает гнев. Его выражение по-прежнему мужественное. Он поднимает руки вверх. Том сжимает руками арку, и его футболка поднимается, предоставляя мне возможность взглянуть на его сказочный пресс.

Видите? Даже сейчас, в данный момент, мы ворошим болезненные воспоминания, но его вид отвлекает меня.

— Декс, мой брат. Технически, он мой кузен, сын тёти Стеф и дяди Пола, но я считала его своим братом, — я складываю руки на груди. — После того, как я застала их в середине акта,

Декс признался, что он уже месяц крутил интрижку с Чадом. Помимо того, что он был моим братом и лучшим другом, Декс также был ведущим гитаристом Винтажа. Мы с Кейлом заново создали группу. После того, как это случилось, — я машу рукой, не в состоянии сказать «я заставила своих лучших друзей выбирать между ним и мной», — он... ушёл из группы. Мы заменили его на Вана. После этого я ни разу не говорила с Дексом, — я снова берусь за край стола.

Том ничего не говорит. Он просто проницательно смотрит на меня своими нефритовыми глазами, сердито сжимая челюсть.

Я не уверена, на кого направлен его гнев. Не могу думать, что он злиться на меня. Это определённо должно быть по какой-то другой причине.

Мне неловко от нашего молчания, и, смущённая его реакцией, я снова начинаю говорить.

— Я застучала их вместе ночью, когда мы выступали на разогреве в Мэдисон Сквер Гарден. Позже. Во время вашего выступления на сцене.

Том слегка кивает, принимая слова, но по-прежнему ничего не говорит.

— Чад пришел, чтобы поддержать нас во время нашей большой ночи. После того, как мы ушли со сцены, я была взволнована и потеряла ребят, так что бродила вокруг, пытаясь найти кого-нибудь из них. Я заблудилась и, повернув за угол, наткнулась на пару ребят, делающих это. То есть, они фактически занимались сексом, и я увидела это, — из ниоткуда, мои глаза наполняются слезами, губы начинают дрожать.

— Господи, Лила.

Следующее, что я понимаю — Том крепко притягивает меня к груди, его руки вокруг меня, поддерживают.

Том обнимает меня.

Удивлённая его состраданием, повлѣкшим этот поступок, я на мгновение замираю, а затем расслабляюсь. Я оборачиваю руки вокруг его талии и кладу ладони на его спину, не обращая внимания на то, насколько правильно это чувствуется.

— Мне жаль, что это случилось с тобой, — он проводит ладонью вверх по моей спине, его пальцы играют с кожей, свободной от майки.

От всех этих лёгких прикосновений его кожи к моей моё тело призывает сделать намного больше. Я могу только представить, каково это: ощущать его руки по всему моему телу, его губы на моих губах... его внутри меня.

Я сглатываю.

— Декс звонит мне каждый день. Я не отвечаю. У меня на звонке стоит «Наплачь мне реку» для него, чтобы напоминать мне, как сильно он ранил меня, поэтому я не сдаюсь и не отвечаю. Вот, почему я знаю эту песню.

— Это неразумно, Фейерверк, — его рука нежно гладит мои волосы.

— Я знаю, — тихо говорю я. — Но это всё, что у меня сейчас есть.

Я слышу и чувствую шум понимания, который бьётся в его груди.

— И ты не отвечаешь на его звонки, потому что не знаешь, как его простить.

— Да, — шепчу я в его футболку.

Его рот у моих волос, его дыхание проходит сквозь мои пряди.

— Прощение — это самая трудная вещь в мире, которую ты только можешь дать. Некоторым людям для этого нужно много времени. А некоторые вообще никогда не прощают.

Моё сердце ускоряет ритм. Я поднимаю голову с его груди, глядя на него.

— Только не изводи себя на пути к этому, — он вкрадчиво улыбается мне. После чего поднимает мой подбородок пальцами. — Знаешь, чем больше я узнаю тебя, Фейерверк, тем больше ты значишь для меня.

Я даже не спрашиваю, что это означает. В данный момент я не готова копать глубже того, что уже происходит.

— Так, помимо музыкальных пыток, ты в порядке? — его красивые глаза впиваются в мои.

Нежность поднимается во мне. Я смотрю в его искренние глаза, а потом на рот. Рот, до которого я так отчаянно хочу дотянуться, чтобы поцеловать.

Я смотрю мимо него.

— Я в порядке.

Его пальцы двигаются от подбородка, чтобы заправить прядь моих волос за ухо.

— Ну, если ты когда-нибудь обнаружишь, что застряла... знай: я здесь, и я вытащу это.

Я оглядываюсь на него и улыбаюсь.

— Как тебе удастся сделать всё таким пошлым?

Он слегка смеётся.

— Я не делал этого, Фейерверк. Как мы уже выяснили, у тебя просто слишком грязные мысли.

Качая головой, я смеюсь и вплотную прижимаю ладонь к его груди. Я могу чувствовать, как под моей рукой колотится его сердце.

— Спасибо, — искренне говорю я.

— Меня не за что благодарить, — он отпускает меня и отходит. — А сейчас я пойду спать, один, — он подчёркивает последнее слово. — Так что не пытайся пойти за мной в постель.

— Спокойной ночи, Том.

Я заставляю себя улыбнуться, чувствуя потерю его прикосновений, и подавляю чувство досады из-за того, что он собирается идти спать.

Я поворачиваюсь, чтобы сделать себе горячий шоколад.

— Ли? — говорит Том.

— Да, — я смотрю на него через плечо.

— Не все мужчины лживые идиоты. Ралли, Декс и Чад — муты.

— Муты, — киваю я, соглашаясь.

— Твой парень где-то там. Он не будет мутом. На свете есть парень, который заслуживает такую удивительную девушку, как ты.

Моё сердце снова начинает колотиться.

И я не могу удержаться, чтобы не представить романтизированный голос в моей голове, говорящий, что если в моей жизни и будет глупый и надёжный парень, к которому я почувствую это снова... то я захотела бы, чтобы это был Том.

Лила

Спустя несколько дней — Сомнительный бар на стоянке грузовиков; где-то между Канзасом и Миссури

Мы находимся в туре уже семь дней. Выступили на шести концертах.

Я бы сказала, что устала (а так и есть), но я люблю каждую минуту этого!

Мы сейчас где-то между Канзасом и Миссури, в баре под названием...

На самом деле я понятия не имею, как он называется.

Перед тем, как отправиться в Джефферсон-Сити для нашего завтрашнего вечернего выступления, мы решили насладиться редким выходным.

И мы на стоянке для грузовиков.

В дороге нет гламура.

Я просто хотела расслабиться и спокойно провести вечер в автобусе, но ребята уговорили меня пойти со всеми на ужин.

Таким образом, сейчас я доедаю картошку, до этого съев половину весьма сомнительного гамбургера.

Еда может быть немного поверхностной, но разливное пиво рулит! Я выпила две кружки и готова выпить ещё. Я готова к этому, потому что мне пришлось наблюдать за тем, как Эшли лапает Тома в течение всего ужина. Согласна, он держал свои руки при себе, но это не остановило его от ответного заигрывания с ней.

И он почти не разговаривал со мной, только один раз посмотрел в мою сторону.

Это тяжело после того, как я наслаждалась его вниманием всю неделю.

Да, я знаю, как это звучит, поэтому я всерьёз подумываю в любую секунду начать биться головой об стол.

— С тобой всё в порядке, дорогая? — Шеннон выдвигает стул рядом со мной в конце стола.

— Всё прекрасно, — я ослепительно ей улыбаюсь, чтобы подтвердить этот факт.

Даже если это не так.

Я испытываю к Тому все эти запутанные чувства. Чем больше времени я провожу с ним, тем больше он мне нравится.

Но я не хочу ему нравиться. Я не могу любить его.

И меня бесит, что я вижу рядом с ним других женщин.

Я знаю, что это иррационально и лишь мне разбираться с этим дерьмом, но от этого боль не уменьшается, особенно когда всё происходит прямо передо мной.

Мне очень понравилась Шеннон за то время, что я с ней провела. А вот Эшли не так сильно. Если она не пристаёт к моим парням или к Тому, то занята рассматриванием себя в зеркале.

Шеннон улыбается мне и гладит мою руку.

— Дорогая, когда девушка говорит мне, что всё в порядке, и улыбается во все зубы, то это говорит мне о том, что она далеко не в порядке, — она смотрит через стол, где сидит Том, а затем обратно на меня.

— Это Том, да? — спрашивает она, понизив голос.

Понимая, что от волнения прикусываю нижнюю губу, я тут же её отпускаю, освобождая.

— Я в порядке. Наверное, просто немного устала, но это всё.

Она улыбается и качает головой.

— Его не интересуется Эшли. Если бы он хотел её, то уже сделал бы своё дело, вероятно, в

уборной. Я знаю Тома. Я провела много времени с ним и его парнями в дороге. Если Том чего-то хочет, он просто берёт это. Без прелюдий — в переносном смысле, — она делает глоток своего пива, напоминая мне, что я остро нуждаюсь в ещё одном бокале.

— Я знаю, что между тобой и Томом ничего не происходит. Том в значительной степени объяснил мне это. Конечно, между вами двумя нет ничего в физическом плане, но на данный момент сексуальное напряжение между тобой и Томом способно осветить весь ЛА на год.

Я смотрю на неё.

— Не сходи с ума, — я отмахиваюсь от её заявления рукой.

— Отрицай это сколько угодно, но я вижу то, что вижу. А именно, какие чертовски серьёзные глаза у вас двоих. Том изменился: в последнее время он кажется другим — может, ты зацепила его, но я не могу выяснить как. Любая женщина из плоти и крови будет затягивать этого мужчину в постель и не выпускать его оттуда несколько дней. И я говорю это из уже имеющегося у меня опыта.

Я ничего не могу поделать. Напоминание о том, что Шеннон и Том имеют историю сексуального характера, заставляет меня вздрогнуть.

— Видишь! — она тычет красным ногтем в моё лицо. — Вот оно. Когда я упоминаю, что много лет назад спала с Томом, это дерьмо раздражает тебя. Девочка, у тебя серьёзные чувства к нему. И он явно испытывает к тебе то же самое. Так сделай что-нибудь, прежде чем кто-нибудь повернёт его голову, оставляя тебя с твоим желанием, — она берёт пиво, встаёт и плавно удаляется обратно к своему столику.

Если бы всё было так легко...

Я поднимаю свой бокал, чтобы выпить, а потом вспоминаю, что он пуст. *Бл*дь*. Я решаю сходить в уборную, прежде чем заказать другой напиток.

По пути обратно в бар мимо меня проходят какие-то женщины, и я слышу, как из одной них, будто из фонтана, льётся, что Том Картер находится в баре. Думаю, его узнали.

Я чувствую внезапное чувство привилегии в этот момент. Я сплю под той же самой крышей, что и Том. Я видела этого парня, когда он только выходил из душа в одном полотенце. Я разговаривала с ним всё время. Он стал для меня настоящим другом за прошедшую неделю.

Думаю, эти женщины подумают, что мне повезло.

Может, и так, и я просто не ценю это.

Или, может быть, это во мне говорит пиво.

Улыбаясь про себя, я шагаю назад в бар, и вот тогда я вижу Тома, стоящего в баре. И красиво упакованную блондинку с волосами, достигающими до крошечной талии, ногами толщиной с ножку табуретки и большими сиськами, на вид настоящими. И Том в полном удовлетворении смотрит прямо на них.

Она его идеал.

Мной сразу же одолевает буря эмоций. Чувствуя себя глупо, — и, да, я ревную — я решаю не идти в бар, и стискиваю зубы, когда возвращаюсь к нашему столику.

Почему, чёрт возьми, меня беспокоит, что Том разговаривает с блондинкой?

По той же причине, почему меня беспокоило, что он флиртовал с Эшли.

Я смотрю на Эшли, которая, к слову, выглядит серьёзно взбешённой из-за того, что проиграла Тома какой-то цыпочке из бара.

Она ревнует, как и я.

Боже, это было бы смешно, если бы не было так грустно.

— Я взял тебе ещё выпить, — говорит Кейл, протягивая мне новое пиво.

— Спасибо, — я с благодарностью улыбаюсь ему, когда сажусь.

— Ли, — Сонни привлекает моё внимание. — Мы просто хотели сказать, что, похоже, Том

отдохнёт сегодня. Я думал, что это будет Эшли, но теперь мне кажется, что это будет та цыпочка из бара. О времени, если вы спросите меня. Он сдерживался, потому что мы были в дороге. Всё это время Том был в игре. Похоже, сегодня ты отдаёшь комнату, — Сонни толкает меня в руку, улыбаясь.

Во мне мгновенно просыпается злость. Смешайте это с ревностью — и получите очень кислую Лилу.

Только через мой труп. Том не будет трахать её на моей кровати ни сегодня, ни когда-либо ещё.

Я уклончиво пожимаю плечами, отворачиваюсь и делаю глоток пива.

— Ещё пять минут, — говорит Ван, — и Том уйдёт отсюда и трахнет её. Счастливчик. Она горячая как ад.

— Пять минут? — смеётся Сонни. — Скорее, около двух.

За следующие слова, которые вылетают из моего рта, я виню только пиво.

— Спорим на пятьдесят долларов, что сегодня Том не займётся сексом с этой блондинкой.

Что я делаю? Остановись, Лила. Прекрати сейчас же.

Но я не могу остановиться, потому что уже сказала это, и теперь Сонни смотрит на меня с азартом на лице.

Если и есть вещь, перед которой Сонни не может устоять (кроме женщин), то это спор.

— Сто долларов, — Сонни растягивает слова. — Потому что я чертовски уверен в обратном.

— Договорились, — я протягиваю руку.

Сонни пожимает её.

— Утром ты будешь менять свои простыни, — подстрекает он. — А у меня будет сто баксов.

Он провоцирует меня.

Я говорила, что конкурентоспособна?

Игнорируя его, я поворачиваюсь в кресле, молясь Богу, чтобы Том не ушёл из бара с блондинкой. Я смотрю на него, пока раздумываю над тем, как выиграть это пари.

Он всё ещё здесь и не целует её. Хороший знак.

Но она всё ещё с ним, и он не отталкивает её.

Том смотрит через бар прямо на меня. Я быстро отвожу взгляд.

А затем, выждав несколько секунд, оглядываюсь назад.

Блондинка что-то шепчет ему на ухо. Он смеётся. После этого его рука самым непосредственным образом ложится на её бедро.

Я чувствую себя немного плохо.

Он не может заняться с ней сексом, потому что... потому что...

Мне нельзя проигрывать этот спор. Если я провалюсь, Сонни никогда не перестанет подкалывать меня.

Чака Хан «Никто другой» начинает играть в баре (*прим. ред.: Chaka Khan «Ain't Nobody»*). Блондинка, кажется, слишком радуется песне.

Она проскальзывает между ног Тома, седлая его бедра. Она вращается напротив его ноги — ну, скорее толкается, вращаясь. Она всухую трахает его ногу.

Дерьмо.

Том склоняет её над баром — при таком раскладе он будет трахать её уже через пару секунд.

Я закрываю глаза и до боли зажмуриваюсь, размышляя. Мои пальцы впиваются в кожу на ладонях.

И вот причина того, что я делаю дальше. Для начала, я обвиняю Чаку Хан в сухом траханьи ноги, и я придерживаюсь только этого.

Ничего общего с тем, что мне плохо от ревности.

Не-а, ничего подобного, вообще.

Я встаю, подняв своё пиво, и направляюсь прямо к Тому и его блондинке. Я так готова к тому, чтобы прекратить их маленькое представление, что это даже не смешно.

Глаза Тома вспыхивают, когда я подхожу. В его взгляде есть настороженность. Но он улыбается — нет, он усмехается, и это окончательно меня разъяряет.

Ублюдок.

Моя кровь закипает.

— Я просто не могу в это поверить! — говорю я Тому плаксиво.

Из-за моих рыданий блондинка отрывается от него.

— Не могу поверить, что ты поступаешь так со мной, *снова!* — я толкаю его в руку.

Шок ослабляет черты его лица.

— Ты обещал любить меня! — говорю я плаксивым голосом и издаю удушающие звуки, когда начинаю реветь. Я даже вытираю нос о свой рукав для эффекта.

— Ты обещал, что этого не повторится! После того последнего раза, когда я подхватила от тебя лобковых вшей и должна была пойти со всем этим к врачу, а во всём моём влагилице распространили вонючее лекарство! Я доверяла тебе, когда ты сказал, что этого не повторится! Но вот ты где — *снова* — с другой поклонницей!

Я поднимаю руки вверх просто для пущего эффекта. В моей руке стакан, в котором осталось немного пива.

— Ты лгун, изменник и сукин сын, Том Картер! Мы так трахались, что это даже не смешно! Свыше ста процентов!

Том открывает рот, чтобы заговорить, но я не даю ему шанса.

Я выплёскиваю пиво ему в лицо.

Блондинка отпрыгивает назад от брызг.

Только сейчас я понимаю, что весь бар молчит. Чака Хан уже не поёт, и все смотрят на меня.

Дерьмо. Грёбанный трындец.

Кажется, я немного увлеклась.

Том проводит рукой вниз, вытирая пиво с лица.

Я тянусь и ставлю пустой стакан на ближайший стол.

— Ладно... ну, я думаю, мне пора идти.

Я неловко улыбаюсь бармену, который смотрит на меня из-за стойки.

Избегая глаз Тома, я резко поворачиваюсь и быстро иду обратно к ребятам, не поднимая глаз до тех пор, пока не добираюсь до нашего стола.

Ребята смотрят на меня так, будто у меня выросло три головы, но я замечаю понимающую ухмылку на лице Шеннон.

— Хм... что это было? — практически рычит на меня Сонни.

— Это моя победа в споре, — я самодовольно улыбаюсь и поднимаю руку ко рту. Я слизываю липкие капельки пива с неё. — Выкладывай. Я считаю, что ты должен мне сто долларов.

— Святое дерьмо! — смеётся Ван. — Она определённо обманула тебя, мужик.

Ван смотрит на меня с восхищением и ухмыляется, поднимая для меня руку, поэтому, конечно же, я даю ему пять.

Сонни награждает меня подлым взглядом и лезет в карман. Он достаёт мой выигрыш и бросает две пятидесятидолларовые купюры в мою протянутую руку.

— С тобой приятно иметь дело. Увижу вас, парни, в автобусе.

Затем я уношусь оттуда сломя голову, игнорируя взгляд Кейла, говорящий: «Обсудим это

позже».

Когда я выхожу на ночной воздух и останавливаюсь, моё сердце колотится, как сучка, в моей груди.

О, Боже мой! Не могу поверить, что я сделала это!

Сдавленный смех вырывается из меня.

Я продолжаю идти, но чем дальше отхожу от бара, тем всё больше понимаю, что натворила.

Я просто устроила сцену на публике и выплеснула в лицо Тома пиво.

Теперь люди подумают, что мы вместе.

А Том знаменитый. Очень знаменитый. Трюк, который я только что провернула, привлечёт внимание прессы.

Нет, всё будет хорошо. Я не могу представить себе какого-то там типа, который вызывает в жёлтую прессу.

Я преодолеваю половину парковки, направляясь к автобусу, когда позади меня, словно гроза, раздаётся голос Тома.

— Какого чёрта это было?

Я медленно поворачиваюсь. Свирепое выражение на его лице заставляет меня прогнуться внутри от давления.

Однако я излучаю стальную уверенность и удерживаю нейтральное выражение лица. Я кладу руки на бёдра.

— Пожалуйста, — говорю я, выражая свою позицию.

Том сужает глаза.

— Я должен сказать «спасибо»? — он делает несколько шагов ко мне, его длинные ноги сокращают пространство между нами.

Я борюсь с желанием отойти.

— За что именно? За то, что орала на меня, как банши, в общественном баре, или за пиво, которое ты выплеснула мне в лицо? — он резко хлестнул рукой по пропитанной пивом футболке, которая прилипла к его твёрдой груди и толстым бицепсам, и...

Сфокусируйся, Лила.

— Хм... за то, что спасла тебя, — говорю я спокойно. Но чувствую я что угодно, кроме спокойствия. Мои внутренности трясутся, а мысли кружатся, как буря.

— Спасла меня? От чего?

Я смотрю на него снисходительным взглядом.

— От блондинки, которая не оставила бы тебя в покое.

Его лицо выражает гнев и растерянность и перерастает в ярость.

— Ты говоришь мне, что всё, что там происходило, случилось только потому, что ты подумала, что я нуждался в спасении от горячей блондиночки, которая была в нескольких минутах от того, чтобы сосать мой член? — он делает ещё один бурный шаг ко мне. — Ты забыла, кто я? Я не Папа Римский, чёрт возьми, Лила! Я Том Картер, и тебе хорошо известно, что мне очень нравятся горячие блондиночки, особенно те, которые более чем готовы встать на колени и сосать мой член! — ещё один шаг. — И только от того, что ты не видела, как я занимаюсь этим на этой неделе, это не перестаёт быть правдой.

Его слова пронзают мою грудь, как кинжал. Я отшатываюсь.

— Ладно, извини. Я не знала, что ты хотел её, — *Иисус, эти слова ранят.* — Я думала, что помогаю. Я просто... ну, мне показалось, что ты не хотел, чтобы возле тебя вились женщины, учитывая то, что случилось с Шеннон в первый день, и я поспорила с Сонни...

Дерьмо.

Эти нефриты превращаются в узкие щелочки.

— Ты поспорила с Сонни о чём?

Я глотаю.

— Ничего. Я ни о чём не спорила.

Я повернулась, чтобы трусливо сбежать обратно в автобус, но Том перехватывает мою руку и тянет меня к себе.

— Закончи эту фразу.

— Хорошо, — я выдыхаю, вырывая свою руку из его руки.

Убрав волосы с лица, поднимаю подбородок.

— Мне было тяжело, когда Сонни сказал, что ты собираешься переспать с той блондинкой и что мне придётся отдать свою кровать, чтобы ты мог использовать её для... кое-чего с ней, — я машу рукой, пытаюсь не давиться словами.

— Поэтому я поспорила с Сонни, что ты не займёшься с ней сексом, потому что я действительно думала, что ты... не будешь.

Он поднимает бровь, что никак не способствует моей уверенности.

— Ну, это было просто... из-за вещей, которые ты сказал мне о Шеннон, и... просто в общем... ну, да, — я выпрямляю спину и смотрю ему в глаза. — И потому, что думала, что мои деньги в безопасности... но потом всё стало выглядеть так, будто ты на самом деле собираешься что-то сделать с ней и... — слова застревают в горле, — я... не хотела проиграть.

Я смотрю в сторону.

Лгунья.

Я не хочу, чтобы ты занимался с ней сексом, потому что от мысли об этом мне становится больно.

Моргая, я смотрю на него.

Этот взгляд на его лице. Он злится, конечно, но он выглядит... раненым.

Я вижу это там, в глубине его глаз.

И я чувствую себя стервой.

Это слишком тяжело: смотреть на него и говорить то, что я собираюсь, так что я смотрю поверх его плеча на светящиеся огни бара за его спиной.

— Послушай, это был дерьмовый поступок... и мне жаль, ладно?

Его лицо пустое, но его глаза говорят намного больше. Ничего хорошего.

— Сколько? — его тон хрупкий.

— Что? — я смотрю на него.

Он поднимает глаза к моим.

— Сколько бабла ты выиграла у Сонни

Я сглатываю комок в горле, похожий на гравий.

— Разве это важно?

— Как. Много.

— Сто долларов, — я дрожу внутри.

Глаза Тома расширяются, и он недоверчиво смеётся.

— Сто долларов. Это всё, чего я стою? — он засовывает руки в волосы, прежде чем обхватывает ими шею. — Господи Боже! — его взгляд разрывает меня. — Мило, Лиля. Реально, чертовски мило.

— Слушай, я сказала, что сожалею, — хмурюсь я.

Он опускает руки и складывает их на груди.

— Сонни отдал деньги?

Я знаю, что вляпалась во что-то, чего действительно не хотела, но у меня не было другого выбора.

— Да.

Одним быстрым движением он срывает пропитанную пивом футболку, обнажая гладкий кусочек полного восхищения. После чего засовывает её в задний карман джинсов, а затем движется на меня. Он делает несколько шагов и становится вплотную ко мне. Его грудь перед моим лицом. Он повсюду, поглощая меня. Не могу дышать. Я практически готова прибить ноги к земле, чтобы не двигаться.

Я запрокидываю голову, чтобы посмотреть на него, как только он наклоняется к моему лицу.

Он пахнет пивом. Но в основном Томом. От всего этого мои волосы встают дыбом.

— Ладно, вот, что ты сейчас сделаешь. Ты вернёшься в тот бар и отдашь Сонни двести долларов: его сто и сто за спор, который ты проиграла.

Мои брови сходятся вместе.

— Я не проиграла...

— Нет, но проиграешь через пять минут. К счастью, блондинка не оттолкнула меня за твоё небольшое представление. Она придёт сюда, и я отведу её в автобус, а затем в твою спальню, где я собираюсь провести всю ночь, трахая её до умопомрачения, пока ты будешь ждать снаружи с сотней долларов, слушая тот вид секса, о котором такая ледяная сука, как ты, может только мечтать.

Думаю, если бы он выстрелил в меня, это было бы не так больно.

Слёзы застилают глаза.

— Да пошёл ты! — кричу я, отпихивая его подальше. После этого поворачиваюсь и бегу в сторону автобуса.

Я просто хочу уйти от него и избавиться от этой чёртовой боли в груди.

Я почти добегаю к автобусу, когда Том перехватывает меня и жёстко толкает в сторону автобуса. Я со свистом выдыхаю.

— Это то, чего ты хочешь, не так ли? — он прижимается своим телом к моему.

Я начинаю дрожать.

— Чтобы я трахнул тебя. Ты ревнуешь, Фейерверк. Признай это. Вот, почему ты провернула там этот маленький трюк.

Я издаю смешок, но этот звук пустой даже для моих собственных ушей.

— Ревную? Размечтался! Я не захотела бы тебя, даже, если бы ты был последним мужчиной на Земле! — хоть я и произношу эти слова, это явно не правда.

И он знает это.

Я не могу сказать, замечает ли он трепет моего тела или быстрые вдохи, или то, что мои глаза прикованы к его губам; что всё, что ему нужно сделать — положить свою руку на мои влажные трусики, чтобы получить подтверждение этого.

— Да, ну, это ощущение на сто чёртовых процентов взаимно, милая.

В противоречие его словам, из-за его быстрых вдохов, расширенных зрачков и прикушенной губы я могу сказать, что он врёт. И даже если бы не было всех этих признаков, то его огромная эрекция, которая в настоящее время упирается в мой живот, ясно даёт понять о том, что мне нужно знать.

— Я думаю, что ты отвратительный бабник, — шиплю я, проводя рукой по его голой груди.

Его тело содрогается от моего прикосновения.

Боже, он чувствуется так чертовски хорошо.

Рука Тома пробегает по моей руке, скользя по краю груди. Он запускает пальцы в мои волосы и тянет их вниз, наклоня моё лицо к своему.

— И, как я уже говорил, я думаю, что ты ледяная сука.

Я вижу блеск в его глазах.

— Я чертовски тебя ненавижу, — закипаю я. Но мой голос звучит очень прерывисто. Сексуальное дыхание. Это не похоже на меня, вообще.

Он перемещает свои губы ближе к моим.

— Да, и это чувство *более* чем взаимно.

Мы сомкнулись. Грудь вздымается. Нейроны сексуальной химии стреляют между нами, как пули.

И я знаю, что если один из нас сделает ещё хоть одно движение, то мы поцелуемся.

Это то, чего я хочу?

Я облизываю свою нижнюю губу.

Последнее, что я понимаю, — как Том рычит: «Бл*дь!»

Затем его рот оказывается на моём, жёстко и быстро.

Я издаю стон и открываюсь для него. Его горячий язык погружается прямо в мой рот, и Том начинает целовать меня, как изголодавшийся мужчина. Я запускаю руки прямо в его волосы и атакую его рот с той же жестокостью.

Большие руки Тома опускаются на мою задницу, и он поднимает меня. Я оборачиваю ноги вокруг его талии, переплетая их в лодыжках.

В этом положении его эрекция хорошо прижимается ко шву моих джинсов, доводя всё моё тело до исступления.

Я мычу. Ничего не могу с этим поделать.

Принимая это за ответ, Том двигает бёдрами назад, а затем толкается вперёд.

— О, Господи, — хныкаю я. Я закатываю глаза и с грохотом прижимаю голову к автобусу.

Выпускаю полустон-полусмех, когда Том целует и посасывает шею, а затем возвращается к моему рту. Всё это время он удивительно мучительно трётся эрекцией по моей горячей точке.

Когда его рот достигает моего, он колеблется. Он смотрит мне в лицо и медленно запускает руку под мою футболку.

Давая ему знать, что с тем, куда это ведёт, всё в порядке, я провожу языком вдоль его нижней губы, а потом всасываю её в рот.

Рука Тома сжимает мою грудь через чашки лифчика. Он проводит грубыми пальцами по кружеву над моим затвердевшим соском.

— Господи, Лила, — глядя вниз на мою грудь, он издает стон. — Твои сиськи чувствуются даже лучше, чем выглядят. Так чертовски хорошо. Я не могу дождаться, чтобы взять их в рот, — он проводит языком по нижней губе, когда сжимает мою грудь.

Молния похоти стреляет прямо в моё сердце.

Я притягиваю его рот к себе, и он проводит своим языком по моим губам, а затем целует меня, глубоко и буйно.

Я превращаюсь в марионетку в его руках, и он берёт контроль над поцелуем.

Берёт под контроль меня.

Мои пальцы дрожат в его волосах. Он стонет в мой рот.

Слабое место.

Я улыбаюсь про себя.

А затем до нас доносятся громкие голоса. Кейл, Сонни и Ван направляются прямо в нашу сторону.

Рот Тома отрывается от моего.

— Дерьмо, — задыхаюсь я.

Я вглядываюсь в его глаза, не зная, что делать. Я не хочу, чтобы ребята увидели нас вместе. И я благодарю Бога за то, что автобус припаркован так, что прикрывает нас.

— Мы должны идти, — прошу я.

Кивнув, Том опускает меня на ноги. Схватив мою руку, он тянет меня к задней части автобуса, чтобы вывести нас из поля зрения. Мы стоим, уставившись друг на друга, и только шаг отделяет нас, пока ребята всей кучей залезают в автобус.

Когда звук от них оседает, Том тихо говорит:

— Ты иди первой. Я буду через минуту.

Он опускает взгляд, я прослеживаю его и вижу, что он всё ещё очень твёрдый.

Как такое вообще возможно?

— Хм... где я была? — я спрашиваю его.

Он сексуально улыбается.

— Всего в нескольких футах, с обёрнутыми вокруг моей талии ногами, стонала в мой рот, пока я тёрся об тебя, прижимая к автобусу.

— Я не это имела в виду! — я бью его в твёрдый как камень живот. — Я имела в виду: что я скажу парням о том, где я была?

Он пожимает плечами.

— Просто скажи им, что сосалась с горячим незнакомцем на парковке.

В этот раз я бью его в руку.

— Ай! — шёпотом кричит он, потирая плечо.

Как будто я причинила ему боль.

Я закатываю глаза.

Том косится через плечо на освещённую витрину магазина позади нас.

— Просто скажи им, что ты ходила в магазин.

— Хороший план, — киваю я.

— Что насчёт меня? Где был я? — спрашивает он.

Теперь я дерзко улыбаюсь ему.

— Скажи им, что сосался с горячей цыпочкой на стоянке.

Он опирается руками по обе стороны от моей головы, не пуская меня в автобус.

— Говоря о горячей... — его рот начинает опускаться к моему.

— Нет, — я прижимаю руки к его груди, чтобы остановить его.

Возвращение ребят помогло мне ясно мыслить и напомнило, чего я не хочу делать.

В моём теле некоторое время отсутствовал водитель. Теперь же мой мозг вернулся и функционирует.

— Нет?

— Нет, — я выскальзываю из-под его руки. — Это была ошибка.

Он смотрит на меня через плечо.

— Ошибка? Ты шутишь?

Кусая губы, я качаю головой.

— Этого не должно было случиться. И больше не повторится.

Обернувшись, он делает шаг в моё пространство.

— Это должно было произойти давным-давно. И обязательно произойдёт снова.

— Нет, этого не будет.

Его медленная улыбка заставляет внутренности в моём животе нестись галопом.

— Посмотрим, — он отходит от меня, направляясь в сторону передней части автобуса.

И это всё?

Не ожидала, что он так быстро сдастся.

Беспокоясь, я крепко обхватываю себя руками. Что, если он собирается сделать то, что он не получил от меня, с блондинкой, которая может появиться здесь в любой момент.

— Куда ты идёшь? — я презираю то, как убого звучит мой голос.

Он поворачивается ко мне, продолжая идти спиной вперёд.

— Душ. Я воняю пивом, — он смотрит на меня. — А потом, спать.

С ней.

Я стискиваю зубы.

— С белобрысой шлюхой?

Мне действительно нужно фильтровать хрень из моего рта.

Он улыбается, и эта улыбка распространяется по всему его красивому лицу.

— Не-а. Понятия не имею, где она находится.

— Но ты сказал... — хмурюсь я.

Он медленно пожимает плечами.

— О, я никогда не собирался спать с ней. Я просто... — Том задумчиво потирает голову, а затем ухмыляется, — устроил шоу.

Сукин. Сын.

Он играл со мной.

Всё, что случилось, он подстроил для того, чтобы вызвать мою ревность.

— Ты... ты... сукин сын и мут! — шиплю я.

— Да, а ты самая сексуальная сука, которую я когда-либо видел в своей жизни. Спи спокойно, Фейерверк, — он подмигивает, а затем залазит в автобус, скрываясь из моего поля зрения.

Я опираюсь спиной об автобус.

Прикасаясь пальцем к губам, понимаю, что я на самом деле улыбаюсь.

Затем хихиканье ускользает от меня.

Я просто зажигала возле туристического автобуса с Томом Картером.

И я хотела этого.

Я хочу его. Очень сильно.

Ну, это конец моему целомудрию. Этот пояс был перерезан надвое и отдан на растерзание волкам (*прим. ред.: пояс целомудрия или пояс верности — устройство наподобие трусов, закрывающее на замок (буквально) доступ к половому органу для предотвращения полового акта*).

А я? Ну, я в большой беде. Я не просто хочу Тома, как это было раньше, теперь, после этого поцелуя, я хочу его ещё больше.

Лиля

На следующий день — Тур-автобус, Сент-Луис

Избегание — мой друг.

Когда я забралась обратно в автобус через несколько минут после Тома, то обнаружила его смеющимся и шутящим с ребятами, как будто несколькими мгновениями назад между нами ничего не случилось.

Конечно, это было хорошо. Именно этого я и хотела.

Но между нами всё ещё есть то тлеющее сексуальное напряжение. Я всё время думаю о том моменте, и это сводит меня с ума.

Я стараюсь вести себя естественно, но это трудно. Каждый раз, когда Том что-нибудь говорит, я вспоминаю о том, как его губы чувствовались на моих.

Кейл чувствовал, что со мной что-то не так, и его вопрошающий взгляд совсем не помогал моему состоянию. Трудно было держать себя в узде, когда он отвёл меня в сторону и тихо спросил, почему я провернула тот трюк в баре.

Он знал, что на меня это не похоже.

Я ответила что-то невнятное. К счастью, он не спорил со мной, хоть и не был удовлетворён ответом. Ван и Сонни были равнодушны. Но Сонни до сих пор ворчал из-за проигрыша пари.

Это было вскоре после того, как я пошла спать.

Проснувшись я рано, почувствовав себя беспокойно, но осталась в постели, не желая вставать и рисковать застрять наедине с Томом. Итак, я подождала, пока не услышала шум выползающих из своих углов мальчиков, и только тогда решила показаться.

Выйдя позавтракать, я почувствовала на себе глаза Тома, однако стойко проигнорировала его взгляд.

Отныне мой план состоит в том, чтобы не оставаться наедине с Томом ни при каких обстоятельствах.

До сих пор всё шло хорошо.

Сейчас Том в моей спальне, на телефонной конференции с Джейком и Зейном.

Мы вспомнили одну песню и решили добавить её в сет. Я написала её давным-давно. Моему голосу всегда чего-то недоставало в ней, но Ван придумал удивительный рифф, который делает песню идеальной. Мы решили попробовать сыграть её для толпы сегодня и посмотреть, как она пойдёт.

Я чувствую, как Том появляется в гостиной прежде, чем вижу его. В последнее время это становится всё сильнее и сильнее, будто я каким-то образом связана с ним.

В руке он держит телефон.

— Есть минутка, ребята? У меня тут Джейк и Зейн на линии. Произошло несколько вещей, о которых мы хотим вам поскорее сообщить.

Я опускаю листок с нотами на кофейный столик, но оставляю в руке ручку.

Том помещает телефон в центр стола. Он остается стоять.

— Джейк, Зейн, можете начинать.

— Эй, как дела? — спрашивает Джейк.

— Великолепно, — отвечаю я за всех.

— Круто. Итак, мы приняли некоторые решения о том, как мы с вами собираемся продвигаться. На самом деле, это детище Зейна, поэтому я позволю ему рассказать вам обо всём.

— Хэй, ребята, — говорит Зейн.

— Привет, — в унисон говорим все мы.

— Как и сказал Джейк, мы работаем над некоторыми делами здесь. Альбом урезают, так что Джейк, Том и я обсуждали, какую песню выпустить в первую очередь. Конечно, ребята, вы внесли весомый вклад, прежде чем уехать в тур, и я знаю, что все вы считали потенциал «Бреда» как первого релиза наилучшим. Однако после некоторого анализа — как ситуации на рынке в последнее время, так и общего — мы решили, что «Лучше, чем ты» была бы идеальной песней для этого.

Воцаряется тишина, и Зейн говорит:

— Что вы думаете?

Я размышляю над этим минуту, а затем обвожу взглядом сидящих за столом.

Мы смотрим друг на друга, ожидая услышать мнение друг друга.

— Что ты думаешь, Ли? — спрашивает Кейл, первым нарушая молчание.

Это отличная песня с хорошим коммерческим потенциалом, и я понимаю, почему они хотят выпустить её в первую очередь.

— Это прекрасная песня, — я озвучиваю свои мысли. — Я довольна, если вы довольны.

— Как насчёт вас, ребята? — Кейл спрашивает Сонни и Ван.

— Мне до фонаря, — говорит Сонни. — Просто счастлив, что мы на гастролях и записываем альбом.

— Как он и сказал, — улыбается Ван.

— Так, мы всё уладили? — согласовывает Кейл со мной.

По какой-то причине я чувствую необходимость посмотреть на Тома, как будто мне нужно его подтверждение в этом.

Мои глаза скользят на него. Он уже смотрит на меня.

Впервые с прошлой ночи я обращаюсь непосредственно к нему:

— Думаешь, это правильная песня?

В его глазах вспыхивает удивление, и выражение его лица смягчается.

— Да, — улыбается он. — Песня будет приносить вам должное внимание. То внимание, которого мы и добиваемся.

Я оборачиваюсь к Кейлу, который переводит взгляд между мной и Томом и в непонимании хмурит брови.

— Тогда, да, мы всё уладили, — я, наконец, отвечаю на вопрос Кейла.

— Ладно, договорились, — говорит Джейк.

— Команда Зейна привлечёт радиостанции по всей стране. В основном мы сосредоточимся здесь, в ЛА, но также задействуем и те места, в которых вы будете выступать. Мы собираемся создать большую шумиху и быстро. Посмотрим, как всё пойдёт дальше.

— Звучит здорово, — говорит Кейл, наклоняясь вперёд.

— В таком случае полагаю, что здесь мы закончили, — говорит Зейн. — Кто-нибудь хочет сказать что-нибудь ещё?

— Мне нечего добавить, — говорит Джейк. — Подожди. Что?

Голос Джейка становится приглушённым, так как он начинает разговаривать с кем-то на заднем плане.

Я слышу слова: «Что за херня?»

Затем: «Господи грёбаный Боже».

— Джейк, всё нормально? — спрашивает Зейн.

— Том, отключи громкую связь. Сейчас. Зейн, я перезвоню тебе, когда поговорю с Томом.

Нахмурившись, Том забирает телефон и выключает громкую связь, перед тем как поднести

телефон к уху.

Я наблюдаю, как он заходит в мою спальню и закрывает за собой дверь. В животе возникает неприятное ощущение.

— Интересно, что это было? — спрашивает Ван, сидя за столом.

Я пожимаю плечами.

— Без понятия. Наверное, дела УШ, — говорю я, но это не кажется правдой.

Такое чувство, что...

О нет.

Чёрт возьми, нет.

Я быстро достаю из кармана свой телефон и набираю в поисковике:

Том Картер. Лила Саммерс.

Затем нажимаю «Начать».

Мой желудок падает, я в ужасе смотрю, как на экране появляются заголовки и фотографии меня с Томом.

УЖАСНЫЙ ШТОРМ: ТОМ КАРТЕР ПОПАЛСЯ НА ИЗМЕНЕ. МЫ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ ДЕВУШКА!

СМОТРИТЕ ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ВИДЕО: ДЕВУШКА ТОМА ПОЙМАЛА ЕГО С ДРУГОЙ ЖЕНЩИНОЙ. ПРОСТО УБЕДИТЕСЬ В ТОМ, ЧТО СТОИТЕ В СТОРОНЕ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ БРЫЗГ!

ТОМ КАРТЕР, МЫ ДУМАЛИ, ЧТО ТЫ УМНЕЕ!

ПЛОХОГО ПАРНЯ РОК-Н-РОЛЛА, ТОМА КАРТЕРА, ПОЙМАЛИ НА ИЗМЕНЕ! ПОЛНОМАСШТАБНУЮ КОНФРОНТАЦИЮ СНЯЛИ НА ВИДЕО! СМОТРИТЕ ЗДЕСЬ!

КАРТЕРА ПОЙМАЛИ НА ИЗМЕНЕ!

Ловеласа рок-музыки и басиста Ужасного Шторма Тома Картера прошлой ночью поймала на измене его подруга. По словам зевак в баре, Том флиртовал с длинноногой блондинкой. Прежде чем Том успел уйти с ней, пришла его девушка и начала бушевать. Мы получили подтверждение о том, что его подруга — Лила Саммерс, солистка группы Винтаж.

Клиент бара рассказал: «Она избивала его, называя лжецом и обманщиком. После этого она выплеснула всю свою выпивку ему в лицо и ушла. Том погнался за ней».

Если бы только он погнался за нами!

Прямо сейчас мы должны благодарить всех богов шторма, так как кто-то поймал всё это действие на видео.

Чтобы посмотреть штормовое шоу полностью, смотрите ниже.

О, Святая, блин, Матерь Божья.

Том

Шестьдесят секунд спустя — Спальня Лилы, Тур-автобус, Сент-Луис

— Ты трахаешься с Лилой? — слышу я твёрдый голос Джейка, когда прижимаю телефон к уху.

Не желая продолжать этот разговор перед аудиторией и прежде, чем ответить, я закрываю дверь в спальню.

— Нет, я не трахаюсь с Лилой, — с большим усилием отвечаю я.

— Ты говоришь мне то, что я хочу услышать, или правду?

Я сжимаю челюсти и напрягаю плечи. Единственная вещь, которую я никогда не делаю — это не лгу. И мне не нравится, когда кто-то обвиняет меня в этом, особенно Джейк, знающий меня достаточно хорошо.

— Это правда. Я когда-нибудь врал тебе? Нет, и ты это знаешь. Ты можешь не верить мне насчёт того, что я говорил в прошлом, но сейчас это чистая правда. Так что, если я говорю тебе что-либо, то это на сто процентов не является чёртовой ложью. Поцеловал ли я Лилу? Да, прошлой ночью так и было, на самом деле. Но трахаю ли я её? Нет.

К сожалению.

— Господи, Томасина. Успокойся, чёрт возьми. У тебя ПМС?

— Ха! — смеюсь я. — Ни в коем случае. Я не один из тех, кто вырос с влагалищем, помнишь?

— Пошёл ты, — смеётся он.

Напряжение, которое я испытывал с Джейком, ушло, но кое-что осталось, и всё это связано с некой маленькой блондинкой за дверью.

— В таком случае, думаю, ты не заходил сегодня утром в Интернет? — спрашивает Джейк.

— Нет. А следовало?

— Да. Видео и сплетни про тебя и Лилу в баре прошлой ночью распространяются по всем сайтам. Ну, знаешь, в том баре, где ты был с какой-то белобрысой тёлкой, а Лиля накричала на тебя, после чего выплеснула на твоё лицо свою выпивку. Должен сказать, она абсолютно точно подобрала время. Тру уже показала мне видео.

Есть видео этого?

Конечно же, есть.

— Дерьмо, — выдыхаю я.

— Что случилось, мужик?

Я прикрываю ладонью глаза, потирая их.

— В этом нет ничего необычного. Лиля всего лишь поспорила с Сонни, что я не засажу блондинке, с которой разговаривал. Она не любит проигрывать, поэтому сделала это, чтобы выиграть.

Джейк смеётся.

— Господи, а она не промах.

— Да. Бл*дь, не издевайся.

— Так, ты поцеловал её до или после того, как утонул в пиве?

— После. Я выскочил за ней из бара. Мы поссорились. А спустя минуту уже целовались. Её задница находилась в моих руках, а ноги были обернуты вокруг моей талии, пока я тёрся об неё возле автобуса.

Джейк смеётся.

— И у тебя не было с ней секса?

Он удивлён, что ожидаемо, поскольку обычно ничто не мешает мне заниматься сексом.

— Нас прервали.

— И когда тебя это беспокоило?

— Я остановился не ради себя, придурок. Лила не такая девушка.

И по какой-то причине я не хочу, чтобы наш первый секс случился у этого автобуса.

Я не признаюсь в этом Джейку. Он не перестал бы об этом трепаться.

— Ну, это так интересно: слышать о том, что ты занимался петтингом с ведущей солисткой группы, работающей на меня, а, позволь просто напомнить тебе, она как раз-таки является ведущей солисткой в группе, которая работает на меня. В группе, которой управляешь ты.

Я провожу рукой по волосам.

— Знаю. Я облажался.

— Я бы так не сказал. Лила сделала неразумный шаг в баре. Но, ладно, мужик, я знаю, каково это в дороге.

— Да, но сейчас всё изменилось. Я пытаюсь вести себя иначе.

Джейк понижает голос.

— Я знаю. Но ты не должен.

— Нет, должен.

Мы умолкаем.

Я первым нарушаю молчание.

— Мы должны ликвидировать последствия от видео.

— Да, мы этим займемся. Положись на меня. Я поручу это Стюарту и Зейну.

Стюарт — ПА Джейка и шикарнейший эксперт по разгребанию бардака, который мы устраиваем.

— Не знаю, как много я смогу сделать, так как всё уже опубликовано, но мы что-нибудь придумаем.

— Я просто не хочу навредить репутации Лилы.

— Нет пресс-конференций — нет плохой репутации в прессе, — говорит Джейк.

— Да. Просто я думаю, что для неё сейчас не самое подходящее время для того, чтобы делать публичное заявление. Если она будет связана со мной, они могут начать копать и узнают, кто её родители.

— Да, ты прав, — соглашается он.

Я начинаю думать, что мы уже закончили разговор, когда он говорит:

— Так... она тебе нравится.

— Лила?

— Да, Лила.

— Ты знаешь, что нравится. Я уже пытался залезть к ней в трусики в этом году, помнишь?

— Помню. И также помню, что она отшила тебя — *дважды*. Но я не про это, Том. Я имею в виду, она нравится тебе? Потому что такое впечатление, что сейчас ты нравишься ей.

Я пожимаю плечами. Меня не волнуют слова Джейка о том, что я нравлюсь Лиле.

Зачем это мне? Я парень, а парни не заботятся о таком дерьме, как это.

Я просто хочу несколько раз трахнуть её, потому что она горячая и у неё лучшие сиськи, которые я только видел.

— Да, она классная. Она... я не знаю. Думаю, она отличается от других цыпочек.

— Ты можешь просто признаться, что на самом деле тебе нравится женщина не только потому, что ты хочешь её трахнуть?

Дерьмо.

— Нет, — гримасничаю я.

— Да, ты, бл*дь, признался. И, чтоб ты знал, я записываю этот звонок, поэтому у меня есть доказательство.

— Отвали. Тебе сколько? Двенадцать? — я не могу ничего сделать и всё-таки улыбаюсь.

Он смеётся.

— Так, я должен подготовить себя к большому количеству сенсаций?

Джейк спрашивает это на тот случай, если я собираюсь добиваться её.

— Не знаю. Ну, то есть, я её менеджер. Мы живём в одном автобусе.

— Так, значит, ты хочешь трахнуть её. Хорошо, если что, у меня нет проблем с тем, что ты делаешь с ней.

— Ой, пап, спасибо.

— Только не облажайся. Я не хочу, чтобы чертовски перспективная группа бросила всё и ушла из-за тебя.

— Спасибо за доверие, — хмурюсь я.

— Не злись. Ты знаешь, что я имею в виду. И не делай больно и себе, и ей.

Я издаю резкий смешок.

— Ты действительно только что сказал это мне? Ты сейчас не с Денни разговариваешь, знаешь ли.

— Охренеть! — посмеивается он. — Я действительно забыл на минутку, с кем разговариваю.

Еще одна странная тишина воцаряется между нами.

Затем, он говорит:

— Том, неужели мы только что откровенно поговорили?

Я потираю щетину на подбородке.

— Не знаю, мужик. Может быть... да.

— Хочешь поговорить про заморочки парней? Притворяться, будто ничего не случилось.

— Так, Метс действительно отстой на данный момент.

Мы несколько минут разговариваем по телефону, обсуждая бейсбол и изливая наши души. После чего отключаемся. Мне нужно поговорить с Лилой. Она должна знать о том, что видео в сети, если ещё не знает.

Я открываю дверь и выхожу в холл.

Лида сидит рядом с Кейлом. Их головы наклонены близко друг к другу, пока они разговаривают.

Я чувствую странное ужесточение в груди.

Затем Кейл запрокидывает руку ей на плечи и притягивает к себе.

Моя кровь начинает закипать. Я сжимаю руки по бокам в кулаки.

И я представляю, как шагаю туда, отрываю его руку от неё, а потом избиваю, пока отправляю сообщение домой.

Это странно и иррационально.

Да, она сказала, что между ними нет никакого секса, и я знаю, что она не стала бы мне лгать. Но каждый раз, когда я смотрю на них, он прикасается к ней. Теперь я начинаю думать, что, возможно, он всё-таки хочет её, а она просто не замечает этого.

И больше всего меня раздражает, что меня это раздражает.

Я действительно хочу оторвать ему руки, когда вижу, как он к ней прикасается.

Меня останавливает лишь тот факт, что у Джейка появятся проблемы, если я оторву руки бас-гитаристу Винтажа. Кроме того, я не хочу до чёртиков напугать Лилу.

Конечно, я вспылал. Я дохрена дрался за все эти годы, но никогда из-за женщины — ну, не за ту, которая мне небезразлична. Но, да, я ввязался в несколько драк с парнем, у которого позаимствовал девушку на ночь без его согласия.

Я просто никогда не заботился о том, что к девушке, которую я трахал, прикасался другой парень, не говоря уже о той, с которой я только раз целовался. Я не раз видел, как женщину, с которой переспал я, нажаривал кто-то другой, когда я переходил к следующей.

Но от мысли, что другой мужчина прикасается к Лиле, мне хочется пробить дыру в ближайшей стене.

Я чувствую себя хозяином положения в отношении неё. Хотя я и не имею права, я чувствую, что она моя. И я не хочу, чтобы к ней прикасался кто-то помимо меня.

— Лила, есть минутка? — говорю я сквозь стиснутые зубы. Я не хотел, чтобы это прозвучало так сердито, но ничего не могу с собой поделать.

Она отворачивает голову от придурка и смотрит на меня. Я даже не удосуживаюсь посмотреть на Кейла.

Просто наслаждаюсь, глядя, как она встаёт и сбрасывает его руку подальше от себя. Мне нравится смотреть, как она идёт ко мне.

Я ни разу не отвожу от неё взгляд, даже не моргаю.

Она не смотрит на меня. Её глаза опущены.

Чёрт.

Она избегает меня с прошлой ночи, и я воспринимал это как должное, давая ей пространство, чтобы приблизиться к чему-то... к нам.

Ранее, когда она спросила моё мнение о чём-то важном для неё, я подумал, что мы сделали шаг вперёд.

Но теперь, похоже, это два шага назад.

И когда я скажу ей про видео — ну, у меня такое ощущение, что это отбросит нас ещё дальше.

Когда она приближается, я делаю шаг назад, давая ей пройти мимо меня в спальню. От запаха её духов голова идет кругом и мой член становится твёрдым. Она проходит и останавливается у письменного стола около противоположной стороны кровати между нами.

Я поднимаю бровь и закрываю дверь. В тишине остро слышится звук скольжения дверной защёлки. Я поворачиваюсь к ней, размышляя, с чего начать.

Затем она выпаливает:

— Прости! — и закрывает лицо руками.

Я вижу, насколько она расстроена, и чувствую, будто меня ударили в грудь.

Обойдя кровать, я быстро сокращаю расстояние между нами. Затем провожу руками по её волосам, заставляя посмотреть на меня. Она медленно отводит руки от лица. Мне не нравится, что я вижу в её глазах, когда она смотрит на меня.

Она выглядит грустной и взволнованной. Предыдущий удар в грудь кажется по-детски безобидным по сравнению с бульдозером, обрушившимся на меня всей тяжестью её состояния.

Похоже, она уже знает о видео.

Ну, я надеюсь, что именно за это она и извиняется, а не за что-то другое. Что-то, о чём я не хочу даже думать. *Кейл.*

— Ты видела видео.

Покачив головой, она поднимает взгляд на меня:

— Я ещё не смотрела, но видела заголовки, — она опускает глаза. — Мне так жаль, Том. Я должна была заранее подумать об этом, прежде чем устраивать скандал вчера вечером. Я знаю, насколько ты знаменит, и, веришь ты в это или нет, даже, несмотря на то, кем являются мои

родители, я просто не привыкла к славе. Я была ограждена от этого, особенно после смерти мамы. Иногда я забываю...

— Ш-ш-ш... всё хорошо, — я мягко целую её в лоб.

— Нет, это не так, — она осторожно двигает головой из стороны в сторону. — Я смутила тебя.

Я тихо смеюсь.

Вот, за что она волнуется. Не за себя. А за меня.

— Поверь мне, это не так. Меня ничто не смутит. И даже если бы мне было стыдно, то ты, — я пальцем рисую линию вниз по её щеке, и мне очень нравится, что она дрожит, когда я к ней прикасаюсь, — никогда бы не смогла смутить меня.

Она моргает, глядя на меня голубыми глазами. Чувства вспыхивают у меня в груди.

— Джейк злится? — спрашивает она.

Я замечаю, что она не отходит от меня, так что я решаю воспользоваться этим и подойти ближе, обхватив рукой её щеку.

— Нет, он не злится. Он спасает ситуацию.

— Для тебя?

— Нет, Ли, для тебя. Он убеждается, что из-за твоей связи со мной пресса ничего не нароеет на тебя.

Она снова опускает глаза и прикусывает губу.

Я чувствую, как мой член дёргается от этого вида.

— Я никогда не думала об этом, — шепчет она.

— Не волнуйся. Я совершал ошибки — колоссальные грёбаные ошибки — до того, как УШ начал получать признание. И Джейк делал то же самое. Мы знаем, что это такое. Но со временем становится легче. Это станет нормой.

Она кивает, глаза по-прежнему опущены.

Мне это не нравится. Мне не нравится, когда она не смотрит на меня.

— Эй, — я касаюсь пальцем её подбородка.

Она поднимает глаза ко мне.

— Это не большое дело. Завтра всем будет всё равно. Хорошо?

— Хорошо, — выдыхает она, очаровательная улыбка обрамляет её полные губы.

Её взгляд скользит по моему лицу, прежде чем остановиться на губах.

Она хочет, чтобы я поцеловал её.

— Ли... я собираюсь снова тебя поцеловать.

Её движения головой приравниваются к нулю. Я воспринимаю это как «да». Мне не хочется терять ни секунды, предоставляя ей тем самым шанс передумать. Молниеносно двигаясь, я захватываю её губы своими. Медленно провожу языком по её нижней губе, а затем припечатываю свой рот к её.

Я целую её с такой силой, с какой только могу, чтобы не причинить ей боль. Я хочу, чтобы она знала, как сильно я хочу её.

Она расслабляется в моих руках.

Я обнимаю её, окутывая собой. Облизываю её сладкие губы. Она издаёт чертовски сексуальнейший стон, а потом кружит языком вокруг моего. Она оборачивает руки вокруг моей спины и впивается в неё ногтями, прижимая меня к себе. Я чувствую давление на свою кожу через рубашку.

Я прижимаюсь твёрдым, как камень, членом к её упругому животу.

Животу, который я собираюсь вылизывать, стоя на коленях и расстегивая её джинсы. Тогда я возьму её в рот и, наконец, попробую на вкус её сладкую киску.

— Я хочу тебя, — выдыхаю ей в рот.

— О, Господи, — шепчет она, дрожа всем телом. Она открывает глаза и смотрит на меня.

Её взгляд туманный и похотливый, и в этот момент я действительно верю, что у неё есть то, что я собираюсь получить, чего я так отчаянно жаждал с того момента, как только увидел её.

Я скольжу рукой вниз по её боку, животу, направляясь к кнопке и молнии на её джинсах, когда до нас доносится громкий звук из ванной, когда эти придурки закрывают дверь, что прогоняет туман из её глаз и заставляет отстраниться от меня.

Она отступает, её горячая грудь вздымается, и она качает головой.

— Нет. Я не могу сделать это с *тобой*.

Я ненавижу то, как она говорит «с тобой». Как будто она будет делать это с любыми другими парнями, но не со мной.

Она делает шаг, чтобы пройти мимо меня, но я останавливаю её, поймав за запястье.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не можешь сделать это со *мною*? Есть кто-то ещё, с кем ты трахаешься?

— Ты отвратителен, — шипит она. — Ты когда-нибудь прекратишь?

— Нет. Не тогда, когда это касается тебя, — я наклоняюсь к её лицу. — Знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты очень сильно хочешь меня, Лила. И это чертовски пугает тебя. Отчасти из-за того, как твой брат и тот бывший ублюдок с тобой поступили.

Это низко и я это знаю. Но, похоже, что я ничего не могу с этим поделать в её присутствии. Иногда она пробуждает во мне ублюдка.

Я вижу в её глазах боль, и это меня беспокоит. Я ненавижу то, настолько забочусь об этом и что это задевает меня.

Но самое страшное — это воцарившаяся сейчас тишина.

Она не даёт отпор. Она просто спокойно вытаскивает свою руку из моей и начинает уходить.

Паника впивается когтями в мою грудь.

Я не знаю, что с этим делать, потому что я никогда раньше не чувствовал подобного. Не таким образом. Не к женщине.

— Вот оно, Лила. Убегаешь. Делаешь то, что умеешь лучше всего.

Она останавливается и поворачивается ко мне. Боль ушла, и её выражение лица пустое.

Я не знаю, что хуже: видеть, как ей больно или что ей всё равно.

— Я не убегаю. Я принимаю разумный выбор — уйти от тебя.

Господи, это чертовски больно.

— Нет, ты убегаешь, потому что боишься.

— Я ничего не боюсь — тем более, тебя.

Я заставляю свои губы растянуться в улыбке, хотя улыбаться — это последнее, что я хочу делать прямо сейчас.

— Да. Но тебе нечего бояться. Я покажу тебе это. Ты можешь продолжать убежать, но вскоре я поймаю тебя. Я не сдамся, Лила.

Её глаза сфокусированы на мне, и её взгляд настолько холодный, что у меня от него мурашки по коже пробегают.

— Но тебе стоит оставить это, Том. Тебе действительно стоит.

Затем она выходит за дверь.

И я остаюсь наедине с бешеным стояком, самым худшим проявлением синих шаров и болью в груди, которую не могу объяснить.

Лиля

Спустя несколько часов — Ужин, Сент-Луис

Мы собираемся в кафешку, чтобы поужинать перед сегодняшним вечерним концертом. Остальная часть команды занимается подготовкой, так что идём только я, Кейл, Сонни, Ван и Шеннон. Я понятия не имею, где Эшли, и даже спрашивать не хочу. Я просто рада, что мне не придётся смотреть, как она пускает слюни на Тома.

Ах, да, и этот человек тоже с нами.

Он не пытался поговорить со мной с утра. Он едва взглянул на меня.

Это беспокоит меня намного больше, чем мне хотелось бы признавать.

Может, он изменил свою позицию относительно того, чтобы не сдаваться. И я даже не собираюсь думать, насколько эта мысль поражает меня.

Он был зол после того, как я оттолкнула его после нашего поцелуя. Впрочем, я не могу винить его. В общей сложности, я, должно быть, выглядела как задира.

Каковой не являюсь.

Я всего лишь была растеряна и напугана.

Он был прав насчёт этого.

Том зажигает во мне ту часть, которую я хочу оставить в темноте.

Я не могу контролировать себя рядом с ним. Лишь только он меня коснётся, как все чувства вместе с моими запретами просто улетают прочь.

Я была просто рада, что нас прервали, снова. Но я не могу постоянно полагаться на спасающие меня помехи.

Я должна найти способ не поддаваться влиянию Тома. Мне нужно прекратить дразнить его. Это не справедливо.

Мнение Тома мне не безразлично. Я не хочу, чтобы он ненавидел меня. Прежде чем целоваться, нам нужно построить хорошие дружественные отношения. Я хочу вернуться к тому, что было между нами раньше, хотя поцелуи — это круто.

Иисус, я так запуталась.

Потирая голову, я с фырканьем выдыхаю.

Ван переводит взгляд на меня.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает он с полным ртом еды.

Кивая, я говорю:

— Да. Со мной всё хорошо, — я ослепительно ему улыбаюсь.

После этого опускаю взгляд на свою тарелку. Я отделяю вилкой кусок блина и протыкаю его, позволяя сиропу капнуть на тарелку. Я наклоняюсь вперёд и кладу кусок блина в рот. На ужин я решила позавтракать. У меня нет аппетита, но мне нужно что-то съесть, и я подумала, что разобраться с блинами будет проще простого.

Я медленно пережёвываю, пытаясь сосредоточиться на сладости сиропа, но я слишком отвлекаюсь на голос Тома. Он сидит на сиденье напротив меня, рядом с Ван, и он говорит с Кейлом о гитарах.

Никогда не думала, что стараться не смотреть на кого-то окажется так сложно. Но с Томом это так. Мне приходится физически сдерживать себя от взгляда на него. Мои глаза, кажется, тянутся к нему как пчёлы на мёд.

С трудом моргая, я наклоняю лицо вперёд и смотрю перед собой, фиксируя взгляд на

картине, висящей на стене за головой Ван. Это скучная картина с полями, деревьями, какими-то коровами и овцами, но я заставляю себя причудливо изучать каждую часть этой картины.

Только я дохожу до третьей овцы, как чувствую вибрацию своего телефона у задницы. Я засовываю руку в карман, вытаскиваю его и вижу светящееся имя Тома на экране.

Сердце подскакивает к горлу, и я смотрю на Тома. Он на меня не смотрит. Его глаза сосредоточены на Кейле, он полностью погружен в то, что тот рассказывает.

Я опускаю взгляд на телефон и открываю сообщение.

Я до сих пор чувствую твой вкус.

Святое дерьмо! Откуда это взялось?

Думаю, это подтверждает то, что он сказал мне ранее. О том, что не сдастся.

Моё сердце неистово бьётся о грудную клетку. Оно разрывается на две части: одна тянется к Тому, а другая бежит из этой забегаловки.

Я смотрю на него и кладу телефон на стол, давая понять, что игнорирую его.

Он ухмыляется. Затем снова поднимает свой телефон.

Через несколько секунд мой вибрирует.

Я вздыхаю и игнорирую его примерно две минуты. Но, в конце концов, любопытство побеждает, и я беру его.

Уверен, твоя киска такая же сладкая, как и рот. Не могу дождаться, чтобы выяснить это.

Иисус. Центр стягивается, и я сжимаю бёдра, моё тело тянет к Тому.

Я опираюсь на стол и делаю глубокий успокаивающий вдох, пытаюсь прислушаться к голосу разума, а не предательского тела.

Прекрати.

Я нажимаю «Отправить» и располагаю телефон на бедре.

До меня доносится жужжание вибрирующего сотового Тома на столе. Краем глаза я наблюдаю, как он берёт его и читает моё сообщение.

Его взгляд бесстрастный.

Он поднимает его, но я мгновенно отвожу глаза обратно на картину.

Спустя несколько минут, мой телефон вибрирует.

Тьфу!

Я поднимаю свои злые глаза на него.

Он смотрит прямо на меня таким решительным взглядом, от которого мой желудок делает сальто.

Я смотрю туда, где оставила свой телефон, он лежит на моих бёдрах, текст в нём открыт.

Я уже говорил, что не остановлюсь, пока не заполучу тебя. И, может быть, даже тогда не остановлюсь.

Это преследование. Я могла бы подать на тебя в суд за то, что ты преследуешь меня.

Я слышу, как он тихо хохочет. После чего...

Это стоило бы каждого грёбаного цента.

Я почти рычу от бессилия.

Том, вбей уже, наконец, в свою голову. Этого никогда не повторится. Никогда. Прошлая ночь была ошибкой. А это утро ещё большая ошибка.

Я смотрю на него, пытаюсь навязать свою точку зрения. Он берёт свой телефон и начинает печатать сообщение. Я вижу, как он поднимает брови, а затем его пальцы двигаются по экрану. Через несколько секунд мой телефон на бедре вибрирует.

Единственной ошибкой было то, что я позволил тебе выйти из спальни. Это произойдёт снова, Лила. Снова и снова. И снова.

Нет. Нет, нет. И нет!

Приходит официантка и наполняет наши кофе, отвлекая внимание всех сидящих за столом, поэтому я рискую и привлекаю внимание Тома.

Слегка качая головой, я одними губами произношу ему «Нет», желая доказать свою точку зрения.

Мне нужно, чтобы он оставил меня в покое.

Я не могу связываться с Томом. Быть с кем-то вроде него, кто хотел сделать мне больно.

И я больше не могу страдать.

Он хмурит брови, глядя на меня твёрдым взглядом. «Да», — одними губами произносит он.

Мои разум и тело работают независимо друг от друга. Я хочу его так сильно.

Моё тело жаждет его слов, любя за то, что он не отказался от меня.

Но мой разум в ужасе и подсказывает мне бежать подальше.

Официантка уходит, и все за столом возвращаются к разговору.

Я думаю, что это оно. Я свободна.

Но это не так.

Мой телефон на бедре снова жужжит. Нужно прочитать это подтверждение. Я открываю сообщение.

Я знаю, что ты хочешь меня, так что я ни в коем случае не отступлю.

Я действительно не хочу тебя.

Не ври, мать твою. Я отсюда чувствую запах твоего возбуждения. И это делает меня твёрдым, Ли. Твёрдым. Как. Чёртов. Камень.

Срань Господня.

Том, пожалуйста...

Теперь я умоляю, потому что уже не знаю, что делать. Если он приблизится ко мне, подталкивая, я уступлю его давлению. И в следующий раз мы совершим нечто большее, чем

поцелуй.

Не могу дождаться, когда ты возьмёшь в рот мой член.

О, Боже.

Рука, в которой я держу телефон, начинает потеть. По моему телу проходит волна: от головы до пальцев ног. Каждая часть меня заводится от его грязных слов. Я промокла насквозь от возбуждения.

Я смотрю на Тома, а он на меня, и он по-прежнему полон решимости.

Я крепко сжимаю бёдра, пытаюсь облегчить боль, которая возникла из-за нескольких слов в текстовом сообщении.

Я задумываюсь на секунду, мои пальцы зависают над экраном телефона.

Я хочу...

Я делаю паузу, пытаюсь придумать, что написать. А затем случайно нажимаю «Отправить».

Дерьмо.

Мой желудок переворачивается из-за того, что я так просто отправила ему незаконченное сообщение.

Через секунду начинает громко играть песня Бруно Марса «Горилла» (*прим. ред.: Bruno Mars «Gorilla»*). У меня уходит секунда, чтобы понять, что она раздаётся из телефона Тома. Это сигнал о сообщении, присланном мной.

Я застываю на месте.

Он просто включил рингтон?

Зачем?

Чтобы привлечь моё внимание.

Ну, если по этой причине, то он его получил. И не только из-за того, о чём эта песня, но и за определённую часть, которую он установил на сообщения.

Думаю, вы знаете, какую часть я имею в виду — *ублюдок*. (*прим. ред.: возможно, имеется в виду дважды повторяющаяся строчка из припева «You and me baby making love like gorillas» — «Ты и я, детка, занимаемся любовью, как гориллы»*)

Я смотрю на него. Он смотрит на меня с вождением и вызовом в глазах.

Я отвожу взгляд.

Ребята даже не поражены словами из песни, играющей в телефоне Тома. Кейл даже начинает подпевать.

Том ждёт, пока рингтон перестанет играть, берёт свой сотовый и читает моё сообщение.

Кейл говорит:

— Я чертовски люблю эту песню.

Я бормочу в знак согласия.

— Эта песня гениальна. Она так много раз помогала мне перепихнуться. Теперь я буду поклоняться алтарю Бруно Марса, — говорит Сонни с полным ртом гамбургера.

— Мило, — говорю я.

Теперь я не могу оторвать глаз от Тома, зная, что он читает.

Глаза Тома вспыхивают, когда он смотрит на меня. В них мелькает вопрос, замешательство, но в основном голод.

— Ли, ты не будешь доедать?

Я с трудом отрываю глаза от Тома, и вижу, как Ван указывает вилкой на тарелку с моими

блинчиками.

— Нет, ты можешь взять их, — я отодвигаю тарелку к нему.

Мой телефон вибрирует.

Чего ты хочешь, детка? Скажи мне, и я дам тебе это.

Я навожу курсор на экран, разрываясь между тем, чего на самом деле хочет моё тело, и тем, что подсказывает мой разум.

Я решаю поступить так, как подсказывает мой здравый смысл.

Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Я пускаю телефон на место, ожидая ответа.

Но он не приходит.

Я жду этого, кажется, целую вечность, но ничего.

И когда я смотрю на Тома, то он не смотрит на меня. Он говорит с Шеннон, а его телефона нигде не видно.

Паника царапает моё горло, но я засовываю её подальше.

Это хорошо. Это то, чего я хотела.

И в этот момент звонит мой телефон, пугая меня до чёртиков.

Это номер, который я не узнаю.

Я колеблюсь секунду, но затем отвечаю:

— Алло?

— Лила, это Робби, Робби Крафт.

Мой желудок делает небольшое сальто.

— О, Робби, привет.

Я смотрю на Тома, чтобы проверить, не услышал ли он меня. Услышал.

Я не знаю, как он отреагирует, зная, что звонит Робби, может быть, разозлится.

Но я не получаю этого.

Ничего.

Никакой реакции.

Его лицо совершенно пустое.

Шеннон что-то говорит ему, и он поворачивается к ней.

Я чувствую опустошённость, но небольшая дрожь пробирает меня оттого, что звонит Робби. Я встаю со своего места и отхожу от стола. Я подхожу к выходу, так что я могу ответить на звонок.

Первая вещь, которая вылетает из моего рта:

— Хм... как ты узнал мой номер?

Я слышу, как он глубоко вдыхает.

Он нервничает, когда говорит:

— Ладно, я знаю, что это немного похоже на преследование, но я обещаю, что это не так. Хорошо, может, немного. Но ты мне так и не позвонила, и у меня есть друг... в полиции. Он достал твой номер для меня.

— Я уверена, что это незаконно, — говорю я, улыбаясь.

— Думаю, что ты права. Но если я скажу, что не переставал думать о тебе с Айдахо, это поможет?

— Даже не знаю. Преступление, которое Вы совершили, довольно серьёзное.

— Ладно, ты согласишься поужинать со мной? Если ты всё ещё чувствуешь то же самое к моим преступным, сталкерским способам, я добровольно сдамся в полицию.

— Ты имеешь в виду, своему другу полицейскому, который нарушил закон вместе с тобой?

Он посмеивается.

— Именно ему.

Я постукиваю пальцами по подбородку.

— Я не уверена, что идти на ужин с преступником и сталкером — хорошая идея.

Он издает шум щелчка.

— Да, я думаю, что ты права. Дерьмо. Я облажался на первом же препятствии.

Я хихикаю.

— Ты ещё не полностью облажался.

— Нет?

Мне нравится надежда, которую я слышу в его голосе.

— А как на счет того, чтобы в следующий раз, когда мы увидимся, ты угостил меня выпивкой, ведь у тебя не было возможности сделать это в прошлый раз?

Я слышу шелест бумаги.

Затем, он говорит:

— Через пять дней. Питтсбург. Мы оба там выступаем. Это свидание.

— Я никогда не говорила, что это будет свидание, Робби, — говорю я, добавляя лёгкости в свой голос, так как не хочу показаться стервой.

— Хорошо, не свидание. Просто выпьем по-дружески. Просто пообещай мне одну вещь...

— Обычно я не даю обещаний.

— Можешь ли ты сделать исключение для меня?

Он звучит так мило, что я не могу ничего с собой поделаться и говорю:

— Хорошо, говори.

— Пообещай мне, что никому не позволишь покупать себе выпивку в период с настоящего времени до Питтсбурга.

— Эй, девочка хочет выпить! — смеюсь я. — Как насчёт обещания, что я не позволю купить мне выпивку, с сегодняшнего дня до Питтсбурга тому, кто не является мне другом?

Я слышу его улыбку по линии.

— Идеально. Значит, увидимся через пять дней, Лила.

— Ты увидишь меня через пять дней.

С улыбкой на лице, я вешаю трубку и засовываю телефон в задний карман. Я начинаю идти обратно к нашему столику. Когда я поднимаю глаза, то встречаюсь с взглядом Тома.

И он смотрит на меня таким взглядом, которого я никогда раньше не видела.

Будто он смотрит сквозь меня. Отдалённо. Почти так, будто он на самом деле не видит меня.

И я бы солгала, если бы сказала, что это не больно.

Лила

Пять дней спустя — На сцене в клубе, Питтсбург

Хорошо. Итак, Том не избегает меня. Не игнорирует.

Он ведёт себя мило со мной.

Это же хорошо, верно? Именно этого я и добивалась.

Ну, это должно быть хорошо... но это не так.

Потому что он слишком *милый*. Чересчур, мать его, милый.

Радушный. Воспитанный.

Проще говоря, не тот Том, которого я знаю.

Это не шутка. Никакого флирта. Никаких сообщений с сексуальным подтекстом. Никаких попыток остаться со мной наедине.

Ничего.

За пять долбанных дней.

Ничего!

И это сводит меня с ума. Он сводит меня с ума. Медленно.

Каждый раз, когда я захожу в комнату, где нет никого кроме него, он одаривает меня вежливой улыбкой, прежде чем встать и уйти. Как будто я переносчик чумы или что-то типа того.

Сначала я подумала, что это игра, в которую он играет, пытаясь сломить меня, чтобы я раскололась и поддалась ему.

Но спустя три дня, я поняла, что это не игра. Он действительно отказался от меня.

Я знаю это, потому что на третий день увидела, как Милый Том флиртовал с Эшли, и он делал это не потому, что я была там. Он не пытался вызвать во мне ревность.

Он понятия не имел, что я был там, когда флиртовал с ней.

Увидеть их вместе — его рука покоилась на её плече, а пальцы играли с её волосами — больно.

Но я говорю себе, что это хорошо. Я сама хотела, чтобы он оставил меня в покое.

Он делает то, что я попросила.

Так что это хорошо.

Не считая того факта, что мне всё равно дерьмово. Я устала от всего этого.

Я хочу вернуться к тому, что было раньше.

Я хочу, чтобы Том вернулся.

Единственное, что не дало мне за эти пять дней сойти с ума, — это внимание, которое я получала от Робби Крафта.

На следующий день после его сталкерского звонка, я получила от него милое сообщение. Я ответила ему. С тех пор мы переписываемся несколько раз в день.

Он милый.

От него в моём животе не загорается огонь, как от Тома.

Но огонь опасен. Он может сжечь дотла.

Не думаю, что с Робби такое возможно. Я до сих пор не хочу ни с кем встречаться. Я просто наслаждаюсь его вниманием.

Том, может, и порвал ремешки на моём поясе верности, который я заперла на замок после ублюдка, но я не готова снять его для кого-либо ещё.

Просто хорошо иметь кого-то, кто может отвлечь меня от мыслей о Томе.

Я с нетерпением жду возможности получше узнать Робби. Зубрила-фанат во мне рад поговорить с ним о музыке.

Сегодня мы в Питтсбурге, а в Питтсбурге состоится моё «не-свидание» с Робби.

Я на сцене, и выплёскиваю гнев в пении, прежде чем заканчивается наш сет.

Я ещё не видела Робби. Турникеты играли перед нами, после них выступала ещё одна группа, а потом пошёл наш сет, так что, думаю, я увижу его, когда уйду со сцены.

Я прижимаюсь губами к микрофону и пропеваю последнюю строку: «Лучше, чем ты».

Несколько дней назад Том решил, что эта песня должна быть заключающей. Сингл очень хорошо прошёл в эфир, и количество загрузок выглядит отлично. Он сказал, что если так и будет продолжаться, то мы окажемся на вершине чартов, что удивительно.

Я просто хочу чувствовать себя потрясающе.

Когда Сонни ударяет палочками по барабанам в последний раз за сегодняшний вечер, я кричу в микрофон:

— Спасибо, Питтсбург! Ты был великолепен!

Махая одной рукой, я ухожу со сцены, снимая через голову ремень гитары. Оказавшись за кулисами, я сразу отдаю гитару в руки Джону, одному из наших роуди, и говорю «Спасибо».

Я спускаюсь по ступенькам и вижу, что Том, как и всегда, уже ждёт нас. Он выглядит очень горячо в джинсах с низкой посадкой и в старой футболке «Дэвид Боуи, Живое выступление в Санта-Монике '72» (*прим. ред: David Bowie, Live Santa Monica '72*)

К сожалению, Эшли здесь и стоит рядом с ним.

Она одета в обтягивающее короткое красное платье, которое демонстрирует все её достоинства. Она выглядит хорошо.

Но я не чувствую себя неполноценной сегодня вечером, потому что знаю, что выгляжу сногсшибательно. Шеннон хорошенько поработала надо мной, так как я сказала ей, что сегодня вечером встречаюсь с Робби, чтобы выпить, и она восприняла это за свидание. Не важно, сколько раз я говорила ей, что это не так, но она не слушала и приехала сюда со мной. Чему я сейчас несказанно рада.

Мои губы красные, ногти накрашены в соответствии обалденному платью, в которое я одета. Оно короткое, чёрное, с пышными рукавами, но самая лучшая часть — разрез до пупка. Никакого лифчика, сиськи-приклеены-на-месте, чертовски сексуальное платье. И в завершение ко всему этому, я обула чёрные замшевые ботильоны на высоких каблуках.

Я выгляжу хорошо — нет, я выгляжу сексуально, и мои девочки выглядят потрясающе.

Подняв голову, я выпячиваю свои самые лучшие достоинства, потому что знаю, что Том зациклен на них, и направляюсь к ним.

— Эй, — улыбаюсь я.

Эшли оглядывает меня сверху донизу.

— Шеннон попросила меня передать тебе сумочку, — она протягивает её мне.

Слишком много любезности.

— Спасибо, — говорю я, забирая её у неё.

Она фальшиво мне улыбается.

К чёрту Тома, мне действительно не нравится эта девушка.

— Сет, как и всегда, отличный, — говорит Том, смотря мне в лицо. — Сегодня твой вокал был на высоте, — он улыбается мне вежливой улыбкой. И он даже не смотрит на мою грудь.

Ну, он мог бы просто ударить меня в мою вирджинию.

Я должна сдерживать крик разочарования, ползущий верх по моему горлу. Особенно, когда я вижу ухмылку на лице Эшли.

Злясь и чувствуя себя глупо из-за попыток привлечь его внимание к моей груди, я резко киваю ему.

— Круто. Ну, если кому-то понадобится, я буду в баре.

Я поворачиваюсь на шпильках, даже не удосужившись дождаться Кейла, Сонни и Вана, и топаю прочь.

Я раздосадована и уверена, что это видно в каждом моём шаге.

Не то чтобы Том заметит. Он слишком занят, глядя на поддельные сиськи Эшли.

Мяу.

Добравшись до бара, я хлопаю своей кредитной картой по стойке и бросаю рядом сумочку.

— Стопку текилы, и продолжай подливать.

Симпатичный бармен поднимает брови и улыбается. Он берёт мою карту и кладёт её возле кассы. Затем он ставит на барную стойку рюмку и наливает текилу.

— Я думал, ты не позволяешь никому угощать себя, кроме меня, — слышу ровный голос Робби возле моего уха.

Я поворачиваюсь к нему.

Господи, он выглядит сексуальнее, чем я помню. При виде Робби напряжённость в моём теле после разговора с Томом начинает направляться к двери с надписью «Выход».

Я улыбаюсь Робби, быстро путешествуя глазами по его телу. *Я, может быть, и взяла тайм-аут касательно мужчин, но я не слепая.* Робби худой и подтянутый, хотя не такой накачанный, как Том.

Мне очень нравится, как его рваные чёрные джинсы висят на бёдрах, уравнивая их. Приталенная чёрная футболка, в которую он одет, нарисованный череп, окружённый пламенем и надписью «Восставший из ада» под ним. Она идеально подчеркивает его грудь и руки.

Надеюсь, что Робби — восставший из ада. Это именно то, на что я настроена сегодня вечером — устроить настоящий ад.

Я выпиваю стопку и возвращаю её назад, чувствуя ожог от спиртного.

Я поворачиваюсь обратно к Робби и смотрю из-под ресниц, улыбаясь ему.

— Я купила это сама.

Его глаза темнеют, когда он смотрит на меня, и мне нравится то, что я при этом чувствую.

— Такая девушка, как ты, не должна покупать себе напитки сама, — говорит он, наклоняясь чуть ближе ко мне.

— Льстец.

Он запрокидывает голову и заразительно смеётся.

Я представляю, как от этого звука женщины сбрасывают трусики налево и направо.

— Так я могу, наконец, купить тебе выпить? — он награждает меня, срывающей трусики улыбкой.

— Можешь, — улыбаюсь я.

Перегнувшись через бар, он поднимает руку, привлекая внимание бармена.

— Ещё одну рюмку? — спрашивает меня Робби.

Я качаю головой. Вероятно, опрокинуть пару стопок и набраться — не самая хорошая идея для меня.

— Пиво, пожалуйста.

— Два пива, — говорит он бармену.

Я поворачиваюсь и прислоняюсь к бару, оглядываясь по сторонам. Ван разговаривает с какой-то девушкой, а Сонни засовывает свой язык в глотку ещё какой-то девушки. Кейла не видно.

Я сканирую толпу в поисках Тома, и замечаю его на другом конце комнаты. Желудок

завязывается в тысячу узлов, и я чувствую, что меня сейчас вырвет. Он сидит на краю стула, его длинные ноги раскинуты, а между ними стоит Эшли. Она положила руки на его грудь, говоря что-то ему на ухо.

Его глаза встречают мои с другого конца комнаты, болезненно обжигая.

Считая странным, что поблизости нет Кейла, и не желая смотреть на Тома с Эшли, я достаю из сумочки телефон и проверяю, не написал ли Кейл о своём местонахождении.

Он действительно написал.

Отправился обратно в отель с той цыпочкой, с которой виделась раньше. Том сказал, что он проследит, чтобы ты благополучно вернулась. Я подошёл бы к тебе, прежде чем уехать, но ты разговаривала с Робби. Я не хотел вам мешать. ;) Люблю тебя.

На этот вечер мы остановились в гостинице, так как в Питтсбурге у нас запланировано два концерта в двух разных клубах. Один состоялся сегодня вечером, а второй пройдёт завтра. Поэтому Том решил, что одну ночь мы могли бы провести вне автобуса, и, пока мы не в пути, это идеальное время.

Я быстро набираю ответ.

Повеселись. И ты бы не помешал. Я просто выпиваю с Робби, вот и всё. Увидимся с тобой за завтраком. Тоже люблю тебя.

Робби держит передо мной бутылку с пивом. Взяв её, я блокирую экран телефона и ложу гаджет обратно в сумочку.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

— Итак... — говорит он.

Кажется, он нервничает. Это мило.

Я всем телом поворачиваюсь к нему.

— Итак?

Он проводит рукой по волосам, переступая с ноги на ногу.

— Ладно, я просто скажу всё, как есть. Ты действительно нравишься мне.

— Хорошо... — я кусаю губу, немного не уверенная, как реагировать.

Я этого не ожидала.

— И ты заставляешь меня нервничать.

— Я заставляю тебя нервничать? Очень сомневаюсь в этом.

— Серьёзно, — он наклоняется чуть ближе ко мне.

— Я никогда не нервничаю в присутствии женщин, но в твоём... это так.

Я подношу бутылку к губам и делаю небольшой глоток.

— Это хорошо или плохо? Я не понимаю.

Подняв руку к моему лицу, он заправляет прядь моих волос за ухо.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты шикарно выглядишь, Лила. Это немного нервирует.

— Нервирует? — хмурюсь я.

— Да. Ты могла бы заполучить любого парня в этой комнате.

Его пальцы пробегают вниз по моей скуле, и он наклоняется ещё ближе. Его бутылка лязгает об мою.

— И это расстраивает меня, потому что я хочу, чтобы ты хотела меня, и я хочу этого и беспокоюсь больше, чем когда-либо раньше.

Он смотрит на меня так, как Том.

Вот только его взгляд не оказывает на меня такое же влияние, как взгляд Тома. Только тепло в животе, но не пламя, которое я чувствую в присутствии Тома.

Через колонки начинает громко играть песня «Сердечный приступ» Деми Ловато. (*прим. ред.: Demi Lovato «Heart Attack»*).

Я вспоминаю о Томе и осознаю тот факт, что он находится в другом конце комнаты, я отодвигаюсь немного назад, отчего руки Робби висят в воздухе.

Он быстро исправляет это, обхватив ими свою бутылку, прежде чем поднести её к груди. Выражение расстройства мерцает на его лице.

— Я двигался слишком быстро и напугал тебя, да?

— Нет, — я качаю головой. — Это не так.

Мои глаза скользят по комнате, и вот тогда я вижу, как... Том целует Эшли.

Я чувствую, будто меня ударили кулаком и вдобавок ногой.

Музыка притупляется до болезненной пульсации в голове.

Всё останавливается. Время. Моё сердце. Жизнь. Вращение Земли.

Господи. Это больно.

Всё перестает двигаться, кроме того, что происходит прямо сейчас на моих глазах.

Он целует её.

Он действительно целует её.

Его руки на её плечах, удерживают её.

И он... целует её.

Господи.

Меня сейчас вырвет.

Слезы обжигают мои глаза, и боль рвётся наружу через горло.

Я знаю, что не имею права чувствовать себя таким образом. Я его оттолкнула.

Но от этого факта боль не становится меньше.

— Лила? — голос Робби возвращает меня обратно.

Мои глаза встречаются с его. Я уверена, что он может видеть что-то в них.

— Том... — он поворачивает голову туда, где находятся Том и Эшли. — Вы двое...

— Нет.

— Я видел видео в интернете, и вы выглядели...

— Мы никак не выглядели. Ничего на видео не было. Просто проспорила.

— Хорошо, — улыбается он. — Я рад это слышать, — он снова подходит ближе. — Очень рад.

Я смотрю на Робби. Он милый и симпатичный, и от него приятно пахнет. Свежестью. Мылом и лосьоном после бритья. Как и должен пахнуть мужчина.

Не так удивительно, как Том, но это и к лучшему.

Именно сейчас мне не нужно ничего, что напоминало бы мне о Томе. Мне нужна полная противоположность ему. Что-то сделать с этой болью от знания, что он целует Эшли.

Вот, почему я приближаюсь к Робби и наклоняю своё лицо к нему, предлагая ему свои губы, давая понять, чего именно хочу.

Он мягко улыбается и обхватывает руками моё лицо.

Я закрываю глаза, когда он наклоняется.

Как только губы Робби касаются моих, я чувствую острый укол вины.

Смешно, правда?

Я чувствую вину за поцелуй с Робби, пока Том засовывает свой язык в глотку Эшли.

Игнорируя чувство вины, я подталкиваю себя к поцелую, положив свою руку на заднюю часть шеи Робби, и открываю для него рот.

Я чувствую его улыбку на моих губах, а затем его язык проскальзывает в мой рот.

Это... приятно. Его поцелуй медленный, нежный. Ничего похожего на поцелуй Тома. Для парня у Робби удивительно мягкие губы. Не такие твёрдые и восхитительные на вкус, как у Тома.

Перестань думать о Томе.

Робби запускает пальцы мне в волосы и углубляет поцелуй.

Это ошибка.

Нет. Это хорошо. Отлично. Робби великолепный.

Я отключаю мозг и продолжаю целовать его.

Затем, появившись из ниоткуда, вверх по моему позвоночнику начинает ползти колющее ощущение, и неожиданно моё шестое чувство вынуждает меня остановить поцелуй. Я прижимаю ладонь к груди Робби, отталкивая его.

Он смотрит на меня, тяжело дыша. Его губы опухли, вымазанные в моей красной помаде.

— Вау, — выдыхает он.

Я вижу фигуру позади него, и внезапно его отдёргивают от меня. Там, где был Робби, теперь стоит по-настоящему злой Том.

— Какого хрена ты делаешь? — рычит на меня Том.

— Что? — я моргаю.

Его лицо мрачнеет.

— Я спросил, что, бл*дь, ты делаешь?

Я прищуриваю глаза, перемещая руки на свои бёдра.

— А что, по-твоему, я делаю?

Он хмурится.

— Выставляешь себя душой — вот, как это выглядит.

Ну... это больно.

Слёзы жалят глаза. Мой гнев набирает полную силу.

— Пошёл ты! — выплёвываю ему я.

— Я что-то пропустил? — звучит голос Робби из-за Тома.

Том поворачивает голову к Робби. Взгляд, которым он смотрит на него, уничтожил бы любого мужчину — вполне возможно, если уж на то пошло, белого медведя. Том выглядит таким пугающим.

— Да, свои зубы, если ты нахер не свалишь отсюда.

Робби смотрит за Тома, на меня, в его глазах читается вопрос.

Том полностью поворачивается к Робби.

— Не смотри на неё. Смотри на меня, — его голос твёрд как камень. — Что бы ты ни думал о том, что может случиться между тобой и Лилой, этого не произойдёт. Никогда. Ты меня понял?

Робби хмурится, делая шаг в сторону Тома.

— А если я не понял тебя? Тогда что?

Том издаёт смех, лишённый чувства юмора. Он подходит так близко к Робби, что я бы определённо назвала это вторжением в личное пространство.

Это заставляет моё сердце биться быстрее.

Том наклоняется к лицу Робби и целенаправленно говорит:

— Ты действительно должен научиться закрывать двери гримёрки, Крафт. Кто-то проходящий мимо может услышать много разных вещей.

Я вижу какую-то вспышку на лице Робби. Ту, которая мне не нравится.

— Для тебя Лила является запретной зоной. Так что я скажу это ещё раз... Ты. Бл*дь. Понял. Меня?

Он посылает мне извиняющийся взгляд через плечо Тома. А затем поворачивается и исчезает в толпе.

Том поворачивается ко мне и хватает меня за руку.

— Мы уходим.

Я вырываю её.

— Никуда я с тобой не пойду, ты просто неандерталец!

После чего приглаживаю рукой волосы и беру сумочку.

— В любом случае, уверена, твоя девушка ждёт тебя, чтобы закончить то, что вы начали, так что тебе лучше вернуться к ней.

Я киваю головой в сторону Эшли, которая всё ещё стоит там, где он её оставил, и ошеломлённо смотрит.

Его челюсть напрягается.

— Эшли не моя девушка, и ты это знаешь, — что-то мелькает в его глазах. — Вот почему ты поцеловала Робби, не так ли? Потому что увидела Эшли и меня...

Я поднимаю руку, прерывая его.

— Не забегай вперёд, Казанова. Я поцеловала Робби, потому что хотела этого. Потому что он горячий и *классно* целуется. На самом деле, лучше, чем ты.

Я могла бы просто показать ему язык и сказать: «На-на-на-на-на».

Боже, я жалкая.

Глаза Тома превращаются в узкие щёлочки.

— Не смейся меня. Прямо сейчас ты ведёшь себя как ребенок.

— Я? — кричу я, хлопая рукой по своей груди. — Это ведь не я вышвырнула ребёнка из песочницы, потому что думала, что он играл с моими игрушками.

Его лицо напрягается, а глаза очень пугающе темнеют.

— Он играл с *моей* игрушкой.

Я скрываю дрожь, которую чувствую от его слов. Вместо этого я хмурюсь.

— Боже мой, ты эгоистичная сволочь!

— Да, а ты сумасшедшая стерва. И мы уходим. Сейчас.

— Ты что, глухой? Я сказала, что *никуда не пойду с тобой!*

Я уверена, что прямо сейчас все в клубе смотрят на нас. Но мне пофиг.

Следующее, что я слышу — это звук, который издаёт пещерный человек, и он исходит от Тома. А затем он отрывает меня от земли и перекидывает через плечо.

— Аргх! — кричу я. — Что, чёрт возьми, ты делаешь?

— А что, по-твоему, я делаю? — говорит он, возвращая ранее сказанные мной слова мне в ответ. — Ты не хочешь уйти добровольно, так что я уношу отсюда твою стервозную задницу сам.

— Опустить меня, псих! — я бью его по спине сумочкой.

Затем я мгновенно осознаю, насколько коротко моё платье. Я резко одёргиваю подол, чтобы удостовериться, что моя задница прикрыта.

— Нет, — говорит он сквозь стиснутые зубы.

— Псих!

— Королева драмы.

— Аргх! — я снова кричу. — Я ненавижу тебя!

— Да, я слышал. А теперь заткнись к чёрту, потому что ты устраиваешь сцену, — он шлёпает меня по заднице.

У меня отвисает челюсть.

Высокомерный мудака! Я не могу поверить, что он просто велел мне заткнуться, а потом шлёпнул меня по заднице.

Я игнорирую тот факт, что в каком-то другом сценарии — в одной спальне — это было бы действительно очень жарко. И произношу сквозь сжатые зубы:

— Ты чёртов мудака.

Затем, для ровного счёта, я снова бью его по спине сумочкой.

— Да, это я тоже слышал, — смеётся он.

Вибрация от этого поражает все мои зудящие места.

В этот момент я рада, что повернута задницей к его лицу и он не может видеть улыбку, в которой расплываются мои губы.

Том шагает через клуб, направляясь к выходу, и несёт меня, словно я ничего не вешу.

Это было бы очень жарко, если бы не было так стыдно.

Я знаю, что люди смотрят на нас, так что опускаю голову и закрываю глаза, молясь, чтобы он поскорее поставил меня на землю.

Он подаёт знак такси остановиться. Одно из них останавливается. Том открывает дверь и бросает меня на заднее сиденье.

Моя задница ударяется о сиденье, дыхание выходит со свистом: «Уумф».

Том садится рядом со мной.

— Фейрмонт, — говорит он водителю.

Такси выезжает на дорогу.

Я перемещаюсь на своём месте так, чтобы посмотреть на лицо Тома.

Проходит довольно много времени, прежде чем он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Что?

— Что! — я недоверчиво смотрю на него, махая рукой между нами. — Ты собираешься объяснить мне, зачем ты, чёрт возьми, сделал это?

Схватив мою руку, он удерживает её в своей ладони, соединяя наши пальцы.

Моё сердце ёкает.

Намёк на улыбку появляется на его губах, делая его ещё красивее, если это вообще возможно.

— Я знаю, что тебе нравится устраивать публичные шоу, Фейерверк, но не в этом месте. Мы поговорим об этом, когда доберёмся до гостиницы.

После чего он переводит взгляд в окно. Сидя здесь, я потрясена всем, что произошло. Но больше всего тем, что я просто потеряла дар речи от чувств, вызванных нашими соединёнными руками.

Понимая, что не хочу давать ему повод отпустить меня, я не говорю ни слова, пока мы возвращаемся в отель.

Лила

Пятнадцать минут спустя — Отель Фейрмонт, Питтсбург

Крепко держа мою руку, Том ведёт меня через роскошный холл Фейрмонта к лифту. Зайдя в него, он нажимает на кнопку двадцать третьего этажа — полагаю, его этажа. Моя комната на пятнадцатом.

Я веду себя вызывающе, когда наклоняюсь и нажимаю на кнопку с цифрой пятнадцать.

Следующее, что я осознаю, — его твёрдое тело давит на меня, оттесняя. У меня нет другого выбора, кроме как пойти туда, куда он хочет, и прислониться к стене лифта.

Я стараюсь побороть себя и не поддаваться его запаху, от которого текут слюнки, и эрекции, которой он прижался к моему животу. Но меня контролирует моё тело, а ему безумно нравится Том Картер.

Желание взрывается в моём животе, проходя по всему моему телу.

Том опирается руками по обе стороны от моей головы, заключая меня в ловушку.

Его губы парят над моими, а глаза темнеют, становясь бассейном похоти.

Срань Господня.

— Если ты выйдешь на своём этаже, то у нас будут ещё большие проблемы, чем мы имеем уже, — он облизывает губы.

Я отвлекаюсь на это зрелище. Оно лишь способствует повышению давления, которое я чувствую между бёдрами.

— Нам нужно поговорить и подвести наши итоги, это может быть... шумно, — в его глазах сверкает двусмысленность, посылая через всё моё тело дрожь. — Твой номер находится рядом с номером Кейла, а мой находится там, где никто нас не услышит.

Он отходит от меня с этой дурацкой ухмылкой на лице. Затем прислоняется спиной к стене напротив меня и скрещивает руки на груди, демонстрируя свои потрясающие бицепсы.

— Кроме того, у меня в комнате для тебя кое-что есть.

Подняв брови, я опускаю глаза на весьма заметную эрекцию в его джинсах.

Том сексуально смеётся.

— Не это — ну, не прямо сейчас.

Я игнорирую похотливое покалывание и показываю средний палец.

Он снова смеётся, на этот раз громче. Я смотрю на свои ноги, чтобы скрыть улыбку, появляющуюся на моих губах.

Я ненавижу то, что он может достучаться до меня, как сейчас.

Через некоторое время лифт останавливается на моём этаже. Я наблюдаю, как открываются двери, обдумывая варианты.

Том упрям, а я хочу решить некоторые душевные дела вместе с ним, так что мне приходится откинуть свою гордость и позволить двери закрыться. Я жду от него чего-то остроумного, но ничего не происходит.

Когда я перевожу взгляд на него, он мягко улыбается мне.

Это заставляет моё сердце сжаться.

Достаточно быстро двери открываются на двадцать третьем этаже. Я иду за Томом по коридору. Он останавливается возле двери с надписью «Президентский Люкс».

Конечно же, он остановился в лучшем номере отеля.

Том достаёт ключ-карту и открывает дверь.

— После тебя.

Меня удивляет, что он ведёт себя по-джентльменски, но я не позволяю себе показать ему это. Я прохожу мимо него в комнату. Его номер шикарный, а вид на город просто потрясающий.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спрашивает он.

Любуясь видом, я кладу сумочку на кофейный столик и оборачиваюсь, находя Тома возле мини-бара. Зная, какие грабительские цены выставлены на напитки в нём, и то, насколько сумасшедшей делает меня близость с Томом сейчас, я решаю заказать самый дорогой напиток в нём.

Я подхожу к нему, сохраняя безопасное расстояние между собой и Томом. Я наклоняюсь и заглядываю в холодильник, пробегаясь глазами по списку цен. Здорово. Самая дорогая вещь — это маленькая бутылка виски «Томас Сигал».

Я не люблю виски, но всё равно говорю:

— Я буду «Сигал» и упаковку фисташек.

Итак, мой выбор — ядрёный напиток, который я буду закусывать орехами.

Да, я такая мелочная.

Том застывает рядом со мной.

— Нет. Я куплю тебе всё, что ты хочешь, но не это.

— Орехи? — хмурюсь я.

— Нет. «Сигал». Я не куплю тебе его.

Я поворачиваю голову так, чтобы видеть его лицо.

— Серьёзно? После всего, что ты устроил сегодня, ты не разрешаешь мне пить?

— Я ничего тебе не запрещаю. Я просто не куплю тебе его, — его голос твёрд.

— В чём, чёрт побери, твоя проблема? — ору я.

Видимо, я всё ещё в настроении, чтобы бороться с ним. Выпускаю когти и рвусь в бой.

— Лила, — он произносит моё имя, как мольбу, сжимая пальцами переносицу. — Просто оставь это, *пожалуйста*. Я куплю тебе всё, что захочешь, кроме этого, — его голос звучит по-другому и странно.

Он смотрит на меня. Его глаза умоляют. Он выглядит грустным. Вся злость во мне рассеивается.

Я не понимаю, почему покупка мне *этой* выпивки огорчает его.

Любопытство в сторону, я не настаиваю, но решаю отказаться от этого.

— На самом деле мне пригодится ясная голова. Я просто возьму диетическую колу.

Его тело расслабляется. Я отхожу от него, но слышу, как он тихо вздыхает, оставляя меня в ещё большей растерянности относительно того, что только что произошло.

Я сажусь на диван и смотрю на мерцающие огни города вокруг нас.

Том приносит две банки «Колы» и упаковку фисташек для меня. Он кладёт их на стол и занимает место рядом со мной.

Я наклоняюсь, чтобы открыть свою банку, и делаю глоток. От всех сегодняшних криков на Тома у меня в горле немного пересохло. В этот момент мне кажется, что я никогда не кричала на кого-то так сильно, как на Тома. Никто и никогда не пробирался под мою кожу так глубоко, как он — сексуально или сердито. И я понятия не имею, что это значит.

Поставив банку на пол, я поворачиваюсь в кресле, чтобы взглянуть на него.

— Итак, ты собираешься объяснить мне, почему ведёшь себя, будто пещерный человек?

Он поворачивается ко мне лицом, в результате чего его ноги оказываются на диване и тесно прижимаются к моему бедру. Каждая частица моего тела сосредотачивается на том месте, где его тело соприкасается с моим.

— Я не жалею.

Это привлекает моё внимание обратно к нему.

— Я сделаю то же самое, если такое повторится. Этот парень идиот.

Я провожу рукой по своим волосам.

— Ты едва его знаешь.

— Я знаю достаточно.

— Он мне нравился, но пришёл ты, и теперь всё разрушено.

Я не знаю, почему не говорю ему, что Робби интересуется меня только как друг.

Хорошо, я знаю. Это потому, что я должна буду объяснять, почему поцеловала Робби. А это означало бы сказать Тому, что я сделала это рефлекторно, потому что ревновала, когда увидела, как он целовался с Эшли.

— Я думал, ты отрёклась от мужчин. Так почему же не отшила его? Почему поцеловала?

Дерьмо. И что мне отвечать на это?

— Я... — у меня пересыхает во рту. — Я не планировала, — медленно говорю я. После чего сметаю воображаемую пыль с моего платья, чтобы избежать его тяжёлого взгляда.

— Я не знаю, почему поцеловала его.

Врунишка, врунишка, все в огне трусишки.

Том берёт меня за руку и скользит подушечкой большого пальца поперёк моей ладони.

— Ты хотела заставить меня ревновать.

— Нет! — я снова вырываю свою руку.

Он наклоняется вперёд, вторгаясь в моё личное пространство.

— Почему ты не можешь просто сказать правду? Почему не можешь просто признать, что хочешь меня, и смириться с этим?

Потому что я трусиха.

Я смотрю на него и вижу разочарование, будто бы выгравированное на его лице. Но затем в глубине его глаз я вижу мерцание боли.

Я делаю ему больно? Я не хочу причинять ему боль.

Мои губы дрожат, когда произносят:

— Хорошо. Ты хочешь знать правду. Это потому, что ты пугаешь меня. Это, — я махаю рукой между нами, — что бы это ни было, чувствуется слишком интенсивным, — мой голос затихает. — А интенсивность чертовски пугает меня.

Он отчего-то хмурит брови, неожиданно поднимается на ноги и снова садится возле меня.

Он заставляет меня чувствовать себя открытой и уязвимой.

— Ты хочешь знать, почему я спугнул Робби? — его голос низкий.

Он оборачивается и смотрит на меня.

— Конечно же, хочу.

— По двум причинам. Когда я скажу тебе первую, знай, что я никоим образом не хочу тебя обидеть. Меньше всего я хочу ранить тебя.

Мой желудок начинает свободное падение.

— Но ты должна знать правду, чтобы держаться подальше от этого мудака, — он потирает свой лоб.

Я сажусь немного прямее, в животе формируются маленькие шарики напряжённости. Я беспокоюсь о том, что он собирается сказать.

— Контракт Турникетов подлежит продлению, но Ралли не собирается этого делать.

Я награждаю его растерянным взглядом.

— Почему он не хочет перезаключать контракт? Турникеты хорошо справляются.

Том качает головой.

— Не так хорошо, как того хочет Ралли. Ты знаешь, какой он козёл и какие дикие решения

он может принимать. Если что-то не работает на него должным образом, то для него это становится расходным материалом.

Даже его дочь.

Я знаю, что он думает так же. Я вижу это в его глазах.

— Когда я узнал, что Робби пытался подкатывать к тебе, я всеми силами постарался выяснить о нём что-нибудь. Оказывается, их тур — это отчаянный поступок. Они сами заплатили за свой тур. К счастью, я случайно проходил мимо гримёрки Робби и услышал, как он разговаривает с кем-то по телефону, — он глубоко вдыхает. — Лила, когда я рассказываю тебе это, то делаю это из добрых побуждений, и ты должна знать, что Робби — засранец, который жаждет славы и будет делать всё, только бы пробиться в жизни.

Я чувствую небольшое недомогание. Всё во мне сжимается и застывает.

— Просто выложи всё на чистоту. Что бы это ни было, уверена, я справлюсь с этим.

— Робби знает, что ты дочь Ралли. Он искал тебя, чтобы помочь своей карьере. Я слышал, как он говорил с кем-то по телефону о том, что он планирует облегчить свою жизнь и влюбить тебя в себя, чтобы твой папа продолжал быть продюсером их группы.

Я будто камни глотаю. Унижение проходит через меня. Я поднимаюсь на ноги и качаю головой. Вынужденная защищать себя, я говорю:

— Ты, должно быть, ослышался. Вряд ли кто-то не из круга моего общения знает, что Ралли — мой отец. Я позаботилась об этом. Робби не мог знать.

Том печально смотрит на меня.

— Он знает, Ли. Мне жаль.

— Мне не нужна твоя чёртова жалость. Очевидно, Робби не сделал своё домашнее задание должным образом, поскольку Ралли насрать на меня. Не похоже, чтобы он когда-либо меня слушал, — я выпускаю сухой смешок. — Я ни черта не смогла бы повлиять на то, что происходит с дерьмовой группой Робби.

Том ничего не говорит. Просто пристально смотрит на меня.

Такое ощущение, что я распадаюсь на части. События всей ночи обрушиваются на меня.

Я ненавижу то, насколько чертовски легко мужчины могут причинить мне боль.

Я ненавижу то, как я слаба.

Но больше всего я ненавижу то, что постоянно позволяю им так делать.

Я была настолько глупа, что позволила себе впустить Робби. Боже, я позволила ему поцеловать себя, и всё это время я была для него лишь средством для достижения цели.

Но Том спас меня.

Моё сердце тянется к нему. Но затем я тут же вспоминаю его фестиваль языков с Эшли.

Больно, как от игл. Мне нужно убраться отсюда к чёрту. Этого слишком много.

— Что ж, если это всё, то я ухожу.

— Я ещё не закончил, — грубый голос Тома удерживает меня на том месте, где я нахожусь.

Молниеносными движениями он сокращает расстояние между нами.

И вдруг всё сводится к этому моменту. К нему. Ко мне.

Желание взрывается между нами, как грязная бомба.

Здесь нет ничего, кроме пылающего жара и сексуального напряжения. Никогда раньше я такого не чувствовала.

Это полная сенсорная перегрузка.

Он прекрасен и великолепен. Желание разгорается в моём животе. Руки чешутся прикоснуться к нему.

— Я сказал, что есть две причины, по которым я оттащил от тебя Робби. Вторая, если быть честным, главная причина, — он тяжело вдыхает. — Мне было невыносимо видеть тебя с ним.

— Ты целовал Эшли.

Он медленно качает головой.

— Нет, это она меня поцеловала. И я не делал ничего, когда позволил ей это. Мне просто не хотелось ранить её чувства. Поэтому я мягко оттолкнул её. Сказал ей, что мне нравится кое-кто другой. Но ты не увидела эту часть.

— О, мне так жаль, что я не хотела смотреть, как ты лижешься с Эшли!

Он сдвигает брови вместе. Его нефритовые глаза темнеют от гнева.

— Достаточно, Лила, — его голос настолько суровый, а слова наполнены такой силой, что это привлекает внимание всего моего тела.

Всего лишь два слова, и я пропала. Мне нравится то, как я чувствую себя, когда слышу его властный голос.

Горячо. Действительно чертовски жарко.

Жар мчится вверх и вниз по моему телу. И я такая мокрая, что мне стыдно.

— Единственная женщина, которую я хочу прямо сейчас, — это *ты*, — охрипшим голосом говорит он. — Я не могу перестать думать о тебе. Каково мне будет внутри тебя. Боже, Ли, я не могу остановиться, представляя сладкий вкус твоей киски у себя на языке.

Святое дерьмо.

Том начал грязные разговоры, хорошо. Очень хорошо.

Я растекаюсь лужицей на полу.

Он поднимает руку и берёт меня за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. *Боже мой, его глаза горят огнём.*

Тёмные глаза бродят по моему лицу, останавливаясь на губах. Вспышка гнева взрывается в его взгляде.

— Ты позволила ему поцеловать себя, — подушечкой большого пальца он давит посередине моих губ.

Я сглатываю.

Том проводит большим пальцем над моими губами, стирая остатки помады, оставшейся от поцелуя с Робби.

Моё тело начинает дрожать. Интенсивность момента проходит сквозь меня.

Он владеет мной.

Его глаза вспыхивают. От этого взгляда мои соски твердеют, а трусики растворяются.

Моё тело находится на таком уровне желания, о возможности которого я даже не подозревала до этого момента. До него.

— Ты моя, — рычит он, издавая звук, наполненный сладчайшей агонией. А затем он целует меня, горячо и жёстко. — Никто не будет прикасаться к тебе, кроме меня, — он горячо выдыхает мне в рот. — Ты поняла?

Интенсивность, которую я почувствовала, когда он целовал меня, поджаривает все клетки моего мозга. Я не в состоянии спорить, даже, если бы захотела.

Но я и не хочу.

Я сдаюсь в борьбе за вещи, происходящие между Томом и мной. Передаю контроль над всем моим телом ему. Только сегодня я позволю Тому сделать со мной всё, что он захочет.

А завтра, после того, как мы поймеем друг друга и дадим волю чувствам, всё вернется к тому, что было.

— Я поняла, — выдыхаю я.

Том

Пять минут спустя — Отель Фейрмонт, Питтсбург

— Том, я хочу, чтобы ты трахнул меня... *сейчас*, — стонет Лила.

Я провожу языком по её шее, возвращаясь к её сексуальному, но раздражающему рту, и мой член чуть не вырывается из штанов.

Боже мой.

Я даже не могу поверить, что это происходит. Я жду, что она снова оттолкнёт меня и убежит, но она не делает этого. И теперь она просит меня трахнуть её.

Господи, как же я хочу этого.

Больше, чем когда-либо кого-либо, но...

— Ты не хочешь этого со мной.

Что?

Ладно, я знаю, что говорю, как баба, но она страдает от трюка, который устроил этот идиот, Робби. Не важно, насколько сильно мне хочется трахнуть её, я действительно забочусь о ней и не могу заниматься с ней сексом, когда ей больно. Это было бы неправильно.

Последнее, чего я хочу, — чтобы она жалела, что трахнулась со мной.

Стараясь удерживать контроль, я впиваюсь пальцами в её талию. Но становлюсь лишь твёрже, когда чувствую мягкую плоть её кожи под тканью этого чертовски горячего платья, в которое она одета.

— Фейерверк, мне нужно знать правду. Ты делаешь это потому, что Робби сделал тебе больно? Или потому, что ты действительно хочешь меня?

Она беззаботно смотрит на меня.

— Мне не больно, Том. Я возбуждена.

— Я просто не могу продолжать это «тяги-толкай» дерьмо с тобой, Ли.

Её взгляд теплеет. Она кладёт руку на мою грудь. Моё сердце бьётся как бешеное под её ладонью.

— Это то, что я делаю? Тяну и толкаю тебя?

Я сужаю глаза.

— Ты знаешь, что делаешь.

Она сжимает пальцами мою рубашку, опуская глаза.

— Я сделала... тебе больно?

Я издаю короткий смешок.

— Нет, ты не сделала мне больно. Ты просто запутала меня до чёртиков, поэтому я хочу убедиться, что ты делаешь это по правильным причинам: не потому, что тебе больно и ты разозлилась из-за придурка, который не был достаточно умён, чтобы увидеть, чего реально ты стоишь.

Я знаю, что обычно она плохо реагирует, когда злится. Я чётко и ясно понял это, когда она поцеловала Робби, так как думала, что мне нравится Эшли.

— Я не хочу, чтобы ты пожалела, о сексе со мной.

Почему я всё ещё говорю?

Сейчас всё действительно звучит так, будто я пытаюсь отговорить её от этого.

Я буквально месяцами мечтал о том, чтобы она оказалась здесь. Я в минуту от того, чтобы погрузиться в неё, а мои чёртовы губы не перестают двигаться.

Мне всерьёз нужно научиться закрывать свой чёртов рот.

Она прижимается ко мне, её рот парит в миллиметрах от моего. Она шепчет:

— Я буду сожалеть, если не сделаю этого. Мне жаль, что я ушла от тебя, когда мы были в спальне в прошлый раз. Я не хочу больше сожалеть об этом, Том. Я знаю, что ты хочешь меня. Я чувствую это, — она протягивает свою руку вниз и через джинсы обхватывает мой член своими тонкими пальцами.

Я закрываю глаза, чтобы вернуть контроль над собой. Кажется, я не могу нормально дышать. Мои лёгкие наполнены ею. Она везде... вокруг меня, на мне, во мне.

Я никогда раньше не испытывал такого с женщиной. Мне действительно нужно взять себя в руки и вернуть хоть какой-то контроль.

Она задевает зубами мою нижнюю губу. Я чувствую это повсюду.

— Я хочу этого... *тебя*. Больше, чем кого-либо до этого. Я хочу, чтобы ты трахнул меня, Том... *пожалуйста*.

Ощущать её и слышать звук её сексуального голоса, умоляющего трахнуть её, — это слишком, и мой контроль разбивается вдребезги.

Я погружаю пальцы в её волосы и обрушиваю свой рот на её.

Я одержимый. Нескоординированный и вышедший из-под контроля. Мой язык трахает её рот. Нет сдержанности, нет терпения. Я не могу насытиться ею. Недели чертовски долгого и отчаянно сдерживаемого желания к *ней* взрываются во мне, и я направляю весь этот поток в поцелуй.

Но если я продолжу в том же духе, то всё закончится через несколько минут.

А этого не может произойти.

Пальцами я нахожу подол этого сексуального платья и стягиваю его с её бедер.

Затем хватаю её руками за задницу и поднимаю с пола, наши рты всё ещё слиты воедино.

Она обвивает ноги вокруг моей талии, а руки запускает в мои волосы, пока стонет мне в рот.

Мне знакомо это чувство, детка.

Словно я пытаюсь забраться к ней под кожу. Я не могу достаточно насытиться... близостью с ней.

Это безумие. Я ни разу не чувствовал ничего подобного с женщиной.

У меня всегда всё под контролем. Я не тороплюсь. Женщины умоляют меня дать им это.

Но это... такое ощущение, что это я её умоляю. Возможно, я не сказал ни слова, но моё тело чертовски умоляет.

Восстановив определённый контроль, я начинаю двигаться в сторону спальни, по ходу дела снимая свои ботинки. Я кладу её на кровать, располагаясь между её бёдрами. Мы до сих пор не прерываем поцелуй. Ну, может, *поцелуй* — это слишком хорошее слово для того, что мы делаем. Мы практически трахаемся ртами.

Наконец, восстановив дыхание, я отрываюсь от неё. Не важно, насколько сильно я хочу продолжать целовать её, ещё больше я хочу видеть её голой.

Я смотрю на Лилу. Свет горит только в гостиной, но я по-прежнему вижу, что её глаза заволкло облаком страсти.

— Я хочу тебя, — задыхаясь, шепчет она, когда поднимает на меня свои большие глаза и моргает.

Наконец-то она моя.

Знание этого вызывает у меня желание бить себя в грудь и благодарить богов.

— Я у тебя есть, — говорю ей. — Я давным-давно у тебя есть.

После чего резко опускаюсь на колени. Сидя возле неё, я тянусь к её платью. Она садится,

позволяя мне снять его. Я тяну платье немного сильнее, так как её сиськи, кажется, застревают, а затем слышу странный треск.

Дерьмо, я что, порвал её платье?

Не важно. Если потребуется, я куплю ей новое. Я куплю ей миллион платьев, если это поможет мне, наконец, оказаться внутри неё.

Я бросаю платье на пол и, оглянувшись, вижу... ну, не то, что я ожидал увидеть.

Лила сосредоточено смотрит на свою грудь, поскольку что-то с неё снимает.

Я наклоняю голову в сторону.

— Эм... что ты делаешь?

Она поднимает глаза ко мне, и на её щеках появляется румянец.

— Скотч-лента для груди, — она морщит нос, удерживая между большим и указательным пальцами кусок липкой ленты.

Прямо сейчас она выглядит такой чертовски очаровательной.

— Как-то нужно было удерживать моих девочек на месте, — она мило смеётся, пожимая плечами.

Качая головой, я смеюсь, наблюдая, как она сдирает ещё один кусок скотч-ленты. Я, чёрт возьми, надеюсь, что это был последний кусок, потому что не знаю, как долго смогу удержать свои руки при себе.

Из кусочков ленты она сворачивает шарик и бросает его на пол.

— Готово, — она сексуально улыбается, подталкивая ко мне свою грудь. — Они в твоём распоряжении.

Я снова смеюсь. Но весь мой смех иссякает, когда я опускаю взгляд на её грудь.

Совершенные. Абсолютно идеальные. Точно такие, как я и представлял. Большие. Настоящие. Упругие. С тугими розовыми сосками, которые только и ждут, чтобы я обратил на них внимание, которого они заслуживают.

Я тянусь и обхватываю её сиськи руками.

На ощупь они так же хороши, как и на вид. Идеально подходят для моей руки, словно были сделаны только для меня. Действительно большая и настоящая. После слишком долгого обрабатывания поддельных сисек, которые по-прежнему являются нормой в ЛА, я не могу дождаться, когда возьму в рот эту красоту.

Я рефлекторно облизываю свои губы от одной этой мысли.

Она выгибается от моего прикосновения.

— Нравится то, что ты видишь?

Я поднимаю глаза и вижу в её взгляде похоть, чертовки сексуально.

Она совершенство.

Ухмыляясь, я говорю:

— Несомненно, — я снова облизываю внезапно пересохшие губы. — У тебя действительно лучшие сиськи, которые я когда-либо видел. Уди-бл*дь-вительные. Я мог бы смотреть на них весь день, и мне бы это не наскучило.

Она издаёт гортанный смех, заставляя их покачиваться в моих руках.

Она опирается на локти и поднимает подбородок.

— Раздёнсья. Сейчас, — она смотрит на меня с решимостью.

Обычно мне не нравится, когда женщины командуют. Спальня — моя территория. Это я всегда руковожу темпом секса. Но я не хочу делать ничего, что может всё испортить, давая ей повод открыть свой безумный рот, так что в этот раз я буду молчать. Я так давно хотел, чтобы она оказалась в этом положении, и сейчас она настолько податливая, что я поддаюсь ей и делаю то, что она просит.

Однако я немного неохотно отпускаю этих красавиц, после того, как они наконец-то оказались в моих руках.

Сжимая их ещё один раз, я ухмыляюсь.

— С удовольствием, дорогая.

Я снимаю рубашку, позволяя ей присоединиться к её платью на полу. Когда я вижу, как она смотрит на меня, то испытываю незнакомое мне чувство.

Она смотрит на меня не так, как другие женщины, когда понимают, что будут трахаться со мной.

Когда женщина занимается со мной сексом, то она делает это из-за моей группы, из-за моего имени, чтобы стать известной. Чтобы она смогла сказать, что трахалась с Томом Картером из «Ужасного Шторма».

Не то чтобы я не использую женщин в равной степени.

Но Лила смотрит на меня не так.

В её глазах есть лишь... я.

Она смотрит на меня так, будто я имею значение для неё. Как будто это правда.

Затем она встречается со мной глазами, и что-то происходит. Я не уверен, что именно, но, что бы это ни было, оно сжимает мою грудь, заставляя мои лёгкие гореть, а сердце бешено биться.

Потом она улыбается и опускает взгляд на мою грудь, направляясь на юг. Я едва не выдыхаю от облегчения.

Её взгляд падает на мой обтянутый джинсами член, который отчаянно пытается выбраться к ней.

Её глаза расширяются.

Мои губы растягиваются в ухмылке.

Я могу работать с этим.

Рукой я обхватываю его через джинсы, чтобы обратить её внимание на то, насколько он твёрдый, и дать ей представление о размере члена, на который буду насаживать её.

Её глаза вспыхивают ещё большей нервозностью. Она закусывает губу. Затем поднимает взгляд на меня. Я пытаюсь подавить смех, когда вижу решимость в её взгляде.

— Раздевайся, — повторяет она.

В очередной раз я подчиняюсь ей и поднимаюсь на ноги.

Разместив свои ноги по обе стороны от её бедер, расстёгиваю джинсы и спускаю их со своих бёдер, высвобождая член.

В удивлении, её рот образует идеальную «О», демонстрируя мне рот, который я очень скоро буду использовать для минета.

Она либо в шоке от того, что я весь вечер был без трусов, либо реально поражена размером моего члена.

Я бы не назвал его... маленьким.

— Нравится то, что ты видишь? — ухмыляюсь я.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я вижу, что она моргает, возвращаясь к реальности, и я сдерживаю смех, грозящий вырваться наружу.

Приподняв брови, она проводит языком по нижней губе.

— Да, мне нравится то, что я вижу. Очень.

Господи. От этого я чуть не падаю на колени.

Мой член дёргается, пульсируя напротив моего живота.

Я смотрю вниз на её киску.

— Избавься от трусиков, Фейерверк. Сейчас.

Она чуть ли не подпрыгивает от моего командного голоса. Мне нравится, что она так делает. Это будет хорошо работать в охрененном будущем. Двигая ногами между моих, она снимает эти сексуальные сапоги. Мне нравится звук их удара о пол.

Мой взгляд прикован к её рукам, я напряжённо наблюдаю, как она снимает свои трусики.
Идеально. Просто чертовски идеально.

Там она тоже блондинка. Изящная стрижка. Сексуальная полоска.

Кошкина дверца уже ждёт, когда я в неё войду.

Спасибо тебе, Боже.

Я позволяю себе засмотреться.

Мой член твердеет ещё больше от её естественного вида.

Длинные светлые волосы разбросаны по худеньким плечам. Потрясающие глаза. Мягкая, нежная кожа. Идеальные сиськи.

Но затем на меня обрушивается волна гнева. Она хотела меня всё это время, но отказывала, держа своё удивительное тело подальше от меня.

— Никогда больше не говори мне «нет».

С неуверенной улыбкой на губах, она наклоняет голову в сторону.

— Хорошо...

Я игнорирую отсутствие гарантии в её голосе.

Зеркально отражая её, я наклоняю голову в сторону.

— Знаешь, ты действительно должна быть голой всё время.

Она запрокидывает голову назад и смеётся. Звук, от которого моему члену становится больно.

— Ты просто охренительная, Фейерверк.

Она указывает пальцем на меня. Я опускаюсь на колени и забираюсь на неё. Не в состоянии больше сдерживаться, я прижимаюсь своим ртом к ней.

Она стонет, издавая звук абсолютного удовольствия. Я чувствую это под кожей: как будто наркотик растекается по моим венам.

С её губ срывается тихий стон. Я скольжу языком внутри её рта. Держа её голову в своих руках, я беру контроль над поцелуем на себя, углубляя его. Я не спешу, наслаждаясь ощущением её сексуального языка, скользящего по моему.

Затем она оборачивает руку вокруг моего члена. Он дёргается от её прикосновения. И тот контроль, который был у меня до этого, ломается.

Наши рты сцепляются, быстро и жёстко.

Чёрт, если я буду продолжать в том же духе, то это закончится раньше, чем началось.

Оставив её губы, я целую её подбородок, переходя к шее, и скольжу по её телу, пока не добираюсь к её великолепной груди.

Мой язык на её соске, я чувствую его, лижу и посасываю, получая кайф от её сладкого вкуса.

Лида выгибается, толкаясь в мой рот, предлагая мне себя.

Желая немного поиграть, я отстраняюсь.

— Том, *пожалуйста...* — стонет она, хватая меня руками за волосы, когда пытается направить меня туда, куда она хочет.

Мне нравится то, как сильно она хочет этого... хочет меня.

Я слегка дую на её влажный сосок, и тогда беру одну из её идеальных сисек в рот. Я лижу, сосу и покусываю, пока её сосок не распухает, а она не начинает дико извиваться подо мной.

Её мокрая киска трётся о моё бедро, пытаюсь достичь того, что я собираюсь дать ей трижды до конца этой ночи.

Я слегка приподнимаю своё тело и скольжу рукой между её ног.

Она дёргается от моего прикосновения.

— Господи, Ли, — стону я. — Ты такая мокрая.

Я знал, что она была влажной, но это уже выходит за рамки горячего. Она практически стекает на моё бедро.

Я скольжу пальцем между её складками и блаженствую, когда нажимаю на её киску.

— Чёрт, — шиплю я, чувствуя, как её невероятно тугая киска сжимается вокруг моего пальца.

Она давно не трахалась. Я был внутри достаточного количества женщин, чтобы знать.

Неудивительно, что она так капризничает всё время. Она агрессивна из-за неудовлетворённости.

Я планирую освободить её от этого напряжения в ближайшее время. У неё будет улыбка, как у Джокера, когда я закончу с ней.

Я наклоняюсь и нежно целую её в губы.

— Когда ты в последний раз трахалась? — шепчу я, продолжая скользить туда-сюда пальцем.

Её тело застывает. Я знаю, что она хочет отстраниться.

Я ловлю её взгляд.

— Не убегай. Это просто вопрос. Нет никаких тайных намерений. Я просто хочу знать, сколько оргазмов тебе причитается... потому что я готов платить.

Быстро соображаешь, Картер.

Она моргает, глядя на меня большими и неуверенными глазами.

— Как долго, детка? — я провожу языком по её нижней губе, покусывая её зубами.

Её тело расслабляется в моих руках.

Она легко выдыхает.

— Прошло не очень много времени... десять месяцев. Я ни с кем не была поскольку...

Поскольку, тот ублюдок разбил ей сердце.

А если серьёзно, десять месяцев — это чертовски долгий срок, чтобы обходиться без секса. Я стараюсь обходиться без него, и это убивает меня. Но, в основном, это из-за неё.

Я ещё один раз целую её в губы, производя в голове быстрые расчёты.

— Тебе причитается шестьсот оргазмов, — шепчу я ей в рот.

Отклонившись назад, она смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Как ты это выяснил?

— Ты сдерживалась десять месяцев, а в среднем в каждом месяце тридцать дней. Это дважды в день...

— Дважды?

— Абсолютный минимум, когда ты со мной, малыш, — подмигиваю я.

Она смеётся, и её сиськи покачиваются, привлекая моё внимание обратно к ним. Двигаясь вниз, я сжимаю их руками и оставляю между ними поцелуй.

— Значит, это тридцать умножить на два. Шестидесят оргазмов в месяц, а десять месяцев равны шести сотням.

— Ты быстро считаешь.

— Не стоит думать, что у меня есть только сногсшибательно красивое лицо.

Она скользит пальцами по моим волосам.

— Я начинаю осознавать это.

Ощущение, будто мою грудь снова сдавливают, я игнорирую это и начинаю облизывать путь между её сиськами.

— Шестисот, — мурлычет она, — это много оргазмов.

— Я ясно дал понять, что могу справиться за месяц, — шепчу я над её кожей.

— Это довольно сложная задача.

— Для меня — запросто.

— Том, ты же понимаешь, что в течение последних десяти месяцев всё зависело от меня самой, верно?

Опуская голову на её грудь, я стону.

— Господи, хотел бы я быть там, чтобы увидеть это или, по крайней мере, помочь, — я поднимаю голову. — Пожалуйста, скажи мне, что ты представляла меня, когда выпускала пар?

Она поднимает сексуальные брови и прикусывает губу зубами.

— Может быть... раз или два.

— Господи, бл*дь, Иисусе, — стону я, опуская голову обратно на её грудь.

Звук и ощущение её смеха вызывает улыбку на моих губах.

Мне в голову приходит мысль:

— Ты же знаешь, что в мире оргазмов самоудовлетворение не считается, верно?

Она качает головой, её глаза блестят.

— Нет, я не знала этого.

Она снова кусает эту чёртову губу, отчего мне хочется укусить её ещё больше. Я удерживаю её губу между большим и указательным пальцем, высвобождая её. Её глаза темнеют.

— Шестьсот оргазмов, Фейерверк. Только подумай об этом...

Вот этот момент между нами что-то происходит, что-то, чего я прежде никогда не чувствовал. Не совсем уверен, что это.

Она издаёт смех.

— В теории всё красиво, но мы оба знаем, что это произойдёт всего лишь один раз. Это позор, потому что я была бы абсолютно «за» в пользу шести сотен оргазмов.

От её слов у меня в горле пересыхает.

Один раз.

Я не могу просто трахнуть её и уйти. Если забыть, что я нарушу своё обещание Всевышнему, не думаю, что одного раза с ней мне будет достаточно.

Мне нужно удержать её... хотя бы на время.

Оставив все мысли и разговоры позади, я спускаюсь вниз по её телу. Раздвигая её бедра, я размещаюсь между ними и поднимаю одну её ногу, чтобы перекинуть через своё плечо. Я опускаю рот к её киске, поднимаю глаза и вижу, что она смотрит на меня.

— Оставайся именно так. Я хочу, чтобы всё это время ты смотрела, как я лижу тебя, пока твоё тело не кончит от моего рта. Если ты закроешь глаза, то не сможешь кончить. Поняла?

Она проводит языком по своей нижней губе и кивает головой.

Мне нравится её податливость, когда она находится у меня в руках. *Кажется, секс можно сделать Лилу сговорчивой.*

— Хорошая девочка.

Я прижимаюсь ртом и носом к её киске и вдыхаю. *Боже, она пахнет так чертовски охренительно.*

В этот момент я жалею, что не ношу кольцо в языке, как раньше. Я избавился от него, потому что оно сводило меня с ума, но я знаю, что это сделало бы её дикой.

Думаю, я просто должен необычайно волшебным образом поработать одним своим языком.

Наклонив голову немного назад, я облизываю её киску, пока не достигаю клитора.

Её бедра дёргаются, и она громко вскрикивает, когда я касаюсь её клитора.

Её реакция охренительна. И это побуждает меня на большее.

Я повторяю движение ещё несколько раз, пока она извивается, толкаясь в мой рот.

А затем я просто срываюсь. Теряю себя в ней.

Я жёстко лижу и сосу, погружая свой язык в её влагилице и наслаждаясь ощущением того, как она тянет меня за волосы. Я буквально насилую матрас в такт движениям её бёдер, пока она покачивается напротив моего рта.

У её голоса появляется придыхание, она ругается и вскрикивает моё имя.

Эта девушка чертовски громкая, и это очень горячо.

Лила ни разу не отрывает от меня взгляд, как я ей и говорил... всё то время, пока я крепкой хваткой удерживаю её. А затем она взрывается в мой рот... выкрикивая моё имя.

Я чувствую себя абсолютно удовлетворённым её реакцией на меня, и это не похоже ни на что, что я чувствовал раньше.

Опьянённый.

Наполненный ею, но всё же недостаточно.

Я чувствую себя чёртовым королём.

Я встаю с кровати и хватаю с пола джинсы, доставая из своего бумажника презерватив.

Она наблюдает за мной, когда я надеваю его, её глаза жадно смотрят на мой член, стимулируя меня сделать всё, чтобы она наслаждалась шоу.

Надев защиту, я возвращаюсь к месту между её ногами, готовый сделать хоум-ран.

— Я нуждаюсь в тебе внутри меня, — задыхаясь, шепчет она.

Я беру обе её руки и поднимаю над головой, прижимая их к кровати.

Затем опускаю свой рот, едва касаясь её губ.

— Я собираюсь трахнуть тебя так сильно, что ты не будешь знать, где начинаешься ты, а где заканчиваюсь я.

Я провожу языком вдоль её губы, дразня своим членом её скользкий вход.

— Попроси меня трахнуть тебя.

Она встречается со мной взглядом.

— Трахни меня, Том.

— Скажи «пожалуйста».

— *Пожалуйста*, Том! — кричит она. — Просто трахни меня! Сейчас!

Я врываюсь в неё одним быстрым движением. Кажется, моё сознание на несколько секунд отключилось. Прошло слишком много времени с тех пор, как я был внутри женщины, и Лила ощущается так, как никто другой до этого.

Плотно. Так туго, горячо и идеально.

В ушах звенит, моя кровь бежит по венам, а сердце стучит как сумасшедшее. Я вот-вот взорвусь.

И я так близок к тому, чтобы кончить, что это даже не смешно.

Моя рука скользит вниз по её бедру.

— Оберни свои ноги вокруг меня.

Она выполняет мою просьбу, не задавая никаких вопросов.

Мне нравится то, как она поддаётся контролю в постели. *Может быть, я просто буду держать её здесь взаперти всё время.*

Вот, о чём я сейчас думаю.

— Том, пожалуйста, — стонет она.

Я медленно выхожу из неё, а затем тут же толкаюсь обратно.

— О, Боже, — она закрывает глаза и выгибает спину, прижимая свою грудь к моей.

Я опускаю голову, беру её сосок в рот и жёстко посасываю.

— Святое дерьмо! — задыхаясь, кричит она. — Сильнее, Том! Трахни меня жёстче!

Так я и делаю.

Я начинаю трахать её так, будто завтра уже не наступит. Она ёрзает по постели от каждого жёсткого толчка. А звук шлепка моей кожи об её толкает меня ближе к краю.

Я чувствую, как она сжимается вокруг моего члена. Она готова кончить, какое, бл*дь, облегчение, потому что я последую за ней через пару секунд.

Я протягиваю руку между нами и большим пальцем потираю клитор.

— Два оргазма, Ли, — шепчу я ей в рот, прежде чем запечатлеть ещё один поцелуй. — Дай мне это. *Сейчас*.

— О, Боже... Том... Том...

Я нажимаю большим пальцем на её клитор, и она выкрикивает моё имя, и Бога, и целую кучу проклятий, пока её тело устремляется в небо.

Мне чертовски нравится то, насколько она громкая. Это действительно сексуально.

Я быстро становлюсь на колени. Хватаю её за бёдра, дёргая на себя, и тогда начинаю входить в неё в собственном ритме. Я вхожу и выхожу — раз, второй — в то время как мои яйца шлёпают по её горячей попке, а потом...

— Ли! Бл*дь!

Я кончаю сильнее, чем когда-либо.

Моё тело дёргается от ещё нескольких сильных толчков, упав на неё сверху.

Оставаясь внутри Лилы, я опираюсь на локти, чтобы облегчить свой вес для неё. Её глаза подёрнуты поволокой, и она мило, глупо улыбается.

— Это было потрясающе, — выдыхает она. Она поднимает руку к моему лицу и проводит своими пальцами по моей щеке.

— Конечно же, так и было, — я ухмыляюсь ей.

Она хихикает. От этого звука мой член вновь встаёт по стойке смирно.

Даже он не может насытиться ею.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня.

И вдруг я вижу, как в выражении её лица что-то появляется.

— Мне нужно идти, — говорит она.

Какого хрена?

Том

Секунду спустя — Отель Фейрмонт, Питтсбург

— Что? — я хмурюсь, распахивая глаза.

Я всё ещё внутри неё, а она говорит об уходе. Обычно это моя фраза. *Я что-то пропустил?*

Она настороженно смотрит на меня.

— Я должна, эм... уйти и вернуться в свою комнату.

Я всегда хотел услышать от женщины именно эти слова, но такого никогда не случалось.

Если бы я когда-нибудь услышал это, то начал бы петь от радости. Но слышать, как это говорит Лида...

Да, не так здорово.

На самом деле я чувствую себя немного... *использованным*.

Какого хрена? У меня выросла вагина? Я превратился в Джейка или Денни?

Господи Боже. Она превращает меня в человека, которого я с трудом узнаю.

С полутвёрдым членом, я выскальзываю из неё и снимаю презерватив, перед тем как выбросить его в мусорное ведро, стоящее у кровати.

Я оглядываюсь назад, чтобы посмотреть на неё. Она не смотрит на меня. Её взгляд устремлён в окно.

Что-то ноет внутри меня, будто боль в груди. Затем я осознаю, что эта боль возникла из-за того, что я не хочу, чтобы она уходила. По крайней мере, пока нет.

Я не хочу, чтобы она уходила, потому что... ну, потому что я ещё не насытился ею. Я не натрахался с ней.

Да, вот, почему у меня болит в груди, как сучка.

— Не получится, — твёрдо говорю я. — Я с тобой ещё не закончил.

Её глаза с тяжёлым взглядом возвращаются ко мне.

— А что, если я закончила с тобой?

Я ложу руку между её бёдер и скольжу пальцем между её складочками. До сих пор мокрая.

— Не чувствую, что ты закончила со мной.

Она шлёпает меня по руке.

Я хохочу.

— Ты действительно отвратителен.

— Да, и ты чертовски любишь это.

Она пытается выглядеть сердитой, но уголки её губ вздрагивают.

Затем, безо всякой причины, она грустно вздыхает и потирает руками лицо, оставляя их там.

Я убираю руки от её лица.

— Поговори со мной.

Она ещё раз вздыхает. Сфокусировавшись на моих глазах, она смотрит на меня потерянным взглядом.

— Я думала о том, что мы будем делать сейчас. Что это, — она машет рукой между нами, — сводящее-меня-с-ума сексуальное напряжение ушло бы, если бы мы занялись сексом хотя бы один раз. Тогда мы смогли бы вернуться к нормальной жизни, ты знаешь, быть друзьями, как раньше. Но... — она прикусывает губу, — сейчас мы сделали это, и, что ж... — она опускает глаза. — Что-то не чувствуется, что мы закончили.

Такое странное чувство облегчения растекается по мне.

— Это потому, что мы не закончили. Мы ещё даже не начали. Один раз никогда не был вариантом. Его не будет достаточно, чтобы удовлетворить то, что есть между нами.

Я вижу вспышку страха, пересекающего её лицо.

— Я не могу состоять в отношениях, ни с тобой, ни с кем-либо ещё, — она отворачивает от меня голову.

— Эй, — я ловлю её за подбородок, поворачивая лицом ко мне. — Я не говорю, что мы должны начать строить отношения, Ли. Да брось, ты ведь со мной говоришь. Ты знаешь, что я никогда в жизни ни с кем не был связан, и теперь не собираюсь.

Её лицо расслабляется, и она слегка кивает.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Что мы должны продолжать трахаться. Кроме того, мы будем оставаться друзьями.

Она морщит своё прекрасное лицо.

— Ты хочешь, чтобы мы были друзьями по сексу?

— Да.

— Я не знаю, — неуверенно говорит она.

— Хорошо, что предлагаешь ты? — я провожу пальцами вниз по её телу, наслаждаясь ощущением, вызванным её ёрзаньем от моего прикосновения. Остановившись на её бедре, я обхватываю его. — Я, чёрт возьми, уверен, что не могу придумать ничего другого. Поверь мне, если бы я мог, я бы сделал это сейчас. Плюс, каждый вокруг и так уже думает, что мы трахаемся.

— Это не причина продолжать делать это, — морщится она.

Я начинаю злиться. Она по-настоящему трудная, и это чертовски утомительно.

— Я никогда этого не говорил. Но, как ты отметила, нам будет тяжело держаться подальше друг от друга. После того что случилось сегодня, чертовски очевидно, что ты не хочешь, чтобы я был с кем-то, и я чертовски уверен, что не хочу, чтобы ты трахалась ни с кем, кроме меня. Также ты всерьёз отказываешься от оргазмов из-за этого тупого секс-запрета, которому ты подвергаешь себя, а я с лихвой компенсирую тебе их. Я машина, когда дело доходит до секса. Практически никогда не устаю, и, как ты только что выяснила, потрясающ в этом. Кроме того, я не трахал никого, кроме тебя, очень долгое время, так что сбросил свой груз внутри женщины.

Ладно, откуда, чёрт возьми, всё это взялось?

Мне начинает казаться, что эта женщина станет моей погибелью.

Она смотрит на меня с недовольством.

— Боже, Том, сбросил свой груз? Ты думаешь, что этими словами переманишь меня на тёмную сторону?

Потирая голову, я издаю разочарованный смех.

— Хорошо, последнюю часть я мог бы сказать иначе. Как насчёт того, что у меня не было взрыва спермы внутри женщины очень долгое время?

Это нарушает её злой настрой. Небольшая улыбка мгновенно вырастает на её губах.

— Немного лучше, — смеётся она. — Даже звучит не так жутко.

Расслабляясь, я улыбаюсь и заправляю волосы ей за ухо.

Мне нравится видеть Лилу счастливой. А когда она счастлива из-за меня, это нравится мне ещё больше.

— Как давно? — она проводит пальцем по моей брови.

— Как давно что?

— Когда ты в последний раз занимался сексом?

Я смотрю на свои часы.

— Хм... прошло около шестидесяти секунд.

— Прекрати! — она игриво пихает меня.

Я смеюсь над её изысканностью.

— Я имела в виду, до меня, — уточняет она.

Я закрываю глаза, размышляя.

Кто был последней женщиной, которую я нажаривал, до Лилы?

Ах, да, блондинистая официантка из бара. Не могу вспомнить её имя — или её саму. Она взяла меня в её квартиру после того, как закончилась её смена. Мы занимались сексом на диване. Затем, посреди траха, домой пришла её соседка по комнате, и она присоединилась к нам. Итак, мой последний трах на самом деле был тройничком. В конечном итоге, я отделал соседку в жопу. Она была немного странной. Настаивала на том, чтобы отсосать мой член с презервативом после того, как он побывал у неё в заднице. Но, эй, чем бы дитя ни тешилось. Я отделался, и это всё, что меня волновало.

И это всё, о чём я заботился в течении очень долгого времени — до Лилы.

— Целую вечность, — отвечаю я. — Около пяти недель назад.

Она начинает смеяться.

— Пять недель — это не долго!

— Эй! — я тыкаю её в талию.

Она визжит и вертится, шлёпая меня по руке.

Хмм... она боится щекотки. В будущем я могу использовать это в свою пользу.

— Пять недель — это очень долго, Фейерверк. Особенно, когда я привык трахаться ежедневно, как правило, несколько раз и с несколькими женщинами.

Не то чтобы я собирался говорить ей это.

Я не тупой. Я хочу трахать Лилу, и напоминание о том, каким я был раньше, — не лучший способ, чтобы всё получилось.

— И, знаешь, это время ощущалось ещё медленнее в то время, когда я жил с тобой под одной крышей. Ты дразнила меня своим горячим телом, скрывала свои удивительные сиськи под обтягивающими футболками с мультфильмами и в то же время показывала свою сексуальную задницу всему автобусу.

— Я ничего не выставляла и совершенно точно никого не дразнила, — она показывает язык.

— Ты дразнила меня, и ты это знаешь. У меня был жуткий стояк в течении нескольких дней после петтинга возле автобуса. Я не мог заставить своего дружка оставаться на месте.

— Прости, — хихикает она.

Звучит так, будто мокрые губы скользят вниз по моему члену.

— Жизнь с тобой в этом туристическом автобусе — чистая пытка. Я не встречался со своими руками так много с тех пор, как был подростком. У меня был худший из всех случаев синих шаров в мире.

Я хмурюсь, добиваясь полного эффекта. Я пытаюсь выиграть за счёт вины.

Эй, кто утверждал, что Том Картер хороший парень?

Она оборачивает свои пальцы вокруг одного моего, которым я держал её губу, и целует кончик.

— Бедняжка. Я свожу тебя с ума?

— Это ещё мягко сказано, — ворчу я.

— В таком случае, думаю, тебе причитается... — она закрывает глаза, размышляя.

Открыв их, она говорит:

— Семьдесят выстрелов спермы, — она заканчивает это с сексуальной улыбкой.

Семьдесят?

Я делаю быстрые расчёты в голове.

Она посчитала, что я трахался два раза в день. Я не собираюсь рассказывать ей правду и

напомянуть ей о человеке, которым я был, поэтому просто соглашаюсь с этим.

— Ну, теперь уже шестьдесят девять благодаря тебе, красавица. Шестьдесят девять — моё любимое число, — я одариваю её дерзкой улыбкой.

Она качает головой, смеясь.

— Но, чтобы удержать среднее значение, нам придётся трахаться каждый день по два раза.

Я ставлю локоть рядом с её головой, положив голову на свою руку. Затем опускаю взгляд вниз на неё.

Она выдыхает. Запуская руку в свои волосы, она смотрит мимо меня в потолок.

— Никто не должен узнать, что мы спим вместе.

И она моя.

Я взбираюсь на неё, размещаясь между её бёдер.

— Никто не узнает.

Её глаза встречаются с моими.

— Я не хочу, чтобы люди думали, что я пытаюсь пробить себе путь к успеху.

— Люди бы так не подумали, — я убираю челку с её лба.

— Нет, они, наверное, подумают, что я сошла с ума.

Я игнорирую боль, которую вызывают её слова. Не уделяя им особого внимания, я говорю:

— Да, ну, мне нравится, когда ты теряешь рассудок из-за меня, — я настойчиво поцелую её в шею.

— Как мы собираемся делать это: заниматься сексом, чтобы никто не узнал, если мы живём вместе в тур-автобусе? Я не знаю, возможно ли это.

Я наклоняю своё лицо к ней, прижимая кончик своего носа к её.

— Это более чем возможно. Я могу быть очень изобретательным, когда это необходимо, — я толкаюсь своим твёрдым членом в её бедро.

— О, я уверена, что так и есть, — она поднимает бровь. — А ты не думаешь, что нам будет неловко жить и спать вместе?

Я прижимаю руку к её щеке.

— Ситуация станет сложной лишь тогда, когда ты сделаешь её таковой, дорогая.

Я пристально наблюдаю, как она обрабатывает мои слова.

— Никаких трудностей. Никаких отношений. Просто секс.

— Просто секс, — шепчу я, прежде чем начинаю целовать её в губы.

Я чувствую, как она всем телом расслабляется, отдаваясь мне.

Она запускает руки в мои волосы, пропуская пряди сквозь пальцы.

— А когда тур закончится, то закончится и наша договорённость.

Я же закончу с ней к тому времени?

Думаю, что да.

И я по-прежнему сдерживаю своё обещание. Спать только с одной женщиной. Не с кем попало.

Отлично.

— Когда тур закончится, мы так и сделаем, — я наклоняю голову назад, наслаждаясь тем, как она проводит по моей голове своими нежными пальцами.

— Хорошо... я «за», — с придыханием в голосе шепчет она.

Затем её руки оставляют мои волосы. Я открываю глаза от нехватки её прикосновений, только чтобы обнаружить её руку перед моим лицом. Она протянула её мне, потому что хочет, чтобы я пожал её.

— Э-э... что, чёрт побери, ты хочешь, чтобы я с ней сделал?

Она бросает на меня язвительный взгляд.

— Эмм... пожми её.

Я поднимаю бровь.

— Должны ли мы для начала сплунуть, ты знаешь, чтобы правильно заключить сделку?

— Просто пожми мне руку, баклан.

— Фейерверк, когда я пожимаю что-то женщине, это *всегда* включает в себя язык.

Я беру её за руку и очень медленно провожу кончиком языка по её ладони. Достигнув её среднего пальца, я облизываю его, а потом всасываю в рот.

Она вздрагивает.

Улыбаясь, я спускаюсь вниз по её сексуальному маленькому телу. Я закидываю её ногу на своё плечо и прижимаюсь языком к её киске.

Она ахает, запуская руки в мои волосы.

Я посасываю её клитор во рту и двигаю пальцем внутри неё. Я продолжаю, пока она извивается подо мной, бесстыдно трахая мой рот.

Она не могла быть горячее, даже, если бы пыталась.

Затем она отрывается от кровати, выкрикивая кучу ругательств, когда кончает мне в рот.

И я слизываю всё, что она мне даёт.

Затем вытираю рот тыльной стороной руки и поднимаюсь по её дрожащему телу. Я прижимаюсь к её губам, целуя.

— Вот это сделка.

Я отталкиваюсь, вскакивая на ноги.

— Я схожу за бутылкой воды и за чем-нибудь, чтобы подкрепится. Тебе что-нибудь нужно?

Она слабо качает головой с ошеломлённым взглядом на лице.

— Две секунды, дорогая, и я вернусь, чтобы дать тебе то, что, бл*дь, нужно нам обоим.

Я забираю воду из холодильника и быстро пью, затем беру ещё одну, чтобы взять с собой.

Когда я возвращаюсь в спальню, она всё ещё лежит там, где я её оставил, светлые волосы рассыпались по подушке, придавая ей вид богини.

— Эй, — говорит она, опираясь на локти и подталкивая ко мне свои, на мой взгляд, великолепные сиськи. — В лифте ты сказал, что у тебя есть что-то для меня. У тебя действительно есть? Или я была права, и на самом деле это был просто эвфемизм для секса?

— Нет, пессимистка, — я прислоняюсь к дверному косяку. — У меня действительно есть кое-что для тебя.

Её лицо начинает светиться. Мне нравится, какие чувства у меня при этом возникают.

Я ставлю бутылку с водой на тумбочку, подхожу к своей сумке с вещами и достаю оттуда пластиковый контейнер с тем, что я купил для неё чуть ранее.

Для меня это впервые. Я никогда не дарил что-то женщине, которую хочу трахнуть или активно трахаю.

Я чувствую короткий приступ нервозности из-за того, что ей может не понравиться то, что я ей купил. Но я вышвыриваю эти девчачьи мысли прочь из головы.

— Ничего особенного, — говорю я, протягивая ей пакет. — Но я увидел её в магазинчике сегодня утром, когда мы остановились для дозаправки, и надпись на ней напомнила мне о тебе.

Я смотрю на её лицо, когда она лезет в пакет и достаёт жёлтую футболку со «Злыми птицами» (*прим. ред.: «Angry Birds»*).

— «Злые птицы», — читает она. — Это для злого, — она издаёт смешок.

А затем из неё внезапно вырывается разбитый звук, похожий на рыдания.

Она хлопает рукой по рту, удивление и слёзы наполняют её глаза.

Это выбивает из меня дух.

Дерьмо.

— Господи, Лиля, я не хотел тебя расстроить, — я тянусь к ней, притягивая её к себе.

— Ты не расстроил. Мне нравится футболка... правда. Дело в том, что... футболки с мультфильмами — это было чем-то общим у меня и мамы. Она всегда покупала мне новую футболку, когда была в дороге. Я продолжила традицию после того, как она умерла, но больше никто никогда не покупал ни одну из них для меня, — она вытирает слезу, которая скатывается по её щеке.

Плачущая Лиля вызывает у меня такое чувство, будто мне нанесли удар исподтишка. Меня никогда не затрагивали слёзы на глазах женщины. Но то, что плачет Лиля, сильно беспокоит меня.

— Я хотела покупать их в каждом городе, который мы посещаем, но у меня не было времени, чтобы сходить в магазин, ведь мы всегда так заняты, когда останавливаемся. И прежде чем я вспоминаю об этом, мы уже возвращаемся на дорогу. Мы уже почти две недели в туре, а я не купила ни одной футболки.

Я обхватываю её лицо.

— Мы начнём прямо сейчас, — я провожу пальцем по её влажной щеке. — Я прослежу, чтобы мы выкраивали время в каждом городе, чтобы сходить в магазин и купить тебе новую футболку.

Красивые голубые глаза смотрят на меня с надеждой.

У меня возникает внезапное ощущение падения.

— Ты думаешь, что у нас получится? Это не создаст каких-либо проблем с графиком?

Я не придаю значения своему внезапному головокружению.

— Я планирую этот тур. Люди работают по моему выбору времени. Они делают то, что я им говорю. И я говорю, что мы будем покупать тебе футболку в каждом городе, в котором остановимся.

— Спасибо, — она берёт меня за руку, поворачиваясь лицом к ней, и целует меня в ладонь.

Тепло и заботливо. И любяще.

Нет.

Я чувствую себя так, будто мои яйца только что зажали в тиски. Моё сердце начинает вырываться из этой клетки.

Я отодвигаюсь от её прикосновения и слезаю с кровати под предлогом взять бутылку воды с комода. Я поворачиваюсь к ней спиной, попивая из бутылки, пока не чувствую, что мой сердечный ритм возвращается в норму.

Когда я поворачиваюсь, она поднимает руки вверх, и футболка со «Злыми птицами» опускается, почти прикрывая её прекрасные сиськи.

— Что ты делаешь?

Она замирает, оставляя футболку в почти любимом моём положении. Она смотрит на меня в замешательстве.

— Надеваю милую майку, которую ты мне купил.

Покачивая головой, я шагаю обратно к ней и стягиваю футболку. Я швыряю её на соседний стул.

— Новое правило: никакой одежды, когда мы вместе.

— Это может быть немного неловко в автобусе, и, знаешь, в общественных местах.

— Ладно, умница-разумница. Когда ты и я в спальне, одежда остаётся у двери.

— Я не люблю спать голой.

Склонившись над ней, я быстро скольжу рукой вверх по внутренней стороне её бедра и, не останавливаясь, проталкиваю в неё два пальца.

— Ну, привыкай к этому.

Она сжимается вокруг моих пальцев, её голова падает обратно на подушку.

— Ты нужен мне внутри, — выдыхает она.

— Скажи «пожалуйста».

Её глаза умоляют меня.

— Пожалуйста, — рычит она, сжимая челюсти.

Уже через несколько секунд я надеваю презерватив, и мы снова трахаемся.

* * *

Сейчас она спит. Измотанная от четырёх оргазмов, которых я ей дал.

И она надела эту чёртову футболку.

Я сдался, когда она «включила милашку». Меня это не радует. Я не вижу причин для того, чтобы скрывать её великолепное тело. Но она хотела надеть её, и я уступил.

То, над чем мне, безусловно, нужно ещё поработать. Давать — не то, что я привык делать.

Она напялила футболку, легла в мои объятия, положив голову на мою грудь, и через минуту вырубилась.

Она не привыкла к такому количеству секса. Что ж, ей придётся научиться, и быстро, потому что моё сексуальное влечение очень высоко. Мы будем трахаться так всё время, до самого конца тура.

Я смотрю на неё. Во сне она выглядит ещё более красивой.

Затем я смотрю на футболку и улыбаюсь. Не знаю, почему, но я чувствую себя безумно счастливым, зная, что она одета в майку, которую купил ей я.

Но эта улыбка быстро исчезает, когда мой разум напоминает мне, что это дерьмо всё ещё здесь, стоит там, в чёртовом мини-баре.

Я специально попросил убрать весь «Сигал» из этого мини-бара, как и в каждом отеле, в котором останавливался. Тупые ублюдки, которым явно насрать на просьбы своих гостей. Ага, хорошо, завтра они получают разъярённого Тома Картера.

Зная, что не засну здесь с этим дерьмом, я вытягиваю руку из-под Лилы, тихо выскользываю из кровати и иду в гостиную.

Я открываю дверь мини-бара и хватаю все бутылки «Сигала». Я даже стоять не могу, держа это дерьмо в руках, поэтому быстро выбрасываю его в мусорную корзину. После чего подхожу к двери, открываю её и оставляю мусорку в коридоре, чтобы уборщики её убрали.

Как только я закрываю дверь, всё напряжение, которое пронизывало моё тело, испаряется.

Я возвращаюсь в спальню и забираюсь в постель. Лила перевернулась во сне, поэтому я придвигаюсь к ней сзади и оборачиваю руку вокруг её талии, чувствуя удивительное спокойствие от тепла её тела.

Я никогда прежде не спал с девушкой вот так. Как правило, мы трахались, а потом я шёл домой.

Я думал, что просто спать с Лилой будет странным, но это не так. Мне чертовски это нравится.

— Куда ты ходил? — сонным голосом спрашивает она.

Она проснулась. Я целую её в шею.

— Всего лишь попить, — лгу я.

— Ты собираешься вернуться ко сну? — зевает она.

Я улыбаюсь напротив её кожи. Затем поднимаю её футболку, провожу рукой по её боку и беру её за задницу.

— Нет, я думал, что мог бы подарить тебе ещё один оргазм, если ты не слишком устала для этого.

Я скольжу рукой между её ног. Она разводит их для меня. Я скольжу пальцем между её складками, обнаруживая, что она влажная и полностью готовая для меня.

Боже, она чертовски сексуальна.

Она пожимает плечами, пытаясь изобразить беззаботность.

— Я больше не устала. Безусловно полагаю, что могла бы пойти на другой оргазм. То есть, ты очень хорошо владеешь искусством дарить их.

Ухмыляясь, я тянусь и хватаю из тумбочки презерватив. Осталось только два. Похоже, мне придётся запастись этими малютками. Не то чтобы я жалеюсь.

Я надеваю этот презерватив в считанные секунды. Сжимая её бедро рукой, я поднимаю её ногу выше, и толкаюсь в неё.

— Господи, Лила. Ты такая тугая, такая чертовски охренительная.

— О, Боже, — стонет она.

Я начинаю трахать её, скользя членом туда и обратно в её гладкое отверстие.

Заниматься сексом с Лилой — как найти свою нирвану.

И вдруг я понимаю, что это всё, чего я хочу. Продолжать делать это с ней. Я не могу представить себе, что остановлюсь.

Нет.

Я остановлюсь. То, чем я занимаюсь с ней, закончится вместе с туром.

Меня молниеносно поражает целый шквал чувств.

Часть меня — та часть, которая сейчас с ней, внутри неё, чувствует её вокруг меня — это радость и свет, которых я раньше никогда не испытывал.

Но другая часть меня — та часть, которая знает, что я должен отпустить это, отпустить её — ну, эта часть действительно чувствует самую чёртову тьму.

Лиля

На следующее утро — Номер Тома, Отель Фейрмонт, Питтсбург

Когда я просыпаюсь, на моём животе лежит большая рука, а волосатые длинные ноги оказываются переплетёнными с моими, и я ощущаю такую сытость, которую женщина может получить только после потрясающего секса.

О, Боже мой. Я занималась сексом с Томом.

Безумно много умопомрачительно горячего секса и несколько серьёзных головокружительных оргазмов.

Так что, думаю, я отметила конец воздержания с размахом... то есть очень хорошим трахом.

В общей сложности, я веду себя как маленькая девочка, прикрывая рот ладонью, чтобы сдержать хихиканье.

Четыре раза. У меня никогда не было такого количества секса за такой короткий промежуток времени. Наша последняя секс-сессия закончилась всего лишь три часа назад.

И я говорю «сессия», потому что секс с Томом — это не трах-бам-спасибо-вам-мадам дело. Нет, сэр. Он такой человек, который верит в орал и ещё больше орала и секс и ещё больше секса, полагаю, до тех пор, пока я не умру из-за слишком большого количества оргазмов.

Интересно, можно ли умереть от большого количества оргазмов.

Если можно, тогда... вот это действительно способ умереть. Я определенно хочу умереть от оргазмов, доставленных Томом Картером.

Те вещи, что этот мужчина может делать своим языком и пальцами... волшебны.

Я поворачиваю голову и смотрю на него, спящего рядом со мной.

Волосы его мягко спадают на лоб, длинные тёмные ресницы веером располагаются на его скулах, а губы слегка приоткрыты, в то время как его тёплое дыхание смешивается с моим собственным.

Он выглядит намного моложе, когда спит. Мягче. Не тот крутой парень, которого я знаю.

Этот мужчина — машина в постели. Я не знаю ни одного парня, который может так долго и так жёстко, притом кончать столько раз за одну ночь.

Том доказал мне, что это возможно.

Парни, с которыми я спала раньше, отработывали один тайм, а дальше — отбой.

Но не Том. Он просто продолжает и продолжает, как Кролик-Энерджайзер. Вот только Том не кролик.

Он исключительно первобытный мужчина. Этот мужчина — зверь. Чертовски горячий зверь.

Я должна чувствовать себя очень уставшей, но ничего подобного. Такое чувство, будто моё тело использовали, но в самом лучшем смысле.

Я чувствую себя живой.

А я не чувствовала себя таковой очень долгое время. И сейчас это вернулось... благодаря ему.

Благодаря ему.

О, Боже.

Дерьмо! Нет!

Я не могу испытывать такого рода чувства к кому бы то ни было, особенно к Тому. Определённо не к Тому.

Я не чувствую к нему ничего, кроме возбуждения.

О чём я думаю? Говорить, что я чувствую себя живой благодаря Тому, не есть хорошо. Это настолько далеко от «хорошо», что пересекает черту «плохо» и перерастает в чёртово безумие.

Я чувствую что-то к нему, а смешивать эмоции и секс, которым мы занимались, — это скользкая дорожка, по которой я не хочу идти.

Меня охватывает паника. Мне кажется, будто я задыхаюсь. Не могу дышать.

Я должна уйти отсюда.

Осторожно подняв руку, я выскользываю из постели.

Хожу на цыпочках вокруг кровати, по пути собирая свою одежду: платье, трусики и сапоги.

Сердце бешено колотится, я быстро одеваюсь в гостиной и приглаживаю рукой свои только-после-траха волосы.

Я оборачиваюсь, бросаю взгляд через открытую дверь и вижу футболку со «Злыми птицами» на комодке возле кровати. В груди возникает боль. Не могу поверить, что он купил мне такой милый подарок.

Не желая оставлять её здесь, я на цыпочках возвращаюсь в спальню и поднимаю её. Затем прижимаю майку к груди и вдыхаю запах Тома. Я ощущаю его запах на мне.

От этого мне хочется остаться, и убежать одновременно.

Я смотрю на Тома, смятение бушует в моей голове и в сердце. Чувства, томящиеся в моей груди, слишком тяжёлые, и они растут слишком быстро.

Мне нужно держаться подальше от этого. Может быть, я запуталась, потому что мы спали вместе после секса. Чёрт возьми, это не слишком по-дружески.

Да, это из-за того, что мы спали вместе. В этом причина. Определённо.

Я чувствую себя паршиво, уходя до его пробуждения, но это же Том. Ему будет всё равно, если он не увидит меня здесь, когда проснётся. Он, наверное, почувствует облегчение, избавившись от неловкого утра после ночи со мной.

Держа футболку, я беру с кофейного столика свою сумочку и тихо выхожу за дверь.

Я иду к лифту и нажимаю на кнопку. Он быстро прибывает. Я захожу внутрь и нажимаю на кнопку своего этажа, наблюдая за тем, как закрываются двери, перерывая ночь, проведённую с Томом.

Выйдя из лифта, я молюсь, чтобы по близости никого не оказалось. Смыться после бурной ночи само по себе плохо и без людей, которые смогли бы засвидетельствовать это. Но будет хуже, если меня поймает кто-то из ребят. У меня бы не оказалось никакого объяснения. Это была бы катастрофа.

Я быстро дохожу до своей двери и успеваю зайти внутрь, не заметив ни единой души. А затем со вздохом облегчения падаю на кровать.

* * *

Приняв душ и одевшись, я иду в ресторан отеля, чтобы позавтракать. Бекон, яйца, блины и тосты — жирная-и-высокоуглеводная-еда. Мне нужно поднять уровень энергии после вчерашнего секс-марафона.

Когда официантка заканчивает наполнять мою чашку кофе, к столику подходит Кейл.

— Доброе утро, красавица, — он наклоняется и целует меня в лоб, после чего занимает место напротив меня.

— Доброе утро, — я улыбаюсь ему.

Он смотрит на меня любопытным взглядом и подаёт официантке знак подойти.

— Боже, как же хорошо было спать в нормальной постели.

Я стараюсь направить свои мысли подальше от Тома и кровати.

— Да, так и было. Но не думаю, что прошлой ночью ты спал спокойно, — я награждаю его лукавой усмешкой.

Затем я вспоминаю, как во мне толкался Том. От воспоминаний всё моё тело пробирает дрожь.

— Она не осталась на ночь, — ухмыляется он. — Всего на несколько часов. Мы позанимались некоторыми хорошими вещами, а потом она пошла дальше своей дорогой, так что я хорошенько выспался. В любом случае, этим утром ты выглядишь слишком счастливой, не то чтобы я жалуясь. Мне просто интересно, что вызвало это счастье, — он переводит взгляд на официантку, чтобы сделать свой заказ.

— Я буду то же самое, что и моя девушка. Спасибо.

Она смотрит на него секс-взглядом, как и большинство женщин, но Кейл оборачивается ко мне, даже не обратив на неё внимания. Она выглядит немного подавленной, когда уходит прочь. Я хочу сказать ей, что Кейлу не нравятся блондинки, но, вероятно, сделай я так, это выглядело бы немного странно.

— Так, это улыбка из-за Робби Крафта?

При упоминании имени Робби, мои губы опускаются вниз. Кейл замечает это, поэтому я вынуждена рассказать ему, что произошло прошлой ночью. Просто исключу всю секс-с-Томом часть и тот факт, что сейчас мы друзья по сексу.

— Вот ублюдок, — бурлит Кейл. — Когда я доберусь до него, то надеру ему задницу.

— Чью задницу мы должны надрать? — спрашивает Сонни.

Он и Ван только что появились.

— Робби «Конченного» Крафта.

И Кейл вводит их в курс дела.

За это время я будто сжимаюсь до карликовых размеров.

— Ребята, пожалуйста, мы можем просто оставить его в покое? Я знаю, что ты присматриваешь за мной, Кейл, но, честно говоря, это очень стыдно, и я хочу забыть об этом.

Кейл наклоняется и сжимает мою руку.

— Я просто не могу видеть, как ты страдаешь. Если больно тебе, то и мне тоже. И из-за этого мне хочется покалечить ублюдка, который виновен в этом.

— Поддерживаю, — говорит Ван.

— В-третьих. Ты наша девочка, Ли, — добавляет Сонни. — Никто не смеет обижать тебя. Если он причинил боль тебе, значит, причинил боль всем нам. Мы команда.

Мне становится тепло внутри.

Затем моё иррациональное чувство вины напоминает мне, что в моей команде не хватает одного члена, и я помню, почему. Моё прекрасное самочувствие тут же улетучивается.

Проглотив противоречивые чувства, я говорю:

— Спасибо, ребята. Но, честно говоря, Том позаботился об этом прошлой ночью, и теперь я просто хочу забыть об этом.

— Забыть о чём?

Я поднимаю глаза вверх, чтобы обнаружить Тома, стоящего перед нашим столом.

Хм... определённо не самый горячий секс с тобой или множество оргазмов, которые ты доставлял мне всего лишь несколько часов назад.

— Робби Крафта, — кашляю я.

Лицо Тома мрачнеет при упоминании имени Робби. Я беру свой кофе и делаю глоток.

— Ли рассказала нам, что он сделал, — говорит Ван.

Том занимает свободное место рядом со мной.

— Да, спасибо, что присмотрел за Ли и позаботился о Робби «Конченном» Крафте, — говорит Кейл Тому.

— Нет проблем, — он пожимает одним плечом, забрасывая другую руку на спинку моего стула.

Почему он положил руку на мой стул? Обычно он этого не делал. Если он не будет вести себя, как обычно, люди поймут, что между нами что-то происходит.

— И спасибо, что привез её сюда целой и невредимой, — добавляет Кейл.

Всё моё тело напрягается.

Он сделал кое-что ещё — помимо этого.

Я практически чувствую ухмылку на лице Тома рядом со мной.

Жар разгорается на моей шее, направляясь к моему лицу.

— Мне было очень приятно, — спокойным голосом говорит Том.

Он касается моей руки. Его грубые пальцы нежно щекочут мою гладкую кожу.

И после этого моё тело сразу же настраивается на его.

Я знаю его. Каждое движение, которое он делает. Задержка в его дыхании, когда он проводит кончиком своего пальца вниз по моей руке.

Оставляя пылающий след после своего прикосновения.

Боже, я снова хочу его.

Как такое вообще возможно? Я думала, что вчера моё тело насытилось.

Видимо, нет.

Я возбуждена, заведясь от прикосновений Тома, и готова уйти отсюда.

Внезапно он убирает руку с моего стула, заставляя меня почувствовать, как ни странно, опустошённость.

Он машет официантке.

Когда она замечает Тома, я вижу, как её глаза загораются, словно салюты в День Независимости.

Я внимательно наблюдаю за его реакцией на неё, потому что она точно его тип.

— Чёрный кофе, — говорит он официантке.

После чего поворачивается ко мне.

Ого.

Он едва взглянул на неё, а сейчас его взгляд направлен на меня.

Он наклоняется ближе.

— Ты ушла, — тихо говорит он мне в ухо.

Он не выглядит счастливым.

Дрожь проходит через меня.

Я быстро смотрю на ребят. Они переговариваются между собой.

Я встречаю взгляд Тома.

— Ты спал, — шепчу я. — Я не хотела тебя будить.

Он сужает глаза.

— В следующий раз так и сделай. Я проснулся с бешеным стояком, а тебя не оказалось рядом, чтобы его облегчить.

Чувствуя смелость, я смотрю на него дерзким взглядом. Затем обвожу взглядом столик, чтобы убедиться, что никто не смотрит. Я опускаю руку под стол и прикладываю ладонь к его члену через джинсы.

Мышцы его живота напрягаются под моей рукой.

Я встречаю взгляд Тома, прикусывая губу.

— Позор. Думаю, тебе придётся подождать до вечера, — шепчу я, убирая руку. Он ловит её и тянет меня назад. Его голос звучит угрожающе, когда он говорит:

— Я, чёрт возьми, не собираюсь ждать.

Мне приходится заглушить стон, поскольку желание, нарастающее внизу моего живота, проносится прямым к моему естеству.

Том отпускает моё запястье и встаёт.

— Автобус выезжает через тридцать минут, парни, так что будьте готовы к отъезду. Лила, пойдём со мной.

Я поднимаю взгляд на него, ошеломлённая.

— Эм... что? Идти с тобой? Зачем?

Я абсолютно уверена, что знаю причину. Просто не хочу, чтобы все остальные об этом узнали.

Его нефритовые глаза ожесточаются, становясь темнее.

— Потому что мне нужно рассказать Джейку о Робби, и будет лучше, если ты будешь рядом, когда я позвоню.

— Ладно... — я медленно поднимаюсь на дрожащие ноги. — Думаю, встретимся в автобусе, — я машу ребятам и выхожу за Томом из ресторана.

В тот момент, когда мы скрываемся от посторонних глаз, он берёт меня за руку, дёргая к себе.

— Это одноразовое предупреждение, Фейерверк. В следующий раз, когда ты прикоснёшься к моему члену в общественном месте, убедись, что готова с этим что-то сделать прямо, бл*дь, здесь и сейчас.

Мои глаза увеличиваются, пока я думаю, что ответить, но, не получив шанса на это, снова начинаю двигаться, когда Том тянет меня через ресепшн. Он резко останавливается возле стойки регистрации, и я врезаюсь в его спину.

Я выглядываю из-за Тома и вижу стоящего за столом тридцатилетнего мужчину с каким-то значком, который гласит: «Тодд Арчер. Помощник менеджера».

Глаза Тома опускаются на бейдж, прежде чем он смотрит на его лицо.

— Тодд, вы знаете, кто я?

Мужчина смотрит на него.

— Да, сэр, — кивает он. — Знаю. Вы Том Картер.

— Хорошо. Тогда, вас не удивит, если я спрошу, работают ли в лифтах камеры?

Какого чёрта? Он спрашивает...?

Охренеть... так и есть.

Я застываю, но между ног разгорается пожар.

Парень медленно качает головой, глаза мечутся между Томом и мной.

— Нет, сэр, в наших лифтах нет камер.

Том лезет в карман и достаёт несколько купюр. Кажется, он кладёт на прилавок три сто долларовые купюры.

— Спасибо, что уделили время, Тодд.

Затем он снова тащит меня в направлении лифта. Я дрожу из-за того, что только что произошло, но и с нетерпением ожидаю предстоящего.

— Что, чёрт возьми, это было? — шиплю я, когда мы останавливаемся возле лифта.

Том нажимает на кнопку, прежде чем смотрит на меня сверху вниз, в его нефритовых глазах пылает жар.

— А ты, чёрт возьми, как думаешь, что это было? Ты меня завела, и теперь я трахну тебя в одном из этих лифтов.

У меня отвисает челюсть. Дверь трезвонит, открываясь.

Он легонько подталкивает меня.

— Заходи в чёртов лифт, Фейерверк.

Я спотыкаюсь, пылая от смущения, но возбуждаюсь — что за пределами логического обоснования.

Том следует за мной, а затем нажимает на кнопку своего этажа.

Мы ждём, пока закроются двери, и с каждой пройденной секундой сексуальное напряжение между нами становится живым, дышащим существом.

Это трещит пожар похоти.

Я всем тело напряжена и нервничаю. Даже не могу вспомнить, чтобы когда-либо хотела мужчину так, как в этот момент Тома.

Двери закрываются, и мы набрасываемся друг на друга.

Одну руку Том запускает в мои волосы, другой держит за задницу, языком проникая в мой рот.

Со стороны я точно не кажусь изящной, когда пытаюсь забраться на него, словно обезьяна на дерево.

Том отрывает меня от пола, используя руку на моей заднице, а затем прижимает меня к металлической стене. Его рука сейчас на моей груди, идеально сжимает её, облизывая мой рот своим.

Его член твёрдый как камень и упирается мне в живот, но я не хочу его там. Я хочу его напротив моего клитора.

Я извиваюсь, пытаюсь сместиться, куда мне надо, когда Том вдруг перестаёт целовать меня и ставит на ноги.

На реально нетвёрдые ноги, и я глубоко и часто дышу, когда вижу, что он нажимает на кнопку «Стоп», полностью останавливая лифт.

Затем он отходит. Остановившись, он прислоняется к металлической стене напротив меня.

У меня в памяти мелькает прошлая ночь, когда он делал то же самое, только между нами всё было по-другому.

Безусловно, он завёлся. Я вижу это. Просто не могу понять, почему он остановился в самом начале.

— Раздевайся. Сейчас.

Ах... ладно.

Услышав команду в его голосе, я не задумываясь начинаю снимать свою одежду. Я делаю это медленнее, чтобы подразнить его, но не слишком, так как знаю, что наше время ограничено.

Снимаю кеды и штаны. Затем стягиваю через голову футболку и бросаю её на пол, оставаясь в лифчике и трусах. Слава Богу, что я предусмотрительно надела хорошее бельё.

Кружевные розовые трусики и бюстгальтер. Очень по-девичьи.

Насколько я могу судить по взгляду Тома, он одобряет.

— Розовый — подходящий цвет для тебя, — говорит он охрипшим голосом.

Я застенчиво ему улыбаюсь.

— Итак, сейчас, когда я стою перед тобой в одном нижнем белье, что ты собираешься со мной делать?

Неожиданно его глаза ужесточаются, и он выпрямляется.

— Начнём с того, что ты встанешь на колени и отсосёшь мой член. А потом, наполнив твой грёбаный рот, я отрахаю твою киску... *жёстко.*

Хм... какого хрена? Откуда, чёрт возьми, это взялось?

Чувствуя себя немного выбитой из равновесия, я упираю руки в бёдра.

— Ты сейчас серьёзно, что ли?

— Конфетка, я всегда серьёзен, когда дело доходит до минета.

Мне не нравится, что он назвал меня конфеткой. Это кажется таким высокомерным и беспристрастным.

Внезапно по моим рукам проходит холодок. Я потираю руки.

— Не называй меня конфеткой. И, на самом деле, ты не мог попросить меня отсосать тебе вежливо?

Он хмурится.

— Я не прошу вежливо, *Лила*, потому что мне это не нужно. Большинство женщин более чем готово опуститься на колени и сосать мой член без единого грёбаного слова.

Боже, это больно.

Скрывая боль, возникшую от его бездушных слов, я выкрикиваю:

— Да, ну, я не большинство женщин. Если ты хочешь, чтобы я сосала твой член, то научись просить вежливо.

Его глаза опасно сужаются.

— Да, ну, если ты хочешь, чтобы я говорил с тобой вежливо, то не выскальзывай из кровати прежде, чем я проснусь. Ты делаешь это, и тогда я, возможно, буду *милым* с тобой.

Вот она, причина его убудочного поведения.

Встретив его тяжёлый взгляд, я, кажется, замечаю вспышку боли в его глазах.

Я задела его чувства, когда ушла этим утром?

Мне действительно казалось, что это не будет беспокоить его. Но, видимо, это не так.

— Том, прости, если я тебя обидела, оставив этим утром...

Он сурово смеётся.

— Ты не сделала мне больно. Никто не может причинить мне боль. Я просто злюсь, потому что хотел потрахаться, а тебя рядом не оказалось. А так как мы заключили сделку, включающую в себя секс до конца этого тура *только* друг с другом, то я не смог пойти и найти себе другую киску, чтобы оттрахать её к чертям собачьим.

Слёзы наворачиваются на глаза, но я заставляю их исчезнуть вместе с ругательствами, которые мне хочется бросить в него. Независимо от того, что он говорит, я знаю, что он ведёт себя как мудака и бесится только потому, что я его обидела.

Я понижаю голос и нейтральным тоном говорю:

— Ну, если наш договор в силе и мы трахаемся только друг с другом, то, если ты хочешь, чтобы я сосала твой член, ты должен сказать «пожалуйста».

Выкуси, засранец!

Он так привык получать то, чего хочет, от женщин, всегда падающих к его ногам... или к члену, в зависимости от обстоятельств. Ну, если он хочет, чтобы *эта* женщина сосала его член, то он должен попросить вежливо.

Если нет, тогда я завязываю.

Он ещё больше хмурится, отчего между его бровями появляются эти милые маленькие линии.

— Ты хочешь, чтобы я попросил тебя отсосать? — в его голосе слышится явное отвращение к этой идее. Его лицо напрягается, когда он сжимает челюсти.

— Нет уж. Попрошайничество — не то, чем я занимаюсь.

— Вполне справедливо.

Я пожимаю плечами, поворачиваюсь и наклоняюсь, чтобы собрать свою одежду. В процессе этого убеждаюсь, что моя задница направлена в его сторону, и позволяю своей груди повиснуть прямо на пути его взгляда, просто чтобы ещё больше насолить ему.

— Какого хрена ты делаешь?

Всё ещё согнувшись, я смотрю на него.

— Одеваюсь. А потом я выйду из этого лифта.

С футболкой в руке, я выпрямляюсь.

Один, два...

Он рычит, а потом хватает меня за руку, дёргая моё тело к себе. Я врезаюсь спиной в его твёрдую грудь, и он оборачивает вокруг меня свои большие руки, обхватывая живот. Прижимая меня к своей эрекции, упирающейся мне в спину.

— Хорошо, Лила, — его голос суровый и хриплый. — Опустись на колени и отсоси мой большой, чёрт возьми, член своим чертовски сексуальным ртом... *пожалуйста*.

Я сдерживаю улыбку. Наклоняя голову назад, на его грудь, я смотрю в его глаза.

— Мог бы приложить немного усилий... но уже лучше.

Повернувшись в его руках, я толкаю его к стене лифта.

Биение его сердца ощущается под моими ладонями. У него неровное дыхание.

— Прости, что ушла сегодня утром, — шепчу я, не отрывая от него глаз.

Том поднимает руки к моей голове. Скользя пальцами по моим волосам, он мягко гладит меня, глаза его смягчаются.

— Не извиняйся. Просто не делай так больше.

— Не буду, — говорю я, нежно кивая головой.

Затем он яростно целует меня.

После того как он заканчивает целовать меня чуть ли не до потери сознания, давая мне понять, что Том Картер не любит, когда от него уходят, я снимаю с него футболку и прокладываю путь из поцелуев вдоль его челюсти к шее, а затем вниз по груди, осыпая его поцелуями, пока не оказываюсь на коленях и на одном уровне с его членом.

Я приподнимаюсь, растёгиваю пуговицу на его джинсах и тяну молнию вниз. Я стаскиваю джинсы с его бёдер и обнаруживаю, что на нём снова нет нижнего белья.

Разве у него нет пары боксёров?

Я оказываюсь лицом к лицу не только с его великолепным большим членом, но и с татуировкой на правом бедре, чуть выше аккуратно подстриженных волос. Так или иначе, я не заметила её в темноте во время наших вчерашних выходов.

И действительно, только у Тома может быть тату-надпись...

ПОТРИ ЛАМПУ.

Фыркая от смеха, я смотрю на него, не веря своим глазам.

— У тебя тату «Потри Лампу» над членом.

Пожав плечами, он смотрит на меня с самоуверенной беззаботностью.

— Он волшебный. Несколько хороших поглаживаний — и он может исполнять женские желания.

Я снова смеюсь.

— Боже мой, у тебя запредельное эго.

Держа меня за подбородок, он отклоняет мою голову назад, так, чтобы я смотрела прямо на него.

В его глазах пылает что-то, чего я не могу понять.

— Сейчас я твой Бог. А что касается моего эго... ну, прошедшей ночью я попробовал тебя на вкус четыре раза, и ты не жаловалась.

Он сделал это. С этим невозможно поспорить.

Глядя на него соблазнительным взглядом, я провожу указательным пальцем по всей длине его твёрдого члена.

— Итак, если я потру твою лампу, значит ли это, что ты исполнишь три мои желания?

— Фейерверк, если ты обернёшь эти великолепные губы вокруг моей лампы, то я исполню столько твоих желаний, сколько тебе только в голову взбредёт.

Я обольстительно улыбаюсь.

— Я загадаю только три, — шепчу я, прежде чем лизнуть головку его члена. Открыв рот, я всасываю его.

— Боже, Лиля, — его голос охрип. — Твой рот ощущается так чертовски хорошо.

Расслабляя мышцы в горле, я беру больше его в свой рот и вознаграждаюсь предварительной струёй спермы, попадающей на заднюю часть моего языка. У него вкус безупречного мужчины. Мужественность во всех отношениях.

Я с удовольствием напеваю, позволяя звуку проникать сквозь него, прежде чем начинаю двигать ртом.

И когда я это делаю, он издает мужской звук абсолютного удовлетворения.

Положив руку на мой затылок, он начинает трахать мой рот, произнося:

— Да. Вот так, детка. Отсоси у меня жёстко. Подрочи мне своим ртом.

Так что я делаю то, что он просит.

После того, как я заканчиваю делать Тому минет-извинение — в моей голове до сих пор отдаётся эхом его неровная, горячая похвала, насколько я хороша, как удивительно ощущается мой рот, когда я сосу его, как я прекрасна, — он опускается на колени и исполняет намного больше, чем три моих желания, в лифте без камер.

Лила

Спустя неделю — Фестиваль, Лексингтон

Прошла неделя, и в течение этой недели Том держал своё слово и выкраивал время на шоппинг, чтобы я могла покупать новые футболки. Ходить с ним по магазинам было, как ни странно, весело. И я уже начала создавать целую коллекцию футболок из тура.

Кроме того, не проходило и дня, чтобы мы с Томом не занимались сексом. И не по одному разу. А по два, три... четыре раза.

Том просто продолжает и продолжает. Я удивляюсь, как всё ещё могу ходить.

В присутствии всех остальных, в том числе и в автобусе с ребятами, мы ведём себя нормально, как будто ничего не изменилось. Но когда рядом никого нет, мы проводим время наедине, голые.

Всю следующую ночь после нашей выходки в лифте, когда ребята спали, Том провёл в моей постели в автобусе и учил меня, как заниматься сексом молча. Нелёгкая задача для такой голосистой, как я. Но я уверена, что в процессе обучения мы хорошенько повеселились.

Каждый раз, когда мы с Томом занимаемся сексом, у меня такое ощущение, будто это впервые. Не знаю, что в нём такого особенного, но он пробуждает во мне ту сторону, о которой я не подозревала.

Смелость и желание.

Я сделаю практически всё, что он попросит, независимо от времени и места.

Он трахал меня в большем количестве поз, чем мне было известно, а о некоторых я вообще не подозревала, и в местах, о которых я никогда бы и не подумала в таком ключе. Он действительно не шутил, когда говорил, что может быть изобретательным.

Мы занимались сексом в кладовке ночного клуба, в примерочной магазина, в туалете ресторана и ещё в одном клубе, в котором выступали. Он прижимал меня к деревянной стенке за стоянкой для отдыха. Но самым странным местом было... багажное отделение автобуса.

Серьёзно, даже не спрашивайте. Понятия не имею, как это вообще случилось.

Этот мужчина мог бы уговорить меня снять трусики, сидя за ужином с моей семьёй.

И я не могу и не хочу отказывать ему.

Мне нравится, как я чувствую себя рядом с ним, и это пугает меня в той же мере. Но что пугает меня больше всего — когда Том приходит ко мне поздней ночью, пока все в автобусе спят, и мы начинаем медленно, глубоко... и такое ощущение, что этот секс имеет значение.

Не знаю я лучше, то в те моменты, что мы проводим вместе в темноте, запутавшись воедино нашими телами, я почти могла бы поверить, что мы занимались любовью.

Но я не могу так думать, потому что это принесёт мне только боль.

Сегодня мы в Лексингтоне, Кентукки, где собираемся выступить на фестивале под открытым небом. Фестиваль начался ещё до нашего приезда в середине дня, и мы планируем сыграть тридцатиминутный сет в семь.

Похоже, это наша самая большая толпа, и я волнуюсь перед выходом на сцену.

У Тома было странное настроение, когда мы прибыли, и это не осталось незамеченным. Это не похоже на него, и он был холодным и отстранённым со мной.

Весь день я хотела спросить его, что случилось, но мне не удалось побыть с ним наедине.

Я понятия не имею, где он сейчас. Я не видела его, поскольку нахожусь в гримёрке, и на самом деле это трейлер, который мы делим со «Стар Пойнт Файв», а эта вокальная группа

состоит из пяти девушек. Каждая прекрасна по-своему. Я думаю, Кейлу, Вану и Сонни показалось, что они умерли и попали на небеса, когда увидели, с кем мы будем делить гримёрку.

Но одна из участниц «Стар Пойнт Файв» выделяется. Аврора Симмонс, высокая блондинка со среднего размера — мяу — сиськами. Она выделяется, потому что она тип Тома... и я знаю, что он спал с ней в прошлом.

Нет, он не говорил мне.

Я видела, как она смотрела на него, когда он вошёл в трейлер вслед за мной. Она осмотрела его с ног до головы, и выражение её лица переполняла фамиллярность, говорящая о том, что она знает, как он выглядит голым. Знает, каково это... быть с ним. В подтверждение этому она взвизгнула и практически оттолкнула меня с дороги, чтобы добраться до него. После чего прямо передо мной поцеловала его в губы.

Это задело меня, как сучка, но я пережила это, потому что он не мой, чтобы предъявлять на него права.

Мы могли бы быть монопольными секс-друзьями... но мы просто секс-друзья. У меня нет причин давать ей пощёчину и кричать, чтобы они убрались к чертям, хотя я действительно этого хочу.

Я знаю, что Тому было некомфортно с ней целоваться, потому что он не очень вежливо высвободился от неё. Вскоре после этого он ушёл, а через минуту я получила от него сообщение, в котором было одно слово:

«Прости».

Я не ответила, потому что не знала, что сказать. Поэтому выключила телефон и позволила Шеннон использовать свою магию на то, чтобы сегодня вечером я выглядела прекрасно.

Сейчас я в полной готовности стою сбоку от сцены с Кейлом и Ваном, наблюдая за «Эмерсон» — очень крутой рок-группой. Сонни куда-то ушёл. Наверное, он забавляется с какой-то девчонкой.

Мы выйдем на сцену только через час, и я начинаю думать, что эти пятидюймовые сапоги на каблуке, которые Шеннон уговорила меня надеть, возможно, не самая лучшая идея, потому что мои ноги уже начинают болеть. Я опускаю на них взгляд и замечаю, что пряжка на передней части ботинок расстегнулась. Я наклоняюсь, чтобы застегнуть, а затем слышу мощный треск!

Чёрт.

Я мгновенно шлёпаю ладонью по своей заднице и чувствую огромный разрыв прямо на заднем шве моих джинсовых шорт, которые Шеннон практически сшила на мне ранее.

Дерьмо! Не могу поверить, что разорвала зад в этих шортах! Конечно, они тесные, но это не значит, что у меня задница размером с Техас!

Поднявшись на носочки, я шиплю: «Кейл,» — ему на ухо.

— Что? — говорит он, не отрывая взгляда от группы.

— Я разорвала зад в этих грёбаных шортах.

Он смотрит на меня.

— Ты шутишь, правда?

Я вижу, как в его глазах светится смех.

— Нет, я, мать его, не шучу, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Он начинает смеяться.

— Это не смешно, — рычу я, толкая его.

— Прости, — говорит он, всё ещё смеясь. — Ты хочешь, чтобы я пошёл и позвал Шеннон?

— Нет, я вернусь к трейлеру и переоденусь. Дашь мне свою куртку, чтобы я могла прикрыть

задницу?

— Конечно, — он снимает свою куртку и отдаёт её мне.

Одним быстрым движением я беру её и прикрываюсь, убеждаясь, что она полностью закрывает мою задницу.

— Я скоро вернусь, — говорю я Кейлу.

А затем ухожу, направляясь к гримёрке.

Я просто сниму их и надену что-нибудь из вешалки со шмотками, которую Шеннон привезла с собой. И прослежу, чтобы это было то, что точно не порвётся на моей заднице, если я согнусь.

Спустя пару минут я вздыхаю с облегчением, когда вижу трейлер. Я увеличиваю шаг настолько, насколько это возможно на этих каблуках, взбираюсь по ступеням, открываю дверь и вхожу внутрь безопасного трейлера.

Но тут моё сердце останавливается.

Нет.

Только не снова.

Том ошеломлённо смотрит на меня, сидя на стуле перед туалетным столиком с оседлавшей его Авророй Симмонс, одетой лишь в трусики.

Тишина врзается в трейлер с глухим стуком.

Том отталкивает Аврору от себя, встаёт с кресла и надвигается на меня.

— Ли́ла, на самом деле всё не так, как выглядит.

Подтянув штаны, Декс быстро перемещается ко мне.

— *Ли, на самом деле всё не так, как выглядит.*

Моя нижняя губа дрожит.

Том останавливается передо мной.

— Ли́ла.

Вся боль и ярость, которую я хранила и накапливала последние одиннадцать месяцев, вырывается из меня единым импульсом. Моя рука приходит в движение прежде, чем я осознаю это и с силой бью Тома по лицу. Звук пощёчины отдаётся эхом среди оглушительной тишины.

— Пошёл ты! — выплёвываю я.

Рука жжёт, как сука, я разворачиваюсь на каблуках и убегаю оттуда.

— Ли́ла! — зовёт меня Том.

Ничто не мешает мне уйти от него, даже эти чёртовы каблуки, и я продолжаю бежать, пока не оказываюсь в закрытой секции за кулисами.

Не замечая никого вокруг, я останавливаюсь и прислоняюсь спиной к стене. Затем наклоняюсь и кладу руки на бёдра, пытаюсь отдышаться.

И борюсь с мучительной болью в груди.

Господи, это так больно.

Скверно.

Я даже не могу сказать, который раз ранил меня больше.

Боже, послушайте меня... который раз.

Сколько ещё раз это должно произойти, прежде чем я научусь?

Грёбанный Том Картер. Как я могла быть такой глупой, поверив в то, что такой мудака, как он, будет хранить верность?

Должно быть, я действительно самая тупая сука в мире.

Мои глаза полны слёз, но я не моргаю. Я не пророню ни одной чёртовой слезы из-за этого ублюдка.

Через горло прорывается сдавленное рыдание, и по моей щеке скатывается хитрая слеза.

— Вот ты где! — я слышу громкий и упорный голос Тома.

Я дёргаюсь, словно меня подстрелили.

— Ни шагу больше! — я выставляю руку между нами в слабой попытке удержать его подальше. Но я знаю Тома, ничто не остановит его, когда он хочет быть рядом со мной.

Он стремительно движется, сокращая пространство между нами.

— Я никуда не уйду, пока ты не выслушаешь то, что я хочу сказать.

— Спасибо, конечно, но я не хочу слышать ни слова из твоего лживого рта!

Но вот он передо мной, а его руки на моих плечах.

— Отвали от меня! — кричу я, пытаюсь убрать его лживые руки от себя. Я не могу вынести его прикосновений. — Если ты хотел заняться сексом с кем-то другим, то мог хотя бы сообщить мне заранее, чтобы я смогла свалить отсюда. Или что это? Ты хотел продолжать заниматься сексом со мной, с ней... а может, с кем-то ещё, Том? — кричу я.

Я близка к истерике.

Хорошо, что играет громкая музыка. В противном случае, мы бы всеми нашими криками привлекли толпу.

— Господи, Ли! — он засовывает руки в волосы.

В его взгляде, направленном на меня, плещется страх.

— Я не хочу заниматься сексом с Авророй или с кем бы то ни было.

— Дерьмо собачье!

— Серьёзно, — он снова хватает меня. — Ты должна выслушать меня. Я не трогал её. Ближе всего мои руки оказались к ней тогда, когда я оттолкнул её от себя. Я пошёл в трейлер, чтобы найти тебя. Она сказала, что ты только что вышла, чтобы попить, и скоро вернёшься. Сказала, что ты ненадолго и что мне стоит подождать. Я не был уверен, потому что знаю, что ей нравится...

— Ты спал с ней раньше?

Он вздыхает, отпуская меня, его глаза мрачнеют.

— Да.

Я игнорирую боль, усиливающуюся в моей груди.

— Когда?

Его глаза встречаются с моими.

— Это имеет значение?

— Да, это важно! Тем более сейчас, потому что... потому что мне нужно знать, занимался ли ты сексом с ней, пока был со мной. Был ли у тебя секс с... кем-нибудь... после... меня, — мой голос утихает от его резкого выражения.

— У меня никого не было с тех пор, как ты и я начали спать вместе. Секс с Авророй случился несколько лет назад. Он был незапоминающимся, и я бы не хотел его повторять. Лишь по глупости я принял решение подождать тебя вместе с ней.

Он наклоняет голову, делая шаг в моё личное пространство.

— Ты не ответила на моё сообщение... после того, как она поцеловала меня перед тобой. Я просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке, поэтому пошёл в трейлер, чтобы найти тебя. Я буквально всего лишь сел и начал проверять свой телефон. Следующее, что я помню, — она на мне наполовину голая. Затем появляешься ты, — он смотрит мне прямо в глаза. — Это произошло так быстро, Ли. Я не успел среагировать.

Я смотрю на него, оценивая его слова. *На самом деле мне кажется, что я верю ему.*

— А если бы у тебя был... шанс отреагировать на это?

Он подходит ближе, так близко, что я запрокидываю голову. Его запах просто переполняет меня. Я чувствую, что моё тело колеблется.

— Тогда я оттолкнул бы её, сказав ей, что ничего не произойдёт... потому что у меня есть кое-кто... *ты*, — он обхватывает руками моё лицо. — Я принял неверное решение подождать тебя вместе с ней, но это было моим единственным преступлением. Я не предавал тебя. Я бы не стал. Меня можно назвать кем угодно, но не обманщиком, — он нежно гладит меня по щеке. — Эта договорённость... это обязательство, которое было принято нами... Я знаю, большинству людей может показаться, что *особые секс-друзья* — смехотворное обязательство, но для меня это *серьёзно*. Это важно. *Ты* важна... для меня. Я забочусь о тебе.

Он заботится обо мне.

Я оборачиваю пальцы вокруг его запястья, закрыв глаза, когда впитываю в себя его слова.

— Я тоже забочусь о тебе, — тихо признаюсь я.

Эмоции накрывают меня, одинокая слеза стекает по моей щеке, и Том ловит её.

— Я никогда не причиню тебе боль по своей воле, Ли.

Я поднимаю руку и кладу её на его покрасневшую щеку. Щеку, по которой я ударила.

Я никогда никого не била, даже Декса после того, как поймала его с Чадом.

Почему же я отреагировала так, увидев Тома с другой?

— Прости, что ударила тебя, — я грустно улыбаюсь ему.

— Нет, — говорит он грубо. — Никаких извинений, никаких сожалений.

Затем он целует меня. Но есть что-то в этом поцелуе, кое-что другое... нечто большее.

Том обхватывает меня руками, крепко обнимая.

Я растворяюсь в нём.

В очередной раз приближая губы к моим, он говорит:

— Будет ли это неуместным, если я скажу, что мне *действительно* нужно быть внутри тебя прямо сейчас?

Улыбка овладевает моими губами.

— С каких пор ты заботаешься о том, что неуместно?

— Хороший вопрос. Пойдём со мной.

Он ведёт меня за руку. Мы останавливаемся чуть дальше у большой панели с надписью: «*Вход. Надеть каску при входе. Только для сотрудников*».

Том поднимает щеколду и тянет, чтобы открыть панель, которая, как я теперь знаю, является дверью.

Дверью, что проведёт нас под сцену. Сцену, на которой в настоящее время выступает группа, и за которой наблюдает несколько тысяч человек.

— Здесь? — я щурюсь.

— Ага.

— Это... безопасно?

— А тебя интересует безопасность? — его потемневшие глаза смотрят глубоко в мои.

Во рту вдруг пересыхает, я качаю головой.

— Тогда пойдём со мной.

Склонив голову, он входит внутрь.

Возбуждённая опасностью... им, я следую за ним на дрожащих ногах.

Здесь мало места. Том не может стоять прямо. Он наклоняет голову вперёд. Нас окружают подмости, стук басов и ударных и пение. (*прим. пер.: подмости — это вспомогательные временные конструкции, предназначенные для создания площадок на любой высоте для размещения рабочих, инструментов и материалов при выполнении строительных и монтажных работ (например, леса)*).

Том закрывает дверь, погружая нас в полную темноту.

Я дрожу.

Затем я чувствую, как ко мне прижимается Том, возбуждая меня своим теплом.

Он проводит пальцами вниз по моей руке. А потом берёт меня за руку.

— Ты в порядке? Ты дрожишь.

— Всё хорошо, — я улыбаюсь, даже, несмотря на то, что он не видит этого.

Я дрожу всем телом просто потому, что до смешного возбуждена. Вот, что ты делаешь со мной.

Том проводит руками по моей шее. Он скользит своими руками ниже, стягивая куртку Кейла с моих плеч по рукам, пока она не падает на землю. Затем он снимает с моих плеч чёрный топ, оставляя меня в лифчике. Он тянется рукой к моей спине и прижимает меня ближе. Его ловкие пальцы спускаются к моей заднице. Затем я чувствую, как он прикасается к моим трусикам через дыру в шортах.

Дерьмо, я совсем забыла об этом.

— Эм... Ли, ты в курсе, что у тебя огромный разрыв сзади на шортах, не так ли? — он одним пальцем двигает вверх и вниз по огромной дырке в шортах, касаясь моей задницы через тонкую ткань моих трусиков.

— Ты сделала это, чтобы обеспечить лёгкий доступ? Не то чтобы я жалуясь, — он скользит рукой внутрь и сжимает края моих трусиков, отодвигая их в сторону, так что он просто касается кожи.

Меня снова бросает в дрожь, когда он ласкает мой зад.

— Нет. Я наклонилась, и они порвались. Вот почему я вернулась в трейлер и...

Том обрывает мои слова поцелуем. Стремительным и быстрым.

— Хватит, — выдыхает он.

После этого я ощущаю изменения в воздухе, поэтому теперь знаю, что эта поездка будет жёсткой.

Прямо как мне нравится.

— Повернись, — говорит он хрипло мне в ухо.

Я делаю, как он говорит: медленно поворачиваюсь на месте.

Он прикасается к моей спине и проводит своими руками по моим, пока не достигает моих ладоней.

— Наклонись.

Я выполняю его просьбу.

Том всё ещё держит мои руки. Он помещает их на металлическую планку подмости напротив меня. Я чувствую, как через меня проходит вибрация от музыки, которая играет выше.

— Держись и не отпускай, — говорит он командным тоном мне в ухо. — Если отпустишь, то не кончишь.

— Ладно, — говорю я, затаив дыхание от предвкушения.

Моё тело горит.

Я узнаю песню, которую играет группа сверху. Это кавер-версия Брайана Адамса «Я думал, что умер и попал на небо» (*прим. ред.: Bryan Adams «Thought I'd Died and Gone to Heaven»*).

Судя по тому, что я слышу, это действительно отличный кавер. Толпа кричит как обезумевшая.

Я закрываю глаза от звучания песни, текста, подпевающей толпы... а потом я чувствую, как Том становится позади меня на колени.

Он хватает руками мои шорты и ещё больше разрывает их.

Святое. Дерьмо.

Это так чертовски горячо.

После этого он одним быстрым движением снимает мои трусики. Он вытаскивает их,

оставляя меня стоять здесь незащищённой, в одном лифчике и шортах.

— Я бы хотел увидеть выражение твоего лица прямо сейчас, — рычит он.

Его палец движется между моих складок. Моё тело дёргается от его прикосновения, нуждаясь в этом, нуждаясь в нём.

Затем его лицо приближается к моей заднице, его горячее дыхание поражает все мои нервные окончания.

— Кричи так громко, как только хочешь, Ли, потому что никто тебя не услышит.

Он погружает свой язык в мою киску и начинает трахать меня, его палец безупречно играет моим клитором.

Я тяжело дышу от его дикого рта и в этот момент живу одним этим ощущением, когда он подводит меня к краю.

Каждый раз, когда я приближаюсь, он приостанавливается.

Я чертовски возбуждённая, нуждающаяся и отчаявшаяся.

— Том, пожалуйста...

— Т-с-с... я с тобой, дорогая. Ли, тебя когда-нибудь трахали в задницу?

— Нет, и не знаю, смогу ли я, — я трясую головой в темноте, волосы порхают по моей чувствительной коже.

— Ты мне доверяешь?

— Ты знаешь, что доверяю... но я не уверена, что смогу сделать... *это*, — мысль об огромном члене Тома в моей заднице вызывает ужас.

— Я не буду использовать свой член. Твой зад девственен, поэтому мы должны начать медленно. Просто мой палец, дорогая, — он целует мою задницу.

— Я обещаю, больно не будет, и мы сможем остановиться, когда ты захочешь. Просто поверь мне, — его голос грубеет от похоти, — если ты позволишь мне трахнуть твою задницу пальцем... это будет лучший оргазм из всех, что я когда-либо тебе дарил.

Ещё один поцелуй.

— Позволь мне дать это тебе.

И вот так просто я становлюсь его.

И готова полностью отдаться ему, это ужасающе... но и очень горячо.

— Да, — слышу я, как говорю.

Он дразнит мою кожу лёгкими толчками языка.

— Да, что? Скажи это, Ли. Скажи мне, чего ты хочешь.

Я дрожу от вожделения. Опьянённая им. Сейчас я скажу и сделаю всё, что он мне скажет, если это будет означать, что я заполучу его.

— Я хочу, чтобы ты трахнул мою задницу пальцем.

Он рычит, а потом вонзает свои зубы в мясистую кожу ягодицы, нежно кусая меня. Он скользит своим пальцем внутрь моей киски. Я сжимаюсь вокруг него. Затем он вытаскивает палец, скользя обратно в мой тыл.

В тот момент, когда его палец касается моей сморщенной дыры, я напрягаюсь.

— Расслабься... Я не причиню тебе вреда. Просто отдайся мне. Я позабочусь о тебе.

Итак, я делаю, как он просит. Я закрываю глаза, расслабляю своё тело и позволяю Тому позаботиться обо мне.

Его палец движется назад, повторяя движение, но в следующий раз он направляется к моему клитору. Он гладит его, подготавливая моё тело, а потом входит в мою киску и снова скользит по моей ровности в задний проход.

Я начинаю беспокоиться двигать бёдрами, с каждым движением моё тело поднимается всё выше и выше.

Мне кажется, что я мокрее, чем когда-либо, моя влажность покрывает самые интимные части меня. Том останавливается на моей заднице и начинает обводить дырочку пальцем, растирая мою влажность вокруг и внутри.

Желая большего, я тянусь за чем-то, чего сама не понимаю, и начинаю двигаться ему навстречу.

В тот момент, когда я толкаюсь назад, его рот находит мой клитор, а кончик пальца скользит в мой зад.

Чувствовать его *там* поразительно интенсивно. Из меня вырывается крик наслаждения.

— Бл*дь, ты тугая, — его слова вибрируют через меня. — Ты в порядке?

— Ухум, — я с трудом могу говорить.

Он применяет чуть больше давления и продвигает палец немного глубже. Затем снова, и с каждым разом он продвигается чуть дальше.

Я начинаю чувствовать разочарование. Мне нужно больше. А потом Том вдруг вынимает свой палец по кончик и скользит им обратно до предела.

Дыхание со свистом выходит из меня. Огни мерцают сквозь закрытые веки. Моё тело собирается в одну сенсорную перегрузку.

Я заполнена им. И это просто потрясающе.

Из меня вырывается стон, и это, кажется, всё, что ему было нужно, чтобы ускорится, потому что Том начинает трахать мою задницу пальцем, всё глубже скользя костяшками, в то время как его язык яростно атакует мой клитор.

Я кончаю через секунду.

Мои руки сжимают металлический прут, крик вырывается из моей груди.

Такое чувство, будто я резко взлетела на орбиту. В невесомость. Без понятия, как я вообще ещё стою.

Он не шутил, когда говорил, что это будет лучший оргазм, который он мне когда-либо дарил. Это было выше всяких похвал.

Я чувствую, как Том вытаскивает палец и двигается позади меня.

Следующая вещь, которую я осознаю, — совершенно голый Том, прижимающийся ко мне. Его толстый, покрытый презервативом член, находится между моих ягодиц.

— Ты самая сексуальная женщина из всех, кого я знаю. Ты чертовски удивительная, Фейерверк.

Смутно догадываясь о количестве женщин, которых знал Том, я стараюсь воспринимать его слова как комплимент.

Отстраняясь, он наматывает мои волосы себе на руку, крепко хватая их, и поднимается. Его член отодвигается. Мне не хватает этого контакта всего секунду. Том обхватывает руками мои бёдра и резко входит в меня.

Я хныкаю.

— Господи, ты чувствуешь так хорошо. Идеальна для моего члена.

Он выскальзывает до кончика, дёргает меня за волосы, а затем врезается обратно в меня.

Я закрываю глаза и стону.

— Сожми мой член своей киской, — говорит он мне тем властным голосом, который означает, что он не просит.

Напрягая внутренние мышцы, я сжимаю его член настолько сильно, насколько могу. Звук, который он издаёт, почти заставляет меня кончить.

— Чёрт возьми, да, — шипит он. — Я хотел сделать это медленно, но не смогу. Мне нужно трахнуть тебя жёстко и быстро.

И он делает это.

Резко скользит членом вперёд-назад. С каждым разом увеличивает скорость, безусловно поражая меня жёсткостью толчков. Его бёдра бьются о мою задницу, большие яйца шлепают о клитор, в то время как он тянет меня за волосы.

Мои каблуки погрязли в земле, а я изо всех сил держусь за металлический прут, в то время как Том хорошенько, жёстко трахает меня.

Я никогда не чувствовала себя такой возбуждённой, как сейчас.

Он отпускает мои волосы, позволяя им рассыпаться по всей спине. Его рука движется к моей тяжёлой чувствительной груди. Он оттаскивает чашечку моего бюстгалтера вниз и сжимает мой сосок с идеальным давлением.

Крик вырывается из меня.

— Вот так, детка, — рычит он. — Покричи для меня.

Другая его рука находит мой клитор. Всё это время он трахает меня, не замедляя темп, управляя толчками.

— Ты снова кончишь, Ли. Не менее двух раз, помнишь?

— Да... да... — стону я, моё тело снова поднимается, потянувшись за вторым оргазмом.

— Вот так, детка. Дай это мне. Кончи со мной. Мне нужно почувствовать, как ты сжимаешься вокруг моего члена.

— Чёрт... Том!

Я взрываюсь вокруг него, мои внутренние стенки напрягаются, тело и ум выходят из-под контроля.

— Боже... — стонет Том.

— Я кончаю... я чертовски... бл*дь! — он врезается в меня и издаёт звук чистейшего первобытного удовольствия.

Я чувствую, как мощная дрожь проходит через него, как его член начинает дёргаться внутри меня, выплескивая всё в презерватив.

Мы оба затаиваем дыхание. Я ощущаю себя как желе. Если бы Том не держал меня, я бы уже была на полу.

Он наклоняется вперёд, по-прежнему оставаясь внутри меня полувозбуждённым членом, и прижимается своей влажной горячей грудью к моей спине. Он обвивает руки вокруг моей талии, удерживая меня. После этого целует меня в плечо и один раз в шею.

— Самая сексуальная женщина в мире.

Я хихикаю и поворачиваюсь лицом к нему. Он оставляет лёгкий поцелуй на моих губах.

— Ты тоже не промах, — шепчу я.

Чувствуя невероятное счастье впервые за очень долгое время, я улыбаюсь всё время, пока Том помогает мне одеваться. Я смеюсь, когда он ударяется головой об один из металлических прутьев, а потом, целую его, когда ко мне приходит небольшое раскаяние за мой смех.

Я всё ещё улыбаюсь, когда он открывает дверь, чтобы выйти.

Закрывая и запирая её, он поворачивается ко мне, беря мои руки в свои. Мы стоим здесь, глядя друг другу в глаза. А потом на лице Тома что-то мелькает, и он успокаивается.

Очень похоже на удовлетворение.

Это заставляет моё сердце биться быстрее.

Отпустив одну мою руку, Том прикасается к моей щеке.

— Ли... — он заправляет мои волосы за ухо. — Я тут подумал... немного... что, возможно, мы должны...

— Ты здесь! — голос Шеннон прерывает то, что Том собирался сказать.

Услышав звук её голоса, я отстраняюсь от него, сохраняя между нами свободное безопасное расстояние.

Я вижу, что он хмурит брови.

Игнорируя его хмурый взгляд, я поворачиваюсь к Шеннон, интересно, видела ли она, как мы обменивались интимными взглядами.

Судя по выражению её лица, я бы сказала, что нет.

Слава Богу. Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал про меня и Тома.

— Я везде искала тебя, дорогуша! Кейл сказал, что ты порвала свои шорты и переодеваешься, я пошла в трейлер, но там тебя не было. И я знаю, что ты не разбираешься в одежде, Лила Саммерс. Ты не так уж чертовски здорово одеваешься, и я хотела убедиться, что твоя одежда будет более-менее подходящей... — она останавливается в середине тирады, разглядывая мои шорты. — Но я вижу, что ты до сих пор в них.

Её взгляд мечется между Томом и мной. Она рассматривает нас, а затем переходит к двери прямо за нами.

Я вижу проблеск понимания в её взгляде.

Она ухмыляется.

Мой желудок падает.

— Вы двое... — её ухмылка увеличивается. — Я чему-то помешала? Или у вас уже был секс?

Дерьмо. Люди не должны узнать о нас с Томом. Я не хочу, чтобы люди подумали...

Что?

Что бы они подумали?

Они бы подумали, что я просто ещё одна подстилка Тома. Ещё одна тупая курица, с которой он спит. Какая-то мелкая певичка, которая пытается сделать себе карьеру через постель.

— Мы не занимались сексом, — я подавляю смех. — Можно подумать, я бы занялась сексом с Томом! Я имею в виду, он же полный мут! У меня есть стандарты, знаешь ли.

Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю их остановить. И за это я себя ненавижу.

Шеннон переводит взгляд на Тома. Выражение её лица меняется, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

Что бы ни было на его лице, оно исчезает, когда я встречаюсь с ним глазами. Я ничего в них не вижу. Глаза ясные, лицо совершенно пустое.

Том переводит взгляд с меня на Шеннон.

— Не то чтобы это твоё дело, Шен, но мы не занимались сексом, — его голос холодный и отстранённый.

Я никогда не слышала, чтобы у него был такой голос. От этого у меня по коже пробегают мурашки.

Он вновь смотрит на меня, и тут я вижу это: холод, за которым скрывается боль.

Я причинила ему боль.

— Как Лила уже сказала, у неё есть стандарты. Она никогда не стала бы тратить своё время на мута, вроде меня, — он смотрит на часы. — Мне нужно идти.

И он уходит.

Я начинаю паниковать.

— Мута? О чём, чёрт возьми, вы двое говорите?

Шеннон смеётся и подходит ко мне, явно не замечая того, что только что произошло между Томом и мной.

Я должна пойти за ним. Сказать ему, что сожалею.

Но если я это сделаю, то Шеннон узнает, что между нами что-то происходит.

Что же мне делать?

Истерзанная нерешительностью, я стою на месте в замешательстве.

А Том тем временем скрывается за углом.

И я позволяю Шеннон избавиться от права принять решение и увести меня в противоположную сторону.

— Нам нужно, чтобы ты переоделась. Тебе выходить на сцену меньше, чем через полчаса, и я не могу позволить тебе сделать это с голой задницей. В противном случае Зейн отымеет меня за то, что я позволила тебе выступать одетой как проститутка. Не то чтобы я против того, чтоб Зейн отымел мою задницу. Чёрт, это великолепный мужчина.

Сердце колотится, я отхожу от Шеннон и вытаскиваю из кармана мобильник.

Затем открываю «Новое сообщение».

«Мне очень жаль. Я не имела в виду того, что сказала. Мне просто нужно было сбить Шеннон со следа».

Затем ищу «Мои контакты», выбираю «Том» и нажимаю «Отправить».

Я никогда не должна была говорить того, что вылетело из моего рта. Прямо сейчас я должна найти Тома и вымолить у него прощение, а не делать это через телефон, прямо как трусиха, коей и являюсь.

Но, даже осознавая это, я не делаю того, что правильно. Вместо этого просто продолжаю идти за Шеннон и ждать его ответа. Всё это время я не могу избавиться от комка в горле.

Я всё ещё не получаю никакого сообщения, пока возвращаюсь в гримёрку, к счастью, Авроры нигде не видно, и Шеннон пытается впихнуть меня в блестящую пару плотных чёрных леггинсов.

«Не переживай. Я всё понимаю».

Слёзы застилают мои глаза, потому что он не понимает. На самом деле он вообще этого не понимает.

И я уже не совсем уверена, что знаю, что делаю.

Том

Несколько дней спустя — Люкс, Отель «Мандалай-Бэй», Лас-Вегас

Где я сейчас нахожусь?

В гостиничном номере в Лас-Вегасе, наблюдаю, как Лила делает это с каким-то стильным ушлёпком.

Почему я не ударил его в лицо, спрашиваете вы?

Поверьте мне, если бы я мог, то сделал бы это, потому что я схожу с ума, когда вижу, как он прикасается к ней своими руками.

Как будто в мои глаза впрыснули кислоту.

Я начинаю понимать, что чувствовала Лила, когда увидела, как полуголая нимфоманка Аврора Симмонс накинулась на меня.

Я ничего не могу поделать, ведь это моя работа, *поэтому* я просто смотрю.

Исполняю свои обязанности.

Они записывают клип.

Сингл попал на радиоволны. Интерес растёт. Только в iTunes загрузки взлетели ещё на прошлой неделе. Группе нужен в клип, чтобы мы смогли запустить песню на все музыкальные каналы.

У Лилы и парней прошлой ночью был концерт в клубе, здесь, в Лас-Вегасе.

Зейн решил, что Вегас будет хорошим местом для съёмки. Он снял люкс в «Мандалай-Бэй», чтобы снять видео. Разумеется, отель более чем счастлив угодить лейблу Джейка. Они даже бесплатно предоставили нам лучший номер.

Так что мы встретились с Зейном и его командой в Вегасе.

Денни тоже здесь. Он ходит по пятам за Зейном. Не мог устоять, чтобы не поехать в Лас-Вегас. Я рад, что он здесь. Мы не виделись с тех пор, как я уехал в этот тур. Это будет хорошая возможность наверстать упущенное.

Этим утром они сняли видео с группой в «Хауз оф Блюз Мьюзик Холл». Это отличное место для съёмок. (*прим. ред.: House of Blues Music Hall — концертный зал «Дом Блюза» в отеле Мандалай-Бэй, где проходят живые выступления различных, в том числе и легендарных, музыкальных групп различных направлений*).

Сейчас середина дня, и мы приступили к съёмке самого интересного — любовной сцены. Они снимают в спальне. Я сижу в гостиной и смотрю. Я чётко вижу, что здесь происходит, и не могу, бл*дь, дожидаться, когда всё это закончится.

Они только начали, а я уже хочу врезать этому парню.

Энди — стильный ушлёпок.

Когда он приехал, то сказал: *«Лила, это так потрясающе: познакомиться с тобой! Люблю твою музыку! Так что с нетерпением жду съёмки с тобой!»*

Поцеловал её в щёки. Лапал её своими руками.

Мелкий ублюдок. Мне стоило оторвать ему руки в ту же секунду, как он прикоснулся к ней.

Я знаю, что Лила чувствует себя некомфортно во всём этом. Не считая того, что арт-директор, Хулио, каждые пять минут указывает на то, что ей нужно расслабиться, я вижу это по её глазам.

Что хуже всего — в последние дни у нас странные отношения, а теперь у неё есть опрятный мальчик-игрушка, который лапает её, делая вид, что играет свою роль.

Эти странности возникли из-за меня. Я немного отстранился. Мы слишком сблизились. Я понял это в тот момент, когда собирался рассказать Лиле о своём желании раскрыть наш секрет.

Оглядываясь назад, я радуюсь появлению Шеннон и такому поведению Лилы. Именно это мне и было нужно, чтобы вернуться на путь истинный.

То есть, серьёзно, о чём именно я хотел всем рассказать? О нашей договорённости трахаться до конца тура?

Нет уж. Если люди узнают, это только усложнит ситуацию. И я достаточно хорошо поработал над тем, чтобы усложнить это всё в моей голове.

Мне не нужна посторонняя помощь.

Но сейчас всё хорошо. Всё вернулось на круги своя, как и должно быть.

Я избавился от киски и снова обзавёлся большим мужским членом.

Позднее той же ночью, увидевшись с Лилой после того, как я повёл себя как «Киска» Том, я трахнул её, как мужчина, коим я и являюсь, и так, будто она случайный секс-приятель, коим она и является.

Мне нравится Лила... Я забочусь о ней...

Но я забочусь о ней как о друге, не более.

Я понял, что ненадолго у меня в голове всё перемешалось. Этого больше не повторится.

— Похоже, всё идет хорошо, ты так не думаешь? — Зейн садится рядом со мной.

— Да, неплохо.

— Лила нервничает, что вполне понятно, ведь это её первая съёмка, но я думаю, что мы сделаем из этого нечто хорошее.

Я смотрю на него.

— Актёр немного засранец.

Зейн смотрит на меня.

— Ты так думаешь? На мой взгляд, нормальный.

— Слишком милый. Надо было найти кого-то более... жёсткого. В татушках. Похожего на рокера.

Меня.

— Джулио подумал, что было бы неплохо посмотреть, как милый парень будет контрастировать её стилю, а также поможет сохранить основное направление.

Джулио — засранец не лучше.

Я пожимаю плечами.

— Не важно. Не думаю, что он захочет это делать, и не похоже, что ты прямо сейчас сможешь найти другого актёра.

Зейн смотрит на сцену перед нами.

— Нет, думаю, нет, — размышляет он.

— Так, мы сходим куда-нибудь после этого? — Ден плюхается на стул по другую сторону от меня и передаёт мне банку Колы.

— Да, — отвечаю я, открывая банку.

Затем отвлекаюсь на то, что говорит Джулио.

— Лила, дорогая, положи руки на Энди. Мы должны заставить зрителей поверить, что ты влюблена в него. Энди, сними свою рубашку. Возможно, это лучше сработает, если у нас будет немного кожи, с которой можно работать.

Эм... какого хрена? Зачем им нужно, чтобы он снял рубашку?

Я не могу сдержать смешок, который вырывается из меня, когда Энди снимает рубашку.

Он совсем не похож на мужика. Конечно, может, он и в тонусе, но вся его грудь продепилирована, а тело покрыто искусственным загаром. Я абсолютно уверен, что у него

подведены глаза. У него даже нет татуировки, чёрт возьми. *В смысле, что это за мужик такой, у которого нет тату? Опрятный паренёк — вот кто.*

— Итак, что ты об этом думаешь? — голос Дена проникает в мои мысли.

Сейчас Лила прижимается руками к груди этого ублюдка, а он целует её в шею.

Руки на моих бёдрах сжимаются в кулаки. Я отвожу глаза от съёмочной площадки.

— Что я думаю о чём?

Ден смотрит на меня странным взглядом.

— Я спросил: ты хочешь пойти в казино до или после того, как мы пойдём по клубам?

— Плевать, — мой взгляд возвращается к Лиле.

Она расстёгивает верхнюю пуговицу на его штанах.

Какого чёрта?

Ладно, снял рубашку — это я могу понять, наверное. Но штаны зачем?

Если она снимет его штаны, я закрою этот грёбанный цирк. Мы здесь не порно снимаем.

— Том, ты в порядке, мужик? Кажется, ты немного отвлёкся.

Я резко перевожу взгляд на Дена.

— Я не отвлёкся, — и снова возвращаю взгляд на Лилу.

Ладно, пока всё в порядке. Этот маленький засранец всё ещё в штанах. Она просто расстегнула их на камеру, как и хотел Джулио.

Круто. Всё снова хорошо.

Затем чёртов Джулио открывает свой рот.

— Лила, дорогая, я думаю, что ты должна быть топлесс для этой части. Сними майку, но оставь лифчик. Кожа на коже сделает эту работу лучше.

Держи свой чёртов телефон.

А затем вскакиваю со своего места и прежде, чем осознаю это, говорю:

— Ты, бл*дь, серьёзно? Тебе действительно нужно, чтобы она сняла майку? Мы не чёртово порно здесь снимаем.

В комнате наступает тишина.

Джулио поворачивается и смотрит на меня. На самом деле, все вокруг пялятся на меня. Включая Лилу.

Я отвожу от неё взгляд.

Так ведут себя только ревнивые бойфренды.

Я не ревнивый бойфренд. *Ни в коем, чёрт возьми, случае.*

— Том, — Зейн поднимается со своего места. — Я знаю, что у тебя несколько претензий к некоторым из наших идей. Почему бы нам не поболтать, пока они снимают эту сцену? И потом мы сможем осуществить твои идеи.

Зейн был действительно искренним. Но я сейчас чувствую себя как полный мудака, и мне нужно убираться отсюда.

— Нет, всё нормально. У меня нет никаких идей. Всё, что вы делаете — это нормально. Есть кое-что, что мне нужно сделать, — *выпить*, — поэтому увидимся позже.

Я беру куртку и пулей вылетаю оттуда.

— Подожди! — кричит Ден позади меня.

Я замедляю шаг, но не останавливаюсь. Я даже не могу заставить себя посмотреть на него. Я знаю, что он думает.

— Что это была за хрень? — он смеётся, звуча немного запыхавшимся, оттого что догонял меня.

— Что «это»?

— Эм... твой маленький бунт.

— Всё было не так, — мой тон резкий, но мне плевать.

Я делаю шаг вперёд и нажимаю кнопку вызова лифта.

Мы больше не разговаривали, пока не сели в баре отеля и не заказали выпивку.

— Значит, ты трахаешься с Лилой, — с весельем в голосе говорит Ден.

Это мгновенно застаёт меня врасплох. Я смотрю на него испепеляющим взглядом.

— Да, я трахаюсь с Лилой. И что с того?

Ухмылка скользит по его лицу.

— Я думаю, что ты приревновал, наблюдая за ней с тем парнем. Поэтому повёл себя как полный долбаный псих.

— Я не ревновал, — смеюсь я. — Я не склонен к ревности.

Я так ревновал.

Да что, чёрт возьми, со мной происходит?

— Как давно ты с ней трахаешься?

Я хмурюсь, глядя на него.

— Джейк рассказал?

У него вырывается смешок.

— Нет, на удивление, Джейк держал рот на замке, а это говорит о том, что он так же, как и я, считает, что это серьёзно.

— Не говори чепухи. Это не так. Ты же знаешь, что я не создан для серьёзных отношений.

— Итак, как долго? — настаивает он.

Я с благодарностью улыбаюсь официантке, которая только что принесла нашу выпивку. Я жду, пока она уйдёт, прежде чем ответить.

— Около трёх недель.

— Ты ни с кем больше не трахался в это время?

— Что это такое? Двадцать грёбанных вопросов?

Он хватает свой стакан, осушая его с самодовольной ухмылкой на лице.

— Обычно ты не стесняясь рассказываешь о подробностях своей сексуальной жизни.

Он прав. *Ублюдок.* Я не хочу ничего говорить обо мне и Лиле, но я знаю, что он превратит это в нечто большее, если я не расскажу то, что он хочет.

— Ладно, хорошо. Я трахаюсь только с Лилой. И больше никого с тех пор, как запихнул свой член в её нору.

— Святое дерьмо! — он кашляет от смеха. — Я никогда не думал, что доживу до того дня, когда ты остановишься на одной женщине. Мужик, мне жаль тебе это говорить, но ты в отношениях с Лилой.

Моё сердце останавливается. Полностью.

Это не так.

Верно?

Нет.

Ни в коем случае. Мы просто трахаемся.

— Я не в отношениях с ней.

— Да, а я Стив Джобс.

— Ты же понимаешь, что он мёртв, не так ли?

— Отвали! Да не важно. Ты в отношениях с Лилой.

— Сколько тебе лет? Пять? Я не в отношениях с Лилой, идиот. Она мой секс-друг.

— Секс-друзья обычно не сохраняют моногамию. В этом вся суть. У них есть регулярный секс, но они также трахаются и с другими.

— Я знаю это, засранец, но Лила не такая девушка, а я хотел трахнуть её — очень. Серьёзно,

ты видел, насколько она горяча? И сиськи у неё настоящие, Ден, чертовски настоящие. Я давно не прикасался к настоящим сиськам. В наши дни у всех тёлочек, похоже, одно лишь силиконовое дерьмо. Поэтому, конечно же, я согласился трахать исключительно её до тех пор, пока не закончится тур. Мы трахаемся столько, сколько хотим, пока не вернёмся в Лос-Анджелес. И тогда — пока-пока, птичка.

Что это за боль в моей груди?

— Ты отрицаешь, — он качает головой, посмеиваясь.

Я потираю свою грудь.

— Я не отрицаю.

— Ты не хочешь признавать очевидное. Тебе нравится эта девушка, Том. Я же вижу. Мы знакомы уже целую вечность, и я никогда не видел, чтобы ты смотрел на девушку так, как на неё — не говоря уже о том, что ты приковал себя исключительно к ней одной. И о том, что ты ревнуешь.

— Я, бл*дь, не ревную, — рычу я. — И ты очень ошибаешься. Всё, чего я хочу от Лилы — её упругая киска и огромные сиськи.

— Не-а, — ухмыляется он. — Она тебе нравится.

— Конечно, она мне нравится, придурок. Она классная тёлка. У неё лучшие сиськи, какие я когда-либо видел, и она трахается как порнозвезда. Что из этого могло мне не понравиться?

— Нет... она нравится тебе, а ты нравишься ей.

— Ты проводишь слишком много времени с Симоной. Уже даже говорить начинаешь, как она. У тебя на киске отросли лобковые волосы?

Показав мне средний палец, он говорит:

— Мне кажется, что ты тоже нравишься Лиле, потому что она впустила тебя в свою кровать. И ещё мне кажется, что она не из тех девушек, которые спят со всеми подряд.

— Нет.

Это вызывает у него ещё одну всезнающую ухмылку.

— Итак, она нравится тебе, а ты нравишься ей. Почему бы тебе просто не посмотреть, к чему это приведёт?

— Потому что это ни к чему не приведёт, — я сажусь, потирая голову от боли, вызванной его нытьём.

— А теперь, можем мы просто оставить это и выпить? — я поднимаю своё виски.

Лицо Дена становится серьёзным, он наклоняется вперёд и ставит локти на стол.

— Том, в том, чтобы быть с Лилой и, наконец, позволить себе быть в отношениях, нет ничего такого уж плохого. Всё может обернуться очень хорошо. Ты не твой отец. Ничего не...

— Серьёзно, — огрызаюсь я, — заткнись. Мы не будем это обсуждать.

Я провожу рукой по своим волосам, чувствуя, что уже нахожусь на пределе, а потом опустошаю свой стакан и даю сигнал официантке, чтобы она снова подошла.

— Ладно, только не выпрыгивай из своих чёртовых штанов, — он забирает свой напиток и опрокидывает его. — Я лишь хочу сказать, что думаю, что ты совершишь колоссальную ошибку, если уйдешь от Лилы в конце этого тура. Вам будет очень хорошо вместе, если ты дашь этому шанс.

Лила

Позднее тем же вечером — Гостиничный номер Мандалай-Бэй, Лас-Вегас

Я в пижаме, песня Бейонсе «Опьянённая любовью» доносится из телевизора, когда я слышу стук в дверь. (прим. ред.: «*Drunk in Love*» Beyoncé).

В моём животе просыпаются бабочки в надежде, что это Том, и я поднимаюсь с кровати и иду к двери.

Когда открываю её и перед моим взором предстаёт именно он, бабочки мгновенно превращаются в светлячков.

Я надеваю на лицо маску, не уверенная в том, в какой ситуации мы находимся в настоящий момент. Том явно взбесился на тех съёмках. Он чётко и ясно дал понять это своим срывом и уходом.

Кейл заметил, как вёл себя Том, и спросил меня об этом за ужином. Я преуменьшила, сказав, что понятия не имею, в чём дело. Что Том, скорее всего, был в плохом настроении или что-то в этом роде.

Я всю ночь думала о его поведении на съёмках. Я бессмысленно бегала по кругу, пытаюсь понять, какой в этом смысл, и что с ним происходит.

— Привет, — говорит он, поднимая руки над головой и сжимая пальцами дверную раму.

От этого движения его рубашка задирается, демонстрируя мне его восхитительный пресс. Мой живот мгновенно сжимается от желания.

Открыв дверь шире, я отхожу назад, впуская его.

Когда он проходит мимо меня, я улавливаю запах виски в его дыхании.

То, что Том пахнет виски, каким-то образом делает его ещё горячее.

Я едва успеваю закрыть дверь, когда его тело прижимает меня к ней.

— Мне не нравилось смотреть, как тот придурок прикасался к тебе, — его голос — низкое рычание.

От силы в его словах у меня перехватывает дыхание.

Полагаю, что это и есть ответ на мучивший меня вопрос. Он ревновал.

— Мне не нравилось, что он прикасался ко мне, но это была просто актёрская игра, Том. Ты прекрасно знаешь, каково это. Я видела ваши музыкальные видеоклипы, помнишь?

Он прижимается своим лбом к моему, тяжело дыша.

— Я просто... бл*дь, я не ревнивый, Фейерверк. Я не *такой* мужчина. Но, увидев его с тобой... — он встречается со мной взглядом, пылающим такой интенсивностью, которую я никогда не видела. — Сегодня я стал таким.

А затем его рот обрушивается на мой.

Я зарываюсь пальцами в его волосы, открываясь для него.

Я отчаянно нуждаюсь в нём. Меня так испугало, что он разозлился на меня, и после Кентукки между нами всё очень изменилось, поэтому от того, что он здесь и сказал мне это, я счастлива как никогда.

Да, меня пугает то, что моё счастье зависит от Тома.

Но прямо сейчас я отбрасываю это в сторону и сосредотачиваюсь на настоящем и на том, как я чувствую себя с ним.

Мы срываем одежду друг с друга, как будто соревнуясь, кто из нас быстрее сможет раздеться.

Том выигрывает.

Он поднимает меня, сбрасывает джинсы и несёт меня в постель.

Затем опускает нас на матрас, перенося свой вес на руку.

— Ты моя, — низко говорит он. — Пока длится тур, ты принадлежишь мне.

— Да, — шепчу я. — Тебе.

Я обхватываю его лицо и прижимаюсь своими губами к его.

Грубые пальцы поднимаются по моему бедру. Я поднимаю ногу, обхватывая его бёдра, моя пятка упирается в его задницу.

Его пальцы находят меня влажной и ждущей.

— Такая чертовски влажная... всегда готова для меня, — он накрывает мой рот своим, одновременно толкая внутрь меня палец.

Я выгибаю спину, поднося свою грудь ближе к нему.

Он опускает голову, берёт мой сосок в свой рот и дразнит его языком.

— Мне нужно быть внутри тебя так чертовски сильно.

Его глубокий голос проходит через всё моё тело. Я чувствую его везде.

— Чего же ты ждёшь? — я сексуально и дерзко улыбаюсь ему.

Горящие нефриты встречаются с моей голубизной.

— Фейерверк, ты же знаешь, что я ненасытный мужчина. Для начала, мне нужна закуска. Затем я пообедаю твоей киской... а на десерт ты оттрахаеть ею моё лицо.

Охренеть.

Том отодвигается от меня, потянувшись к своим джинсам, и достаёт из кармана бумажник.

— Дерьмо, — стонет он.

— Что случилось? — сажусь я.

Он проводит рукой по своим волосам.

— У меня закончились презервативы.

У него закончились презервативы?

Как это возможно?

У Тома всегда есть презервативы. И да, знание того, что он повсюду носит с собой упаковку с ними, — психологический вызов, с которым я борюсь каждый день.

— Я знал, что они закончились. Я хотел зайти в магазин, чтобы купить какие-нибудь, но забыл. Мне не терпелось вернуться к тебе.

Ему не терпелось вернуться ко мне. У моего сердца вырастают крылья, и оно упархивает из моей груди.

— Ну, ты знаешь, у меня их тоже нет, — я сдуваю спутанные волосы со своего лица.

Том садится рядом со мной.

— Ты принимаешь противозачаточные?

— Да...

— Хорошо, так почему бы нам просто не воспользоваться ими в этот раз?

Мои брови взлетают от удивления.

— Ты что, пьян?

— Нет, я не пьян. И, даже если бы и был, какое отношение это имеет к делу?

— Ну, я просто знаю, что трезвым ты бы не предложил заняться сексом без резинки.

Он наклоняется к моим губам.

— Конечно же, я пил сегодня вечером, но до опьянения мне далеко. Я умею пить, Фейерверк. Дело в том, что меня не назовёшь терпеливым мужчиной. Я не хочу ждать, чтобы оказаться внутри тебя.

— Том... — я прижимаю свои руки к его груди, создавая расстояние между нами. От того,

что он находится так близко, я не могу мыслить объективно. — Я не уверена. В смысле, это просто... ты переспал с множеством женщин.

Он смотрит на меня отнюдь не счастливым взглядом.

— А ты раньше спала с парнем, который трахался с чуваками, но я же не требую от тебя справку об отсутствии венерических заболеваний.

Я резко втягиваю воздух, отворачиваясь от него, когда на моём лице вспыхивает боль.

— Господи, Том. Это был удар ниже пояса.

— Бл*дь, — он хватает мой подбородок, заставляя меня посмотреть на него. — Прости, детка, я не хотел тебя обидеть. Я просто хотел сказать, что... доверяю тебе.

Приподнимаясь над кроватью, он располагается между моих ног, прижимая меня к матрасу. Размещая руки по обе стороны от моей головы, Том смотрит вниз на меня.

— Я доверяю тебе и хочу, чтобы ты тоже доверяла мне. Я чист, обещаю. Я регулярно прохожу медицинское обследование и *никогда* не занимаюсь сексом без презерватива. В течение пятнадцати лет я в одиночку сохранял на плаву показатель их продаж. Тебе не о чем беспокоиться.

Пятнадцать лет? Он начал заниматься сексом, когда ему было четырнадцать?

И почему это удивляет меня? Ведь речь идёт о Томе Картере.

А я уже начала размышлять над тем, что ему, пожалуй, можно доверять. Но теперь всё, что звенит в моих ушах: «*В течение пятнадцати лет я в одиночку сохранял на плаву показатель их продаж*».

Хорошее напоминание, что он бабник. Мне становится плохо.

Сдерживая подступающую к горлу желчь, я выплёвываю:

— Не о чем беспокоиться? Ох, хорошо...

Я чувствую, как мой гнев достигает эпических размеров. Он единственный, кто может настолько вывести меня из себя. Я пытаюсь просто не думать о том, что это значит.

— Должна признать, Том, что мне стало намного лучше от твоего предложения позволить тебе заняться со мной сексом *без-мать-его-презерватива*, — кричу я, — как раз после того, как ты напомнил мне, что в прошлом трахался чаще, чем двигался лифт в Эмпайр Стейт Билдинг!

Он сужает глаза.

— Ты с самого начала знала, с кем связываешься, милая.

— Ух! Иногда я задумываюсь, какого чёрта с тобой делаю.

Я не это имела в виду. Но я злюсь, а когда я злюсь, то забываю о рациональности.

Я толкаю его в твёрдую, как скала, грудь и извиваюсь, пытаюсь выбраться из-под него.

Но Том намного больше и сильнее меня. Прижимаясь ко мне своими бёдрами, он хватается за мои руки и крепко удерживает их на подушках над моей головой. Я не могу сдвинуться ни на дюйм. И мне это совсем не нравится.

— Ты прекрасно знаешь, почему. Потому что я трахаю тебя так, как никто другой в твоей жизни — ни до, ни после меня.

Не впечатлённая, я хмуро смотрю на него:

— Дай. Мне. Уйти.

— Нет. Кажется, тебе нужно напомнить о нескольких вещах. Первое: я *всегда* буду тем, кто управляет, а *не* наоборот. Спальня — *моя* территория.

Сместив свои бёдра, он прижимается голой длиной своего члена к моему клитору. Мне приходится стиснуть зубы, чтобы сдержать стон. Однако моё тело вздрагивает, выдавая меня. Я ненавижу то, как оно предаёт меня, когда речь заходит о Томе.

Он ухмыляется.

— Ты поняла, или тебе нужно объяснить чуть нагляднее?

Игнорируя крики своего тела о потребности, я огрызаюсь:

— Пошёл ты!

— Мы очень скоро будем делать это (*прим. ред.: игра слов, fuck you — «пошёл ты», тогда как просто fuck — «трахать»*), а сейчас просто ответь на чёртов вопрос. Я сказал: ты поняла, или мне нужно ещё раз тебе напомнить?

Он сильнее прижимается ко мне. На этот раз он более точно попадает в идеальное место.

Уверена, у Тома есть умственная схема моего влагилица, потому что он просто знает, где прикоснуться ко мне в самый нужный момент. Я закатываю глаза, и на сей раз у меня вырывается стон. Без раздумий, я позволяю словам сорваться со своих губ:

— Я поняла, — мой голос звучит по-девичьи и с придыханием, что вообще мне не нравится.

Кто же я рядом с ним?

— Хорошая девочка.

Я вижу, как выражение власти отражается на его лице, прежде чем он наклоняет голову ко мне. Наши губы почти не соприкасаются, что расстраивает меня. И то, как сильно в этот момент мне нужно ощутить его губы на своих, просто пугает.

Его горячее дыхание смешивается с моим собственным, когда он громко говорит:

— По некоторым дурацким причинам *ты* единственная, с кем я хочу трахать. Постоянно. Снова и снова. Я не могу насытиться тобой, и *ты* первая, с кем я хочу заниматься сексом без-мать-его-презерватива. И это, своего рода, стирает всё остальное, тебе так не кажется? — Том всасывает мою нижнюю губу себе в рот. — Я хочу *чувствовать* тебя, — бормочет он.

У меня перехватывает дух.

Том не требует ответа, потому что он ему не нужен. Я поддаюсь, возбуждаясь от уверенных движений его рук и промывающих мозги слов.

— Том, — задыхаясь шепчу я. — Возьми меня... *сейчас...* без-мать-его-презерватива.

Отпустив меня, он берёт свой член в руку и скользит им вверх-вниз по моему центру, покрывая его влажностью. Он останавливается, располагаясь у моего входа.

Я закрываю глаза.

— Открой глаза.

Широко открыв их, я вижу, каким пылающим взглядом он на меня смотрит.

— Я хочу, чтобы ты всё время смотрела на меня.

Удерживая его взгляд, я легонько киваю.

И затем он врзается в меня.

— О, Боже.

Борясь за глоток воздуха, я ощущаю обнажённого Тома внутри себя... и это глубоко.

Он. Я.

Связанные таким образом.

Странно, как отсутствие куска латекса может изменить вещи во многих отношениях.

Его глаза наполнены чем-то, что я не могу понять.

— Господи... я никогда не... ты такая чертовски тугая, Ли. Я не смогу... — он качает головой.

— Я знаю... — я прикасаюсь рукой к его лицу, проводя пальцами по его скуле.

Он напряжён. Глаза тёмные. Челюсти сжаты.

Том на грани.

Он прикасается своим лбом к моему, глаза его по-прежнему открыты и сосредоточены на мне, когда он медленно выходит до конца, а затем снова входит.

С губ Тома срывается дыхание, переплетаясь с моим.

— Господи, не думаю, что продержусь долго... не таким образом. Это так чертовски

хорошо. Малышка, ты ощущаешься просто замечательно.

— Просто отпусти, — шепчу я. — Отдай мне это. Я хочу почувствовать всё, что ты мне дашь.

Том поднимает голову вверх, и выражение его лица говорит, что всё то, что он сдерживал, наконец, ушло.

Стиснув зубы, он начинает трахать меня, как одержимый.

Это чистый, первобытный секс в наилучшем виде.

Он прижимает меня к кровати, жёстко толкаясь. Я хватаюсь за простыни, чтобы удержаться.

— Скажи мне, что ты близко, — выдавливает он. — Потому что я не смогу продержаться... долго.

— Я близко, Том... да, продолжай... делать... это...

Он задевает мой клитор, и во мне нарастает оргазм. Я закрываю глаза, разрывая нашу связь, не в состоянии держать их открытыми от такого мощного оргазма.

— Господи... это... я не могу...

Я чувствую, как его член дёргается внутри меня.

Открыв глаза, я вижу, что глаза Тома плотно закрыты, голова откинута назад, его грудь сильно вздымается от оргазма, когда он заполняет пустоту внутри меня.

Видеть Тома в таком состоянии, ощущать его без презерватива, чувствовать, как он изливается внутри меня, — это чересчур.

Я чувствую, как сжимаются мои лёгкие. Я не могу вдохнуть.

Словно он просто ударил кулаком в мою грудь и забрал моё сердце себе.

О, нет.

Я слишком далеко зашла. Я начинаю чувствовать что-то... к нему.

Том прижимается своей влажной грудью к моей. Он целует меня.

— Вау, в этот раз было по-другому.

Я запикиваю свои чувства подальше и улыбаюсь ему.

— Кто знал, что без презерватива может быть так хорошо? — я запускаю пальцы в его волосы.

— Нет, дело не только в этом... дело в тебе. Ты удивительная.

Слишком глубоко...

— Ну, ты тоже не так уж плох. Хотя ты не нуждаешься в том, чтобы я говорила тебе это.

— Верно.

Его смех грохочет через мою грудь. Я чувствую его глубоко внутри себя.

— Но мне приятно это слышать. Я не часто получаю комплименты от тебя.

— Верно, — улыбаюсь я.

Он ещё раз целует меня. Затем поднимается, опираясь на руки.

— Пожалуй, пойду, умоюсь. Вернусь через секунду.

Он выходит из меня, а я смотрю, как он идёт в ванную.

До меня доносится журчание воды, и через несколько мгновений он возвращается с тряпкой в руке. Том забирается на кровать и прижимает ткань между моих ног.

Я опираюсь на локти.

— Что ты делаешь?

— Убираю за собой, — он одаривает меня развязной улыбкой. — И хочу позаботиться о своей девочке.

Своей девочке?

Он обмывает меня, берёт тряпку и возвращается в ванную. Затем забирается обратно в кровать, ложась на живот.

Перекатившись на бок, я начинаю водить пальцем по его татуировке.

— Кто такой Томас Третий?

Он напрягается под моими руками.

— Мой отец.

— Ты его потерял?

Том вздыхает, а затем поворачивает голову в мою сторону.

— Да.

Я наклоняюсь и прикасаюсь своими губами к его татуировке.

— Я сожалею, что ты его потерял. Когда он умер?

— Давным-давно, — Том отодвигается.

Перекатившись на спину, он запрокидывает руки за голову.

— Значит, ты — Томас Четвёртый.

— Да.

Вспомнив сказанное им ранее о том, что у него есть песни для всех людей, которых он потерял, я мягко спрашиваю:

— Какая песня у твоего отца?

Какая-то боль возникает в его взгляде, и я мгновенно жалею о том, что спросила.

— «Обычный мир», — его голос звучит странно... жёстко.

— Дюран Дюран. (*прим. ред.: «Ordinary World» Duran Duran*).

Он кратко кивает.

— Так... ты слушаешь песню своего отца каждый день, как и песню Джонни?

Он резко садится.

— Боже мой, — огрызается он. — Что это, мать твою, такое? Время допрашивать Тома?

Опешив от внезапного яда в его голосе, я заикаюсь:

— Мне жаль. Я не имела в виду...

— Да, ты имела. Ты совершенно точно знаешь, что делаешь. Хочешь узнать меня? Хорошо. Нет, Лила, я не слушаю эту чёртову песню каждый день. Я не слышал эту песню шестнадцать лет, и даже это не так уж давно. Итак, этой информации достаточно для тебя? Ты достаточно узнала обо мне? Или тебе нужно больше?

Слёзы наворачиваются на глаза, в горле образуется комок. Растерянная и обиженная, я сажусь. Повернувшись к нему спиной, начинаю подниматься.

Я слышу, как он вздыхает. Затем он хватает меня за запястье. Я чувствую, как он поднимается позади меня. Длинные ноги Тома оказываются по обе стороны от моих. Прижимаясь своей грудью и лицом к моей спине, он оборачивает руки вокруг меня, удерживая.

— Прости. Я просто... я не хочу говорить о своём отце. Никогда.

Я вспоминаю, что он говорил мне о необходимости рассказывать о своей потере. Мне хочется напомнить ему об этом, но я боюсь оттолкнуть его, если сделаю это.

— Всё нормально. Я понимаю, — я сжимаю своей рукой его запястье.

Между нами затягивается этот неловкий момент, и я не знаю, что сказать, поэтому говорю первое, что приходит в голову:

— У тебя есть песня для меня?

Он отстраняет своё лицо от меня. Я чувствую его взгляд, так что поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него.

Он выглядит озадаченным.

— Я не потерял тебя, верно?

— Нет, — я слегка качаю головой. — Но тур закончится, и... — я останавливаюсь, потому что не знаю, как закончить фразу, даже будь у меня желание.

В глазах Тома вспыхивает что-то, чего я не понимаю.

Затем он говорит:

— «Я думал, что умер и попал на небо».

И сердце затихает в груди.

Эта песня играла в ту ночь, когда мы занимались сексом под сценой.

— Брайан Адамс, — хрипло говорю я.

Он кивает, пристально глядя в мои глаза.

— Ну, версия Брайана или группы, что играла той ночью, когда ты позволила мне делать то, чего никогда не позволяла ни одному мужчине, — сексуальная улыбка освещает его лицо.

Я теряю дар речи. Впервые в жизни у меня нет слов.

Эта песня... её смысл...

Правильно ли я понимаю то, что он сказал?

Потому что если он говорит то, о чём я думаю, тогда...

— Итак, есть ли у тебя песня, которая напоминает тебе обо мне? — голос Тома прерывает мои мысли.

Я потираю голову, пытаюсь собраться с мыслями.

— О, эм... да... «Горилла», — я натягиваю улыбку на лицо.

Он выпускает смешок.

— Потому что я зверь в постели, верно?

— Скорее из-за того, что ты замучил меня ей, когда поставил на сигнал о сообщении в той закускойной.

Он издаёт ещё один смешок, заваливая нас обоих на кровать.

Том укладывает меня рядом с собой и начинает гладить меня по волосам.

Но я по-прежнему теряюсь в своих мыслях, заиклившись на той песне. Я прокручиваю в голове её текст снова и снова, интересуясь, сказал ли Том так всего лишь потому, что она напоминает ему тот удивительный момент под сценой... или же потому, что он так же чувствует смысл песни.

Если да, то что это значит для него и для меня? И хочу ли я, чтобы это что-то означало?

Может ли это означать что-то? Может ли кто-то столь эмоционально сломленный, как я, иметь что-то общее с кем-то столь эмоционально закрытым, как Том?

Я закрываю глаза, размышляя.

А когда открываю их, то шурюсь от утреннего света. Тома нет, и я получаю ответ на свои вопросы.

Лила

Через пять дней — Последний вечер тура, Клуб, Сан-Диего

Том отдалился от меня.

После нашей ночи в Лас-Вегасе он изменился по отношению ко мне.

Он едва разговаривал со мной в течение дня, а когда обращался ко мне, то это было связано с работой. Он перестал активно искать меня, чтобы заняться со мной сексом в течение дня. Избегал оставаться со мной наедине.

Только ночью, когда ребята спали, Том приходил в мою спальню.

Я хотела спросить его, в чём дело, но не делала этого из-за страха, что мне не понравится его ответ.

Каждую ночь мы часами занимались сексом. Не было никаких разговоров. Только взаимодействие наших тел. Иногда возникало такое чувство, будто Том занимался со мной любовью, но я не настолько наивна, чтобы поверить в это.

Когда мы заканчивали, я была насыщенной и уставшей и засыпала в его объятьях.

А просыпалась в пустой постели.

Я потеряла его.

Знаю, это должно было случиться. Просто мне не нравится это.

Сегодня последний концерт тура, и после сегодняшней ночи между нами с Томом всё закончится.

Я говорю себе, что поступаю правильно и это должно произойти. Об этом мы и договаривались. Это то, чего я хочу.

Но моё сердце говорит обратное. Оно хочет большего. Его.

Я отчаянно пытаюсь бороться со своими чувствами к Тому, но на этот раз моё сердце, кажется, выигрывает войну против разума.

Оно борется и хочет всего этого, но Том не испытывает того же, что и я.

Конечно, мелочи, которые он делал и говорил, наводили меня на мысль, что у него, возможно, есть чувства ко мне.

Но я знаю, кто такой Том. И последние пять дней он потратил на то, чтобы напомнить мне, какие именно между нами отношения.

Мы в Сан-Диего, всего в нескольких часах езды от дома, поэтому я планирую остаться в клубе, в котором мы только что выступили, и отпраздновать последний день с остальными участниками команды. Затем автобус отвезёт нас домой, и это будет конец тура.

Конец всему.

Я не видела Тома с тех пор, как мы ушли со сцены.

Я переживаю, что он ушёл. И мы даже не сможем провести последнюю ночь вместе. Жаль, что я не поняла этого прошлой ночью, чтобы провести это время с большей пользой. Я бы запомнила каждую секунду.

В настоящее время ди-джей объявляет песню и из колонок начинает звучать песня Фолл Аут Бой «Спасибо за воспоминания». (*прим. ред.: Fall Out Boy «Thanks for the Memories»*).

Я стою возле бара с Шеннон и Эшли, держа в руках бутылку пива, когда всем своим телом начинаю раскачиваться в такт музыке. Тут я чувствую руку на плече. Улыбка возникает на моих губах, так как я полагаю, что это Том, но, повернувшись, встречаюсь лицом к лицу с Робби Крафтом.

Моя улыбка испаряется.

Мне удавалось успешно избегать Робби на других совместных шоу, поэтому это просто моя чёртова удача, что я встречаю его в последнюю ночь.

— Ли́ла.

Я ставлю свою бутылку на стойку. После чего обращаю свой взор на него. Если бы я могла убивать взглядом, то прямо сейчас Робби Крафт был бы на полу, в отключке.

— Чего ты хочешь? — жёстким голосом говорю я.

— Слушай... — он чешет затылок. — Я просто хочу извиниться...

— Не трать своё время впустую, потому что я не принимаю твоих извинений.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но он хватает меня за руку.

— Просто выслушай меня...

— Нет. Меня не интересует, что ты скажешь. А теперь отпусти мою руку, — я вырываю её.

— Ли́ла?

У меня внутри всё холодеет.

Нет. Боже, нет. Не сейчас.

Я медленно поворачиваюсь. Мне кажется, что я умираю на этом же самом месте, когда сталкиваюсь взглядом с Дексом.

Всё остальное вокруг меня темнеет.

Декс шагает в мою сторону.

Я хочу двигаться, но не могу заставить свои ноги функционировать.

Мои мысли могут быть сосредоточены лишь на одном: «Он здесь. И Чад здесь?» И на том, насколько сильно мне нужно убраться отсюда.

— Как ты? — Декс проводит рукой по своим волосам, нервничая, он делал так с тех пор, как мы были детьми.

— Почему ты здесь? — я с трудом выговариваю слова.

Я начинаю взглядом сканировать толпу в поисках Кейла или Сонни... Том.

Мне нужен Том.

Я вижу, как Робби уходит прочь, пробираясь обратно сквозь толпу. Я даже не могу порадоваться, что он ушёл, так как слишком паникую из-за присутствия Декса.

«Том, где ты?» — в безмолвном крике взываю я.

Декс делает ещё один шаг.

Мои ноги окончательно пробуждаются, и я делаю шаг назад.

Я вижу, как боль пересекает его лицо от моего физического неприятия его.

Хорошо. Боль. Я хочу, чтобы тебе было так же больно, как и мне.

— Моя группа... мы играем здесь, — Декс отвечает на мой вопрос. — Наше выступление через час.

Почему я не знала этого?

Но тут мне приходит на ум, что я никогда не знала названия его группы. Тётя Стеф не говорила мне его, а я по глупости никогда и не спрашивала.

— Я должна идти...

Я пячусь, когда он тянется и берёт меня за руку.

— Подожди... Ли, мне нужно поговорить с тобой.

— Не трогай меня! — я выдёргиваю свою руку из его, будто обжёгшись. Потому что так и есть. Он сжёг моё сердце давным-давно.

— Пожалуйста, Ли, я скучаю по тебе... я скучаю по своей сестре. Мне нужно поговорить с тобой. Я хочу, чтобы ты знала, как я сожалею. Чтобы ты поняла...

— Поняла что? Как ты трахался с моим парнем за моей спиной? Чего ты хочешь от меня,

Декс? Прощения? Потому что я не смогу тебе этого дать. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Перестань звонить. Просто свали из моей жизни.

Моё тело дрожит так сильно, что зубы начинают стучать друг о друга. Я сжимаю челюсти.

— Ли... пожалуйста...

Он тянется ко мне снова. Я уворачиваюсь от него.

— Я так сильно скучаю по тебе, — молит он.

— Наплачь мне чёртову реку, — выплевываю я. — Ты должен был подумать об этом перед тем, как трахаться с Чадом, — я отворачиваюсь, слёзы заполняют глаза.

Декс хватается мою руку, поворачивая меня обратно к себе.

— Я твоя семья, Ли. Ты не можешь игнорировать меня...

Он не заканчивает это предложение, потому что между нами встаёт Том, заслоняя меня от него.

Я чувствую огромное облегчение от появления Тома.

— Ты её брат? — с отвращением говорит Том. — Ну, ты же слышал Лилу. Она не хочет говорить с тобой ни сейчас, ни когда-либо ещё, поэтому тебе придётся уйти, — в его голосе присутствует явная угроза.

Декс осматривает его с головы до ног. Он знает, кем является Том, но это, кажется, не беспокоит его.

— Всё, что здесь происходит, тебя не касается.

Том приближается к Дексу. Сигнал тревоги взрывается в моей голове.

— Это касается меня больше, чем ты думаешь, — голос Тома угрожающе низкий.

Декс переводит взгляд на меня.

— Господи, Ли, ты спишь с *ним*? — он разочарованно качает головой. — Ты лучше его, и ты это знаешь.

Моё тело застывает, в то время как внутри меня разворачивается буря эмоций.

То, что Декс разочаровался во мне, ранит и злит меня одновременно.

Какое право он имеет судить меня?

— Она лучше меня, — утверждает Том. — И определённо лучше, чем ты. То, что ты сделал, — недостойно. Теперь уходи, — Том сильно толкает Декса в грудь.

А затем события начинают разворачиваться с невероятной скоростью. Декс бросается на Тома, но тот резко уклоняется и бьёт Декса в лицо.

— Нет! — кричу я.

Том переводит взгляд на меня, отвлёкшись на звук моего голоса. Его рассеянность даёт Дексу преимущество, и он атакует Тома, повалив их обоих на пол. Он бьёт Тома в лицо.

— Нет, — снова кричу я, слёзы размывают моё зрение. Я вытираю глаза.

Том, кажется, окончательно выходит из себя. Одним сильным толчком он отталкивает Декса от себя. А затем забирается на Декса и сильно бьёт его. Снова и снова.

Я двигаюсь по направлению к ним, чтобы остановить это, но Шеннон обхватывает меня за талию, оттягивая назад.

— Ты не пойдёшь туда, ты можешь пострадать.

— Но мы должны остановить их, — всхлипываю я. — Они убьют друг друга.

— Предоставь парням разобраться в этом, — говорит она, указывая пальцем.

Я смотрю в том направлении и вижу Кейла, Сонни и Ван, пробирающихся через толпу зрителей.

— Кейл! — кричу я.

Он ловит мой взгляд.

— Останови их, пожалуйста.

Он резко кивает мне, а затем начинает пробираться сквозь толпу. Сонни своим большим телом без проблем заставляет людей уйти с дороги.

Декс на полу, Том избивает его. Кейл хватает Тома сзади, но он слишком далеко заходит и замахивается на Кейла, который как-то умудряется увернуться от него.

Видеть Тома таким пугающее.

Ван помогает Кейлу держать Тома, в то время как Сонни поднимает Декса с пола.

— Уведи его отсюда, — говорит Кейл Сонни.

Мой взгляд встречается с глазами Декса. Он вытирает рукой кровь с губы. По его щеке стекает одинокая слеза.

— Мне жаль, Ли, — говорит он.

Я отворачиваюсь, отступая в руки Шеннон, а когда оглядываюсь, Декса уже нет.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Шеннон.

— Да... нет, — грустно улыбаюсь я.

— Итак, я понятия не имею что, чёрт возьми, только что произошло, но в моей голове точно нет никаких сомнений в том, что вы с Томом спите вместе.

Я пожимаю плечами и слабо улыбаюсь ей, уже не видя смысла отрицать. Хотя после сегодняшнего вечера нас с Томом больше не будет.

— Ли, ты в порядке? — рядом со мной появляется запыхавшийся Кейл.

Я всё ещё вижу гнев, пылающий в его глазах.

— Прости, что меня здесь не было. Я был...

— Всё нормально. Я в порядке, — я тру его руки. — Как Том? — говорю я, поворачиваюсь и вижу Тома, говорящего с двумя, наконец-то, появившимися охранниками клуба.

— Я должна пойти и узнать, в порядке ли он, — и оставляю Кейла с Шеннон.

Когда я приближаюсь, глаза Тома встречаются с моими. Он говорит что-то охранникам. Затем отходит от них, направляясь ко мне.

Мы останавливаемся в футе друг от друга.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Он выглядит нормально. Та щека, по которой ударил Декс, немного покраснела, но кроме этого у Тома нет никаких следов драки.

— А ты? — спрашивает он, возвращая мне тот же вопрос.

— Да, — я киваю. — Ты избил его...

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Я забочусь о том, что принадлежит мне.

Я ему принадлежу?

Моё сердце бьётся о рёбра. Я сокращаю расстояние между нами. Неуверенно подняв руку к лицу Тома, нежно прижимаю её к его щеке.

В его глазах вспыхивает удивление из-за того, что я вот так прикасаюсь к нему на публике.

Я опускаю руку.

— Это наша последняя совместная ночь.

Его глаза темнеют.

— В таком случае, мы должны сделать как можно больше.

Я более чем рада, что проведу эту последнюю ночь с Томом. Я знаю, что завтра мне будет очень больно, но сегодня мне плевать. Сегодня я хочу быть только с ним.

Том скользит своей рукой в мою.

— Давай уберёмся отсюда, — говорит он.

— Подожди, — я тяну его за руку. — Мне нужно сказать Кейлу, что я уезжаю. Он будет волноваться, если я просто исчезну.

Том наклоняется и прижимается своими губами к моим. Этот поцелуй проходит через всё моё тело, вплоть до пальцев ног.

— У тебя есть одна минута, — говорит он возле моего рта, прежде чем отпустить.

Я делаю шаткий шаг назад.

— Одна минута, — я разворачиваюсь и быстро иду туда, где оставила Кейла.

Он всё ещё стоит с Шеннон.

— Кейл, я собираюсь...

Чёрт, что мне сказать?

— Уйти с Томом, — он смотрит на меня. — Да ладно, Ли, я знаю, что ты занимаешься с Томом кое-чем неприличным.

Что?

Должно быть, шок ясно отобразился на моём лице, потому что Кейл говорит:

— Не надо так удивляться. Ты всегда дерьмово лгала.

— Эй, — я мягко толкаю его в руку. — Мне правда жаль, что я не сказала тебе.

— Мы поговорим об этом завтра. За сегодняшний вечер ты перенесла и увидела достаточно дерьма... — он не произносит имя Декса.

На Кейла встреча с ним тоже оказала воздействие.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, касаясь его руки.

Он накрывает своей рукой мою, сжимая мои пальцы.

— Я в порядке. Иди с Томом. А завтра мы серьёзно поговорим о том, что у тебя не должно быть секретов от лучшего друга, — улыбается он.

Отпустив его руку, я оборачиваю свои вокруг него, обнимая.

— Ты лучший друг, о котором только может мечтать девушка, — говорю я в его рубашку.

Он сжимает меня крепче.

— А ты лучшая девушка, которая только может быть у парня.

Подняв голову с его груди, я смотрю на него.

Он печально мне улыбается.

— Он причинит тебе боль, Ли, и...

— Ты надерёшь ему задницу. Я знаю, как обстоят дела, — я изображаю улыбку.

Прямо сейчас мне не хочется говорить Кейлу о том, что к завтрашнему дню нас с Томом больше не будет, и моё сердце будет довольно сильно пинать мою собственную задницу. Я могу поделиться с Кейлом, когда всё это закончится.

Обняв его напоследок, я прощаюсь и иду назад к Тому, который ждёт меня всё на том же месте.

На его лице застыло хмурое выражение.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Угу, — его глаза находят мои, хмурый взгляд мгновенно исчезает. Он обхватывает своей рукой мою талию. — Пойдём.

Том выводит нас через чёрный ход клуба и открывает дверь ожидающего чёрного лимузина, впуская меня внутрь.

В тот момент, когда мы усаживаемся, я прижимаюсь своим телом к его большому, просто нуждаясь в том, чтобы чувствовать его. Его силу. Его тепло.

Одна рука скользит по моей спине, пока не останавливается на моём бедре. Другая находит мой подбородок. Он поворачивает моё лицо к себе.

— Ты в порядке, Фейерверк?

— Да... я в порядке. Здесь, с тобой, я счастлива.

Он смотрит на меня. Затем закрывает глаза и наклоняется ко мне, прижимаясь к моим

губам в сладком поцелуе и в то же время проводя костяшками пальцев по моей щеке.

Лимузин начинает двигаться.

Прислонившись головой к его плечу, я спрашиваю:

— Куда мы едем?

— Домой.

— Домой?

— Да, ко мне домой, в Лос-Анджелес.

— Далековато.

Я улыбаюсь, тайно радуясь, что увижу дом Тома. Радуясь, что он хочет отвезти меня туда.

— Не волнуйся, — ухмыляется он, когда в лимузине начинает играть песня Ашера «Крик» (прим. ред.: Usher «Scream»). — Уверен, что смогу найти способ развлечь тебя те несколько часов, пока мы едем туда.

Лила

Несколько часов спустя — Дом Тома, ЛА

Я просыпаюсь с чувством, будто земля уплывает из-под моих ног. Я вздрагиваю.

— Я держу тебя, — раздаётся глубокий голос Тома сверху. — Ты уснула в лимузине.

До меня доходит, что я у него на руках, и он несёт меня. Оборачивая свои руки вокруг его шеи, я прижимаюсь к ней носом, вдыхая запах лосьона после бритья, мне нравится ощущать, как его щетина касается моей кожи.

В лимузине мы какое-то время целовались. Ситуация немного накалилась, и в конечном итоге голова Тома оказалась между моими ногами, и он использовал свои рот и пальцы, чтобы довести меня до оргазма. Я оплатила ему тем, что встала на колени и взяла его в рот. После того, как он излился в него, он прижал меня к своему огромному телу и держал в своих объятьях. Должно быть, так я и заснула.

— Ты не против, если я отпущу тебя на минутку? Нужно достать ключ.

— Конечно.

Том опускает меня на ноги, и я прислоняюсь к стене возле двери.

Он вытаскивает из кармана ключ и открывает дверь, прежде чем толкает её.

Я жду, чтобы последовать за ним, но следующее, что я осознаю, — он снова поднимает меня.

— Сейчас я уже могу идти, — смеюсь я.

— Мне нравится носить тебя. Ты будто маленькая кукла.

— Я не маленькая. Просто ты огромный.

— Во всех смыслах, дорогая, — подмигивает он.

Он пинает дверь ногой и продолжает нести меня вверх по широкой лестнице. Я почти ничего не вижу, так как Том не потрудился включить хоть какой-нибудь свет, но, судя по размеру этой лестницы, предполагаю, что у него большой дом.

Быстро достигнув вершины лестницы, мы сворачиваем влево, а затем входим в дверь чуть дальше по коридору.

Он пересекает просторную комнату и опускает меня на свою огромную кровать. Я смотрю, как он подходит к стене и нажимает кнопку на панели. Загорается приглушенный свет. Затем он походит к док-станции для iPod, которая установлена на его комод. Я смотрю как он прокручивает музыку, прежде чем, наконец, выбирает песню. В колонках, находящихся в комнате, начинает играть музыка.

«Последняя просьба» Паоло Нутини. (*прим. ред.: «Last Request» Paolo Nutini*).

Мои глаза тут же наполняются слезами. Я смаргиваю их, пока глотаю боль, которую испытываю от её прослушивания, от того, что Том говорит мне этой песней.

Он прощается.

Когда я смотрю, как он идёт ко мне, у меня разрывается сердце. Душевный голос Паоло Нутини усиливает мою боль. Боль от того, насколько сильно я хочу Тома в этот момент, зная, что это наш последний раз.

Последний раз, когда я могу прикоснуться к нему. Целовать его. Чувствовать его внутри себя.

Даже при всём свалившемся на меня грузе, я стою спокойно, когда он подходит ко мне.

Мне нужно выжать максимум из этой ночи.

Я скольжу руками под его рубашку и прижимаю одну руку к его твёрдому животу, мне

нравится звук того, как он резко вдыхает от моего прикосновения.

В его взгляде на меня горит похоть.

Крепко схватившись за край его рубашки, я поднимаю её. Том вскидывает руки, позволяя мне стянуть её через голову.

Я бросаю рубашку на пол, а затем прижимаю свои руки к его груди. Поднявшись на цыпочки, я мягко прикасаюсь своими губами к его. А когда отстраняюсь, Том обхватывает мою голову своими руками. Он смотрит на меня с такой интенсивностью, что у меня перехватывает дыхание.

Затем он накрывает мой рот своим, вовлекая в поцелуй, от которого у меня подкашиваются колени.

Он обеими руками хватается за задницу, поднимая меня, и я обвиваю ногами его талию.

Том забирается на кровать и становится на колени, по-прежнему целуя меня и опуская нас на матрас.

В этот раз всё по-другому. Медленнее. Он не торопясь раздевает меня, лаская и целуя каждую часть моего тела. В его взгляде на меня плещется благоговение. Такое впечатление, что он запоминает меня глазами, руками и ртом.

Когда я уже голая и желающая под ним, я хватаюсь за его джинсы и расстёгиваю его ремень.

Том принимается за дело, самостоятельно высвобождая его из своих джинсов. С ремнём в руке, он берёт обе мои руки и поднимает их над моей головой. В его глазах стоит немой вопрос.

Я киваю, давая ему понять, что не против этого, возбуждённая сверх меры.

Он обматывает пояс вокруг моих рук с точностью, которую я предпочитаю проигнорировать.

— Так нормально? — спрашивает он.

— Да, — от предвкушения у меня перехватывает дыхание.

Он перемещает своё большое тело между моих ног.

— Держи руки наверху. Не шевели ими. Двинешься — я заставлю тебя ждать больше, чтобы кончить.

— Я поняла, — шепчу я. Моё тело вибрирует от возбуждения.

Он берёт в рот мой сосок и тянет его зубами, причиняя боль, которую сразу же успокаивает своим языком. Переместившись к другой груди, он повторяет действия.

После этого встаёт на колени и устраивается между моих бёдер.

— Сейчас ты такая красивая, — хриплым голосом говорит он. — Раздвинь ноги.

Я расставляю их более широко для него.

Он проводит пальцем между моими влажными складками.

— Чертовски красивая, — бормочет он.

Двигаясь по кровати вниз, он размещает свою голову между моих ног и с энтузиазмом начинает лизать меня.

Он проникает пальцами в мою киску, скользя ими туда и обратно. А затем начинает спускаться к моей заднице.

— Да, — я поднимаю свои бёдра, давая ему знать, как сильно хочу его.

— Я так сильно хочу трахнуть тебя в задницу, — он целует внутреннюю часть моего бедра, проводя пальцем по моей дырочке. — Я хочу быть первым человеком, который даст тебе это.

Смогу ли я это сделать?

Мы занимались засунь-палец-в-мой-зад с той ночи под сценой. Том увеличил это до двух пальцев, но, на самом деле, мы никогда не заходили так далеко, как анальный секс.

Это наша последняя ночь. Это будет чем-то нашим... то, что я подарю только ему.

Я действительно ему доверяю. И знаю, что он никогда не сделает мне больно.

Да, я хочу этого с Томом.

— Давай сделаем это... — слышу я, как произношу.

Он поднимает голову, его тёмные глаза сосредотачиваются на моём лице.

— Ты действительно хочешь этого?

— Я действительно имела это в виду. Я хочу этого с тобой.

Внезапно ужас пересекает его лицо.

— Бл*дь, — произносит он. — У меня в доме нет никакой смазки.

Я удивлена тем, что насколько разочарованной себя чувствую.

— У тебя ничего нет?

— Нет... мой дом — это не то место, где я занимаюсь сексом.

Мои глаза расширяются.

— Ты никогда не занимался сексом здесь?

Зная Тома, мне весьма трудно в это поверить.

— Не надо так удивляться. В прошлом я приходил домой к другим женщинам или проводил их в специальную квартиру у меня в городе, где... — он обрывает себя, понимая, что я не хочу слышать о его сексодроме. Он приближается ко мне. — Ты моя первая.

Я хочу, чтобы он был моим первым.

Проглотив свои последние девчачьи эмоции, которые взорвались во мне от его заявления, я говорю:

— Мы можем сделать это только с помощью... меня? — я нелепо киваю вниз, на влажность, которой я в настоящее время обеспечена.

Его взгляд путешествует вниз по моему телу, останавливаясь между моих ног. Его глаза снова начинают гореть.

— Мы можем попробовать, — он просовывает руки под меня, поворачивая меня к себе спиной. — Встань на колени. Лицом к кровати. Руки над головой. Подними свой сексуальный зад для меня.

Подчиняясь его командам, я делаю именно так, как он просит. Я удобно размещаю руки, чтобы пояс не врезался в мои запястья.

Том подходит ко мне сзади и входит в меня своим толстым пальцем. Он продвигает мою естественную смазку до моего сморщившегося отверстия, осторожно работая пальцем. Меня охватывает лёгкая тревога, что происходит всегда, когда мы начинаем делать это, но потом это чувство сменяется прекрасными ощущениями, и я поддаюсь им.

Очень скоро он добавляет второй палец, растягивая меня. И всё это время он потирает мой клитор своими умелыми пальцами.

Я задыхаюсь, сердце бешено колотится, ноги трясутся.

— Том, — стону я. — Мне нужно это... ты... *сейчас*.

Я едва дышу. Моё тело горит, а голова кружится от желания. Я отчаянно хочу его.

Не говоря ни слова, он встаёт на колени и входит своим членом глубоко в мою киску.

— О, мой Бог, — у меня закатываются глаза, в то время как мои внутренние мышцы сжимаются вокруг него.

— Чёрт! — выплёвывает он. Его рука покоится на моём бедре, пальцы крепко сжимают меня.

А затем он начинает трахать меня.

После нескольких точных толчков он выходит. Я чувствую, как головка его члена начинает двигаться по нежному кусочку кожи, который разделяет мои самые интимные места.

Он мягко толкается членом в мою дырочку, его хватка на моём бедре усиливается, пальцы восхитительно впиваются в плоть.

Во мне просыпается внутренняя борьба от того, что я чувствую его там. Страх борется с желанием.

— Ты уверена, что хочешь сделать это? — грубым голосом спрашивает он.

Я понимаю, что напряглась. Мои мышцы крепко сжаты.

Да, я хочу этого с ним.

Закрывая глаза, я заставляю себя расслабиться.

Я киваю, не в силах говорить, слишком сосредоточенная на ощущениях.

— Ответь мне, — командует он.

— Да! — кричу я. — Просто трахни меня! — у меня нуждающийся голос. Я хочу решительных действий. Я не хочу ждать. Я просто хочу его внутри.

Том рычит, а затем я чувствую, как он сильно толкается в мою тугую дырочку.

Головка его члена проскальзывает внутрь. Я чувствую знакомое жжение там, но это гораздо интенсивнее, чем его пальцы.

Сильно прикусив свои губы, я вновь мгновенно напрягаюсь.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — хрипло спрашивает он.

Я слышу, что он едва контролирует свой голос.

— Нет, не останавливайся. Продолжай.

— Хорошо. Но мне нужно, чтобы ты расслабилась, — он скользит рукой вверх по моей спине. — Ты должна открыться и впустить меня.

Я снова расслабляю мышцы, позволяя Тому войти немного глубже.

— Господи, — мой голос — что-то среднее между всхлипом и стоном.

Затем жжение внезапно исчезает, и остаётся лишь сводящее с ума желание. Острая нужда в том, чтобы Том Картер погрузился так глубоко в мою задницу, как только может.

— Дальше, — требую я.

Он толкается ещё на дюйм.

Я со свистом выдыхаю.

Он проводит пальцами по моему клитору, играя со мной, а затем толкает один в мою киску, разрабатывая меня, получая больше моей природной смазки. Когда Том убирает палец, я ощущаю, как он растирает её вокруг себя и меня.

Разгорячённая и отчаянная, я желаю этого больше, чем можно представить.

Он смазал нас, но перестал двигаться.

— Том, пожалуйста, мне нужно это... ты... не останавливайся сейчас, — я почти схожу с ума от жажды. Он довёл меня до предела. Мне нужно, чтобы он закончил это. — Просто трахни меня, чёрт возьми, в задницу!

Он проталкивается ещё на пару дюймов.

— Ты всё ещё нормально себя чувствуешь? — судя по голосу, он затаил дыхание.

— Перестать говорить и просто трахни меня!

Мне нравится его забота обо мне и нежелание причинять боль, но он отчаянно нужен мне. Я так возбуждена, что не могу здраво мыслить. Я горю повсюду. Не могу даже вспомнить, чтобы когда-либо так заводилась.

Находиться с ним в таком уединённом месте, когда он подчиняет моё тело, владеет мной, — это за пределами того, что я могла себе представить.

Ещё один толчок.

— Я почти на месте, детка, — он просовывает руку между моих ног, снова начиная тереть мой клитор. — Ты готова к остальному?

Я закрываю свои глаза.

— Да, готова.

Он вколачивается в меня оставшейся частью своего большого прекрасного члена.

Я заполнена им. Желание пульсирует в моём теле, я чувствую, словно могла бы сойти с ума от одного этого ощущения. Я никогда не нуждалась в ком-то так сильно, как прямо сейчас нуждаюсь в Томе.

— Как ты себя чувствуешь? — напряжённым голосом спрашивает он.

Я приподнимаю голову, чтобы взглянуть на него.

— Удивительно, — и прикусываю зубами свою нижнюю губу.

Огонь в его глазах горит ярче, чем когда-либо. Он наполовину выскальзывает и сразу же снова толкается. Звук, который он издаёт, практически заставляет меня кончить.

Моя голова падает вперёд, волосы закрывают лицо.

Удовольствие настолько сильное, что это ослепляет.

— Ли, я никогда не чувствовал ничего подобного... до тебя. С тобой я мог бы заниматься этим вечно.

Вечно.

Затем он начинает трахать мою задницу с безудержной страстью.

Я проиграла ему. И сердцем, и душой, и телом.

Я принадлежу Тому Картеру.

И через несколько минут я сильно кончаю.

— Я собираюсь кончить, Ли. Сейчас... я... — Том стонет, издавая грубый, грязный звук. Это самое, чёрт возьми, сексуальное, что я когда-либо слышала.

Он выходит, и я чувствую капли его горячей спермы, когда она попадает на мою задницу и поясницу.

Кончив, он падает на кровать рядом со мной. Я опускаю нижнюю часть своего тела вниз, чтобы лечь ровно.

Он убирает волосы с моего лица.

— Ты собираешься убить меня в ближайшие дни, — он улыбается, но потом затихает, понимая, что сказал.

Не будет больше дней после этого.

— Оставайся здесь. Я принесу что-нибудь, чтобы очистить тебя.

Я поворачиваю своё лицо к кровати, пряча печаль.

— Я и не собиралась двигаться, — приглушённо говорю я в одеяло.

Он смеётся. До меня доносится звук льющейся воды, а потом Том возвращается, умывая меня мокрым полотенцем.

Он освобождает мои запястья от ремня.

— Пойдём, примешь душ со мной.

Скользя своей рукой по моей, он осторожно стягивает меня с кровати, и я лениво плетусь за ним в ванную комнату.

Упираясь бедром в раковину, я наблюдаю, как он заходит в душ и включает горячую воду.

Снова взяв меня за руку, он ведёт меня в ванну под душ. Я запрокидываю голову, позволяя воде ниспадать каскадом по моему лицу. Убрав волосы назад, я вытираю воду со своего лица руками и открываю глаза.

Том смотрит на меня.

У него такой интенсивный взгляд, что он заставляет меня дрожать.

Он делает шаг ближе, подставив нас обоих под воду. Наши тела врезаются друг в друга, моя грудь прижимается к его груди. Затем он берёт моё лицо в свои руки и целует меня.

Его поцелуй глубок и полон смысла. Он похож на прощание.

Хотя моё сердце и разрывается от этого груза, я не могу заставить себя остановиться, и в

этот момент я понимаю, что приму всё, что Том мне даст. Любые крупицы того, что он преподнесёт. Я с удовольствием их возьму.

Он целует меня так, будто время потеряло всякий смысл, как будто у нас есть всё время в мире.

Я спускаюсь на пол, когда он отрывает свои губы от моих. И я вспоминаю, что время — это важно, и что у нас с ним его осталось очень мало.

Всего лишь несколько часов.

Я хочу провести эти часы с толком. Взяв в руки мочалку, я выдавливаю на неё гель и начинаю мыть его тело. Я провожу мочалкой по его чётким линиям, запоминая каждую часть его тела, пока стою на коленях, глядя на него. Он уже твёрдый, его глаза пылают, когда он смотрит вниз на меня. После того как я провожу ладонью вверх по его бедру и до таза, я беру его член в свою руку. После чего хватаю бутылку геля для душа. Выдавлив немного в свою руку, я начинаю растирать это по всей длине его члена, вырабатывая скользкую пену.

Том стонет. Он проводит пальцами по моей челюсти.

— Отсоси у меня.

Положив руки на его бёдра, я толкаю его обратно под струю, позволяя воде стекать по его телу, смывая мыло с его члена. Затем, открыв рот, я скольжу губами по его твёрдой длине. Мне нравится тот рокот удовольствия, что исходит от него, и то, как он тянется к стенке душа рукой, чтобы сохранить равновесие.

Я сосу его, пока он не кончает в мой рот, и жадно глотаю каждую каплю, которую он мне даёт.

Том поднимает меня на ноги. Его горячие похвалы до сих пор отдаются эхом в моей голове, когда он передвигает меня под струи. Потом он начинает намывать моё тело. Его намыленные руки задерживаются на моей груди, он, не отрываясь, смотрит на них.

— У тебя действительно лучшие сиськи, что я когда-либо видел, Фейерверк.

У меня вырывается смешок.

— У тебя серьёзная одержимость сиськами.

Он проводит пальцем вниз по ложбинке меж моих грудей. Двигаясь поперёк, обводит мой сосок.

Молния похоти стреляет меж моих ног.

— Нет, я помешан только на твоих сиськах, — он сильно давит пальцем на мой сосок. Затем поднимает другую руку и обхватывает их обеих.

Я выгибаюсь на его прикосновение.

Мыльные пальцы дразнят мои соски.

— Твои сиськи великолепны. Чёртово совершенство. Я никогда раньше не видел таких совершенных буферов и никогда уже не увижу.

Думаю, он видит вспышку в моих глазах — наш конец, боль, которую я испытываю от этой мысли, — потому что его руки быстро отпускают мою грудь, и одна из них движется между моих ног. Он толкает свой палец в меня.

Я откидываю голову назад со стоном, который Том захватывает ртом. Он крепко целует меня, пока мастурбирует мне.

Затем вытаскивает палец и движется вниз по моему телу, слизывая воду, стекающую по моему телу. Он поднимает мою ногу, размещая её на своём плече, и прижимается своим ртом ко мне.

— О, Боже, — я опираюсь рукой о стенку душа. Том хватается меня руками за задницу, поддерживая меня.

Я кончаю через минуту, с моих губ срывается его имя.

Моё тело всё ещё содрогается от повторных толчков, затем Том встаёт на ноги и начинает мыть мои волосы.

Выключив душ, он выходит и оборачивает полотенце вокруг своей талии. Затем подходит ко мне и заворачивает меня в большое пушистое белое полотенце перед тем, как проводит меня обратно в спальню.

Вытирая кожу и выжимая из волос лишнюю воду, я вижу, как Том бросает полотенце на пол, и удивляюсь, что он снова возбуждён.

Он отодвигает одеяло.

Я забираюсь на кровать.

Он включает музыку и выключает свет.

Затем забирается на кровать, пробираясь между моих ног.

В темноте, Том смотрит на меня сверху вниз, пропуская пальцы через мои влажные волосы.

Он опускает свой рот к моему, нежно целуя меня, а затем прижимается к моему входу.

У меня вырывается мягкий стон, когда он медленно входит в меня. Его поцелуй быстро превращается глубокий... страстный. Его движения становятся более интенсивными... настоящими.

Он подкладывает руки под мою голову, его глаза встречаются с моими, поклоняясь взглядом, в то время как он двигается внутри меня.

В этой темноте, в этот последний раз я позволяю себе поверить в то, что Том занимается со мной любовью.

Кончив, я закрываю глаза, чтобы он не увидел в них слёз.

Том кончает через несколько секунд. Его член похоронен глубоко внутри меня, он прижимается лицом к моей шее, его горячее дыхание обжигает мою кожу, в то время как он помечает меня изнутри своим семенем.

Затем, не выходя из меня, он переворачивает нас, располагая меня сверху. Его рука прижимает мою голову к груди, и он целует меня в волосы.

Мы не разговариваем. Ни пожеланий доброй ночи, ни прощаний.

И вот так я засыпаю: моё тело обёрнуто вокруг Тома, мы прижимаемся грудью друг к другу, наши сердца бьются в унисон, в то время как моё собственное обливается кровью.

Лиля

Следующее утро — Дом Тома, ЛА

Я просыпаюсь, лёжа на спине, чувствуя тепло солнца на своём лице.

Повернув голову, щурясь от яркого утреннего света, я понимаю, что одна в постели.

Садясь, я свешиваю ноги с края кровати, позволяя им погрузиться в мягкий ковёр. На мои глаза попадает лежащий на полу ремень Тома, который он использовал на мне прошлой ночью, и я чувствую незначительную болезненность в заднице, когда внезапно появляется яркое воспоминание того, как Том двигался внутри меня.

Я закрываю глаза, позволяя этому захлестнуть меня.

Как он чувствовал. Как я чувствовала.

Прошлой ночью всё было прекрасно.

Но вчерашняя ночь закончилась. А это утро — суровая реальность.

Моё последнее утро с Томом.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, пытаюсь подавить свои чувства.

Вытянув ноги, я осматриваюсь вокруг и надлежащим образом исследую комнату Тома при свете дня, пытаюсь узнать о нём чуть больше.

Это абсолютно мужская спальня. Всё из тёмного дерева, стены белые. Простыни, которыми я укутывалась всю ночь, — чёрные. Огромный плоский экран прикреплен к стене.

Встав, я подхожу к окну, занимающему всю дальнюю стену. Любуясь прекрасным видом, я замечаю вывеску «Голливуд» и понимаю, что я на холме.

Предсказуемо.

У Тома точно нет проблем с деньгами благодаря УШ.

Я нигде не вижу своей одежды или трусиков, поэтому подхожу к гардеробной Тома и беру его рубашку.

Одетая только в неё, я выхожу из спальни в поисках лестницы.

Быстро нахожу её и начинаю спускаться вниз.

Я осматриваю обстановку, пока иду, так как у меня не было возможности сделать это прошлой ночью. Тогда моя голова была занята другим... по большей части Томом.

При свете дня его дом меня удивляет. Мягкая мебель, красивые картины на стенах, роскошные ковры и деревянный пол — всё это несколько неожиданно.

Не такой дом я ожидала увидеть у рок-звезды — ну, во всяком случае, не у Тома.

Я думала, что его дом является сексодромом с висящими на стенах фотографиями обнажённых женщин, пустыми коробками из-под пиццы и вездесущими пивными бутылками. Зная прежнего Тома, я думала, что у него, возможно, также есть несколько фактически голых фанатов, разгуливающих тут для дополнительного украшения и личного использования.

Но все мысли об этом и заботы исчезли, потому что этот дом оказался уютным и привлекательным. На самом деле, я бы даже не назвала это просто домом, потому что это нечто большее. Это уютный дом.

Дом Тома.

Затем я вспоминаю его слова о том, что я первая женщина, которую он привёл сюда.

Тёплое сентиментальное чувство заполняет мою душу.

Я отталкиваю его в сторону, стараясь не придавать особого значения тому факту, что Том привёл меня к себе домой. Я напоминаю себе о его квартире, которую он использует лишь для

того, чтобы трахать женщин. Готова поспорить, что там определённо есть фанатки.

Потому что Том именно такой мужчина.

Он не приводил сюда женщин потому, что ему не хочется, чтобы девушки на одну ночь доставали его дома. Он думает, что на меня можно положиться. Что я не буду беспокоить его после сегодняшнего утра.

И он прав. Я, может быть, и испытываю какие-то серьёзные чувства к нему, но у меня также есть гордость.

Достигнув холла, мои ноги несут меня по деревянному полу на звуки и запахи жарящейся пищи.

Я открываю дверь на кухню, и зрелище, ожидающее меня... ну, выдающееся, и от этого все мысли из головы вылетают.

Потому что у плиты стоит Том, босиком, без рубашки, одетый только в шорты.

И он жарит бекон.

Похоже, все мои праздники Рождества пришли одновременно.

— Не слишком ли это рискованно? — я прислоняюсь к дверному косяку.

Том поворачивается, держа лопатку у себя в руке, и вопросительно поднимает брови.

— Горячий жир. Очень мало одежды, — я указываю на его голую грудь.

— Я крепкий орешек, Фейерверк. Ты же знаешь, — после чего подмигивает.

И я превращаюсь в лужу, растекающуюся по полу.

Он такой классный.

А я будто чёртова девчонка.

Том обращает внимание на свою рубашку, в которую я одета.

Чувствуя себя немного неловко, я говорю:

— Надеюсь, ты не против, что я одолжила рубашку. Я не могла найти свою одежду.

— Всё в порядке. Я постирал её. Она прямо вон там.

Я следую за его взглядом к задней двери, где висят мои вещи.

Вау, это было быстро. Всего лишь девять утра. Во сколько же он проснулся?

— У тебя есть супербыстрая уборка по вызову?

Он смеётся.

— Нет, моя уборщица. Она рано приходит. Я попросил её постирать и высушить твою одежду.

— Во сколько ты проснулся?

— Рано. Я уходил на пробежку, пока ты ещё спала.

Он бегаёт?

Он никогда не бегал, пока мы были в туре, хотя мне кажется, что ему просто не выпадало шанса. А выглядит он так, будто определённо занимался этим.

— Ты голодна? — спрашивает он, поворачиваясь обратно к бекону.

— Конечно, я бы съела что-нибудь.

Я наблюдаю, как Том раскладывает бекон на две сервированные тарелки и идёт с ними к кухонному столу. Я следую за ним. Кофейник и тосты уже там.

Я сажусь, поджимая одну ногу под себя. Том занимает место напротив меня.

Я беру кусочек бекона и откусываю. Он практически тает во рту.

— Ты приготовил хороший бекон, — улыбаюсь я.

Он улыбается в ответ, но, на удивление, не возражает мне.

Из-за этого в груди остаётся неприятное ощущение.

За завтраком мы болтаем о моей группе и нашем альбоме, о предстоящих планах УШ и обо всём остальном, но только не о нас.

Позавтракав, я иду наверх, чтобы переодеться в свою одежду. Я застёгиваю свои джинсы, когда Том заходит в спальню.

— Готова ехать?

— Да, — улыбаюсь я.

Неубедительно. Я знаю это, он тоже знает, однако ни один из нас не признаёт этот факт.

— Я только переоденусь, а потом я отвезу тебя домой, — и исчезает в своей гардеробной.

— Хорошо, — говорю я. Такое чувство, будто мой рот набит ватой.

— Я подожду тебя внизу.

Я спускаюсь вниз и ожидаю в огромном холле. Чувствуя любопытство и желание побольше узнать о Томе, я подхожу к слегка приоткрытой двери.

Музыкальная комната.

Здесь множество гитар, барабанная установка и рояль.

Я сажусь за него и начинаю нажимать на клавиши.

— Ты играешь?

Я подпрыгиваю и поворачиваюсь, обнаруживая в дверном проёме Тома, великолепно выглядящего в тёмно-синих джинсах, сочетающихся с простой чёрной футболкой и байкерскими ботинками.

— Нет, — я качаю головой. — Я не знала, что ты играешь.

— Уроки игры на фортепиано с пятилетнего возраста, пока мне не исполнилось двенадцать, — он садится на сиденье рядом со мной. — Некоторые вещи просто так не забудешь. Кто, по-твоему, научил Джейка играть? — он подмигивает.

И вот он — ещё один небольшой фрагмент о Томе. Это вызывает у меня ещё большую жажду.

— Сыграешь что-нибудь для меня?

Он смотрит на меня. Мне кажется, что он скажет «нет», поэтому я хлопаю ресницами и склоняю голову к плечу, пытаюсь быть милой.

— Пожалуйста, — сладко говорю я.

Качая головой, у него вырывается смешок.

— Ладно. Есть какие-нибудь пожелания?

— Нет. Сам выбирай.

Он останавливается на мгновение, опуская пальцы на клавиши. Затем начинает играть. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, какую песню он так красиво играет.

«Часы» группы Колдплэй (*прим. ред.: «Clocks» Coldplay*).

После этого мне становится больно и грустно от её звучания.

Когда Том начинает тихо петь, у меня перехватывает дыхание.

Я заставляю себя протолкнуть воздух в свои лёгкие. А в это время моё сердце уже на пути к медленной и мучительной смерти.

Я присоединяюсь к нему, негромко подпевая, прижимаясь своим плечом к его.

— Ты удивительно играешь, — говорю я, когда затухает звучание последних нот. — Напомни мне, почему ты играешь только на бас-гитаре? Не то чтобы бас-гитара не важна, — добавляю я, когда он поднимает брови. — Потому что это самый важный инструмент в группе, — улыбаюсь я. — Но... ты можешь сделать гораздо больше. Ты нечто большее.

Он смотрит на меня, потом отводит взгляд, отворачиваясь к фортепиано. Он начинает кое-как нажимать на клавиши.

— Я не хочу быть солистом. Мне нравится, когда всё легко и просто. Я играю, делая то, что люблю и получаю вознаграждение от маргинальной издержки (*прим. пер.: англ. marginal cost — маргинальная издержка — валовые издержки производства, которые растут или снижаются*

в результате изменения себестоимости единицы продукции вследствие роста или падения объёма производства).

Я киваю, понимая, что это означает. Чтобы быть солистом и лицом группы, как я, требуется отдавать больше... и больше терять.

Он поднимает руку к моему лицу, нежно заправляя прядь моих волос за ухо. Он мягко смотрит на меня.

Затем его взгляд внезапно твердеет.

— Я только захвачу ключи, и мы можем ехать, — он встаёт и выходит из комнаты.

Я встаю, разочарованная.

Когда прохожу через дверь, он встречает меня в холле со связкой ключей в руке.

— Готова?

Я киваю, а затем следую за ним по коридору через кухню, и мы выходим через дверь подсобного помещения.

Мы направляемся к нему в гараж. Когда я говорю «гараж», то имею в виду четырёхдверный широкий гараж.

Том проводит меня через боковую дверь и щёлкает выключателем, освещая помещение.

Перед нами предстают три машины и мотоцикл.

Я мало что знаю об автомобилях, но все они выглядят дорогими.

У него есть чёрный «Рендж Ровер» и небольшой чёрный автомобиль вроде гоночного. На нём есть две оранжевые полосы, спускающиеся по капоту и вокруг фар. Все кричит о богатстве. Последний автомобиль — это тёмно-серая «Ауди», я знаю, что это она, по значку спереди. У меня «Ауди ТТ Родстер», но моя даже близко не выглядит такой дорогой, как у него. Я купила её, когда получила права. Моя машина ярко-красного цвета, и я люблю её.

— Сколько именно машин тебе нужно? — спрашиваю я, проводя рукой по капоту шикарно выглядящего автомобиля.

— У мужчины никогда не бывает слишком много машин.

Качая головой, я смотрю на него насмешливым взглядом.

— Ладно, я знаю, что это «Рэндж Ровер», — я указываю на чёрного зверя, — а это «Ауди».

— R8, — поясняет мне Том.

— А это? — я легонько стучу костяшками по спортивному автомобилю.

— Богиня, к которой ты прикасаешься — «Бугатти Вейрон».

— Вау.

Возможно, я и не так уж много знаю об автомобилях, но мне известно, что автомобили «Бугатти» изготавливаются на заказ. Для таких состоявшихся мужчин, как Том.

— Ты называешь свой автомобиль богиней?

— Она богиня. Посмотри на неё, — Том подходит и проводит рукой по крыше автомобиля. — Она само совершенство. Настоящая чёртова богиня.

— Ты такой парень, — отходя от «Бугатти», я иду к опасному на вид мотоциклу.

— Сделанный на заказ Харли, — звучит голос Тома позади меня.

Его дыхание щекочет мою шею. Я дрожу.

— Сделанный на заказ? — я протягиваю руку и прикасаюсь к незамысловатому красному корпусу байка.

— Это означает, что я приложил руку к его созданию. Я сказал Харли, чего хотел. Работал с ним над дизайном, и вот, что мы придумали. Тебе нравится?

Повернувшись, я обнаруживаю его ближе, чем ожидала.

— Да. Он выглядит круто, хоть и немного опасно.

— Однако тебе нравится опасность, не так ли?

В его глазах, я вижу всё время, проведённое вместе, все риски, на которые я пошла с ним.

— Да, — говорю я, моё дыхание вдруг превращается в короткие вздохи.

— Хорошо, — улыбается он. — Потому что я отвезу тебя домой на нём.

Я напрягаюсь.

— Я никогда раньше не каталась на мотоцикле.

Он наклоняет голову в сторону, поддразнивая озорной усмешкой.

— Тогда, думаю, я заберу у тебя ещё одну девственность.

Мне требуется мгновение, чтобы понять, что он имеет в виду вчерашний анальный секс.

Я краснею с головы до ног.

Том прикасается пальцами к моей горячей щеке. Я задерживаю дыхание. В моём животе тут же сосредотачивается желание.

Это не остаётся незамеченным. И я не единственная, кто испытывает это. Его глаза темнеют от похоти.

Мы вместе застываем на мгновение, и мне кажется... я надеюсь... молюсь, чтобы он поцеловал меня.

Но потом что-то омрачает его лицо. Его глаза твердеют, как и тогда в музыкальной комнате.

Он убирает руку и отходит от меня.

От потери его прикосновения я чувствую, будто моя кожа превращается в лёд.

— У меня нет куртки, которая будет тебе в пору, — говорит он, направляясь к стене, где на крючке для одежды висит куча курток. — Тебе придётся надеть одну из моих. Тебя это устраивает?

— Конечно, — говорю я, убеждая себя не показывать своего разочарования.

Он снимает две чёрные кожаные куртки с крючка и отдаёт одну мне.

Я продеваю руки в рукава, надевая куртку, и застегиваю её. Она огромная и пахнет Томом.

Его запах заполняет мои лёгкие, душит мои внутренности.

Я поднимаю глаза и вижу, как он застёгивает свою куртку. В ней он выглядит непристойно горячо.

Отдёргивая большую куртку, я ворчу:

— Готова поспорить, я выгляжу глупо.

Он ухмыляется.

— Не-а, ты выглядишь мило. В любом случае, мне нравится видеть тебя в моей одежде.

Иногда он может говорить такие милые вещи. Вещи, которые заставляют меня думать, что это, может быть, не конец. Может быть, между нами есть нечто большее.

Я улыбаюсь ему. Но его взгляд снова твердеет, и моя надежда угасает.

Он протягивает мне шлем.

— Надень это.

Я делаю так, как он сказал: натягиваю его на голову. У меня возникают трудности с закреплением ремешка, поэтому это делает Том.

— Всё готово, — он одаривает меня нежной улыбкой, прежде чем опустить защитное стекло.

Он надевает свой шлем и с лёгкостью закрепляет его. После чего взбирается на мотоцикл.

Откинув подножку, он упирается ногами в землю и хлопывает по сиденью позади себя.

Положив руку ему на плечо, я ставлю ногу на подножку и сажусь, перекидывая вторую ногу. Устроившись, я размещаю свои руки на талии Тома. Он хватает меня за них и тянет вперёд, прижимая меня к себе.

У меня перехватывает дыхание.

Том заводит двигатель. Вибрации проходят по моему телу, подчёркивая каждое похотливое

чувство, что я сейчас испытываю, находясь так близко к нему.

Он достаёт из кармана маленький пульт управления и открывает дверь гаража.

Мы медленно выезжаем, маневрируя вокруг дома. А когда достигаем дорожки с гравием, он начинает набирать скорость.

Я сильнее сжимаю его бёдрами, впиваясь пальцами в его кожаную куртку.

Он убирает одну руку с руля и сжимает моё бедро.

— Расслабься, — говорит он сквозь рёв двигателя, — со мной ты в безопасности.

Зная, что Том никогда бы не позволил ничему со мной случиться, я позволяю себе немного расслабиться.

Он замедляется, когда мы приближаемся к воротам. Они открываются автоматически. Том выезжает.

Он быстро проверяет дорогу, а затем поворачивает налево, оказываясь на асфальте, и быстро набирает скорость.

Из меня вырывается небольшой визг, я зажмуриваюсь, когда снова усиливаю свою хватку.

Я чувствую под своими руками его смех, урчащий в его груди.

Через некоторое время я открываю глаза, думая о том, что надо просто попытаться расслабиться и наслаждаться поездкой.

Наслаждаться этой последней близостью с Томом.

Всё происходит слишком быстро, мы в Сильвер Лейк и подъезжаем к моему дому, где я вместе с ребятами снимаю квартиру, любезно предоставленную УШ «Рекордс».

Том выдвигает подножку и снимает свой шлем, вешая его на руль. Он проводит рукой по волосам, взъерошивая их.

Моё сердце чувствуется таким тяжёлым, словно кирпичи.

Я держусь за Тома, перекидывая ногу. Когда я встаю на землю, у меня уходит минута на то, чтобы успокоить свои дрожащие ноги. Как бы я ни любила быть рядом с Томом — а огромная часть меня не хотела бы расставаться с ним, — хорошо, всё же, снова оказаться на безопасной земле.

Сняв шлем, я встряхиваю волосами.

— Спасибо, что подвёз, — я протягиваю шлем, чтобы он забрал.

— Оставь его себе, — говорит он, толкая его обратно мне. — Я не смогу ехать с ним домой. Куртку тоже оставь. Не то чтобы тебе будет хоть какая-то польза от этого, но они твои.

Он отказывается от меня.

Он бы предпочел оставить мне свои вещи, чем шанс снова увидеть меня.

Просто скажи «хорошо» и уйди.

Но я, похоже, не могу остановить свой большой глупый рот и говорю:

— Я могла бы привезти их тебе в студию, — а теперь я звучу отчаянно.

Великолепно.

Он смотрит прямо перед собой.

— Нет, всё нормально. Оставь их.

Он даже не может заставить себя посмотреть на меня.

— Ладно, — я делаю небольшой шаг назад. — Спасибо... наверное.

Продолжай двигаться, Ли. Попрощайся и тащи свою задницу в дом.

Я пытаюсь — правда пытаюсь, — но боль от его отказа чертовски жалит, и я, кажется, не могу двигаться.

— Так вот, эм... спасибо, что подвёз.

Ты это уже говорила. Просто оставь гордость целой. Да брось, посмотри на него. Он даже не может заставить себя посмотреть на тебя. Ему не терпится уйти.

Затем меня осеняет. Вот оно. Сейчас я оставляю Тома и не знаю, когда увижу его снова и увижу ли вообще.

Мы не возвращаемся в одних кругах. Студия — единственное место, где я смогла бы увидеть Тома, но если он действительно не хочет меня видеть, то ему не составит труда избежать мою персону.

Я не хочу потерять его.

Осознание этого поражает меня, словно ослепляющая отвратительная паника.

Я не могу представить себе тот день, когда у меня не будет возможности увидеть его или поговорить с ним, не могу допустить мысли о том, что никогда снова не буду близка с ним... никогда не смогу прикоснуться к нему или он ко мне...

Господи...

Я потираю рукой свою грудь, эти мысли причиняют мне физическую боль.

Я поднимаю глаза к нему и обнаруживаю, что он смотрит на меня своими прекрасными зелёными глазами.

О, Боже.

Я влюблена в него.

Я влюблена в Тома.

— Лила...

Он пропускает руку через свои волосы и тяжело вздыхает, совершенно не подозревая о страхе, который прямо сейчас распространяется по моему разуму и телу.

— Эм... дерьмо, не знаю, что сказать. Я никогда не делал этого.

Он печально мне улыбается, и эта улыбка затрагивает моё сердце. Это та самая улыбка, которую я, по всей видимости, сама хочу адресовать ему.

— Знаю, мы изначально договаривались об этом, о нас. Что всё закончится сразу по окончании тура, но... ну, я не успел восполнить все те оргазмы, что задолжал тебе... и я подумал... — он меняет свою позицию, выглядя смущённым.

Я вслушиваюсь в каждое его слово, ожидая и отчаянно пытаюсь понять, куда он клонит.

Он трёт ладонью по щетине на подбородке.

— Я пытаюсь сказать, что не хочу, чтобы ты полностью исчезла из моей жизни, и что я больше не смогу изображать, что мы просто друзья.

Он награждает меня мягкой сексуальной улыбкой, проникающей в мою грудь и оборачивающейся вокруг моего сердца.

— Итак, я бы всё равно хотел видиться с тобой...

Он хочет видеть меня снова. Он хочет меня, как я хочу его.

Моё сердце оживает.

— Несколько раз в неделю, ну, чтобы перепихнуться. Итак, что ты думаешь?

И моё сердце обрывается.

Он хочет, чтобы мы продолжали быть друзьями по сексу.

Он не хочет меня. Он просто хочет трахаться со мной пару раз в неделю.

Моё сердце свободно падает в желудок, и все остальные внутренности следуют за ним.

Я чувствую себя такой глупой. Лицо покалывает от тепла. В горле растёт комок, пока слёзы грозят пролиться из глаз.

— Ты хочешь, чтобы мы продолжали быть друзьями по сексу? — я не могу скрыть резкость или эмоции в своём голосе.

— Да.

— Верно, — я делаю шаг назад.

— Это было неправильное предложение? — он чешет щеку. — Потому что ты, похоже, не в

восторге от этой идеи.

Неправильное предложение? Не в восторге от идеи? Можно и так сказать.

Что я и делаю:

— Нет, я не в восторге от этой идеи.

— Верно... — он поднимает пальцы ко лбу и прижимает их к своей коже. Через секунду он опускает руку и устремляет свой взгляд на меня. — Так что же изменилось?

Я хмуро смотрю на него.

— Что ты имеешь в виду под «что изменилось»? — мой голос становится громче.

И он злится.

Я вижу явные признаки этого: линию между его бровей и потемневшие глаза.

— Я имею в виду, что ты была счастлива быть моим секс-приятелем во время тура и прошлой ночью, но сейчас это почему-то не так. Поэтому мне интересно: что изменилось с тех пор, как сегодня утром ты проснулась в моей постели?

— Около шестидесяти секунд назад я поняла, что влюблена в тебя. Вот, что изменилось.

И вот она. Моя абсолютная чёртова неспособность фильтровать всё, что вылетает из моего рта.

Я смотрю, как на его лице отражается шок. Но он тут же превращается в абсолютный ужас.

Мои надежды на нечто большее, чем секс с Томом, сгорают дотла и развеваются на лёгком ветру.

Он качает головой.

— Ты не любишь меня.

Мои глаза наполняются слезами. Я больше не могу их сдерживать, как и тот факт, что я люблю его.

Это чертовски задевает мою гордость, поэтому я выпаливаю:

— Так ты указываешь мне, что я должна сейчас чувствовать? Я думала, что ты командуешь, когда находишься в спальне.

Его глаза перехватывают мои. Он зол, злее, чем я когда-либо его видела.

— Ты не имеешь никакого чёртового права говорить, что любишь меня! — рычит он.

Его голос настолько суровый, что это поражает меня, заставляя меня отступить на шаг.

— Мы просто трахались! Друзья по траху. Ничего больше. Ты согласилась. Любовь никогда не входила в условия сделки, — он проводит рукой по волосам.

Черты его лица жёсткие. Моё сердце разрывается.

— Я-я... это не то, что я планировала, — мой голос тихий. — Я не хотела... влюбляться... — я плотно прижимаю шлем к груди, словно это спасательный круг. Я отчаянно нуждаюсь в том, чтобы за что-нибудь цепляться.

У Тома вырывается небрежный смех, который поражает меня, как пощёчина.

— А что, ты думала, произойдёт, когда ты скажешь мне, что любишь меня? Что я отвечу тебе тем же? Что мы уедем навстречу закату и будем жить долго и счастливо? Я не такой парень, и ты, чёрт возьми, это знаешь. Я не влюбляюсь. Никогда, и не собираюсь начинать сейчас. Хотя меня интересует: в какой момент я дал тебе повод так думать? — с каждым словом его голос становится жёстче. — Это было, когда я трахал тебя в зад? Или, может быть, когда я трахал тебя под сценой? Или это было, когда ты стояла на коленях, пока я трахал твой рот...

— Прекрати, — задыхаюсь я, каждое его слово бьёт меня в грудь.

Мне и так довольно больно знать, что он не испытывает ко мне того же. Но то, что его настолько злит мысль о моей любви к нему... причиняет боль, которую не выразить словами.

Слёзы текут по моим щекам. Я прижимаю кожаный рукав к своей щеке, пытаюсь вытереть их, но мне удаётся лишь полностью заполнить свои лёгкие запахом Тома. От этого боль

воспламеняется ещё сильнее.

— Ты никогда не давал мне никаких признаков того, что чувствовал то же самое, — сломленным голосом шепчу я. — Это только моя вина. Моя ошибка.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но Том хватает меня за руку, удерживая. Он явно не выместил свой гнев на меня.

— Всё это было ошибкой, — он проводит свободной рукой по своим волосам, дёргая за пряди. — *Чёрт!* Лучше бы я никогда не начинал заниматься с тобой этим.

Ошибка. Если бы он меня ударил, было бы не так больно.

— Отвали! — кричу я, пытаюсь вырвать руку.

Прикосновение Тома ко мне сейчас словно соль на моей кровоточащей ране.

Но он не отпускает. Похоже, он даже не понимает, что держит меня.

— Я никогда не должен был позволить этому случиться, — он качает головой, смотря на асфальт. Такое впечатление, что в этот момент он разговаривает не со мной. — Я должен был знать, что это случится... особенно с такой девушкой, как ты.

С такой девушкой, как я.

Если что-то и было способно окончательно открыть мне глаза, то это именно оно.

Моё слабое тело наполняется силой. На моём лице всё ещё могут быть слезы, но я уверена, что моё лицо выражает абсолютный гнев.

— Ты сделал свой выбор, — я сохраняю свой голос ровным. — Я поняла. Тебе наплевать на меня. Я услышала это чётко и ясно. А теперь отпусти меня.

По-моему, я вижу, как в его глазах вспыхивают эмоции. Или, может быть, это глупая надежда, за которую я отчаянно держусь. Надежда на то, что он хочет сказать мне, что не имел в виду ничего из этого. Что он испытывает ко мне то же самое, что и я к нему.

Он выпускает мою руку, его взгляд пугающе жесток.

— Чем скорее я уберусь отсюда, тем, бл*дь, лучше, — он снимает свой шлем с руля. — Между нами всё кончено. Всё ясно?

И та надежда, что у меня ещё оставалась, подавлена его словами.

Защищаясь, я отвечаю:

— Кристально. Не волнуйся. После сегодняшнего дня ты больше никогда меня не увидишь, — я начинаю уходить.

Но я не закончила. Ещё нет.

Я поворачиваюсь и смотрю на Тома, не признавая человека передо мной. Том, которого я узнала за эти последние шесть недель, не был таким жестоким и не причинил бы мне такую сильную боль. Том, с которым я проводила время и в которого влюбилась...

Или, может быть, в том-то и дело: на самом деле, я вообще никогда не знала настоящего Тома.

И это предположение ранит больше, чем всё остальное.

Сжав руки в кулаки, я глубоко вдыхаю.

— Лучше бы ты никогда не входил в тот тур-автобус. Лучше бы я никогда не подпускала тебя к себе, не говоря уже о своём сердце, — по моей щеке стекает слеза. Я вытираю её. — Я отдала тебе всю себя, но ты недостойн этого. Ты *худший* из всех мутов, которых я встречала, Том Картер.

Его глаза поднимаются к моим. Кажется, в них я вижу намёк на обиду, но она исчезает так быстро, что мне, должно быть, это показалось.

— Это именно то, кем я являюсь. Хорошо, что ты наконец-то вспомнила это. А теперь можешь забрать своё признание в любви и сказать его тому, кто этого хочет.

Я делаю болезненный вздох.

Моя душа и всё, что осталось от моего сердца, разбивается на куски.

Он поднимает свой шлем к голове, но останавливается. Его взгляд впивается в меня.

Моё сердце, возможно, и разбито, но я не могу отвести взгляда от Тома. И никогда не могла.

Стоит нашим глазам встретиться, и его взгляд тут же приковывает меня к себе.

Не знаю, что он видит на моём лице или что происходит в этот момент, но его глаза заполняет настоящая боль, и из него выходит мучительный выдох.

— Ты заслуживаешь лучшего, — низко и грубо говорит он. — Ты заслуживаешь лучшего, чем я.

После того, как он надевает шлем, его мотоцикл оживает и Том уезжает, исчезая в непроходимых пробках ЛА.

А я остаюсь стоять здесь. Единственное, что свидетельствует о проведённом с Томом времени, — его слова, эхом отдающиеся в моей голове, сердце, разбитое на мелкие кусочки, и слёзы, покрывающие мои щёки.

Том

Спустя час — Бар, Центр Лос-Анджелеса

Ли́ла любит меня.

Она не может любить меня. Не может, потому что... ну, потому что я Том Картер. Я не влюбляюсь.

Я не могу любить её. Никого не могу.

Я никогда не влюблялся и не собираюсь начинать из-за тугой киски и шикарного, пышного бюста... и красивой улыбки.

Конечно, я испытываю чувства к Лиле, но любовь... её я никогда не брал в расчёт.

Ли́ла хорошая девушка, которая повидала всякое дерьмо в своей жизни. Если бы она была со мной, то от меня она могла бы получить только боль, потому что я такой человек.

Она заслуживает лучшего. Человека, который сможет...

Мысль о Лиле с другим мужчиной вызывает во мне волну гнева, заставляя сжать челюсти и ещё сильнее обхватить рукой стакан с Джеком.

Я делаю глоток крепкого виски, пытаюсь успокоить бушующие внутри меня эмоции.

Это смешно. Я не ревную. Я не такой парень. Я тот, кому похер. Парень, который, трахнув женщину, тут же уходит.

Мне пофигу. Всегда.

И мне нужно перестать переживать о Лиле или о том, с кем она и что делает. Прямо, бл*дь, сейчас.

Пора это прекратить.

Мне нужно вернуть свою жизнь в прежнее русло.

Из-за того, что я долгое время спал только с одной женщиной, в моей голове всё смешалось. Мне просто нужно трахнуть какую-нибудь тёлку, и всё вернётся в норму. И эта норма должна начаться прямо сейчас.

Я скольжу взглядом по бару, останавливаясь на брюнетке, пляшущую на меня с того момента, как я приехал.

Наши глаза встречаются, и я сразу же узнаю этот взгляд.

Она хочет трахаться.

Отлично.

Я наконец-то осматриваю её с ног до головы. Осматриваю так, как должен был в тот самый момент, как только приехал сюда.

Обычно я не допускаю таких ошибок. В последнее время я слишком много ошибаюсь, и в этом вся проблема.

Вот почему я хочу, чтобы моя жизнь вернулась в прежнее русло.

Высокая соблазнительная брюнетка. Большие бёдра и задница. Маленькие сиськи, но с этим можно смириться. Я не собираюсь жениться на этой девке. Просто оттрахать её до потери сознания.

Конечно, она не Ли́ла, но в этом-то и весь смысл.

Именно сейчас перепих с блондинкой навевал бы ненужные воспоминания. Мне нужно держаться как можно дальше от всех, кто хоть отдалённо похож на Лилу.

Смысл в том, что когда я засажу свой член в кого-то другого, то это отвлечёт меня от мыслей о Лиле. А эта брюнетка, которая явно готова к этому и является полной

противоположностью Лилы во всех отношениях, отлично подойдёт для того, что мне сейчас нужно.

Опустошив свой бокал, я поднимаюсь со стула и направляюсь к брюнетке.

* * *

Пятнадцатью минутами позже — Туалетная кабинка, Бар, Центр Лос-Анджелеса

— Чёрт, да. Вот так, сладкая. Опустись на колени и соси мой член, — я закрываю глаза от ощущений. *Дерьмо, как её зовут? Мейси, Лейси? Серьёзно, кого это волнует, если она раздевает меня?*

Мне просто нужно, чтобы она отсосала мне. После чего я стану прежним и мысли о Лиле уйдут из моей головы.

Но образ Лилы, стоящей на тротуаре и признающей себя в любви, застрял в моём мозгу.

Я столько ей наговорил. Она плакала.

Чёрт.

Я не хотел делать ей больно. Я просто запаниковал. Она никогда не простит меня после моих слов.

Не важно. Как будто это так существенно. Мне не нужно, чтобы она простила меня. Потому что между нами всё кончено.

Я просто сделал то, что должен был. Будто резко сорвать пластырь. Сейчас ей больно, но то, что я положил этому конец, спасёт её от всякого неприятного дерьма в будущем.

Сейчас я, возможно, и чувствую себя ужасно, но как только это тёлка отсосёт у меня, всё это просто исчезнет.

Вдруг в баре начинает громко играть музыка. Наверное, кто-то включил музыкальный автомат. Тяжёлый басовый риф песни «Бульвар несбыточных надежд» группы Грин Дэй начинает гудеть через стену (*прим. ред.: «Boulevard of Broken Dreams» Green Day*).

Моя грудь сжимается. Во мне просыпается боль... как будто моё сердце...

Нет.

Фокусируя своё внимание на происходящих событиях, я смотрю, как брюнетка возится с моими джинсами. Для кого-то, кто так стремился встать на колени, она не торопится их снять.

Мне не терпится почувствовать её губы вокруг себя, поэтому я беру контроль на себя. Расстегнув пуговицу, я высвобождаю свой член.

Но он полувозбуждённый.

Какого хрена?

Не важно. Это не имеет значения. Просто я тупо не спал с кем попало, как раньше. Я просто запутался из-за того, что занимался сексом только с Лилой. Мой член сбит с толку, но он вернётся в строй, как только я начну с этой тёлкой. Он оживёт, как только окажется у неё во рту.

Я должен стать тем Томом, которым был раньше. Тем Томом, который трахает и уходит. Томом, которому ни до чего нет дела. Потому что только таким Томом я могу быть.

Держа свой член в руке, я смотрю на неё.

— Открой рот, сладкая, и убедись в том, что отсосёшь мне хорошо и жёстко.

Она улыбается мне. Её улыбка даже близко не так красива, как улыбка Лилы.

— Я буду сосать тебе так хорошо, что ты не захочешь, чтобы я останавливалась.

Очень сомневаюсь в этом.

Но, всё же, соглашаюсь с ней. Я наблюдаю, как она открывает рот и скользит губами по

моему члену.

— Дерьмо. Да, вот так, — шиплю я, обхватывая рукой её затылок, призывая взять больше члена в рот. — Прими всего его.

С моим членом во рту, она начинает покачивать головой вверх и вниз, всасывая меня.

Я закрываю глаза, пытаюсь расслабиться, сосредоточившись на ощущениях от того, она делает.

Но ничего не происходит.

Какого хрена?

Отчаянно нуждаясь в этом, я хватаю её за волосы и начинаю вколачиваться своим членом в её рот.

Мне просто нужно стать твёрже, тогда я смогу трахнуть её, и всё будет как прежде.

И я стану таким, каким был раньше.

Я продолжаю в том же духе в течение нескольких минут, трахая её рот, но всё равно ничего не происходит. Он не вырос даже на сантиметр.

Что, чёрт возьми, происходит?

Со мной такого никогда не происходило. Никогда.

Брюнетка с хлопком выпускает мой член изо рта и начинает работать своим языком по всей его длине, издавая стоны в процессе.

Это пустяки по сравнению с теми милыми звуками, которые издавала Лиля, когда сосала у меня.

Вообще-то, это уже становится раздражающим. Мне хочется просто засунуть свой член ей в глотку, чтобы заставить девчонку заткнуться.

— Мне нравится твой член, — она бормочет, взяв его в руку, и начинает мне дронить. — Такой чертовски большой. Не могу дождаться, когда он окажется внутри меня. Я люблю вашу группу. Уже много лет. Я видела тебя на концерте два раза. Не могу поверить, что нахожусь здесь, с тобой. Что держу твой член в своей руке и очень скоро мы трахнемся, — её глаза поднимаются к моим. — У тебя ведь есть презерватив с собой, да? Потому что у меня его нет.

Конечно, есть...

Нет, у меня его нет.

У меня нет с собой ни одного презерватива, потому что я перестал покупать их, когда мы с Лилой начали трахаться без них.

Когда она отдала мне больше себя.

А прошлой ночью... она отдала мне всю себя.

У меня начинает кружиться голова.

Я опираюсь руками о стену для поддержки. Басы пульсируют сквозь кирпичи, заунывная мелодия эхом отдаётся в моём теле. Мрачный голос Билли Джо Армстронга наполняет мой разум унылыми словами.

Я закрываю глаза, пытаюсь закрыться от этого... но всё, что я вижу — это Лиля.

Как она выглядела, лёжа в моей постели. Мой пояс, обвязанный вокруг её запястий. Она принимает душ. Моет меня. Я целую её. Насколько захватывающей она была, стоя передо мной на коленях и глядя на меня своими красивыми голубыми глазами. Как я двигался внутри неё... занимаясь глубоким, медленным сексом. Как оставался внутри неё, пока она не заснула. Как держал её в своих руках, потому что не мог заставить себя отпустить её. Не мог уснуть, потому что не хотел упустить ни одного мгновения, которое у меня осталось с ней, зная, что, в конце концов, мне придется её отпустить.

Я отпустил её.

Боль копьями вонзается в мою грудь. Я не могу сделать чёртов вздох.

Мне нужно... мне нужно уйти.

Нет, я могу сделать это. Я могу оттрахать эту тёлку.

Это то, что я делаю. То, что я умею.

Мы в общественном туалете. Здесь должен быть автомат с презервативами. Я просто куплю пачку, трахну её, а потом пойду домой.

Минет явно не работает. Он не помогает выбросить Лилу из головы. Только трахнув кого-то другого, я смогу избавиться от воспоминаний последнего раза с Лилой.

Это обязательно сработает.

Я открываю глаза и смотрю вниз... но вместо того, чтобы увидеть брюнетку, я вижу смотрящую на меня Лилу.

Что за херня?

Большие глаза Лилы смотрят на меня. Её великолепный рот улыбается мне так мило, как умела только она.

Меня накрывает паника. Паника, которой я не чувствовал с тринадцати лет, когда моя жизнь изменилась навсегда.

В тот день я потерял всё. День, когда я стоял в стороне, не в силах остановить происходящее.

Я не могу это сделать. Мне нужно убраться отсюда. Сейчас же.

— Я не могу сделать это.

Я стараюсь отодвинуться, но брюнетка не слышит меня, снова пытаюсь взять мой член в рот.

— Нет, — я крепко хватаю её за плечи, отталкивая. — Мы должны остановиться.

Она смотрит на меня с непониманием на лице.

— Я... я сделала что-то не так?

— Нет, — обходя её, я засовываю свой член обратно в джинсы и быстро застегиваю их. — Ты не сделала ничего плохого, — я втягиваю воздух, чувство вины и целая куча других дерьмовых эмоций, с которыми я даже не могу понять, как бороться, накрывают меня. — А я сделал.

Я просто открываю дверь и практически убегаю оттуда, оставляя позади растерянную и всё ещё стоящую на коленях брюнетку.

Я почти ничего не вижу, когда пытаюсь выйти из бара.

Наконец, я добираюсь до двери. Открыв её, чувствую, как воздух наполняет мои лёгкие, заставляя меня задыхаться. Давление в моей груди настолько сильное, что кажется, будто я взорвусь.

Лила сломала меня.

Она, чёрт возьми, сломала меня!

Залезла ко мне в голову и всё испортила.

Я забочусь о ней. Больше, чем забочусь. Я лю...

Нет.

Я не могу испытывать это. Не могу чувствовать подобное.

Мне нужно... Господи! Что мне нужно?

Время.

Мне нужно время. Только и всего.

Я слишком рано попытался вернуться к прежней жизни.

Мне просто нужно несколько дней, чтобы разобраться с мыслями.

Выйти из состояния киски, в которое я позволил себе упасть из-за Лилы.

Мне нравилась моя прежняя жизнь. Нет, я чертовски любил её. Перед тем как дал то обещание, пытаюсь придумать, что мне изменить, чтобы помочь Джейку. Но это была чушь

собачья. Теперь-то у Тру и Джейка всё отлично.

Я сдержал своё обещание. Сделал то, о чём говорил.

Но всё должно вернуться к тому, как было.

Легко. Никаких сложностей. Никаких ожиданий.

Никто не говорил мне, что любит меня.

И я... Я вернусь к тому, что не буду лю...

Заботится ни о ком, кроме себя.

Я вернусь к прежней жизни. Тогда это срабатывало. Это удерживало всё моё дерьмо под контролем.

Но, находясь с Лилой, всё, что я делал, — это чувствовал каждый день.

Чувствовал её.

Я стал человеком, которым никогда не хотел быть.

Слабым.

Я не могу быть слабым. Не могу испытывать чувств к ней. Не могу рисковать и превратиться в него.

Я не могу рисковать когда-нибудь стать таким, как мой отец.

И чтобы не стать им, я должен стать тем человеком, каким был раньше, независимо от того, насколько больно может быть отпустить Лилу.

Лиля

Спустя две недели — Обувной магазин, Бульвар Робертсона, ЛА

Удивительно, как замирает время, когда твоё сердце разбито.

Как будто эта мышца в груди контролирует тикающие часы под названием «жизнь».

Мои часы остановились, когда Декс разбил мне сердце.

И теперь... после Тома... ну, время и всё остальное перестало иметь значение. Я просто плыву по течению изо дня в день. Ничего не имеет смысла.

Просто в том уголке моего сердца, где был Том, сейчас зияет дыра.

Он ворвался в мою жизнь и разрушил каждую оборонительную стену, выстроенную мной. Глупо было думать, что это не повлияет на меня... что *он* на меня не повлияет. Что он не сможет пробить путь к моему сердцу. Я знаю, какой девушкой являюсь. Связывающей чувства с сексом. Я наивно полагала, что смогу заниматься всеми этими друзья-по-траху вещами с Томом и выйти сухой из воды.

И теперь, когда я влюбилась в него, он ушёл из моей жизни. Я сломана, беззащитна и слаба, и я не знаю, как это исправить. Мне не удаётся заполнить пустоту, что он оставил в моей жизни. Не важно, насколько я погружаюсь в дела группы и стараюсь не сидеть без дела, ничего не помогает.

Его отсутствие всегда со мной. Каждую минуту каждого проклятого дня.

Я скукаю по разговорам с ним. По смеху. По борьбе. По любви.

Я постоянно чувствую эту боль, как будто от потерянной конечности. Мне просто не понятно, как он за такой короткий промежуток времени настолько глубоко пробрался в моё сердце. Интересно, почувствую ли я себя снова полноценной.

— Ты ещё не звонила ему?

Я перевожу взгляд с пятна на стене магазина обуви на Шеннон, сидящую передо мной, пока я примеряю пару туфель. И у них около сотни мелких креплений. На мой взгляд, они больше впору какой-нибудь шлюхе, но Шеннон, похоже, считает, что они подойдут к платью, купленному нами для журнальной фотосессии, которая пройдёт у нас с ребятами через несколько дней.

Шеннон наняли в качестве нашего постоянного стилиста, чему я очень рада. Единственный минус: мне приходится терпеть Эшли, но она больше фокусируется на парнях, в то время как Шеннон приглядывает за мной, и я уверена, что Эшли это только радует.

— Кому я должна была позвонить?

Шеннон смотрит на меня, туго затягивая очередной ремешок и застёгивая его.

— Ты знаешь, кому. Тому.

— Нет. Зачем мне это? — я кручусь на стуле, отводя глаза.

— Ты знаешь, зачем. Вот, — она пыхтит и застёгивает последнюю пряжку. — Я думала, что никогда не застегну эти чёртовы ремешки. Встань, — говорит она мне.

Я поднимаюсь на ноги, покачиваясь на нелепых каблуках.

— Мне казалось, что я певица, а не модель, дефилирующая по подиуму.

— Ты недостаточно высока, чтобы быть такой моделью, так что перестань ныть и иди, сестрёнка, — ухмыляется она.

Я показываю ей язык, а затем начинаю идти по проходу, направляясь к зеркалу передо мной. Я выгляжу полной идиоткой. Вообще-то, обувь выглядит жарко. Но я просто не могу ходить в

них.

Они хорошо смотрятся даже с тем, во что я сейчас одета: с моими шортами и футболкой Энгри Бёрдс, как раз той, которую купил для меня Том.

Ладно, мне нравится мучить себя, нося подарок, который он купил для меня. А ещё я, возможно, храню его кожаную куртку в своей спальне, чтобы закутываться в неё ночью. Ненавижу себя за то, что до сих держусь за него после того, как он причинил мне такую сильную боль.

— Я выгляжу как идиотка, — жалуясь я.

Шеннон подходит сзади, глядя на меня в зеркало.

— Нет, ты так не выглядишь. Ты выглядишь горячо. Мы покупаем их. А теперь верни свою задницу на место, чтобы я сняла их.

Я сажусь. Пока она работает над тем, чтобы снять одну туфлю, я занимаюсь второй, начиная расстёгивать лямки на своём бедре.

— Итак, объясни мне, почему ты не звонила Тому.

Я вздыхаю, пытаюсь притвориться, будто её вопрос навеивает скуку, когда на самом деле, всё, что я пытаюсь сделать, — это унять боль, которая так и норовит вырваться наружу.

— У меня нет причин звонить ему.

«Между нами всё кончено».

— Враньё. Ты скучаешь по нему.

— Я совсем не скучаю.

Скучаю. Так сильно, что чувствую, будто не могу дышать, почти каждый день. И при одном упоминании его имени я хочу кричать от боли, разрывающей меня изнутри.

Помимо мучений его кожаной курткой, я каждую ночь перед сном слушаю на повторе «Я думал, что умер и попал на небеса», потому что он сказал мне, что это его песня для меня. Я анализирую текст, желая, чтобы эти слова значили для него то же, что и для меня, а не просто служили напоминанием о том времени, когда он трахал меня под сценой.

Ожесточившись, я говорю:

— Даже если и так, какое это имеет значение? Том не скучает по мне.

Он меня на дух не переносит.

— Конечно же, скучает.

Я резко поднимаю голову вверх, во рту мгновенно пересыхает.

— Скучает? Он сказал что-то тебе?

— Нет. Но вот это, — она указывает обувью на моё лицо. — Выражение твоего лица, когда ты подумала, что он соскучился, — это облегчение. А теперь сокрушительное разочарование, потому что ты знаешь, что он ничего не говорил мне, — она снова хватается за ноги и начинает дёргать за пряжки. — Вам двоим нужно разобраться со своим дерьмом, — она отрывается от туфли и смотрит мне в глаза. — Том, может быть, и не говорил мне, что скучает по тебе, но я видела его вчера, и выглядел он хреново. Я никогда не видела Тома таким. У него был чертовски ужасный вид. Так вот, когда я специально упомянула твоё имя, он выглядел так, будто я просто застрелила его щенка, а через минуту он ушёл оттуда.

Я больше не могу скрывать свою заботу.

— Он хреново выглядел?

Это нормально, что мысль об ужасном виде Тома заставляет меня чувствовать себя немного лучше?

— Да, он был небрит и, ну, опять начал отращивать свою чёртову бороду. Однако, в отличие от недавнего времени, он не выглядит горячо. Это выглядит ужасно, словно он не мылся целую неделю. То же самое с его одеждой. И от него несло виски. Добавь тёмные круги под глазами,

которые даже я не смогла бы заgrimировать. Он выглядит как дерьмо, и я предполагаю, что всё это из-за того, что он скучает по тебе.

— Он не скучает по мне.

«Чем скорее я уберусь отсюда, тем, бл*дь, лучше».

Уголки моих губ опускаются вниз.

Шеннон садится на корточки и хватает меня за руки, удерживая их вместе на моих бёдрах.

— Я не знаю, что произошло между вами двумя. Знаю только о тех пикантных моментах, о которых ты рассказывала мне на протяжении последних двух недель, но очевидно, что ты заботаешься о нём, а он заботится о тебе. Просто позвони ему. Что тебе терять?

Я высвобождаю свои руки и опускаю глаза. После чего опять принимаюсь расстёгивать эти чёртовы пряжки.

— Гордость. Я не буду звонить Тому. В последний раз, когда я говорила с ним, он предельно ясно дал понять, что не хочет иметь со мной ничего общего. В общем, даже если он передумал, уже слишком поздно. Я двигаюсь дальше.

— Чушь, — бормочет она. — Вы оба упрямые, — она хватает меня за ногу, дергает её к себе и снимает эти чёртовы туфли.

* * *

Тридцать минут спустя — Бульвар Робертсона, ЛА

— Не хочешь выпить кофе? — спрашивает Шеннон, когда мы идём к моей машине.

— Конечно, только сначала давай положим эти сумки в багажник.

Я открываю двери машины, а потом багажник. Затем бросаю в него сумки с покупками и закрываю крышку.

— Дерьмо, — произносит Шеннон.

Подняв глаза на неё, я прослеживаю её взгляд через улицу прямо до Тома. Он стоит возле чёрной машины, припаркованной у шикарного ресторана.

Мне и отсюда видно, что он выглядит усталым, не таким собранным, как обычно, и борода определённо отросла.

Но это не та причина, по которой мне кажется, будто кто-то танцует на моей груди.

Нет, причина в том, что рядом с ним я вижу стройную и великолепную брюнетку.

Они стоят близко друг к другу. И выглядят дружелюбно, как будто хорошо знают друг друга.

Даже слишком хорошо.

Во время разговора с ним она кладёт свои руки на его. Том улыбается тому, что она говорит. Он что-то ей отвечает, и она смеётся.

Я тут же начинаю её ненавидеть.

Она поднимает руку к его лицу, наклоняется и целует его в щёку.

Я перестаю дышать.

Это похоже на автокатастрофу. Я хочу отвернуться, но не могу.

А ещё мне хочется кричать.

Но я ничего не делаю.

Я просто стою здесь, наблюдая за ними, как чёртова статуя.

Том открывает для неё дверь машины. Она забирается на заднее сиденье.

Не садись к ней в машину. Не садись к ней в машину.

Он начинает забираться в машину.

Моё сердце сжимается. Я закрываю глаза, дыша через боль.

А когда открываю их, Том одной ногой в машине, его рука на крыше, и он смотрит прямо на меня.

Я вижу очевидный шок на его лице от того, что он увидел меня здесь.

Он не рад меня видеть.

Почему должно быть иначе? В последний раз, когда я видела его, он ясно дал понять, как обстоят дела.

Его жестокие слова эхом отдаются в голове, насмехаясь надо мной.

Я застываю на месте, удерживая его взгляд, в то время как боль, словно яд течёт по моим венам. Это абсолютная агония.

Минуту назад я молилась, чтобы он не сел в машину, а теперь всеми фибрами души желаю, чтобы именно это он и сделал.

Он произносит моё имя и начинает отходить от машины.

Он идёт сюда.

Дерьмо. Моё сердце начинает яростно биться, болезненно стуча о мои рёбра.

Я не вынесу ещё одной душераздирающей конфронтации с ним. Мне нужно убраться отсюда. *Сейчас же.*

В моём теле разжигается адреналин, приводя конечности в действие. Я обегаю вокруг машины и открываю дверь водителя. Затем ору Шеннон:

— Садись в чёртову машину!

Её лицо искажено от шока. Но меня это не волнует. Мне просто нужно убраться отсюда, и я сделаю всё возможное, чтобы сделать это.

Я завожу мотор и уже пристёгиваю ремень безопасности, когда Шеннон садится в машину.

Выглянув в боковое окно, вижу, что Том пытается пересечь оживлённую улицу, целеустремлённо глядя на мою машину.

Сердце выпрыгивает из груди и бежит по улице, подальше от него, я привожу машину в действие. Быстро проверив зеркало со своей стороны, я вдавливаю педаль газа в пол, увозя нас подальше оттуда.

Долгое время мы едем в тишине.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает Шеннон.

Я киваю, боясь заговорить, на случай, если разрыдаюсь.

— Всё могло быть совсем не так, как выглядело.

Я глубоко вдыхаю.

— Это не имеет значения.

— Очевидно же, что имеет. Ты влюблена в него, — это не вопрос.

Я могу поспорить или соврать, но в этом нет смысла.

— Он знает, — у меня вырывается поверхностный вздох. — Я сказал ему это на следующее утро после нашей последней совместной ночи. Он подвёз меня домой, и перед его уходом я сказала, что влюблена в него, — моя нижняя губа дрожит. Я делаю ещё один глубокий вдох, прежде чем снова заговорить. — Короче говоря, он не испытывает ко мне того же.

— Я с трудом в это верю. Я видела, каким он был с тобой.

— Поверь мне. Он сказал мне, цитирую: «Забери своё признание в любви и скажи его тому, кто этого хочет».

— Ах, дорогая. Ну, если он и вправду не любит тебя — в чём я сильно сомневаюсь, — тогда Том Картер ещё больший чёртов идиот, чем я думала. Он всегда был игроком, но когда я видела его с тобой, то подумала, что всё по-другому. Я видела, как он смотрел на тебя, когда думал, что никто не смотрит, и мне казалось, что *ты* была всем для него.

Я знаю, что она не специально, но её слова ранят меня. Одинокая слеза стекает к уголку моего рта.

— Мы можем... просто не говорить об этом прямо сейчас?

— Всё, что ты хочешь, дорогая, — она протягивает руку и включает радио.

Песня Бананарамы «Жестокое лето» распространяется по машине (*прим. ред.: Bananarama «Cruel Summer»*). Я начинаю подпевать, изливая свою боль таким способом, который знаю лучше всего.

Как раз в конце песни перерывает звонок моего телефона через функцию Bluetooth, установленную в моей машине.

Я смотрю на экран своего телефона, который говорит мне, что звонит тётя Стеф. У меня нет сил разговаривать, но я давно не звонила ей, так что она не сдастся, пока я не отвечу. Моя тётя Стеф настойчива, если я слишком долго не звоню ей.

— Привет, я сейчас за рулем и с подругой. Могу я тебе перезвонить?

— Ли... — говорит она, срывающимся голосом.

От этого вокруг моего горла будто смыкаются руки.

— Декс. Он в больнице. О-он... — она начинает рыдать.

Я ощущаю прилив адреналина. Запаниковав, я сворачиваю с дороги. До меня смутно доносится рёв сигнала, а затем тихое проклятье Шеннон, но это не важно. Прямо сейчас я не могу вести эту машину.

Съехав на свободное место у обочины дороги, я бью по тормозам.

— Декс? Он в порядке? О, Боже, что случилось?

Тётя Стеф делает глубокий вдох.

— Декс... он принял много таблеток... с алкоголем. Они говорят... врач сказал, что у него передозировка... но он не хотел этого делать. Он бы не пытался... не намеренно... — она опять ломается.

У него передозировка?

Декс. Передозировка.

Нет, этого не может быть. Он бы не смог причинить себе такой вред.

Затем я вспоминаю, какой голос у него был в тот вечер в Сан-Диего.

Отчаянный. Наполненный болью.

Голос, как у моей мамы.

Последнее, что он сказал мне... «*Мне жаль*».

О нет.

Он пытался покончить с собой.

Это моя вина. Я не захотела выслушать его. Я не простила его.

Чувство вины подавляет меня, я закрываю лицо руками и начинаю рыдать.

Лиля

Сорока минутами позже — Зал ожидания, Медицинский центр Седарс-Синай, ЛА

— Хочешь что-нибудь выпить, дорогая?

Я смотрю на идеально накрашенное лицо Шеннон. Полагаю, что я выгляжу как полная развалина. Не то чтобы хороший вид прямо сейчас возглавляет список моих приоритетов. Я всё равно провожу пальцами под глазами, пытаюсь вытереть тушь, которая там точно есть, чтобы не пугать людей глазами панды.

— Постой. У меня есть салфетки, — Шеннон роется в сумочке и достаёт упаковку салфеток для снятия макияжа.

Всегда наготове. Она вынимает одну, и я наклоняю лицо к ней. После чего она начинает вытирать макияж под моими глазами.

— У меня будет нервный тик, если ты продолжишь так тереть свои глаза. Я не допущу, чтобы моя суперзвезда выглядела старше раньше времени, — она одаривает меня нежной улыбкой. — Вот. Дело сделано, — она выбрасывает салфетку в мусорное ведро.

— Спасибо, — говорю я.

— Не нужно. Это моя работа — заботиться о твоём внешнем виде.

— Я имела в виду не только лицо. Я о том, что ты здесь... я действительно ценю это.

Она сидит рядом со мной и гладит мою руку.

— Вытирая тебе лицо, я делаю свою работу. И жду вместе с тобой... потому что я твоя подруга.

— Я рада, что ты моя подруга, — говорю я и ложу голову ей на плечо.

Сейчас мне очень нужен друг. Я стараюсь не думать об одном человеке, которого бы мне очень хотелось здесь увидеть.

На этой мысли мои лучшие друзья врываются в дверь.

Я позвонила Кейлу сразу же после разговора с тётей Стеф. Я знала, что он хотел бы быть здесь. Следующий, кому я должна была позвонить, — Сонни, но Кейл, отойдя от первоначального шока, сказал, что сам позвонит ему. Честно говоря, я была рада, что мне не пришлось делать это самой. Мне хотелось позвонить только Тому. Я так сильно хотела поговорить с ним, что от этого мне было больнее, чем вообще не говорить с ним.

— Как он? — Кейл садится на карточки возле меня.

Сонни занимает место справа от меня.

Я качаю головой.

— Я не знаю. Доктор вышел, когда мы приехали сюда. Сейчас он общается с Дексом. Он сказал, что вернётся, когда сможет рассказать нам больше.

Кейл берёт мою руку в свою и сжимает её.

Я не могу остановить слёзы, снова стекающие вниз по моим щекам.

— Нет, Ли... не вини себя в этом, — говорит Кейл.

Я прикусываю губу, пытаюсь остановить слёзы.

— Кейл... в тот вечер в клубе он умолял меня поговорить с ним, но я не хотела его слушать.

Он обхватывает моё лицо своими руками.

— Послушай меня. У тебя были веские причины, чтобы не делать этого. Ты не сделала ничего плохого. Ничего. Ты меня слышишь?

— Кейл прав, — мягким голосом говорит Сонни.

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Не вини себя, — добавляет он.

Кивнув, я вытираю слёзы.

— Давайте я принесу нам чего-нибудь выпить, поскольку, похоже, мы тут надолго застряли, — говорит Шеннон, поднимаясь на ноги.

* * *

Два часа спустя — Зал ожидания, Медицинский центр Седарс-Синай, ЛА

Это были невероятно долгие два часа.

Доктор наконец-то появился. Это не тот врач, который приходил поговорить со мной, когда я только приехала. Этот моложе. Он выглядит усталым и измученным.

Проводя рукой по своим волнистым каштановым волосам, он говорит:

— Семья Декстера Хенли?

Уже поднявшись на ноги, я говорю:

— Я сестра Декса. Как он?

— Мисс Хенли...

Я не пытаюсь исправить его. Это бы внесло лишь ещё большую путаницу в уже и так запутанную ситуацию.

— Я доктор Лоу. Лечащий врач Декстера. С ним всё будет в порядке.

Я с облегчением выдыхаю. Ощущая на своей спине руку Кейла, я улыбаюсь ему.

— Декстер принял значительное количество таблеток. Нам повезло, что его нашли, когда его организм ещё не успел поглотить препарат. Я назначил ему активированный уголь, который впитает препарат так, чтобы организм не смог вобрать его, и Декс хорошо реагирует на лечение, что означает, что он полностью поправится без какого-либо ущерба его органам.

— Можно нам увидеть его? — спрашиваю я.

Врач смотрит на нас четверых.

— На данный момент только членам семьи разрешено навещать Декстера.

— Мы подождём тут, — Кейл сжимает моё плечо.

— Просто скажи ему, что мы здесь, — говорит Сонни.

Я одариваю Кейла и Сонни мягкой улыбкой.

— Я скажу ему.

Затем следую за доктором Лоу.

— Доктор, когда моя тё... — я останавливаюсь и исправляю себя, чтобы не сбить с толку доктора. — Когда наша мать позвонила, то сказала, что Декс... пытался покончить жизнь самоубийством. Это правда?

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Таблетки, от которых у Декстера была передозировка, — назначенные антидепрессанты. Он принял слишком большое их количество в комбинации с алкоголем. Возможно, он не намеревался свести счёты с жизнью... но с моей профессиональной точки зрения, когда пациент сочетает такое количество таблеток со спиртным, как сделал Декстер, то можно было бы предположить, что, да, это была попытка покончить жизнь самоубийством.

Я закрываю глаза от боли, разрушающей меня изнутри.

Точно так же, как умерла моя мама.

По моей щеке стекает слеза, и я смахиваю её.

— Декстеру понадобится серьёзная помощь и поддержка. Учитывая характер того, что случилось, мне пришлось обратиться в психиатрическое отделение. Психолог приедет сюда через несколько часов, чтобы проанализировать Декстера и узнать, представляет ли он опасность для себя. Даже учитывая то, что на данный момент Декстер в порядке, это стандартная процедура.

— Я понимаю, — я быстро киваю.

Мы снова начинаем идти до тех пор, пока доктор Лоу не останавливается возле двери.

— Это должно быть быстрое посещение, — говорит мне доктор Лоу.

— Хорошо.

С бешено колотящимся сердцем, я нажимаю на ручку и вхожу внутрь плохо освещённой комнаты. Я сразу же вижу Декса, который лежит на кровати, отвернувшись от меня. Оборудование, к которому он подключён, мерно пикает. К его руке прикреплена капельница.

Не уверенная, спит он или нет, я тихо подхожу ближе.

— Декс, — мягко говорю я.

Медленно повернув голову, он встречается взглядом со мной.

У него впавшие тёмные глаза. Кожа бледная. Он выглядит тенью прежнего себя.

Оттого, что я вижу его, *моего старшего брата*, в таком состоянии, мои глаза наполняются слезами. Я прикусываю губу, чтобы остановить дрожь.

— Ты здесь, — говорит он грубым голосом.

— Я здесь, — я делаю небольшой шаг к нему. Одна часть меня хочет быть ближе, но другая часть сдерживает меня.

Он отводит от меня взгляд.

— Мне жаль, что тебе пришлось приехать сюда, — хриплым и неэмоциональным голосом говорит он.

— Прекрати, — мой голос резкий, но я ничего не могу поделать. Во мне бурлит столько эмоций, что мне трудно их контролировать.

Декс медленно поднимает свои глаза к моим.

Я подхожу к краю кровати, обхватывая пальцами металлический каркас.

— Почему? — мне кажется, это самый трудный вопрос в мире, который можно было задать, но самый важный.

Мне нужно понять, почему он это сделал.

Декс вздыхает и потирает руками своё лицо.

— Я не знаю.

— Конечно, знаешь.

Он перестаёт тереть своё лицо и переводит взгляд своих глаз на меня.

Я вижу в них всё: боль, потерю.

— Я просто хотел, чтобы всё закончилось, — шёпотом говорит он.

— Что ты хотел, чтобы закончилось?

Он тихо выдыхает.

— Сожаление. Чувство вины. Одиночество. Тишина съедала меня живьём. Я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Мне больно, оттого что я потерял самого важного для меня человека из-за кого-то, кто наплевал на меня, когда всё пошло наперекосяк.

— Что произошло... между тобой и Чадом? — я никогда не задавала ему этот вопрос. Честно говоря, я никогда не хотела бы знать, был он с Чадом или нет, для меня бы это всё равно ничего не изменило.

— После той ночи ничего не было.

Я делаю глубокий вдох, обдумывая эту информацию.

— Почему?

— Почему? — он качает головой, сожаление плещется в его глазах. — Дело в том, что тебя я люблю сильнее, чем когда-либо любил его.

— Но это не мешало тебе трахаться с ним... — я осекаюсь, зная, что сейчас неподходящее время. Моё дыхание тяжелеет. Я чувствую, что начинаю паниковать.

Мои пальцы соскальзывают со спинки кровати. Я готова уйти, и Декс это знает.

— Ли, *пожалуйста*, не уходи.

Паника в его глазах и голосе заставляет меня остаться. Я снова хватаюсь за металлический каркас, нуждаясь в этом, чтобы сохранить спокойствие.

— Я хотел бы рассказать тебе причину, по которой я сделал то, что сделал, — низким голосом говорит он. — Единственная, которая у меня есть... я был слаб. Чад подталкивал меня, и я не мог сказать «нет». Каждый раз, когда случалось подобное, я говорил себе, что это было в последний раз, и я не собирался позволять этому случиться снова. Но затем я опять оказывался с ним в той же ситуации, — он встречается взглядом со мной. — Я влюбился в него... или мне так казалось. Я хочу, чтобы ты знала: наша с ним интрижка не была чем-то вроде вызова, — он поверженно вздыхает. — Что бы я ни чувствовал к Чаду... в конце концов, это ничего не значило.

— Почему ты переехал в Лос-Анджелес?

— Хотел быть ближе к тебе. Я думал, что в таком случае у меня мог бы появиться шанс исправить то, что я сделал. У меня не было возможности сделать это, пока ты была на другом конце страны. Я приехал сюда и узнал, что ты отправляешься в шестинедельный тур. Самое худшее совпадение, — он самокритично смеётся. — Но я остался, зная, что ты вернёшься. Я думал, что если просто увижусь с тобой и поговорю, то всё будет в порядке... у нас всё будет в порядке. Мне просто хотелось, чтобы ты выслушала меня. Я думал, что если бы это произошло, то всё было бы хорошо.

— Затем, я наконец-то получил свой шанс в Сан-Диего и после того, что случилось той ночью... понял, что действительно навсегда тебя потерял. Не было дороги назад. В тот момент, это было хуже, чем думать, что ты мертва. Ты всё ещё живешь своей жизнью, но я просто не могу быть её частью, и это моих же рук дело. Лучшее, что было у меня в жизни, — это *мы*. Ты и я. И Кейл, и Сонни. Группа, — он проводит рукой по своим волосам. — Я думаю... что после той ночи ситуация только ухудшалась. Депрессия становилась ещё хуже. Я не ходил на репетиции. Больше пил, курил травку. Ребята из моей группы злились на меня. А потом я пропустил важный концерт, так как был на вечеринке, а на следующий день они позвонили мне и сказали, что я вне игры.

— Итак, я потерял тебя, а затем и группу. Я просто чувствовал себя потерянным... злился на себя, и хотел остановить боль. Я взял несколько таблеток, зная, что они притупят боль. И запил их водкой. Похоже, я принял слишком много.

Гнев взрывается во мне, как извергающийся вулкан.

— Ты принял слишком много? Это что, мать твою, шутка какая-то? Ты мог умереть. Если бы твой сосед не нашёл тебя, прямо сейчас я бы стояла над твоим трупом! — моё сердце бешено колотится, голова болит. — Как ты думаешь, что твои родители почувствовали бы, потеряв тебя? Если ты бы умер точно так же, как моя мама, как ты думаешь, что бы твоя мать почувствовала из-за того, что потеряла своего сына таким же образом, как и свою сестру? А как, чёрт возьми, ты думаешь, почувствовала бы себя я? — я бью себя кулаком в грудь.

Его грустные глаза встречаются с моими.

— Облегчение... я думал, что тебе стало бы легче, Ли.

Его слова поражают меня с разрушительной силой.

— Пошёл ты! — кричу ему я. Я иду к двери, моё тело сильно дрожит от всех эмоций, которые я испытываю прямо сейчас.

— Лила, подожди! — кричит он.

Я поворачиваюсь на месте. Мои руки сжаты в кулаки по бокам. Мне кажется, словно я могу пробить дыру в стене.

Он уже сидит на кровати, у него взволнованное выражение лица.

— Прости. Я не это имел в виду. Я просто подумал, что без меня твоя жизнь стала бы легче.

Мои ногти впиваются в ладони.

— Я бы предпочла тяжёлую жизнь, чем твою смерть. Разве ты не понимаешь? Может, я зла и обижена, но ты всё ещё моя семья. Моя плоть и кровь. Декс, я не могу перестать любить тебя, просто потому, что ты меня обидел.

Он опускает голову.

— Мне очень жаль. Я не думал, когда принимал эти таблетки. Просто хотел перестать чувствовать. И я знаю, что ты имеешь полное право злиться на меня, но, пожалуйста, не сейчас, — он отклоняется назад, потирая глаза. — Не прямо сейчас.

Я делаю несколько глубоких вдохов.

— Я не должна была кричать, — я возвращаюсь к кровати. Схватив возле кровати стул, я сажусь на него. — Мы не можем продолжать делать это, — тихо говорю я, — причинять друг другу боль таким образом.

Он поднимает взгляд ко мне.

— Я знаю.

Я выдыхаю, сгибая руки на своих бёдрах.

— Ты совершил непростительный поступок. Причинил мне сильную боль. Хуже, чем когда-либо это делал Ралли, — моя губа дрожит. — От него я ожидала всё то дерьмо. Я ожидала, что Ралли подведёт меня. Но не ты. Ты был единственным человеком, которому я доверяла больше всех, а ты предал меня.

— Господи, мне так жаль, — его голос срывается на всхлип. Он обхватывает рукой свой живот, как будто он болит. — Если бы я мог повернуть время вспять, то непременно бы сделал это. Я бы всё отдал, лишь бы вернуться назад и всё изменить. Я и близко не подходил бы к Чаду. Заранее рассказал бы тебе о своих чувствах к нему, прежде чем всё это случилось. Я бы не стал делать то, что сделал, — по его лицу текут слёзы.

— Предательство сильно надломило меня, но не потому, что это был Чад, а потому что это был ты. Ты был моим чёртовым героем, Декс. Я обожала тебя. Я никогда не думала, что ты сделаешь мне больно.

— Я тоже, — печально говорит он. Используя рукав больничного халата, в который он одет, Декс стирает слёзы с лица.

Затем опускает руку на кровать и осторожно тянется к моей. Я позволяю ему взять её.

— Ли, я знаю, что не заслуживаю твоего прощения или того, чтобы ты вернулась в мою жизнь... но ты попытайся обдумать...

Мои глаза поднимаются к его, и в них я вижу сияние новых слёз. Я выдыхаю.

— Когда мне позвонила твоя мама, какую-то долю секунды... я думала о худшем, — я вытираю свои глаза тыльной стороной руки. — Это заставило меня понять, что, как бы зла я на тебя ни была, обижена, или насколько обманутой я бы себя ни чувствовала... всё могло бы быть хуже, если бы ты не лежал здесь живой и здоровый. Я знала, что если бы ты ушёл, то мы не исправили бы случившееся между нами и сожаление съело бы меня заживо. Я не говорю, что мы можем вернуться к прежним отношениям, потому что мы не можем. Но я намерена попытаться и стремиться к чему-то... прощению. Но ты должен пообещать мне, что пойдёшь на

консультацию и получишь реальную помощь.

Его губы растягиваются в нежной улыбке.

— Я сделаю это. Обещаю, — он сжимает мою руку.

— И когда тебе помогут, тогда мы сможем поговорить... с чьей-нибудь помощью. Зная нас с тобой, я думаю, нам понадобится посредник в этом, — приподнимая уголки губ, я пытаюсь улыбнуться.

— Всё, что угодно. Только бы моя сестра вернулась в мою жизнь. Я сделаю всё, что потребуется.

Я замечаю тень у двери, поднимаю глаза и вижу, что там стоит доктор Лоу. Он поднимает запястье и постукивает по часам, давая мне понять, что пора уходить.

— Мне пора идти, — я киваю на дверь.

Декс смотрит на врача, а потом обратно на меня. Он безрадостно улыбается мне.

— Скоро мы снова встретимся, — я сжимаю его руку, прежде чем отпустить. Затем встаю со стула и начинаю отходить. Но останавливаюсь, когда вспоминаю кое-что.

— Сонни попросил передать тебе, что он и Кейл здесь.

На лице Декса возникает удивление.

— Сонни и... Кейл? Они здесь?

— Да, — я слегка улыбаюсь. — Приехали, как только я позвонила. Они хотели зайти и увидеть тебя, но доктор сказал, что можно только родным.

— Ты передашь им, что я сказал «спасибо»... за то, что пришли?

— Передам.

Я уже дохожу до двери, когда его голос снова останавливает меня.

— Ли... я знаю, ты сказала, что я должен обратиться за помощью, прежде чем мы сможем начать разбираться во всём... но мне интересно... можно ли мне... позвонить тебе завтра? Просто чтобы поздороваться.

Я делаю паузу на мгновение. А потом поворачиваюсь к нему и качаю головой.

— Тебе не нужно звонить. Я вернусь утром. Твои родители будут здесь. Я заберу их из аэропорта и приеду с ними. У меня такое чувство, что тебе, возможно, понадобится поддержка.

Он улыбается.

— Тогда, до завтра.

— До завтра.

Я закрываю за собой дверь его палаты и выдыхаю воздух, который удерживала, кажется, всю ночь, прежде чем пойти по коридору.

Кейл, Сонни и Шеннон сидят там, где я их оставила, потягивая кофе из кофейного автомата.

Сонни встаёт.

— Как он?

Я пожимаю плечами.

— Учитывая то, что произошло, он чувствует себя хорошо. Мы поговорили. Он очень рад, что вы пришли в больницу.

— А как ты себя чувствуешь? — спрашивает Кейл, подходя ко мне.

— Я в порядке, — вздыхаю я, чувствуя, что морально и физически истощена. — Я сказала, что вернусь утром... и что мы можем попытаться исправить ситуацию.

— Мы с Сонни поедem с тобой.

— Завтра тётя Стеф и дядя Пол будут здесь.

— Я знаю, — говорит Кейл. — Но мне тоже нужно поговорить с Дексом. Разобраться во всём.

Я встречаю его взгляд, понимая.

Думаю, всем нам нужно многое обсудить.

— Мы уже можем уйти отсюда? — спрашивает Сонни. — Я чертовски ненавижу больницы.

— Пошли, — говорю я.

И мы все направляемся к лифту. Я достаю из сумки свой телефон. Два пропущенных звонка и сообщение от Тома.

Я проверяю время первого звонка. Он позвонил, пока я была здесь, спустя примерно полчаса после того, как я увидела его на улице с той женщиной.

Он знает про Декса? Но кто тогда мог бы рассказать ему? Почему он звонил? Он ведь сказал мне, что ему плевать на меня.

Дрожащими пальцами я открываю сообщение.

Нам нужно поговорить. Перезвони мне.

И это всё?

Я предполагаю, что он не знает про Декса. Ну, мне хотелось бы верить, что если бы он знал, то написал бы в сообщении нечто большее, чем это. Я знаю, что он сволочь, но не думаю, что настолько бессердечная.

И, на самом деле, о чём нам нужно поговорить? О том, что ему плевать на меня? О том, что он ясно дал понять, что двигается дальше?

Нет уж, спасибо.

Я ничего слышала от него и не видела его в течение двух недель, и вот, после того, как я увидела его с какой-то женщиной, он звонит и присылает сообщение.

Возможно, он чувствует свою вину или, что ещё хуже, жалость ко мне.

Ну, а мне не нужна его чёртова жалость.

Я удаляю это сообщение и его звонки. Потом набираю тётю Стеф через быстрый набор. Она и дядя Пол должны быть сейчас в воздухе по пути сюда, но я хочу сообщить ей, что виделась с Дексом.

Я слышу её голос, когда включается приветствие голосовой почты.

— Привет, это я. Я только что видела Декса. Он хорошо себя чувствует. Доктор сказал, что он будет в порядке. То есть, очевидно, что он не в порядке, но он будет... благодаря определённой помощи. Я просто хотела, чтобы ты знала, что я видела его, и что он в порядке. Я еду домой, потому что нам не разрешили остаться там дольше, так как уже позднее время. Позвони мне, когда приземлишься, и я приеду, чтобы забрать вас из аэропорта.

Мне придётся позаимствовать машину у Кейла, чтобы забрать их, поскольку в моей может поместиться только два пассажира.

Как только я подумала об этом, Кейл обнимает меня.

Мы подходим к лифту. Сонни нажимает на кнопку, а я кладу голову на грудь Кейла, пока мы ждём. Я благодарна за то, что они у меня есть. Возможно, я и не с Томом, но у меня самые лучшие друзья, о которых девушки могли бы только мечтать. Лифт прибывает, и мы все заходим внутрь. Когда мы достигаем первого этажа, я выхожу, Кейл по-прежнему приобнимает меня за плечо.

Мы приближаемся к автоматической двери. Она открывается, и холодный ночной воздух приносит с собой холод. Я вздрагиваю. На мне по-прежнему шорты и футболка.

Кейл потирает мою руку.

— Тебе холодно?

Я улыбаюсь ему.

— Я в порядке.

А затем я поднимаю глаза.

Моё сердце тут же вырывается из груди.

Том стоит по ту сторону дороги, прислонившись к своему «Рендж Роверу», и смотрит на меня.

Ли́ла

Спустя один вздох — Снаружи медицинского центра Седарс-Синай, ЛА

Том отталкивается от машины и идет в моём направлении. Его взгляд не отрывается от меня, пока его длинные ноги сокращают расстояние между нами. Одет он в ту же одежду, что и раньше. Густая щетина украшает его подбородок.

Он выглядит так горячо, как никогда прежде. И меня это бесит.

Мои ступни прикованы к месту, а ноги дрожат. Я чувствую, как Кейл усиливает хватку на моём плече.

Кейл не рад видеть Тома, и это ещё мягко сказано. Кейл — мой лучший друг. Я рассказываю ему обо всём, в том числе о том, что произошло между мной и Томом. Ну, упуская все сексуальные подробности, конечно. Я также опустила некоторые жестокие вещи, произнесённые Томом в мой адрес. Я понимала, что если бы Кейл об этом узнал, то он пошёл бы домой к Тому, чтобы перекинуться с ним парой ласковых, а меньше всего я хочу, чтобы эти двое подрались.

Кейла взбесило то, как Том расстался со мной. Я пыталась убедить Кейла, что на самом деле Том не сделал ничего плохого, не считая того, что он был злобным ублюдком, когда порвал со мной. Он никогда меня не обманывал, никогда не давал ложных обещаний. Во всяком случае, он всегда был честен со мной.

Я сама виновата в том, что влюбилась в него.

Том не виноват, что не испытывает ко мне того же. Не важно, как сильно мне бы хотелось злиться на Тома, чувства невозможно контролировать.

С самого начала я знала, что Том не из тех парней, кто испытывает чувства такого рода. Он просто говорил то, что должен был, чтобы загасить меня в постель.

Тем не менее... его присутствие никак не излечит моё сердце.

Том останавливается в шаге от меня. Вблизи я вижу, настолько по-настоящему уставшим он выглядит. У него тёмные круги под глазами, как будто он не спал очень долгое время.

Моё сердце начинает биться о грудную клетку.

— Ли́ла, — у него хриплый голос, но всё ещё такое ощущение, что он похож на бальзам, льющийся на незаживающую рану моей души. Я осознаю, что в данный момент скучаю по нему больше, чем в течение последних двух недель. Мне больно от того, что он рядом, но не со мной.

— Привет, — мой голос звучит тихо. Я ненавижу это. Мне пора стать женщиной.

Я делаю глубокий вдох. Но это лишь наполняет мои лёгкие запахом Тома. Столь знакомым. Он напоминает мне о потерянном времени.

Боль вонзается в моё сердце.

Взгляд Тома перемещается на руку Кайла, лежащую на моём плече, и он твердеет. Затем его глаза возвращаются ко мне, и они смягчаются.

— Ты... — он чешет щетину на подбородке, прежде чем его пальцы перемещаются к волосам на голове. Он дёргает за пряди. — Можем мы, эм... поговорить?

Не знаю, почему, но я смотрю на Шеннон. Может быть, потому, что знаю, что она подтолкнет меня к разговору с ним и поддержит в том, в чём я нуждаюсь прямо сейчас, потому что мой разум твердит, чтобы я сказала ему отвалить. Даже если моё сердце отчаянно тянется к нему своими грязными пальцами.

Шеннон подбадривает меня. «*Поговори с ним*», — одними губами произносит она.

Мой взгляд возвращается к Тому. Я вижу, какое обеспокоенное у него выражение лица, как напряжено его тело в ожидании моего ответа.

Мне больно смотреть на него.

Глядя поверх его плеча, я говорю:

— Я не знаю.

— *Пожалуйста, Лила.*

Из-за страха в его голосе мои глаза возвращаются обратно к нему.

Он выглядит испуганным.

Я делаю глубокий вдох.

— Ладно...

Одно моё слово, и он заметно расслабляется. Мне интересно, что же может быть настолько важным, что он хочет так срочно поговорить со мной.

Я поворачиваюсь к Кейлу, вынуждая его руку соскользнуть с моего плеча.

— Возвращайся домой без меня. Увидимся там, — затем я вспоминаю, что приехала с Шеннон. — Не мог бы ты подвезти Шеннон домой? Если тебя это устраивает, Шеннон.

— Конечно, — она широко улыбается. Она рада, что Том приехал сюда, чтобы увидеться со мной. Думаю, под её крутой внешностью скрывается тайный романтик.

Кейл даже не посмотрел на меня. Его наполненный злобой взгляд устремлён на Тома. Не знаю, уступит ли Кейл. Но он переводит взгляд от Тома ко мне.

— Ли, я не буду пытаться отговаривать тебя от разговора с ним. Ты делаешь то, что считаешь нужным. Но, если я тебе понадоблюсь, позвони мне, и я немедленно приеду.

— Я знаю. Спасибо, — я улыбаюсь, касаясь его руки.

Стиснув зубы, он снова обращает свой взгляд на Тома.

— Мне, бл*дь, плевать, кто ты. Если ты снова причинишь ей боль, то я найду тебя...

— *Мы найдём тебя,* — Сонни делает шаг вперёд.

Моё сердце падает. Том точно не пацифист, и мне действительно не нужна конфронтация между всеми ними прямо сейчас.

Том переводит взгляд с одного на другого, а затем вздыхает.

— Я облажался. Очень. Знаю. Я не собираюсь снова делать больно Лиле, если этого можно избежать. Но если я это сделаю, то заслужу всё, что получу.

Ну, ни черта себе. Моё сердце впархивает обратно в мою грудь и начинает биться в два раза быстрее.

Кейл смотрит на Тома со вновь обретённым к нему чувством уважения. Он резко кивает Тому и поворачивается, чтобы уйти. Сонни награждает Тома тяжёлым взглядом и следует за Кейлом.

Шеннон задерживается на мгновение, улыбаясь мне широкой улыбкой, и слегка поднимает большой палец вверх, прежде чем следует за Кейлом и Сонни.

Под стук её каблучков по бетону я перевожу взгляд на Тома и обнаруживаю, что он смотрит на мою грудь с непонятными эмоциями на лице.

— Ты носишь, — он сглатывает, — футболку, которую я подарил тебе.

В его глазах мелькает что-то похожее на надежду.

Пожав плечами, я перебрасываю волосы через плечо.

— Не придавай этому никакого значения. Мне просто нравится эта футболка. Как ты узнал, что я здесь?

Он засовывает руки в задние карманы, покачиваясь на пятках.

— Шеннон. Она позвонила мне, когда ты только приехала сюда. Ты разговаривала с врачом.

Я хмуро гляжу на её удаляющуюся спину. *Вот хитрая маленькая сучка. Мы ещё поговорим.*

— Не сердись на неё, — тихо говорит Том. — Она думала, что ты, возможно, эм... нуждаешься во мне. Ну, она сказала это после того, как устроила разнос моей заднице за то, что я сделал тебе больно, — его нефритовые глаза встречаются с моими голубыми. — Мне очень жаль, Ли.

Я хочу сказать ему, что мне не нужны его извинения и не нужно, чтобы он был здесь, но это будет неправдой.

Я отвожу взгляд.

— Когда ты приехал сюда?

Он переминается с ноги на ногу.

— Я приехал, как только мне позвонили. Я здесь уже несколько часов.

Моё сердце сжимается. Я ненавижу, что он может заставлять меня чувствовать себя таким образом.

— Ты ждал здесь всё это время... из-за меня?

Он пожимает плечами, его глаза прикованы к земле.

— Я хотел убедиться, что ты в порядке.

— Почему ты не зашёл внутрь?

Дверь позади меня со свистом открывается, и выходят несколько человек.

Мы с Томом отходим от двери, создавая себе немного уединения.

Теперь, стоя ближе ко мне, он говорит:

— Я хотел приехать и увидеть тебя, но не знал... как обстоят дела, хочешь ли ты видеть меня. Я знаю, что сказала Шеннон, но когда ты увидела меня ранее, то удрала... поэтому я не был уверен, — его глаза тускнеют.

Моё тело бросает в холод, когда я с точностью вспоминаю, что почувствовала, когда увидела его на улице с той женщиной.

— Ты был с кем-то.

— Я могу это объяснить. Я звонил тебе ещё до того, как Шеннон позвонила мне, потому что увидел выражение твоего лица тогда. Я знаю, о чём ты подумала, — он делает шаг ближе. — Нам нужно поговорить.

Я поднимаю взгляд к его лицу.

— О чём?

— О нас.

— Нет никаких «нас».

Он качает головой.

— Нет, хотя должны быть.

Его слова потрясают меня до глубины души. И я не могу найти достойный ответ, чтобы продолжить разговор.

— Но прежде чем поговорить о нас... — он поднимает руку, как будто хочет прикоснуться ко мне, но потом опускает её. — Ты в порядке? Твой брат... с ним всё хорошо? Шеннон ничего не знала, когда звонила.

Я обхватываю себя руками.

— С Дексом всё будет хорошо... физически... но он пытался, эм... он пытался... у него была передозировка.

Том кивает.

— Шеннон говорила.

Я сглатываю.

— К счастью, его организм не успел впитать таблетки, так что нет никаких необратимых повреждений.

— Это хорошо, — он подходит чуть ближе. — И самое важное: как ты?

Я пожимаю плечами, глядя мимо него.

— Справляюсь. Мне ещё во многом предстоит разобраться, но я справлюсь с этим. Как и всегда.

— Да, ты справишься. Ты самый сильный человек, которого я когда-либо знал.

Он снова протягивает руку, чтобы прикоснуться ко мне, и на этот раз не останавливается. Он проводит кончиками пальцев по коже моей руки. Жар обжигает меня.

Я хочу и нуждаюсь в Томе, но я не понимаю, чего он хочет от меня. Я не знаю, что видела ранее, или что он делал в то время, пока мы были порознь, и я не могу забыть настолько сильно его слова ранили меня.

Сбитая с толку, я отступаю назад, подальше от его прикосновения.

— Хватит...

Его глаза наполняются разочарованием, а между бровей залегает морщинка.

— Ли, женщина, с которой ты видела меня ранее...

— Я не хочу говорить об этом прямо сейчас, — у меня возникает страх, тут же переходящий в панику. Я, возможно, и хочу узнать правду, но не сейчас. Моё сердце не выдержит ещё одного удара за сегодняшний вечер.

— Я знаю, что сейчас не лучшее время, но всё не так, как ты думаешь. Женщина, которую ты тогда видела, — моя сестра.

Это привлекает моё внимание.

— У тебя есть сестра? — я рада, но удивлена.

Он оглядывается вокруг так, словно проверяет людей.

— Да, — отвечает он, переводя взгляд обратно на меня.

— Как я могла не знать... — я прерываю себя. — Конечно же, не могла. Ты никогда ничего мне о себе не рассказывал, впрочем, как ты и сказал, мы только трахались. Так зачем ты рассказываешь мне это? Теперь, когда мы не *трахаемся*, я позволю себе спросить, у тебя только одна сестра или больше? Братья? Домашние животные? У тебя есть дети, о которых я не знаю? Девушка?

Меня понесло с бешеной силой, но рядом с ним я не владею собой. Он пробуждает во мне сумасшедшую.

— Только сестра. Ни братьев. Ни домашних животных. Определённо нет детей, — он улыбается мне мрачной улыбкой, когда обхватывает руками заднюю часть своей шеи, демонстрируя напряжённые мышцы рук.

Даже в этот сложный, наполненный чувствами момент, вспыхивает моё влечение к нему.

— И нет девушки, — его взгляд направлен на меня. — Ты права. Я ничего не рассказывал тебе о своей жизни... но я хочу изменить это. Мне нужно рассказать тебе кое-что о себе... вещи, которые я хочу, чтобы ты поняла.

— Зачем?

— Лила...

— Нет, Том. Почему ты хочешь, чтобы я поняла тебя?

Он двигается, складывая руки на груди.

— Потому что ты мне небезразлична.

— Ох, так сейчас ты заботаешься обо мне. Смешно, потому, что всего две недели назад тебе было плевать на меня. Что изменилось?

— Всё... всё изменилось, — проводя рукой по своим волосам, он обводит глазами наше окружение. — Можем мы просто не делать этого здесь?

— Это место подойдёт, как и любое другое. Ты хочешь поговорить? Говори со мной

здесь, — я упрямлюсь. Создаю трудности. Я это знаю, но мне не хочется уступать ему так легко.

— Лила, вещи, которые я хочу рассказать тебе, не предназначены для общест­венности.

Вспомнив, кем является Том и почему его жизнь будет пищей для прессы, как и моя собственная, я раздражённо вздыхаю.

— Хорошо. Где ты хочешь поговорить?

— В своём доме, — он оптимистически улыбается мне.

— В твоём доме? — первый и единственный раз я была там в нашу последнюю совместную ночь. — Я не знаю, — я отступаю на шаг.

— Только чтобы поговорить, — он поднимает руки вверх. — Ничего больше.

Я провожу рукой по своим волосам, мои пальцы застревают в спутанных кончиках.

— Хорошо... наверное. Но моя машина здесь, так что мне придётся ехать за тобой.

— Или ты можешь оставить её здесь, а позже я верну тебя к ней.

Я наклоняю голову, подозрительно глядя на него.

— И какой же в этом смысл?

Его глаза становятся серьёзными.

— Так я проведу больше времени с тобой.

Моё сердце вырывается из груди и обволакивает Тома.

Но злой голос в моей голове говорит мне, что он мог бы провести последние две недели со мной, если бы вытащил свою голову из задницы чуть раньше.

— Ладно, — соглашаюсь я, справляясь со своими чувствами. — В твоей машине.

Я следую за Томом к «Рендж Роверу», слегка удивляясь, когда он открывает для меня дверь. Положив руку на мою спину, он помогает мне забраться внутрь. Его прикосновение обжигает меня через одежду.

Он даже не попытался схватить меня за задницу.

Не знаю, хорошо это или плохо.

Чувствуя себя взволнованной, я стараюсь успокоиться, пока Том идёт к водительской двери.

Он забирается внутрь и с глухим стуком закрывает дверь.

И вот в его машине остаёмся только он, я и темнота.

Вдруг всё кажется гораздо более заметным.

Шум моего дыхания, стук моего сердца.

Дыхание Тома, его лосьон после бритья, его сила и размер в этом небольшом пространстве.

Всё это подавляет меня.

Он заводит машину, и в самой гуще всего этого начинает играть *та самая* песня Брайана Адамса.

Песня, которая, по его словам, напоминает ему обо мне. Та, которой я мучила себя последние две недели.

С комком в горле, я смотрю на него. Уверена, мои чувства буквально нарисованы у меня на лице.

Он протягивает руку и осторожно касается моей щеки кончиками пальцев.

— Я часто слушал её последние пару недель.

Потеряв дар речи и на грани слёз, я отворачиваюсь от него и смотрю в окно.

Ли́ла

Двадцать минут спустя — Дом Тома, ЛА

Поездка в дом Тома была тихой. Весь путь я провела в ловушке своих мыслей, гадая, о чём же он хочет поговорить со мной, и пытаюсь разобраться, что я сама хочу сказать ему.

Он подъезжает к воротам своего дома. С помощью пульта он открывает их.

Наблюдая за их медленным открытием, я чувствую своё сильно колотящееся сердце.

Когда он подъезжает к своему дому, моё сердце лихорадочно пытается пробиться сквозь рёбра.

Не говоря ни слова, Том выходит из машины. Я отстёгиваю ремень безопасности и открываю дверь.

К этому времени Том уже оказывается передо мной и берёт меня за руку, помогая мне выбраться. Моё тело дрожит от прикосновения его большой ладони к моей, электричество струится по мне, скапливаясь между моих ног.

Не важно, что происходит между Томом и мной, моё тело всегда будет хотеть его.

Спускаясь вниз, я вижу, как его глаза скользят по моим ногам, вспышка желания разжигается в его взгляде.

Я испытываю чувство облегчения. Приятно знать, что я всё ещё оказываю такой эффект на него. А то уже начала беспокоиться, что всё исчезло. Он ни разу не посмотрел на меня в сексуальном смысле после того, как я увидела его сегодня вечером в больнице.

Он переплетает свои пальцы с моими, сжимая мою руку.

Я застываю, моё сердце борется с разумом.

— Не отстраняйся. Мне просто нужно обнять тебя... даже если это небольшая часть тебя, — его голос наполнен смыслом.

Грудь Тома прижата к моему плечу, что напоминает мне, насколько хороши ощущения соприкосновения наших тел.

У меня начинает кружиться голова.

Подняв голову, я заглядываю ему в глаза и киваю.

Крепко держа меня за руку, он ведёт меня в дом, прямо в гостиную.

Я впервые вижу её. Она очень похожа на его спальню: определённо мужская, тёмное дерево, белые стены, удобный на вид чёрный L-образный диван, огромный плоский экран на стене.

— Тебе принести чего-нибудь выпить? — спрашивает он, ведя меня к дивану.

— Нет, спасибо.

Том садится и тянет меня за руку, чтобы я села рядом с ним.

Мы на углу дивана, так что я сажусь чуть дальше, отпуская его руку, и оставляю между нами небольшое расстояние.

По выражению его лица я догадываюсь, что ему не нравится, что я отстранилась, но для разговора с ним мне нужна ясная голова, а когда Том прикасается к какой-либо части меня, то мои мысли вылетают из головы, и я не могу рассуждать трезво.

С решимостью в глазах, Том придвигается ко мне, оставляя между нами совсем немного места. Затем он всем телом поворачивается ко мне, прижимая покрытое джинсами колено к моей обнажённой внешней части бедра.

Это прикосновение похоже на касание оголённых проводов к моей коже.

Я вздыхаю и смотрю на Тома. Его глаза потемнели, говоря, что если я отодвинусь, то у меня

будут проблемы.

Я остаюсь на месте.

Он наклоняется вперёд — предплечья на бёдрах, руки соединены вместе, — в результате чего он ещё больше приближается ко мне. Он выдыхает, и я чувствую тепло его дыхания на своей коже.

— Почему я здесь, Том?

Несколько минут он молча изучает меня глазами.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я сожалею о том, как вёл себя. Вещи, которые я сказал тебе, когда мы в последний раз виделись, были непростительны. Мне очень жаль.

Я сжимаю челюсти.

— Ох, ты имеешь в виду, когда я обнажила перед тобой свою душу, а ты сказал мне, цитирую: «Забери своё признание в любви и скажи его тому, кто этого хочет»? После чего уехал от меня, не раздумывая ни секунды.

— Я думал об этом, — выражение его лица становится каменным. — С тех пор я постоянно сожалею о том, что сказал.

— Тогда почему? Почему ты сделал мне больно, если не имел этого в виду? — боль того дня до сих пор живёт внутри меня.

— Я не знаю... из-за страха, — он пожимает плечами.

— Страх? — я смущена и взбешена, о чём говорит мой тон.

Чувство вины обостряется на его лице.

— Это я и пытаюсь сказать... возможно, глубоко внутри меня жила мысль, что если я причиню боль тебе, то мне будет легко уйти от тебя. Если ты возненавидишь меня, то не останется никакого пути назад. Я просто не учитывал то, настолько сильно буду скучать по тебе. Насколько пустыми будут чувствоваться вещи... насколько опустошённым я буду чувствовать себя без тебя, — его улыбка кривая, но искренняя... печальная.

— Я не понимаю. Если ты хотел меня, то почему оттолкнул?

Может, я просто сморозила глупость, но я не могу понять его логику.

Он опускает взгляд.

— Потому что я идиот.

— Нет, — я качаю головой. — Ты эмоционально отстранён, но не идиот.

Он поднимает глаза к моим.

— Я идиот, Ли. Если бы ты знала обо мне всё — то, что я сделал, то, как я вёл себя, — ты бы не говорила так.

— Даже после твоего поведения по отношению ко мне в тот день, Том, моё представление о тебе не изменилось. И оно не изменится, независимо от того, что ты мне сегодня расскажешь.

— Я просто надеюсь, что ты всё ещё будешь так думать, когда я расскажу тебе всё, — он проводит рукой по волосам. Кажется, он нервничает, ему неловко. — То, что я должен сказать тебе... я выбрал действительно неудачное время, но, чтобы ты лучше поняла... ну, меня... я должен рассказать тебе это.

— Так, давай. Я слушаю, — я смотрю на него, подбадривая своим взглядом.

— Ладно, — он делает глубокий вдох. — То, что произошло сегодня с Дексом... я понимаю, каково тебе сейчас.

Он опускает глаза. Спустя мгновение он поднимает их, чтобы посмотреть на меня. Я вижу уязвимость, которую никогда не думала увидеть в Томе.

— Я знаю, как ты чувствуешь себя, потому что, когда мне было тринадцать лет, мой отец покончил с собой.

— О Боже, Том, мне так жаль, — я хватаю его за руку, сжимая её.

То, что случилось с Дексом, для меня всё ещё свежая рана. И, зная, что значит потерять мать, моё сердце болит за Тома.

Его пальцы оборачиваются вокруг моей руки.

— Декс и то, как ты потеряла свою маму... как пресса представила это... у нас с тобой гораздо больше общего, чем ты думаешь.

— Однако, нас объединяют не очень хорошие вещи, — говорю я, теребя пальцами свою губу.

Он убирает мою руку ото рта. Держа обе мои руки, он сплетает наши пальцы вместе. Я поворачиваюсь к нему всем телом, и он располагает свои ноги между моими, чтобы мы оказались лицом к лицу.

Он качает головой.

— Нет, это не так. Между нами есть нечто большее, чем просто это. Я лишь хочу, чтобы ты знала, что я понимаю, что ты чувствовала после того, как потеряла свою маму в таком возрасте. Внимание прессы... — его взгляд вонзается в ковёр у меня под ногами. — Мой отец не был таким знаменитым, как твоя мама, но фамилия моей семьи... известная. И тем, как он умер, очень интересовалась пресса.

Его фамилия?

— Твоя фамилия? Картер? — говорю я, запутавшись и пытаюсь вспомнить каких-нибудь известных Картеров. Я не могу не вспомнить бывшего президента Картера, но не может быть, чтобы Том был связан с ним. Наверное.

Он раскаивающееся улыбается.

— Нет, Ли... на самом деле, Картер не моя фамилия. Это моё второе имя. Моя фамилия — Сигал.

Я смотрю на него с замешательством.

— Сигал? То есть, как виски, которое ты ненавидишь?

— Да, Фейерверк, как виски, которое я ненавижу. Дело в том... что виски, которое я ненавижу, формально принадлежит мне. Ну, компания. Моё полное имя — Томас Картер Сигал Четвёртый.

Погодите-ка.

Он Томас Сигал? Разве Томас Сигал не умер? Разве он не умер несколько сотен лет назад?

Не будь такой глупой, Лила. Конечно, он не тот Томас Сигал. Он, должно быть, его праправнук или что-то в этом роде.

Святое дерьмо.

Ладно. Нам нужно сделать паузу на секунду.

Для сравнения: Том сказал мне, что он Томас Сигал IV — это практически то же самое, как если бы он сказал мне, что он праправнук Джека Дэниэлса.

Джек, Джим, Джонни и Томас — четыре самые известные наименования виски.

И я спала с Томасом.

Твою мать.

— Ладно, — пишу я. — Почему я не знала этого? Почему никто не знает об этом? Потому что ты известен, как участник УШ. Если уж на то пошло, почему ты в УШ, когда владеешь виски Сигал? И почему ты так ненавидишь своё же виски? И-и... — я выдыхаюсь.

Он тихонько посмеивается.

— Слишком много вопросов, Фейерверк.

— Я знаю. Прости. Просто я запуталась, — освободив руку, я потираю голову.

— Знаю. Это сбивает с толку, и извини за то, что не был честен с тобой с самого начала.

— Тебе не за что извиняться. Ты не должен был рассказывать мне историю своей семьи лишь потому, что спал со мной.

— Нет, должен был.

Подняв голову, он смотрит на меня, и сила в его взгляде поражает меня прямо в сердце.

— С самого начала между нами было нечто большее, чем просто секс. Мы оба знали это. Просто тогда я решил проигнорировать это, в то время как ты смело посмотрела правде в глаза.

Он ложится на диван, отклонив голову.

Заинтересованная его словами, я следую за ним. Сняв обувь, я забираюсь на диван, садясь рядом с ним, и поджимаю ногу под свою попу, прижимаясь своими бёдрами к его. Я смотрю на его лицо, отчаянно пытаюсь узнать о нём всё.

Он наклоняет голову в мою сторону, с сожалением глядя мне в глаза.

— Ты с самого начала заслуживала узнать всё обо мне, узнать, во что ты ввязываешься, и мне жаль, что раньше я молчал об этом, — он пропускает руку через свои волосы. — Моё прошлое — это не тёплая и уютная история, и это не то, о чём я рассказываю. Единственные люди, которым о нём известно, — это Джейк и Денни. И Джонни, который унёс это с собой в могилу. Я рассказал им, как только УШ начал становится популярным, потому что они имели право знать, какой багаж я несу. Моё прошлое — это такого рода новости, которые любит жёлтая пресса. К счастью, никто никогда не копался в моём прошлом достаточно глубоко, чтобы обнаружить это, и я позаботился, чтобы так это и оставалось. Будучи распутным, играющим на бас-гитаре участником группы, я удерживал интерес людей ко мне именно на таком уровне. Спустя какое-то время то, с кем я трахался в очередной раз, становилось надоедливым. У людей пропал интерес.

Он протягивает руку и смахивает мою чёлку со лба.

— Помнишь, что я сказал тебе в тот день, когда мы сидели за роялем?

«Я не хочу быть солистом. Мне нравится, когда всё легко и просто. Я играю, делая то, что люблю и получаю вознаграждение от маргинальной издержки».

— Да, — киваю я.

— Мне нравятся простые вещи. Я не хочу быть солистом... я буду им только для тебя, — он снова берёт меня за руку. — Я не хочу, чтобы всё было просто, если это подразумевает, что со мной не будет тебя. Ты важна для меня. Важнее, чем кто-либо и когда-либо. Я хочу, чтобы ты узнала меня... настоящего меня. Я хочу, чтобы ты знала обо мне и моей жизни до встречи с тобой.

Мои глаза закрываются от его слов. Я чувствую, как Том пододвигается ближе, после чего обхватывает рукой мою челюсть.

Я открываю глаза.

— Ты тоже важен для меня, Том. Я хочу понять тебя. Вот, почему я здесь и слушаю.

Его пальцы прослеживают путь по моему подбородку и спускаются на мою шею.

— Как ты уже, наверное, догадалась, мой прапрадед был основателем виски Сигал. Его звали Жан-Пьер Сигал. Он переехал из Франции в США в середине восемнадцатого века.

Том — француз... отчасти...

Господи, ничего себе.

Он только что поднялся ещё выше по шкале сексуальности.

— Жан-Пьер обосновался в Дэнвилле, штат Кентукки, где познакомился с моей прапрабабушкой, Сарой Томас.

Кентукки. Я помню, каким напряжённым был Том, когда мы были на том фестивале в Кентукки.

— Отец Сары, Джон Картер Томас, умер годом ранее и оставил ей ферму, на которой она выросла. Она и Жан-Пьер поженились, и тот взял управление фермой на себя. Они выращивали кукурузу, и он решил заняться производством виски, называвшегося бурбоном, который обрёл

популярность. Некоторые фермеры зарабатывали на этом неплохие деньги, а моему прапрадеду они особенно были нужны, так как Сара забеременела от него. Ребёнок родился за неделю до того, как они успешно дистиллировали первую партию виски. Они решили назвать моего прадеда Томасом, в честь семьи Сары, а второе имя дали в память о её отце. Виски Жан-Пьер назвал в честь своего сына. И вот так родился виски Томас Сигал, — у Тома вырывается ироничный смех. — Даже не знаю, почему я тебе всё это рассказал. Это ведь совсем не раскрывает подробности моей дерьмовой жизни.

Наклонившись, я прижимаюсь своим лбом к его.

— Всё, что связано с тобой, имеет значение. Всё это имеет значение. Я хочу знать о тебе всё.

Его пальцы скользят по моим щекам.

— Я когда-нибудь говорил тебе, какая ты потрясающая?

— Недавно, — улыбаюсь я.

Он проводит пальцами по моим губам.

— Ну, ты удивительная. Ты лучший человек из всех, кого я знаю.

Я откинулась назад, упираясь плечом в диван, и приготовилась выслушать остальную часть его рассказа.

— Итак, ты знаешь, что мой отец был Томасом III, — он намекает на свою татуировку. — Папа взял управление компанией на себя, когда дедушка уже не мог. Мой отец был главой компании, директором, а его младший брат, мой дядя Джо, был генеральным директором. Я должен был возглавить компанию следующим. Вся моя жизнь была сосредоточена в Дэнвилле, Кентукки, — в этот момент я распознаю его южный акцент, — я рос с мыслью, что однажды возглавлю компанию. От меня требовалось закончить школу, пойти в университет Лиги Плюща, а затем работать в Сигале и изучать бизнес. Моя жизнь была распланирована наперёд. Но всё изменилось, когда мне исполнилось тринадцать.

Я как раз собираюсь спросить, что случилось с его южным акцентом, когда его глаза встречаются с моими. Боль, которую я вижу в них, ощущается моей собственной. Она так сильна.

— Когда мне было тринадцать, мой отец узнал, что у моей мамы была интрижка. Она изменяла ему в течение довольно продолжительного времени с... моим дядей Джо. Мой отец застукал их вместе.

Понимая, куда ведёт этот рассказ, я придвигаюсь ближе, чувствуя, что сейчас Том нуждается во мне.

— Все развалилось. Мама переехала из нашего дома к Джо. Она хотела забрать нас с собой, но я бы не оставил отца. Моя сестра, Хизер, которая младше меня на пять лет, на самом деле, не понимала, что происходит, и захотела остаться с мамой. Таким образом, Хизер ушла с мамой, а я остался с отцом. Мы всегда были более близки, — он вздыхает. — Для него это был сильный удар. Его предала не только жена, но и брат, с которым он был вынужден продолжать работать в одной компании. Он пил всё больше и больше. Всё, к чёрту, разваливалось. Я был ребёнком, который пытался удержать всё на плаву. В тот момент я думал, что ситуация не смогла бы стать ещё хуже, но я ошибался.

— Я был в гостях у друга и позвонил отцу, чтобы узнать, как у него дела, но он не ответил. Я не знал, но почувствовал, что что-то не так. У меня было странное предчувствие, поэтому я покинул дом друга и поехал домой на велосипеде. Добравшись до своего дома, я увидел машину дяди Джо на подъездной дорожке. Я знал, что его присутствие здесь может плохо кончиться, поэтому я бросил велосипед и побежал в дом. Я позвал папу, но не получил никакого ответа. В доме играла музыка — «Обычный мир», — так что я подумал, что он не услышал меня из-за неё.

Боль на его лице осязаема. И я вспоминаю, как он говорил мне, что это песня его отца, которую он не слушал в течение шестнадцати лет.

Мой желудок стягивается в узел.

Он трёт руками своё лицо.

— Господи, это тяжело, — он встаёт. — Мне нужна чёртова выпивка. Хочешь выпить?

Я качаю головой.

— Я на минуту, — он выходит из комнаты и возвращается через несколько минут с бокалом янтарной жидкости в руке.

— Джек, — он поднимает стакан, размахивая им из стороны в сторону, издавая при этом слабый смешок.

Заняв место рядом со мной, с минуту Том просто сидит, размешивая виски в стакане. Затем он выпивает содержимое и бросает стакан на пол рядом с диваном.

— Музыка исходила из нашей гостиной, поэтому я пошёл туда. Телевизор был включён, и по нему шло музыкальное видео. Я выключил телевизор и как раз тогда услышал голоса, доносившиеся из кабинета отца. Я знал, что он был там с Джо, поэтому побежал в его кабинет. Я не знал, что собирался делать. Просто знал, что должен быть там. Я только добрался до коридора, когда услышал, как кричит Джо. Его голос звучал испуганно. И секунды не прошло, когда я услышал это. Выстрел.

— Глупо было, что я побежал в направлении выстрела, а не от него, как большинство нормальных людей. Я ворвался в дверь офиса. И вот тогда увидел на полу Джо, из груди которого текла кровь, а мой отец стоял с пистолетом в руке. Я подбежал к Джо и прижал руку к его груди, пытаюсь остановить кровотечение, но крови было так много. Она была на всём: на моих руках, на моей одежде... везде.

Он держит руки перед собой, как будто всё ещё видит на них кровь Джо.

Я прикасаюсь к его руке. И он моргает.

— Я слышал, как Джо захлёбывался собственной кровью. Кричал на отца, чтобы помог, но он по-прежнему просто стоял там с пистолетом в руке, его глаза были пусты. Затем Джо, — Том трёт глаза, — умер... прямо тогда, когда я стоял на коленях рядом с ним. Мои руки были прижаты к его груди.

Слеза сбегает из его глаза, но он быстро вытирает её. А перед моими глазами предстаёт тринадцатилетний Том, столкнувшийся с чем-то поистине ужасным. Даже после той боли, что я пережила, обнаружив свою маму, я всё равно не могу представить, через что пришлось пройти ему. Моё сердце чертовски болит за него.

— Джо умер, — разбитым голосом говорит он. — И я испугался. Вскочил на ноги и начал кричать папе, что Джо мёртв и что он убил своего брата. Но он не ответил. Он был просто опустошённым. И я чертовски испугался. Я знал, что он никогда не сделал бы мне больно, но он просто стоял с пистолетом в руке. Внезапно он, казалось, пришёл в себя. Он положил пистолет на стол. Потом посмотрел на меня и сказал: «Томми, иди на кухню к телефону. Набери девять-один-один. Расскажи им, что случилось», — а затем он... — Том делает болезненно звучащий вдох, — сказал мне, что сожалеет.

Лицо Тома поглотила агония. Ещё одна слеза стекает по его щеке. Её он не вытирает. Я наблюдаю за тем, как она прокладывает путь к его верхней губе.

— Я был ещё ребенком, Ли, и он был моим отцом, поэтому я сделал то, что он велел. Только оказавшись у двери на кухню, я кое-что понял. Зачем он отправил меня на кухню к телефону, когда он был и в его кабинете? И я знал, я просто, чёрт возьми, знал. Весь путь, пока я бежал назад в его кабинет, моё сердце билось так быстро, — он прижимает ладони к глазам, будто пытаюсь отгородиться от всего, что видит прямо сейчас. — Я был в нескольких шагах от его

офиса, когда раздался второй выстрел, — он тяжело дышит. — Мой отец выстрелил себе в голову... и я увидел его лежащим на столе лицом вниз. Кровь... там было так много чёртовой крови.

— Господи, Том, — по моим щекам текут слёзы.

Я обхватываю его руками, притягивая к себе. Его грудь содрогается, а затем он утыкается лицом в изгиб моей шеи.

Мы сидим так в течение длительного времени. И я позволяю ему освободиться от той боли, которую он хранил в себе так долго.

Я иду на кухню, чтобы принести ему ещё виски. Наливаю и себе, даже, несмотря на то, что не люблю эту хрень. Но после только что услышанного мне нужно выпить.

Я приношу выпивку. Вручив её ему, сажусь рядом с ним и отпиваю глоток отвратительного виски.

Он опускает свой стакан на бедро.

— Так, что же случилось... с тобой и компанией твоей семьи? — спрашиваю я его, не зная, о чём ещё спросить.

Он делает глоток своего напитка.

— После смерти отца и дяди Джо контроль над компанией взял на себя совет. Я должен был возглавить компанию, когда мне исполнится восемнадцать. Но я не смог этого сделать, — он качает головой.

— Для меня всё изменилось. Я знал, что моя прежняя жизнь закончилась. Я обвинял в произошедшем свою мать, а она оказалась никому не нужной. Беспольной. Хизер и я были вынуждены заботиться о себе сами. Я не хотел иметь ничего общего с компанией, которая пыталась привязать меня к этому. Полицейские снова и снова расспрашивали меня о случившемся. Ребята в школе донимали меня. Я был богатым мальчиком, который видел, как его отец убил его дядю, после чего убил и себя. Я был изгоем. Постоянно ввязывался в драки. Люди, которых я когда-то считал своими друзьями, вдруг перестали ими быть. Пресса воспользовалась грёбаным случаем. Они разбили лагерь возле нашего дома. Я чувствовал себя в ловушке.

— Я потерял своего отца. Видел, как он убил моего дядю, а затем и себя. Я просто хотел заглушить боль, забыть ту ночь... забыть о том, что произошло. Но я не мог убежать от воспоминаний. Об этом повсюду что-то напоминало. Поэтому я начал пить, курить травку... заниматься сексом, чтобы отгородиться от этого, — он встречается со мной взглядом.

— Мне было четырнадцать, когда я потерял девственность на вечеринке с какой-то девчонкой младше меня. Я был пьян и под кайфом, и просто хотел чувствовать себя нормально. Позже я даже не мог вспомнить, как её зовут, и я совершенно уверен, что она никогда не вспоминала моё имя. Но что я точно помнил, так это то, что, когда всё это происходило — когда я занимался с ней сексом, — я не чувствовал себя дерьмом. Я не думал обо всём, что со мной случилось. В тот момент я не был Томми Сигалом, наследником состояния марки виски и сыном человека, застрелившего своего брата перед собственным самоубийством. Я был никем. Просто тёплым телом, которое трахало девчонку. Ей было плевать на меня, а мне было плевать на неё. Мне понравилось, как это чувствовалось, и я хотел, чтобы это продолжалось. Думаю, тогда секс стал для меня механизмом преодоления. Я мог просто отключиться и потерять себя в другом человеке, забывая обо всём. Это срабатывало в течение длительного времени, пока просто не стало нормой. Я занимался сексом без обязательств... пока не встретил тебя.

— А что касается компании... — он грубо смеётся. — Мне едва удалось закончить школу. Я всю жизнь развлекался, трахаясь со всеми подряд. Не ночевал дома. Моя мама не могла контролировать меня и спустя какое-то время перестала пытаться. Когда мне исполнилось восемнадцать, компания должна была полностью перейти в моё распоряжение — грёбаное

виски Сигал.

Он смотрит на меня.

— Даже произошедший скандал не повлиял на бизнес. Я надеялся, что позор сравняет компанию с землёй, но этого не произошло. Это сделало её даже больше, популярнее. Продажи увеличились. В первый год после их смерти продажи выросли на пятьдесят процентов. Видимо, людям понравился разжѐгшийся скандал с их виски. Хреново, правда?

Он трѐт лицо, выглядя расстроенным.

— Я был восемнадцатилетним, а они пытались заставить меня работать в Сигале под руководством Совета. Почти каждый день я с трудом мог самостоятельно завязать чѐртовы шнурки. Я был разбит. Мне хотелось просто сбежать, — он выпускает тяжѐлый вздох. — Я был ещё ребенком. Испорченным ребёнком. Поэтому взял немного денег из своего трастового фонда, чтобы хватило на пропитание, собрал сумку, сел в машину и поехал в Нью-Йорк.

Он уныло вздыхает.

— Я сбежал. А когда приехал в Нью-Йорк, то избавился от своей фамилии и стал Томом Картером. В первый год я просто бездельничал, отрывался, курил травку... спал со всеми подряд. Затем, однажды ночью, я встретил Дэнни на вечеринке у нашего общего знакомого. Мы разговорились о музыке. Он был сильно помешан на этом и понравился мне. Дэнни был классным парнем. Мы отлично поладили, а у меня так давно не было настоящего друга. Друзья, с которыми я познакомился в Нью-Йорке, были просто людьми, с которыми я тусовался и накуривался. Но Дэн, он был другим. Мы начали вместе зависать, и он сделал своей целью направить меня на правильный путь.

— Дэн учился в колледже, поэтому я тоже решил поступить. Я понятия не имел, чем хочу заниматься, но всегда любил музыку. Дэн получил степень бакалавра в музыкальной сфере, но отстой был в том, что ему пришлось проходить один тот же курс повторно, поскольку он провалил экзамен, — он тепло улыбается воспоминаниям.

— Я взял ту же специализацию, что и Дэн, но изучали мы разные предметы. Меня интересовала музыкальная история, в то время как Дэну нравилась композиция. И в этом классе по композиции он встретил Джейка и Джонни. Он познакомил нас, а остальное — совершенно другая история, — он делает глоток своего виски. Наклонившись вперѐд, он ставит стакан на журнальный столик перед нами.

Он поворачивается ко мне и берѐт мою руку в свою.

— Я никогда не думал, что мы станем известными. Мы хорошо играли. Я знал это. Но скольким удалось подписать контракт, верно? Мне было весело с ними, и я считал их своей семьѐй. Надѐжной. У меня давно такого не было. Поэтому, когда мы начали становиться популярными, я не смог уйти. И я верно подумал, что всем будет плевать на басиста, которому нравится трахаться с кучей тѐлок. Что никто не будет интересоваться мной или моим прошлым. А если кто-нибудь когда-нибудь спрашивал в интервью о моей семье, я просто приуменьшал её значение. Их интересовали Джейк и Джонни, а это служило мне на пользу. Я должен был быть с ребятами, делать то, что умею и люблю, — он смотрит на меня с нежностью.

— Я был счастлив, Ли. Я не чувствовал этого в течение длительного времени. Но после смерти Джонни всё полетело к чертям. Я просто не мог, бл*дь, поверить в это. Я думал, что окончательно сорвусь. Ничего не соображал. Джейк и Дэн не справлялись со всем этим. Я думал, мы распадѐмся.

— Затем, через месяц после смерти Джонни, совершенно неожиданно мне позвонила Хизер. Я был полным эгоистом, когда просто взял и бросил её. Я даже не попрощался. Мои мысли возвращались к ней каждый день, но я просто не мог вернуться. Когда она позвонила, всё было как в старые добрые времена, когда мы были детьми, до всего произошедшего. Она хотела

увидеться со мной и, конечно же, я согласился. В то время я жил в Лос-Анджелесе, поэтому она прилетела на следующий же день. Мы встретились, и после этого она стала смыслом моей жизни... до встречи с тобой.

— Хизер взяла на себя управление компанией и стала генеральным директором. Она рано закончила обучение, получив бизнес-степень. Моя сестра всегда была умна, гораздо умнее, чем когда-либо был я. Она и по сей день по-прежнему работает в Сигале. И я обязательно регулярно вижу с ней. Обычно она приезжает сюда, чтобы увидеться со мной, потому что я не люблю уезжать из Кентукки, если в этом нет необходимости. В каждую нашу встречу я пытаюсь убедить её подписать договор о передаче компании, а она каждый раз отказывается и просит меня работать с ней, — он издаёт мягкий смешок. — Я подвёл Хизер много лет назад, когда сбежал. Но я больше не повторяю этой ошибки.

— Похоже, она действительно классная, Том.

Его наполненные теплотой глаза встречаются с моими.

— Да. Ты во многом похожа на неё... пылкая, любишь спорить.

— Я не люблю спорить, — ухмыляюсь я.

— Фейерверк, — он прижимает палец к кончику моего носа.

— А что насчёт... твоей мамы?

Его глаза темнеют.

— Хизер видится с ней. Я не видел её и не разговаривал с ней с восемнадцати лет. Я не могу простить её за то, как она поступила. Если бы у неё не было интрижки с Джо, то...

Он останавливается, и я не давлу на него. Я лучше, чем кто-либо, понимаю, как трудно простить и забыть.

Он выдыхает.

— Ли, то, что я сказал тебе в тот день... когда оттолкнул тебя, как тогда отреагировал... после того как ты сказал мне, что любишь меня... — он качает головой с сожалением в глазах. — Конечно, есть причина, почему я проживал свою жизнь именно так, получая столько секса, сколько мне было необходимо, но всё-таки мне нравилась моя жизнь. Она была простой. Я не должен был заботиться ни о ком, кроме себя. И после того, что случилось с моим отцом, из-за причины произошедшего... я пообещал себе, что никогда не окажусь в подобной ситуации. Я поклялся себе, что никогда не влюблюсь. Что никогда не предоставлю женщине возможность уничтожить себя так, как это сделала с моим отцом моя мать.

— Я боялся, что если я влюблюсь и она сломит меня, как мать сломила отца... то я не смогу справиться, как и он не смог...

Он встречается со мной взглядом, и я вижу это в его глазах. Его страх. Ему нет нужды говорить об этом вслух.

— Поэтому я эмоционально отстранялся от женщин, делал то, что хотел, а затем уходил. Это было легко... до тебя, — он прикасается к моему лицу, пробегая пальцами по моей щеке к волосам. — Я не мог выбросить тебя из головы.

— Тем не менее, ты оттолкнул меня.

— Я запаниковал. То, что ты сказала мне... в глубине души я знал, что чувствовал то же самое, но я боролся с этим. Страх заставил меня сопротивляться этому, — он издаёт тихий смех. — Ты до чёртиков пугаешь меня, Лила Саммерс.

— Ты тоже до чёртиков пугаешь меня, Том Картер, — я нервно улыбаюсь ему, вновь обнажая перед ним свою душу. — То, что я испытываю к тебе... я никогда и ни к кому не испытывала ничего подобного.

Свет гаснет в его глазах, и он убирает руки от моего лица, оставляя меня с холодным предчувствием беды.

Он садится вперёд. Я следую за ним.

Я спускаю ноги на пол, дерево холодит мою кожу.

— Ли... я хочу быть с тобой и надеюсь... *очень* надеюсь, — он нервно смотрит на меня, — что ты тоже хочешь быть со мной...

— Хочу, — быстро говорю я, прерывая его и страшась того, к чему он клонит.

Он склоняет голову на бок. Его глаза встречаются с моими, проникая в мою душу. От взгляда в его зелёные глаза у меня сжимается желудок.

— Я всегда был честен с тобой. Не считая этого дерьма о моей семье, я никогда не лгал тебе, и это не изменится сейчас.

Моё сердце начинает сильно биться о грудную клетку.

— Я не могу просить тебя начинать отношения со мной, если ты не знаешь всего.

У меня трясутся руки.

— После того как я оставил тебя в тот день... я совершил ошибку.

Лила

Один удар сердца спустя — Дом Тома, ЛА

Нет. Нет. Нет.

Комната начинает вращаться. Дрожа, я поднимаюсь на ноги. Затем обхожу журнальный столик, чтобы он оказался между нами.

— Ты был с кем-то другим, — задыхаясь, произношу я.

Он встаёт на ноги.

— Нет. Да.

— О, Боже, — я закрываю лицо руками.

Вдруг он оказывается передо мной и берёт мои руки в свои, убирая их от моего лица.

— Это не то, что ты думаешь. Я не...

— Я никогда, чёрт возьми, не буду с тобой! — я отшатываюсь назад, отталкивая его. — Мне жаль. Я сожалею о том, что с тобой произошло, о том, как ты потерял свою семью, но этого я принять не могу, — я отхожу от него. — Я не могу сделать это. Я не дура. Я знаю, кто ты. Я допускала большую вероятность того, что ты спал с другими женщинами последние две недели, но то, что ты был с кем-то сразу после того, как бросил меня там, на тротуаре у моего дома... — я сжимаю руки от боли, разрывающей мой живот. — После того, что мы сделали несколькими часами ранее... Я позволила тебе заняться со мной сексом *там*... позволила тебе... — я останавливаюсь, вспоминая о том, как он двигается в том интимном, особенном месте, теперь омрачено его признанием.

Я встречаюсь с ним взглядом, мои глаза наполнены слезами. Я вижу страх и раскаяние на его лице.

— Это было важно для меня, — срывающимся голосом шепчу я. — То, что мы сделали... я отдала это тебе, потому что доверяла, а теперь ты говоришь мне, что спустя несколько часов пошёл и занялся сексом с кем-то другим... — рыдание вырывается из меня. Слёзы небрежно стекают по моим щекам. Я перемещаюсь к двери. — Возможно, в то время мы и не были вместе, но это чувствуется, как предательство, — я гневно провожу рукой по своему лицу.

Том подходит ко мне, хватая меня за плечи, и у меня нет сил, чтобы сопротивляться.

— Я не занимался с ней сексом. У меня ни с кем не было секса после тебя, — он тяжело дышит. — Ни с кем после тебя, клянусь. Я пошёл в тот бар, думая, что если займусь с кем-нибудь сексом, то смогу вернуть ту жизнь, которая была у меня до тебя. Меня переполняли чувства к тебе. Я испугался. Запаниковал и отреагировал единственным известным мне способом. Я думал, что, вернувшись к старым привычкам, всё исправлю.

Я оборачиваю руки вокруг себя.

— Кто она?

Он медленно качает головой.

— Я не знаю. Просто какая-то женщина из бара.

— Ты не занимался с ней сексом. Так, что же вы делали?

Почему я об этом спрашиваю? Действительно ли я хочу знать? Мне станет от этого лучше?

Нет.

Но садистской части меня нужно это услышать.

Том смотрит на меня с нерешительностью в глазах. Я вижу, как боль, пересекает черты его

лица.

— Лила... ты не хочешь этого слышать.

Но это не останавливает меня. Во мне больше нет ни капли здравомыслия. Я чувствую боль, ослепляющую боль, и она управляет мной.

— Ты не трахнул её, — резко говорю я. — Тогда что? Она встала на колени и... — я не могу закончить это. Мои собственные слова сильно задевают меня, как удар в живот, заставляющий меня съёжиться.

Том обхватывает моё лицо, заставляя меня посмотреть на него. Он вздрагивает от того, что видит в моих глазах.

— Нет никого лучше тебя. Ты слышишь меня? *Никого*. Из страха я совершил чертовски глупую ошибку, но из-за тебя я не смог этого сделать.

Его слова должны были успокоить меня, но вместо этого они разжигают во мне гнев, похожий на горящую спичку.

— Ну, мне чертовски жаль, что я мешаю тебе и твоим шлюхам! — я кричу ему в лицо, ударяя его в грудь.

Он не отпускает меня.

— Прекрати. Я хочу, чтобы ты мешала мне всё чёртово время, — его голос, как и выражение лица, полон решимости. — Я хочу, чтобы ты была со мной каждую минуту каждого дня. Я хочу тебя больше, чем что-либо в своей жизни. Я знаю, что облажался, и так сожалею об этом. Хотел бы я повернуть время вспять, но не могу. И ты права. Мы не были вместе, но здесь мы были.

Он хлопает себя по груди.

— Я пытался вытащить тебя отсюда, возвращаясь к своим старым привычкам. Я совсем не соображал. Но соображаю прямо сейчас. Последние две недели я только и делал, что думал. Думал о тебе и о том времени, что мы провели вместе. Господи, я скучал по тебе, как сумасшедший. Последние две недели без тебя были адом. Я понимаю, что сам виноват во всём этом, но держался подальше, потому что мне нужно было время, чтобы всё обдумать. Мне нужно было убедиться, что я смогу стать тем парнем, которого ты заслуживаешь. Парнем, который сможет полностью отдаться тебе. Но сегодня я увидел тебя и кое-что понял.

Моё сознание тут же проясняется. Гнев рассеивается, когда я внимаю каждому его слову, больше нуждаясь в том, чтобы знать, что же он скажет дальше, чем в следующем вдохе.

— Что ты понял?

— Я осознал, что уже принадлежу тебе. Ты — всё для меня, — взяв моё лицо в свои руки, он вытирает мои слёзы. — Я люблю тебя, Ли. Уже очень давно. Мне просто потребовалось время, чтобы осознать это. И когда это произошло, я понял, что мои страхи больше ни черта не значат. В тот момент, когда я посмотрел через улицу и увидел, что там стоишь ты, я понял... ты надрала мне задницу. В тот момент я понял, что сделаю *что угодно*, лишь бы убрать ту боль, которую причинил тебе. Я бы отдал всё, включая себя самого, ради тебя... потому что я бы предпочёл прожить каждую минуту с тобой, чем всю жизнь ни с чем.

О, Господи.

Он любит меня?

Я захлёбываюсь слезами, ошеломлённая его признанием.

— Ты любишь меня? — шепчу я.

Он прижимается лбом к моему лбу, и улыбка трогает края его губ.

— Я люблю тебя.

Эти слова окутывают моё тело, проникают в моё сердце, заполняя его... полностью.

— Ли... — он делает глубокий вдох. — Я знаю, у меня нет права спрашивать... но мне нужно знать, до сих пор ли ты испытываешь то же самое. Или я всё испортил? Я потерял тебя?

Я закрываю глаза на мгновение. Мой мозг работает со скоростью света. Я пытаюсь ухватиться за что-нибудь, за что-либо...

Гнев. Боль. Желание. Потребность.

Я могла бы спорить и бороться, бороться с тем, что чувствую к нему. Могла бы уйти из-за ошибки, которую он совершил, когда мы ещё не были вместе.

Или я могу простить его. Мы можем оставить это в прошлом и начать с этого самого момента.

Я стремлюсь к тому, чтобы простить Декса за то, что он сделал. Меньшее, что я могу, — это попробовать сделать то же самое для Тома.

Я открываю глаза.

— Я люблю тебя, Том. И не могу перестать только потому, что ты ведёшь себя как член.

Он наклоняет голову ниже, скользя носом по моей коже, вдыхая мой запах.

— Я член.

— Да. Ты самый большой член на свете. И я не подразумеваю под этим лесть.

Он издаёт мягкий смешок.

— Так... я не потерял тебя?

— Нет, ты не потерял меня.

— Слава Богу, — он обнимает меня, уткнувшись лицом в мою шею. Я чувствую, как расслабляется его тело. Я слышу это в его вздохе.

И в этот момент я понимаю, как много значу для Тома.

Это знание просачивается в каждую часть меня, согревая.

Подняв голову, он скользит пальцами по моему затылку и поднимается к моим волосам.

— Я заглажу свою вину перед тобой, клянусь, — обещает он шёпотом у моих губ.

— Знаю, — я прижимаю руки к его лицу.

— Я ничто без тебя, Ли. Без тебя у меня ничего не выходит. Ты сломала меня, — улыбается он. — Ты всё для меня, и я проведу остаток своей жизни, доказывая тебе, что ты не совершила самую страшную ошибку в своей жизни, влюбившись в такого мута, как я.

— Ты не мут. Ты бывший мут.

— Бывший мут. Мне это нравится. Звучит, будто я крутой.

— Ты идиот, — смеюсь я, хлопая его по груди.

— А ты очень красивая.

Затем его рука оказывается на моей заднице, и он поднимает меня с пола, заставляя меня визжать от удивления. Я оборачиваю ноги вокруг его талии.

— Я действительно чертовски люблю тебя, Лила Саммерс.

— Хорошо, потому, что я действительно чертовски люблю тебя, Томас Картер, — я провожу пальцами по щетине на его подбородке. — Но борода должна исчезнуть.

Он ухмыляется.

— Всё, что пожелаешь, дорогая.

Затем он целует меня. Захватывающим дыханием, заставляющим испытывать острейшие ощущения поцелуем. Я чувствую, что Том изливает в этот поцелуй всё... всего себя в этот один поцелуй... своим телом показывая мне, насколько он действительно любит меня.

— Итак, прошло две недели, — задыхаясь, говорит он. — Я должен тебе ещё двадцать восемь оргазмов, помимо остальных.

Я прикусываю губу, раздумывая.

— У нас не так много времени. Через пару часов мне нужно забрать тётю Стеф и дядю Пола из аэропорта и отвезти их к Дексу.

— Поэтому нам лучше начать, — он несёт меня к дивану, опуская нас обоих на него. Он

скользит рукой вверх по моему телу. — И я поеду с тобой, чтобы забрать их. Познакомлюсь с твоей семьёй.

Он хочет познакомиться с моей семьёй? Это большое событие, особенно для кого-то вроде Тома.

— Ты уверен, что хочешь познакомиться с ними? Это не слишком быстро?

Его рука останавливается на полпути к моей груди.

— Я уже познакомился с твоим братом.

— И врезал ему.

Он невинно улыбается.

— В свою защиту могу сказать, что он заслужил это.

— Да... заслужил, — соглашаюсь я.

— Так, я могу познакомиться с твоей семьёй, если обещаю не бить твоего дядю?

— Я с радостью познакомлю тебя с ними, — я хихикаю, когда его пальцы двигаются по моим рёбрам, щекоча меня. — Просто не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным. Знакомство с семьёй — довольно важное событие.

— Всё, что касается тебя, важно, — он опускает рот, мягко щекоча своими губами мои. — Разве ты ещё не поняла?

Я оборачиваю руки вокруг его шеи, запуская пальцы в его волосы. Моё сердце так наполнено всем... наполнено им.

— Поняла что? — шепчу я.

Он смотрит глубоко в мои глаза.

— Что всё это... ты и я... мы навсегда. Ты мои небеса, Фейерверк.

Лиля

Неделю спустя — Огромный дом, Литлборо, Великобритания

— ...самый везучий мужчина в мире, потому что она здесь со мной прямо сейчас. И ещё больше мне повезло, что она согласилась выйти замуж за мою жалкую задницу.

Со своего места рядом с Томом я наблюдаю, как Джейк наклоняется и целует свою невесту.

Мы в доме Джейка и Тру в Литлборо, на их свадьбе.

Джейк удивил Тру свадьбой в их особенном месте, называемом Ламб Фоллс здесь, в Великобритании. Это была такая романтическая и красивая свадьба.

Когда Джейк позвонил Тому, чтобы сообщить о своём предстоящем бракосочетании, я была с Томом. Он сказал Джейку, что мы вместе. Я слышала, как Джейк сказал Тому, что это был лишь вопрос времени.

Это вызвало у меня улыбку.

Когда Том закончил разговор, он сказал мне, что и Джейк, и Дэнни были рядом с ним на протяжении тех двух недель, что мы были врозь. Видимо, их уже просто достала его унылая, немытая, капризная задница, и они сказали ему, чтобы он, чёрт побери, взял себя в руки и извинился, а затем умолял меня принять его сожалеющую задницу назад.

Сейчас я девушка Тома, и Джейк пригласил меня на свадьбу.

Итак, мы прилетели в Англию, и мне довелось увидеть самую романтическую свадьбу на всём белом свете.

Сейчас, после удивительного ужина, мы как раз заканчиваем слушать речь Джейка.

Закончив, он занимает своё место, и мы все начинаем хлопать и выкрикивать одобрительные возгласы, поднимая бокалы за молодожёнов.

Том перекинул руку через спинку моего стула, играя пальцами с моими волосами, пока он свистит Джейку за то, каким он был сентиментальным. Хотя Том и дразнится, я вижу, что его глаза светятся.

Я наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

— Том Картер, ты собираешься плакать?

Он с ужасом смотрит на меня.

— Конечно, я, чёрт возьми, не буду плакать. Эм... я настоящий мужик, — он подчёркивает это, стуча рукой по своей груди. — Я не плачу.

Я знаю, что это не так. Неделю назад я держала Тома в своих объятиях, пока он плакал после рассказа о своём отце. Но я не стану напоминать ему об этом. Я оставлю его мужскою гордость нетронутой.

— Он плакал во время «Форрест Гамп», — говорит Дэнни со своего места рядом с Томом, облокотившись на стол. — Мы смотрели его однажды ночью, когда были в колледже, и он плакал, как чёртов ребенок, в той части, когда лейтенант Дэн появляется на свадьбе Форреста. Волшебные ноги, — говорит Дэнни голосом Форреста Гампа. — Я называл Тома «Волшебные ноги» примерно год после этого, — он смеётся.

— Какого хрена, мужик? — шипит Том. — Я не могу поверить, что ты просто так рассказал ей это, — он поворачивается ко мне. — Ли, я был пьян, и это была чертовски печальная часть в фильме. Я не плакал как ребёнок, как он говорит. Возможно, я пролил одну крохотную слезу. Но на этом всё. Этот засранец называет меня «Волшебные ноги», потому что я потрясающий танцор.

— Продолжай убеждать себя в этом, Волшебные ноги, — Дэн снова смотрит на меня. — Плакал, как ребёнок, — повторяет он, улыбаясь. Он проводит пальцами под глазами, делая вид, что вытирает слёзы.

Я начинаю смеяться, но прикрываю рот ладонью, когда Том бросает на меня убийственный взгляд.

— Не могу поверить, что ты плакал на «Форрест Гамп», мужик, — говорит Смит, качая головой.

Смит — ведущий гитарист УШ. Он занял место Джонни в группе, когда они снова начали записываться. И, серьёзно, я бы никогда не сказала этого Тому, но, святой боже, он очень горячий. И его жена, Карли, тоже очень красивая.

Том показывает Смицу средний палец, прежде чем делает глоток своего пива.

— Как бы там ни было, — говорит Том, поворачиваясь к Дэнни, — ты ничем не лучше. Эй, Симона, разве Дэн не рассказывал тебе, что он плакал, как маленькая сучка, когда мы смотрели, как Бейонсе пела гимн США на инаугурации Обамы?

Симона — это невеста Дэнни и лучшая подруга Тру. Она очень красивая и такая милая. Она действительно приложила усилия, чтобы заставить меня почувствовать себя желанным гостем и частью группы.

Дэнни показывает ему средний палец.

— Спасибо за это, придурок.

— Не за что, — встав, Том делает полупоклон. После чего садится обратно.

Симона смеётся.

— Не волнуйся, детка. Я всё равно люблю тебя, даже если ты придурок, — она наклоняется и чмокает Дэнни в губы.

— Смит плакал, когда мы женились, — делится Карли.

— Господи, детка, — Смит смотрит на неё.

Она просто пожимает плечами, улыбаясь.

— Я считаю, что плакать на своей свадьбе — это мило, — говорит Симона.

Дэнни смотрит на неё.

— Не ожидай, что я буду плакать в день нашей свадьбы.

Том наклоняется вперёд.

— Симона, в ту же секунду, как ты произнесёшь «я согласна», американский гимн повторится, поверь мне.

Он подмигивает, и Симона хихикает.

Дэнни поднимает руки в поражении.

— Хорошо, не важно. Я достаточно смел, чтобы признать то, что я плакал, когда слушал, как Бейонсе убивает наш национальный гимн. Для меня это был неудачный опыт. Чертовски ужасный. Теперь мне до сих пор снятся кошмары об этом, — он поддельно вздрагивает.

— Действительно, — соглашается Том, кивая. — Серьёзно, что это было? Но потом она определённо исправила это, когда ещё раз спела его в прямом эфире для прессы.

Мы с Симоной смотрим друг на друга и из нас вырывается смех.

— Джей-Зи счастливый ублюдок, — размышляет Том. — Серьёзно, кого волнует, как она звучала? Она реально горячая. Я почти всё время смотрел на её...

— Эм... Привет? — я смотрю на него, возвращая убийственный взгляд, который получила несколько минут назад. — Лила Саммерс. Твоя девушка. Помнишь меня?

— Как я мог забыть, — он ухмыляется мне и прижимается к моим поджатым губам, целуя. — Не волнуйся. Просто наблюдение, детка. Рассматривать витрины — это не преступление. До тех пор, пока покупка не сделана, всё в порядке.

— Верно... — я повожу зубами по нижней губе. — Так, ты не будешь возражать, если я посмотрю на некоторые витрины тогда? — я осматриваюсь вокруг. — Потому что я вижу здесь нескольких действительно горячих британских мужчин, витрины которых я могла бы рассматривать часами.

— Ладно. Хватит, — он берёт меня за подбородок, поворачивая мою голову обратно к себе. — Давай не будем увлекаться. Правила изменились. С этого момента, мы смотрим только на витрины друг друга. Договорились?

— Договорились, — я ухмыляюсь, зная, что выиграла этот раунд.

Он наклоняется и оставляет ещё один нежный поцелуй на моих губах.

— Ах, не можешь оставить бедную девушку в покое, Кот Том? — я поворачиваюсь и вижу, что Стюарт выдвигает стул рядом со мной.

— Ревнуешь? — Том ухмыляется ему.

— Мечтай, — огрызается Стюарт.

— Что? — Том прикладывает ладонь к уху. — Говоришь, ты мечтаешь отведать моего члена? Прости, приятель, но сейчас я вне рынка, да и сосисками никогда не интересовался.

— Да, как так получилось? И я имею в виду не член, а то, что ты вне рынка? — Стюарт смотрит на меня. — Серьёзно, я хочу услышать эту историю. Как такая замечательная девушка, как ты, связалась с нашим Томом «Котом» «Потри лампу» Картером? — он смотрит на меня в полном недоумении.

— Стюарт просто завидует тому, что никогда не сможет потерять лампу, — говорит Том, положив руку на спинку моего стула.

— Ты видела татуировку, верно? — спрашивает меня Стюарт. Он подмигивает, давая мне знать, что он дразнит Тома.

— Я видела тату, — я киваю, прежде чем пригубить вино.

— И ты всё равно хочешь быть с ним?

Я бросаю взгляд на Тома, а затем возвращаю его на Стюарта.

— Да, хочу, — улыбаюсь я.

— И это потому, что моя девушка — самая умная девушка на свете, — Том обхватывает рукой мою шею, притягивая меня ближе, а потом он прижимает губы к моему виску.

Я люблю, когда он называет меня «моя девушка».

— О, Боже, сейчас он публично выражает свои чувства. Я чувствую, как подступает тошнота. Серьёзно, Том, если ты опустишься на одно колено, я сваливаю.

— Хм, никакого предложение сегодня. Мне нужно, чтобы Том был с Лилой как минимум год, прежде чем достанет кольцо. Если он сделает Лиле предложение через год, я выиграю пять тысяч баксов.

Я поворачиваю голову к Дэнни.

— Мы с Джейком поспорили, — говорит мне Дэнни на мой вопросительный взгляд.

Эм... какого чёрта?

— Да, я поспорил, что пройдёт целый год... но сейчас думаю, что максимум полгода, и Кот Том встанет на одно колено, — я слышу голос Джейка, смотрю вверх и вижу, что он и Тру стоят у нашего стола.

Они выглядят безумно красиво вместе. *Идеально.*

— Почему я не участвую в этом споре? — спрашивает Стюарт у Джейка.

— А ты хочешь? — спрашивает Дэн.

— Ты же знаешь, что хочу, — смеётся Стюарт.

— Да, я тоже в деле, — говорит Смит.

— Серьёзно, что за херня? Что не так с людьми, которые делают ставки на меня в

последнее время? — восклицает Том.

Он смотрит на меня, напоминая о моём споре с Сонни. Я использовала это как оправдание своей ревности, когда увидела Тома с другой женщиной.

Мне требуется минута, чтобы понять, что Том не бесится из-за упоминания о браке со мной. Это удивляет, но приятно знать, что есть возможность, что в будущем мы поженимся.

Где-то в далёком будущем.

— Тру, ты помнишь Лилу? — говорит Джейк, указывая на меня.

— Конечно, помню, — улыбается она. Она обходит стол и передвигается с непринуждённым изяществом, учитывая то, что она идет на каблуках по траве. Она наклоняется и целует меня в щёку. — Большое спасибо за то, что пришла на нашу свадьбу.

— Спасибо, что пригласили меня, — улыбаюсь я. — Это было прекрасно.

— Всё сделал Джейк. Я не могу присвоить это себе, — она смотрит на него с любовью.

Том оборачивает руку вокруг моего плеча, в то же время продолжая общаться с ребятами.

Я вижу, как глаза Тру следуют за его движением. Затем она смотрит на Тома. Поймав его взгляд, она игриво улыбается ему.

— Ни слова, Беннетт, — он указывает на неё.

Всё ещё улыбаясь, она поправляет его:

— Теперь Уэзерс.

— Чертовски верно, ты Уэзерс, — говорит Джейк, выдвигая стулья для них обоих.

Он позволяет ей сесть первой. Она садится возле Симоны, а Джейк рядом с ней.

— И я не собиралась говорить ни слова, — Тру по-прежнему обращается к Тому. — Я просто хотела сказать, что хорошо видеть тебя счастливым.

— Должен ли я волноваться, что она не пытается меня поддеть? — спрашивает Том у Джейка.

— Нет, — он обнимает Тру, тесно прижимая её к своему боку. — Сегодня она чувствует себя сентиментальной. Верно, малышка?

— Верно, — она улыбается, глядя ему в лицо.

Я вижу любовь между ними, как будто это живое, дышащее существо.

Здорово наблюдать такое.

Тру смотрит на Тома, улыбка растягивается на её губах.

— Дай мне время до завтра, Том, и мы вернёмся к нашей грызне.

— И на том спасибо, — смеётся Том, проводя рукой по своим волосам. — В такие моменты ты начинаешь пугать меня. Но, так как мы должны быть милыми сегодня, я хочу сказать, что ты потрясающе выглядишь, Тру.

— Спасибо, Том.

— Ладно, хватит! — Стюарт поднимает руку вверх. — Том, ты до чёртиков меня пугаешь. Публично выражаешь свои чувства, говоришь Тру, что она потрясающе выглядит. Серьёзно, я не привык ко всем этим любезностям. Это чересчур. Может кто-то просто оскорбить меня или Тома, чтобы я смог снова почувствовать себя нормально?

— Бл*дь, успокойся уже, Красотка. Ты же знаешь, что я никогда не буду любезничать с тобой, — Том ухмыляется ему.

— И с этим миром снова всё в порядке, — Стюарт драматично кладёт руку на грудь, отчего мы все смеёмся.

Начинает играть песня Кэлвина Харриса «Мне нужна твоя любовь». Я люблю эту песню. У неё такая заразительная мелодия. (*прим. ред.: Calvin Harris «I Need Your Love»*).

Поворачивая голову, я вижу, как начинает заполняться импровизированная танцплощадка. Родители Тру, Ева и Билли, среди прочих, тоже находятся там. Ева держит на руках Джей-Джея,

сына Тру и Джейка. В то время как Ева слегка покачивается с Джей-Джеем, Билли демонстрирует несколько интересных танцевальных движений. Ева запрокидывает голову назад, смеясь над ним. Я улыбаюсь им обоим.

— Мне нужна твоя любовь, — полушёпотом подпеваю я словам песни.

Том наклоняется и говорит мне на ухо:

— Хочешь свалить от этих неудачников и потанцевать со мной?

— Ещё как хочу.

Он берёт меня за руку, и я позволяю ему отвести меня на импровизированный танцпол.

Когда мы проходим мимо Билли, который по-прежнему танцует, он хлопает Тома по спине.

Том улыбается ему, а затем притягивает меня к себе, оборачивая руки вокруг меня. Он начинает двигать нас под музыку. Этот мужчина удивительно хорошо танцует.

— Так у тебя действительно волшебные ноги, — я ухмыляюсь ему.

— Я же говорил тебе. Я настолько хорошо танцую, насколько и трахаюсь.

— С этим не поспоришь, — поднявшись на цыпочки, я провожу губами по его губам.

— Ли, — шепчет он. — Я думал кое о чём... о чём-то, что хотел спросить у тебя.

— Хорошо. Просто хочу спросить: ты не собираешься встать на одно колено, чтобы Джейк выиграл пари, не так ли? Потому что я люблю тебя и прочее, но мы вместе всего неделю, — дразнюсь я.

— Вообще-то, девять недель, если учитывать тур и мой закидон в две недели, — он улыбается мне. — И не волнуйся, Фейерверк. Сегодня я встану перед тобой на колени лишь для того, чтобы зарыться лицом между твоими сексуальными бёдрами, — его пальцы танцуют по моей заднице.

Я содрогаюсь напротив него, мои трусики моментально намокают. Я люблю, когда он такой прямолинейный насчёт секса.

— Ты уже мокрая, — он шепчет мне на ухо, прекрасно зная, что так и есть.

Он знает, что его слова делают со мной.

— Да, — выдыхаю я.

Я мокрая и настолько готова, чтобы он оказался внутри меня, что это даже не смешно.

— Хочешь найти тёмный угол и по-быстрому перепихнуться? — я вызывающе прикусываю губу.

Его глаза темнеют.

— Как будто я бы когда-нибудь смог отказаться от секса с тобой... но прежде, чем мы исчезнем в том тёмном углу, есть кое-что, что я должен спросить у тебя...

— Ах, да, конечно... спрашивай, — я смотрю ему в глаза.

Он внезапно стал неуверенным, нервным. То, что ему нужно спросить меня, заставляет немного нервничать.

— Ну, я подумал... я видел, как всю прошлую неделю ты работала над тем, чтобы простить Декса после того, как он поступил с тобой, и как ты простила меня, когда я облажался. Ты удивительный человек, Лила. И это заставило меня задуматься. Может быть, мне нужно немного разобраться в своём прошлом. Я не говорю, что когда-нибудь смогу простить свою мать... но прошло уже одиннадцать лет. Я подумал, может, мне пора увидеться с ней. Поговорить.

Я обвиваю руки вокруг его шеи.

— Я думаю, что это действительно хорошая идея.

— Хорошо. И я хотел спросить: пойдёшь ли ты со мной?

— Конечно же, пойду.

Он выдыхает.

— Ладно, хорошо. Пока мы находимся на этом пути исправления, ты совсем не хочешь

увидеться с Ралли? Предполагаю, он знает, что мы вместе... и он будет вне себя, — размышляет Том, скалясь.

— Он определённо будет вне себя, но... — я качаю головой, — мне всё равно. И мне не нужно видеться или говорить с ним. Мне нечего исправлять с Ралли. Мы не ссорились. Мы просто не общались, и это было его рук дело. Его никогда не было рядом. Он подводил меня всю жизнь. Я не собираюсь преследовать мужчину, который не хочет, чтобы я присутствовала в его жизни.

Выражение лица Тома меняется, он сильнее обнимает меня, прижимая свои губы к моим.

— Я хочу, чтобы ты находилась в моей жизни всё время. Я люблю тебя, — шепчет он напротив моего рта. — И всё это... — он жестом показывает на свадебную вечеринку, происходящую вокруг нас. — Я знаю, что ребята шутили насчёт того, что мы женимся, и это, безусловно, слишком рано...

Он подчёркивает это своим взглядом. И я киваю, соглашаясь.

— Но я знаю, что в тот день, когда я решу, что хочу жениться... ты будешь той девушкой, которой я сделаю предложение.

Эмоции, которые я испытываю от его слов, тут же переполняют меня. Мои глаза сверкают, когда я говорю:

— Думаю, у нас есть много удивительных вещей, которых мы вдвоем с нетерпением ждём.

— Да, — улыбается он. — Есть много вещей, которые я хочу сделать с тобой, Фейерверк, — его улыбка превращается в озорную сексуальную ухмылку. — Начнём с быстрого перепихона в тёмном углу, — он хватается меня за руку.

Смеясь, я позволяю Тому увести меня отсюда и быстро оглядываюсь, чтобы убедиться в том, что за нами никто не следует.

Я смотрю на него, пока он ведёт меня в дом Тру и Джейка.

Моё сердце так переполнено любовью к Тому.

Любовью, которую я никогда не предвидела в своём сердце, не говоря уже о том, чтобы испытывать её к Тому Картеру.

Забавно, что тот человек, с которым, как я думала, никогда в жизни не буду встречаться, оказался тем, кого я искала всё это время.

Кто бы мог подумать? Неукротимый Том Картер и я, Лила Саммерс, та, которая укротила его.

Или, скорее, мне следует сказать, та, ради которой усмирил свою жизнь неукротимый Том Картер.